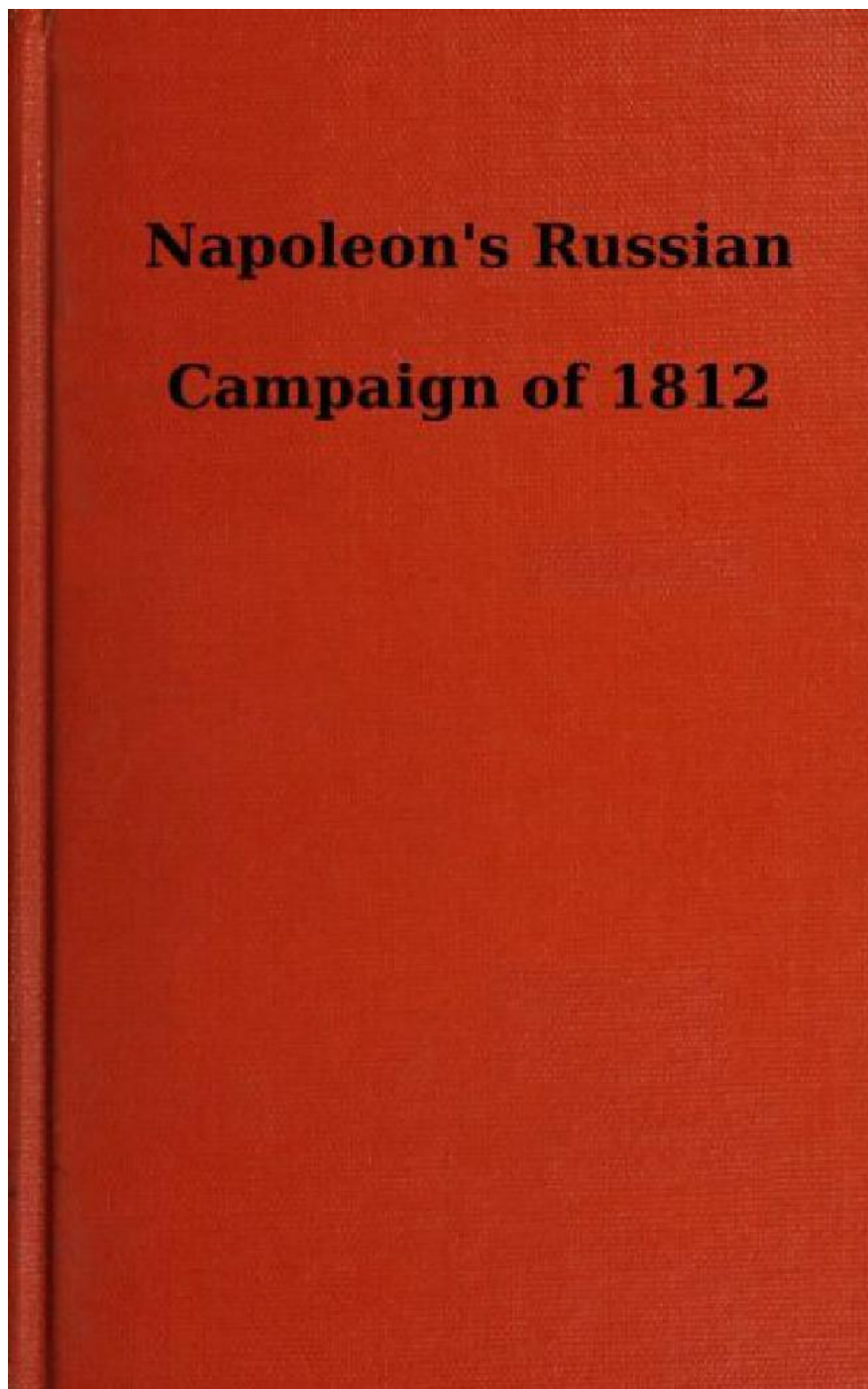

Русская кампания Наполеона 1812 года

Эдвард Фурд

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Русской кампании Наполеона 1812 года

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Русская кампания наполеона 1812 года

Автор: Эдвард Фурд

Дата выхода: 20 мая 2018 г. [Электронная книга № 57185]

Последнее обновление: 27 марта 2022 г.

Язык: Английский

Авторские права: Брайан Коу, Грэм Макрет и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 ГОДА" ***

ПЛОХИЕ НОВОСТИ ИЗ ПАРИЖА

Наполеон провел ночь в русском замке близ Николаевки, получив известие о заговоре генерала Мале в Париже

С картины Верещагина

РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 ГОДА

ЭДВАРД ФУРД

АВТОР КНИГИ “ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ”

ИЛЛЮСТРИРОВАН ТРИДЦАТЬЮ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ И ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТИНАМИ, А ТАКЖЕ НЕСКОЛЬКИМИ КАРТАМИ И ПЛАНАМИ

ЛОНДОН: ХАТЧИНСОН И КОМПАНИЯ
ПАТЕРНОСТЕР-РОУ

1914

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы миру была представлена история большинства великих кампаний Наполеона, за заметным исключением катастрофической русской экспедиции 1812 года. Помимо компиляций, я встретил только одну оригинальную работу по этому предмету на английском языке за те десять лет, что готовилась настоящая работа.

Публикация тысяч документов, касающихся борьбы французской стороны, Исторической секцией французского военного министерства сделала легкодоступной огромную массу материалов за более ранний период кампании. Начало в этом отношении также было положено Военным министерством в Санкт-Петербурге, и тем самым некоторый интересный свет проливается на приготовления российской стороны, а также на личности российских лидеров. Есть также много документов из частных источников, которые были собраны и опубликованы.

Моей целью было просто рассказать историю ужасной кампании прямолинейно, не затемняя повествование излишними отступлениями. Я верю, что при нынешнем положении дел таким образом историческому делу была бы оказана лучшая услуга, чем сочинение огромного, по сути технической работы, для которой, действительно, нет места в этой стране. В настоящее время, помимо потребностей солдат, для обеспечения которых они более квалифицированы, чем я, требуется не столько научное обсуждение кампании, сколько знание ее эпизодов. Это я добросовестно старался обеспечить.

Я должен выразить свои обязательства мистеру Ф.Дж. Хадлстону из Штабной библиотеки Военного министерства за разрешение изучить находящиеся в его ведении работы, касающиеся кампании, а также его помощнику мистеру Болдри за его любезную помощь во время моей работы там. Я в долгу перед мистером Гордоном Хоумом за большую неоценимую помощь, которую легче назвать, чем классифицировать, поскольку она распространяется на каждую часть книги.

Э.Ф.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Предварительные данные	1
II. Армия Наполеона и ее генералы	20
III. Русская армия и ее генералы	41
IV. Первый этап кампании. Операции от Ковно до Витебска	59
V. Смоленские действия	108
VI. Операции на Волыни и на Дуне	159
VII. От Смоленска до Бородино	183
VIII. Оккупация и разрушение Москвы	220
IX. Пребывание французов в Москве	241
X. Первые этапы отступления	263
XI. Операции в тылу Наполеона в сентябре и октябре	286

XII.	Отступление французов. От Малоярославца до Орши	307
XIII.	От Орши до Березины	344
XIV.	Завершение кампании. Потери и результаты	374
	Приложения А - Е	392
	Библиография	405
	Указатель	409

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Плохие новости из Парижа
2. Российский император Александр I
3. Принц Евгений, сын бывшей императрицы Жозефины
4. Детали обмундирования пехоты французской армии 1812 года
5. Маршал Даву
6. Принц Джозеф Энтони Понятовский, племянник Станислава Августа, последнего короля Польши
7. Фельдмаршал князь Барклай де Толли
8. Генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов
9. Генерал князь Багратион, командующий Второй русской армией в 1812 году
10. Иоахим Мюрат, король Неаполя
11. Старые укрепления Смоленска
12. Маршал Удино, герцог Реджо
13. Первая битва под Полоцком
14. Генерал от кавалерии граф Платов
15. Маршал Ней
16. Москва с Воробьевых гор
17. Первый взгляд Наполеона на Москву
18. Наполеон наблюдает за горящей Москвой

19. Кремль, Москва
20. Маршал Виктор, герцог Беллуно
21. Церковь Василия Блаженного в Москве
22. Военный совет после битвы при Малоярославце
23. Маршал Гувийон Сен-Сир
24. Count Wittgenstein
25. Вооруженные русские крестьяне в засаде в лесу ждут, чтобы отрезать отставших французов
26. Отступление французов из Москвы
27. Русские гренадеры преследуют французскую армию
28. Наполеон, Бертье, Мюрат и Рапп (в названном порядке) у походного костра
29. Генерал барон Эбле
30. Переправа через Березину
31. Маршал Ней, поддерживающий арьергард во время отступления из Москвы
32. Походная кухня наполеона

КАРТЫ И ПЛАНЫ

План битвы при Салтановке

“ ”Смоленск

” ” Lubino

” ” Gorodeczna

” ” Бородино”

”Виньково”

”Малоярославец”

”Полоцк (2-й)

- ” Приказ об отступлении французов, 31 октября
- ” Битва при Вязме
- ” ”Красный
- ” Переправа через Березину
- ” Битва при Полоцке (1-я)

Карта театра военных действий, показывающая позиции противоборствующих сил в начале кампании и передвижения обеих сторон вплоть до оккупации Москвы *(складная, в конце тома)*

Карта театра военных действий, показывающая позиции противоборствующих сил при эвакуации Москвы и передвижения обеих сторон до конца кампании *(складная, в конце тома)*

РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 ГОДА

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Русская кампания 1812 года была последней и величайшей попыткой Наполеона навязать свое господство Континентальной Европе; и она привела, возможно, к самому грандиозному поражению, которое когда-либо терпел любой завоеватель мира. Обзор непосредственных причин великой борьбы необходим и небезынтересен, но, изучая характер Наполеона, трудно удержаться от вывода, что она была неизбежна. Карьера корсиканского авантюриста, которого гений и удача сделали императором Франции, напоминает судьбоносное развитие греческой трагедии. К 1812 году его гордыня достигла апогея. Все, что противостоит его воле, должно быть растоптано. Россия, движимая отчасти естественным чувством независимости, отчасти экономическими причинами, решила оказать ему сопротивление, и следствием этого стало нападение на нее тирана юго-западной Европы.

Последствия континентальной системы различались в разных частях Европы, но везде они были негативными. Франция, богатая сама по себе и обладавшая материальным преимуществом, заключавшимся в возможности содержать свои разросшиеся армии на свободе в чужих странах, ощущала их меньше всего — факт, который, вероятно, объясняет долгое пребывание Наполеона у власти. В других странах давление было жестоким, особенно в Швеции, экономическое существование которой практически зависело от ее морской торговли. Россия, хотя и обеспечивала себя продовольствием, также существенно пострадала от

прекращения ее торговли с Великобританией; и классы, которые больше всего ощущали давление, были представителями дворянства и купечества, которые воплощали и выражали то общественное мнение, которое существовало в стране. Кроме того, в России существовало здоровое чувство независимости в сочетании с ощущением обладания такой силой, которая делала невозможным разрушение даже от рук Наполеона. Такие мнения, несомненно, рано или поздно дошли бы до царя и его советников; и, несмотря на большую нерешительность и разнообразие взглядов, они не могли не оказывать значительного влияния. Кроме того, начало образования новой независимой Польши в виде Великого герцогства Варшавского, основанного Наполеоном на западной границе России, было постоянным источником гнева и беспокойства. Великое герцогство было, по сути, военным лагерем, своего рода французским авангардом против России. В пределах его границ все было подчинено военной организации, и его большая армия, организованная и обученная по французским принципам и с французской помощью, представляла собой вполне реальную угрозу.

Политический брак Наполеона с Марией Луизой Австрийской в тот момент, когда он якобы вел переговоры о руке сестры Александра, добавил к ощущению царем страданий своего народа и опасности, нависшей над его империей, чувство личной обиды. В следующем году ситуация усугубилась внезапной аннексией Наполеоном прибрежных земель северо-западной Германии, включая Ольденбург, правителем которого был шурин Александра. В начале 1811 года царь издал торговый указ, который фактически запрещал различный французский импорт в Россию, а также разрешал ввоз колониальных товаров под нейтральным флагом. Эта мера, конечно, должна была обсуждаться в течение некоторого времени, и финансовое положение России в полной мере объясняет это, но, поскольку она последовала за протестами Александра против захвата Ольденбурга, она привела в ярость Наполеона. В письме королю Вюртемберга он назвал это заявлением о враждебности, и, поскольку любое движение в направлении независимости неизбежно вызывало его яростный гнев, он, вероятно, был прав.

В то же время эти события вряд ли были причиной военных действий — они просто ускорили их. Что бы ни предпринимала дипломатия, ни Наполеон, ни Александр не верили в незыблемость перемирия, заключенного в 1807 году. Вскоре после своей второй женитьбы Наполеон заметил Меттерниху, что война с Россией - это в порядке вещей. Сохранение сильных гарнизонов в прусских крепостях на Одере, неуклонное увеличение вооруженных сил Великого герцогства Варшавского и продолжающаяся оккупация Данцига, почти на границе с Россией, были мерами, которые вряд ли можно рассматривать как направленные иначе, чем против России. Более того, помимо войск немецких вассалов Наполеона, Германию оккупировала армия из 100 000 французов. Абсурдно предполагать, перед лицом всего этого, что война была навязана Наполеону Россией — за исключением, конечно, того, что независимые действия любого рода всегда бросали вызов его враждебности.

Какими бы ни были личные чувства Александра — а нет никаких сомнений в том, что он был в какой-то степени очарован личностью французского императора, - постепенно он пришел к убеждению, что мир невозможен. В 1810 году он назначил военным министром генерала Барклая де Толли, офицера, сильно отличившегося во французской и шведской войнах; и реорганизация русских войск была энергично продолжена. Граф Аракчеев, суровый и жестокий, но, несомненно, трудолюбивый и энергичный министр Александра, уже многое сделал, особенно в направлении улучшения арсеналов и запасов вооружений. Меры Барклая были неуклонно направлены на подготовку к войне на западной границе. Местность была

обследована, дороги проверены и улучшены, склады сформированы, фортификационные сооружения спланированы и начаты, и, прежде всего, неуклонно концентрировались войска. Прогресс, однако, был медленным. Помимо отсталого состояния страны в целом, разногласий в императорском кабинете, бедности казны и напряжения из-за долгой и отнюдь не успешной турецкой войны, действовать нужно было осторожно, опасаясь слишком рано спровоцировать Наполеона на наступательные действия.

Приготовления носили, по сути, исключительно оборонительный характер и кажутся очень скромными по сравнению с огромным вооружением и укреплениями Наполеона на территории, которая ему не принадлежала. Действительно, российские министры, по-видимому, в целом были чересчур уверены в способности своей страны противостоять французскому вторжению. Во всяком случае, некоторые из них хотели взяться за оружие в 1811 году, рассчитывая на поддержку Австрии и Пруссии. Они указывали, что Наполеон рассчитывал на неуклонное ослабление России из-за потери торговли и что поэтому желательны быстрые действия. Великий канцлер, граф Румянцев, был убежденным сторонником французского альянса. Сам Александр, хотя и был полон решимости твердо противостоять агрессии, не стремился к войне и, очевидно, надеялся, что ее можно было бы избежать — как это действительно могло бы быть, если бы не тот факт, что мир с Англией, который был желанным и необходимым для России, подразумевал, с точки зрения Наполеона, войну с Францией. Впечатление, которое русское правительство в целом производило на зарубежные страны, было впечатлением большой нерешительности.

Это впечатление действительно было несколько ошибочным. Партия войны в России была гораздо более крупной из двух, на которые естественным образом разделилось общественное мнение, поскольку в нее входили почти все, чьи интересы были затронуты континентальной системой, — другими словами, большинство дворян и купцов. Однако она была разделена и состояла из узкопатриотической части, которая заботилась только о сохранении территории России, и другой, естественно меньшей, состоящей из людей, которые более или менее ясно видели, что для обеспечения мира в Европе Наполеон должен быть не просто отброшен, но и сокрушен раз и навсегда. Партия мира, хотя и небольшая, была очень влиятельной, включая канцлера Румянцева, родную мать Александра и его брата Константина.

В конечном счете, конечно, все зависело от характера царя, и это вселяло в друзей Франции большие надежды на то, что они смогут повлиять на него. Александр был по сути мечтателем, во многом находившимся под влиянием смутно возвышенных устремлений, которые ужасно контрастировали с массой эгоизма, роскоши и жестокости, которые окружали его и отталкивали. Он был скорее импульсивен, чем спокоен и непоколебимо решителен, и как при Тильзите, так и при Эрфурте Наполеон одержал над ним верх. Вероятно, он надеялся сделать это снова. Он был горько разочарован, и его досада вдохновила клеветнические замечания о характере Александра, которые иногда принимают за серьезную историю. Александр I не был ни великим государственным деятелем, ни великим полководцем, ни героем. Насколько мы можем судить, он был добрым и исполненным благих намерений человеком, в целом несколько мечтательным и нерешительным, призванным непостижимым провидением править из среды роскошного Двора и через коррумпированную бюрократию очень отсталым и неразвитым государством. Его часто шокировали окружающие условия, но ему не хватало морального мужества подавить их. Но, как и многие другие мечтатели, он иногда мог оказаться на высоте положения. Он был достаточно умен, чтобы действовать и как генерал, и как государственный

деятель, ни в коем случае не дискредитируя себя, и достаточно высокоморальен, чтобы сыграть в 1812 году что-то вроде роли героя.

Тем не менее, Александр, естественно, медлил с окончательным формированием своего решения сражаться не на жизнь, а причины, подробно описанные здесь, также замедляли подготовку к войне. Однако, как бы то ни было, они были быстро обнаружены Наполеоном и использованы им как основание для дипломатических протестов и для продвижения своих собственных вооружений.

Приготовления Барклая, вкратце, включали увеличение численности полков русской армии, доведение боевого состава до двух батальонов на пехоту и четырех эскадронов на кавалерийский полк; организацию складов для скорейшего укомплектования третьего батальона и пятого эскадрона и сосредоточение на западной границе всех имеющихся сил — в конечном счете, включая 9 армейских корпусов, 2 отдельные дивизии, 5 резервных кавалерийских “корпусов” и 3 корпуса иррегулярной кавалерии. Была тщательно собрана информация о состоянии войск Наполеона, особенно в Германии и Великом герцогстве Варшавском, изучен возможный театр военных действий. Проведенные укрепления носили чисто оборонительный характер и ни на минуту не могут сравниться с постоянными провокационными приготовлениями Наполеона в Германии и Польше. Рига была укреплена, и укрепления были спроектированы в Дюнабурге, где дорога Санкт-Петербург-Вильно пересекала Дуну. Другие работы были запланированы в Борисове на Березине, где реку пересекает автомагистраль Москва-Варшава. Киев, знаменитый древнерусский город на Днепре, также был укреплен, как и Бобруйск на Березине. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, насколько оборонительными были эти укрепления. Рига находится в 150 милях от границы, а все остальные места гораздо дальше. На самом деле некоторые из них не были достроены, едва ли даже начаты, когда началась война.

Начало этих приготовлений было положено Барклаю, но были и другие, вдохновленные непрактичными советниками, непосредственно окружавшими царя. Кампания Веллингтона в Торрес-Ведрасе произвела большую сенсацию в Европе, и генерал Фалл, прусский инструктор и советник Александра, спроектировал большой укрепленный лагерь в Дриссе, городе, которого буквально нигде не было. Он ничего не прикрывал; вряд ли он был даже тактически удачно расположен. Поразительным свидетельством замешательства в российских советах является тот факт, что практически за спиной военного министра, который номинально отвечал за военные приготовления, огромное количество времени и труда было потрачено впустую на создание этого претенциозного и неприбыльного лагеря-убежища. Одним словом, Дрисса была абсолютно бесполезна. И все же человек, которому пришла в голову эта почти детская идея завлечь Наполеона против его воли на произвольно расположенный окоп и заставить его тратить время и жизни перед ним, сошел за ученого солдата! Количество времени и рабочей силы, затраченных на строительство Дриссы, замедлило все остальные работы, и строительство Дюнабурга едва началось, когда началась война.

Естественно, на приготовления Наполеона не влияли никакие химерические идеи - за исключением того, что в 1811 году он, по-видимому, был склонен возобновить свой старый план вторжения в Англию с моря! В течение всего 1810 и 1811 годов продолжалось вооружение и укрепление немецких и польских крепостей, и основная часть свободных французских войск

была собрана в три так называемых наблюдательных корпуса в северных провинциях и в Германии. Они насчитывали около 200 000 человек. Из Италии он мог привлечь около 50 000 французских и итальянских войск. Контингенты его немецких вассалов насчитывали почти 130 000 человек. Великое герцогство Варшавское могло предоставить около 50 000 человек. Пруссия была практически беспомощна, и Наполеон навязал ей союзный договор, который требовал от нее предоставить 20 000 человек и подвергал ее массовому разграблению со стороны *Великой армии* при прохождении через ее территорию. Наполеон должен был делать такие поборы, какие ему заблагорассудится, а оплата за них должна была быть организована позже! Причиненные страдания, однако, к несчастью для него, не уничтожили Пруссию, а лишь увеличили тяжкий долг мести, который вскоре должен был быть выплачен. Однако на данный момент Пруссия достигла глубочайшего унижения. Австрия, хотя и была сильно унижена и огорчена, находилась в гораздо более независимом положении; и выступление Меттерниха привело к заключению договора, по которому Австрии должна была быть возмещена компенсация за любые территориальные потери, которые она могла понести в результате восстановления Польши, и она должна была предоставить вспомогательный корпус численностью около 30 000 человек. Конечно, не было никакой гарантии, что Наполеон выполнит первое условие, и, по всей вероятности, он никогда бы этого не сделал, если бы предполагаемые события сбылись; но то, что он согласился на это, даже номинально, указывает на то, что он стремился примирить Австрию. Австрия, со своей стороны, поставила для *Великой армии* всего около 40 000 человек.

Завершив эти приготовления, Австрия и Пруссия незамедлительно сообщили о них России! Несмотря на мрачную серьезность ситуации и ужасную драму, которая вскоре должна была разыграться, трудно не видеть, что положение Наполеона было несколько нелепым. Австрия дала Александру полные гарантии, что никакое нападение на Россию не будет предпринято никем, кроме вспомогательного корпуса, и сообщила ему секретные приказы, отданные войскам в Галиции и Трансильвании!

Польша — или та ее часть, которая была представлена Великим герцогством Варшавским, — естественно и неизбежно была сердцем и душой с Наполеоном. Франция всегда была образцом, на который поляки равнялись; и после Раздела они рассматривали Францию как своего естественного помощника. Они в большом количестве сражались во французских рядах во время революционных и наполеоновских войн, и, несомненно, во Франции к ним испытывали своего рода симпатию. Дальше этого чувства дело не зашло. Рыцарство, которое приписывают французскому национальному характеру его поклонники, определенно не встречается в истории. Французские дипломатические анналы в полной мере столь же загрязнены, как и анналы других стран, и французские солдаты обычно были безжалостными толкователями или нарушителями правил ведения войны. И, безусловно, естественные инстинкты французского народа по своей сути материальны. Поскольку Польша была полезна Франции, Франция была очень готова посочувствовать ей. В противном случае общее мнение поляков, позже выраженное поэтом Гашинским, таково, что они получили от Франции только слезы!

Наполеон, конечно, в полной мере осознавал преимущества, которые можно было извлечь из польского энтузиазма и устремлений. Помимо варшавской армии, он выдвинул на фронт все свои польские полки, чтобы придать своим операциям, насколько это возможно, видимость войны за восстановление независимости Польши. В конце концов, в 1812 году он отправил Де

Прадта в Варшаву для организации движения против России. Он дал ему подробные инструкции относительно того, как тот должен выполнять его приказы, и вряд ли возможно читать их без чувства негодования против человека, который безжалостно спекулировал чаяниями храброго и патриотичного народа, и жалости к самому народу. Сам посол прекрасно сознавал, какую позорную роль ему пришлось сыграть. Судя по всему, он хорошо справлялся со своей работой; конечно, обнищавшее и опустошенное реквизициями Великое герцогство собрало для кампании очень большие силы. Наполеон, однако, позже предпочел остаться неудовлетворенным; и на острове Святой Елены яростно атаковал Де Прадта как главную причину своего поражения — утверждение, которое справедливо может быть включено в массу лжи, которую Наполеон распространял во время своего пленения.

27 января 1812 года Наполеон обратился к своим немецким вассалам с заявлением о своих претензиях к России и потребовал, чтобы они подготовили свои контингенты к 15 февраля. Итальянской армии было приказано выступить в Германию, а королю Баварии расчистить дороги от снега и снабжать его во время марша по своей территории. Войска должны были жить на свободных квартирах; если их не снабжали всем необходимым, они должны были взять это! Любой, кто оскорблял французского солдата, должен был предстать перед военным трибуналом, и можно себе представить приговоры предвзятых и часто жестоких судей. Разумеется, нет необходимости добавлять, что оба этих приказа были отменены редакторами переписки Наполеона. Для получения дополнительных припасов было заявлено, что численность итальянской армии составляет 80 000 человек, тогда как ее фактическая численность составляла около 45 000 человек. Когда союзники Наполеона подвергались таким притеснениям, можно представить себе нищету в Пруссии, с которой обращались как с завоеванной страной.

Все это время Наполеон и Александр вели переговоры, хотя и с небольшими шансами на мирный исход. Александр желал мира, но не хотел отказываться от своей независимости: Наполеон требовал полного подчинения. Александр отправил своего адъютанта полковника Чернышева со специальной миссией в Париж, в то время как в Санкт-Петербурге французского посла Коленкура заменил генерал Лористон. В начале 1812 года Наполеон убедил короля Пруссии направить специального посланника в Санкт-Петербург с предложением Александру внести новые предложения. Александр дал достойный ответ: он, по его словам, продемонстрировал свое сильное стремление к миру, умолчав об аннексиях Наполеона; в то же время он был готов услышать, какие объяснения могла бы предложить Франция. Ничего предпринято не было, и французские войска продолжали прибывать в Германию. Наполеон считал, что приготовления русских были более продвинутыми, чем они были на самом деле, — это совершенно очевидно из его военной переписки, — и стремился выиграть время. В апреле Александр отправил князю Куракину, своему послу в Париже, последние инструкции. Он должен был предложить, чтобы французы полностью эвакуировали Пруссию, оставив таким образом нейтральное пространство между противоборствующими державами. Тогда Россия была бы готова удовлетворить Францию — или Наполеона — по коммерческим вопросам. Вряд ли можно сомневаться в том, что, что бы ни случилось, Александр не собирался полностью возвращаться к континентальной системе, и до сих пор Наполеон, вероятно, был прав, считая это предложение дипломатическим ходом, направленным на то, чтобы выиграть время. Он ничего не ответил, но отправил графа Нарбонна с тайной миссией к Александру в Вильно и с нарочитой наглостью заставил Куракина ждать. Посол неоднократно требовал ответа, но не получал его почти три недели спустя. Затем его просто спросили, обладает ли он всеми

полномочиями для лечения! Он справедливо расценил такое обращение как беспричинное оскорбление и потребовал свои паспорта. Миссия Нарбонна, естественно, ни к чему не привела, за исключением того, что он получил лучшее представление, чем Наполеон, о суровой решимости бывшего мягкого и уступчивого царя.

Александр, со своей стороны, пытался освободить руки для предстоящей борьбы. Результатом Тильзитского мирного договора стала долгая и изматывающая война с Турцией, и Россия дорого заплатила за ошибку, к которой привели ее льстивые уговоры Наполеона. Переговоры о мире шли очень медленно, и французский посол в Константинополе постоянно противодействовал им и препятствовал им в этом. Мир в Бухаресте был подписан только в мае 1812 года, и даже тогда влияние Франции все еще было настолько сильным, что существовали опасения, что оно будет нарушено Турцией. Только в августе основная часть Дунайской армии под командованием адмирала Чичагова наконец выступила из Бухареста, и к тому времени Наполеон уже был на линии Дуны и Днепра. Так получилось, что задержка была удачной для России, но она легко могла оказаться фатальной.

Все же более важным для России, чем мир с Османской империей, был мир с Великобританией, но для того, чтобы держать ворота примирения открытыми для Наполеона до последнего момента, официальные переговоры не начинались до апреля 1812 года. На самом деле, хотя номинально две державы находились в состоянии войны, а британский флот блокировал российские порты, между ними были очень хорошие отношения. Через испанского посланника Зеа Бермудеса лорд Уэлсли в 1811 году заверил Александра, что Британия на самом деле не враждебна, а Александр, в свою очередь, пообещал Бермудесу, что он сохранит свои войска на польской границе, чтобы гарантировать, что подозрительный французский император не перебросит больше войск из Германии в Испанию. Адмирал де Сомарез, прекрасный моряк и превосходный дипломат, командовавший британским балтийским флотом, разобрался в ситуации с безошибочным тактом и мастерством и эффективно позаботился о том, чтобы не было сделано ничего такого, что могло бы разрушить сравнительно дружественные отношения, существовавшие между двумя номинально враждебными государствами. Все это вдвойне интересно, поскольку доказывает безнадежно хрупкую основу, на которой зиждилось европейское господство Наполеона.

Первые попытки России были несколько неуклюжими и непомерными по своим требованиям. Они предположили, что, поскольку Россия, очевидно, собиралась оказать жизненно важные услуги общему делу, Британия должна взять на себя кредит в размере почти 4 000 000 фунтов стерлингов, только что собранный ею. Отказ британского правительства удовлетворить это требование, сам по себе не непростительный, но неспособный признать собственные трудности Великобритании и услуги, которые она оказывала, несколько ошеломил российское правительство, и официальный союз был заключен только в июле.

Наконец, можно отметить, что Наполеон, прежде чем начать военные действия, разыграл освященный веками фарс, предложив Британии мир. Это был чисто дипломатический шаг, и, конечно, он не был задуман всерьез, и британское правительство не рассматривало его как таковой. Британия была более уверена в себе, чем когда-либо долгое время. Французское наступление на полуострове определенно достигло своего предела, и Веллингтон, захватив Сьюдад-Родриго и Бадахос, предпринял первые шаги в крупном контрнаступлении, которое в конечном итоге отбросило французов за Пиренеи. Спокойные наблюдатели, такие как Фой,

увидели, что наступил перелом. Можно считать несомненным, что условия мира, менее неблагоприятные, чем те, которые предлагал Наполеон, вряд ли были бы приняты.

Швеция под руководством старого врага и беспокойного слуги Наполеона Бернадотта также вступила в союз с Россией в апреле — акт, немедленно вызванный самонадеянным захватом Наполеоном шведской Померании, но, возможно, в конце концов неизбежный. Швеция, однако, частично из-за бедности, частично из-за нежелания Великобритании поощрять замыслы Бернадотта в отношении Норвегии, не принимала активного участия в континентальной войне до 1813 года; но Россия получила возможность вывести большую часть своих войск из Финляндии для службы против Наполеона.

Тем временем французские и русские приготовления к войне активно велись, хотя Наполеоном быстрее и эффективнее, чем его противником, которому приходилось сталкиваться с гораздо большими трудностями. 8 февраля Наполеон приказал принцу Евгению с итальянской армией и баварцами наступать на Глогау, куда они придут примерно 1 апреля. Шесть дивизий Даву поэтапно продвигались от Эльбы к Висле, в то время как 2-й корпус (Удино) и 3-й (Ней) следовали в поддержку. Поляки (5-й корпус) были сосредоточены на Висле около Варшавы, Модлина и Плоцка; а саксонцы (7-й корпус) и вестфальцы (8-й корпус) также наступали на Варшаву. Два корпуса кавалерийского резерва — 22 000 копий и сабель — и артиллеристы конной артиллерии находились на севере; третий, численностью 10 000 человек, с Эженом; и четвертый, еще не полностью сформированный, должен был сопровождать 5-й, 7-й и 8-й корпуса. Прусский контингент собирался в Кенигсберге, австрийский - в Лемберге. Наконец, императорская гвардия, конная и пешая, выступила из Парижа, чтобы сформировать общий резерв. Помимо всех этих соединений, составлявших собственно армию вторжения, были организованы различные резервные дивизии, французские, польские и немецкие, некоторые из которых позже были объединены в 9-й армейский корпус под командованием маршала Виктора. Непокорные призывники, проходившие подготовку в лагерях для военнопленных на их островах, были сформированы в новые пехотные полки. Новобранцы года, которые собирались на складах, как только были достаточно обучены, были организованы в *маршевые* полки, которые были выдвинуты в Германию и через нее, чтобы пополнить линию фронта. Из них был сформирован 11-й корпус, состав которого постоянно менялся по мере того, как передовые части перебрасывались через русскую границу, чтобы быть замененными другими на этапах отступления, в то время как они, в свою очередь, пополнялись новыми призывниками из Франции. Дивизия неаполитанцев короля Иоахима направлялась из Италии, чтобы войти в состав этого огромного резервного корпуса. Король Дании также, по просьбе Наполеона, сосредоточил в Гольштейне дивизию численностью в 10 000 человек. Наполеон не верил, что Британия может всерьез нанести удар ему в тыл из-за своей озабоченности войной на полуострове, но он не стал рисковать. В марте 1812 года Сенат-консультант разделил все мужское население империи на три *бана*, и из первого *бана*, состоявшего из мужчин в возрасте от двадцати до двадцати шести лет, для обороны дома были немедленно вызваны сто батальонов или “когорт”. Фактически они собрали силы численностью около 80 000 человек, которые к июню прошли изрядную подготовку. Кроме них, для обороны империи были оставлены 2 полка Молодой гвардии, 24 линейных батальона в составе 8 пехотных полков, 8 иностранных батальонов, 8 эскадронов кавалерии и 48 артиллерийских батарей. Были также 156 3-го, 4-го и 5-го батальонов полков, уже находившихся на дипломатической службе, моряки, морская пехота, береговая охрана и ветераны, и, наконец, склады всей армии.

В начале 1812 года, когда Наполеон готовился сосредоточиться на Одере, русские войска, за исключением изолированных армий Турции и Финляндии, были рассредоточены по военным городкам от Курляндии до Подолии на протяжении примерно шестисот миль. В марте и апреле, когда французское наступление на Висле стало заметным, Александр собрал свои разрозненные силы и организовал их в две армии, вызвав подкрепление с турецкой границы. Первая армия под командованием военного министра Барклая де Толли располагалась в Вильно. Вторая, которой командовал пылкий грузинский князь Петр Багратион, была расквартирована около Луцка. Наполеон истолковал это как означающее, что Россия намеревалась вторгнуться в Великое герцогство Варшавское с армией Багратиона, в то время как Барклай прикрывал дорогу на Санкт-Петербург. Действительно, вероятно, если не наверняка, что, если бы их приготовления были более тщательными, русские предприняли бы что-то в этом роде; Багратион стремился наступать на Варшаву. Все планы, обсуждавшиеся в российском штабе, по-видимому, основаны на гипотезе о возможности встретиться с французами вблизи границы на относительно равных условиях. Подавляющая сила Наполеона еще не была оценена по достоинству.

17 апреля Наполеон написал Даву, изложив план действий, который он предложил в связи с наступлением русских на Варшаву. 60 000 человек саксонской и польской армий, если возможно, удержат линию Вислы вокруг Варшавы, но в случае превосходства должны будут отступить к Глогау, где Даву сможет сойтись с ними в линию, в то время как основные силы Великой армии подойдут на помощь двумя колоннами. Он продемонстрировал свое доверие к своему лейтенанту, пригласив его изучить и раскритиковать предложенный план.

На этот момент французские войска были примерно размещены следующим образом, слева направо. Пруссакки были около Кенигсберга, а шесть пехотных дивизий Даву и кавалерийский корпус - между Данцигом и Торном, и все это составляло то, что генерал Бонналь называет Стратегическим авангардом под командованием Даву. 5-й корпус находился между Плоцком и Варшавой, 7-й корпус - около Калиша, в 140 милях к западу от Варшавы, 8-й корпус - между Глогау и Калишем. Баварцы (6-й корпус) маршировали из Глогау в Позен; итальянская армия (4-й корпус) была растянута на 100 миль по дороге в тыл Глогау; Ней с 3-м корпусом находился около Франкфурта на Одере, в восьмидесяти милях к северо-западу от Глогау, а Удино со 2-м корпусом - около Берлина. Поскольку Багратион под Луцком находился примерно в 250 милях от Варшавы, изучение карты покажет, что наступательному движению с его стороны могли противостоять по меньшей мере равные силы (5-й, 7-й и 8-й корпуса) в любом случае, кроме 4-го и 6-го, которые можно было направить на Варшаву, в то время как масса из более чем 200 000 человек (Даву, пруссаки, 2-й корпус, 3-й корпус и 2-й кавалерийский корпус) могла противостоять Барклаю, помимо гвардии.

К концу апреля Наполеон получил довольно точную информацию об огневых позициях русских. Шесть армейских корпусов и 3 дивизии резервной кавалерии были растянуты от близ Шавли в Курляндии до Слонима в Литве - расстояние почти в 250 миль. В Луцке, более чем в 200 милях от Слонима, и отделенные от него огромным барьером из Пинских болот, находились 2 корпуса под командованием Багратиона, в то время как к Луцку медленно приближались 5 пехотных дивизий и 2 кавалерийские. Поэтому он мог с достаточной уверенностью рассчитывать, что его стратегическое развертывание вдоль Вислы не будет прервано. К 15 мая основная часть его сил находилась на Висле от Данцига до Варшавы. Пруссакки были в Кенигсберге, австрийцы в Лемберге, 4-й корпус в резерве в Калише, императорская гвардия маршировала отрядами по

Германии. Вся эта масса, за исключением некомбатантов, составляла почти 450 000 человек, из которых 80 000 были кавалеристами. У него было с собой, включая резервные парки, 1146 орудий и гаубиц, почти 200 000 лошадей и тягловых животных и, вероятно, 25 000 транспортных средств.

Можно себе представить масштабы страданий, вызванных прохождением этого гигантского воинства через Германию. Простого снабжения ее продовольствием было достаточно, чтобы истощить страну, но это было лишь частью того, что пришлось вынести. У крестьян отбирали лошадей, транспортные средства и инвентарь для обслуживания войск, и их заставляли сопровождать колонны, чтобы они везли свои повозки, груженные багажом или собственным награбленным урожаем. Честные люди во французской армии наблюдали за происходящим со стыдом и сожалением. Де Фезенсак с плохо сдерживаемым негодованием рассказывает, как он встретил немецких крестьян в пятидесяти лье от их домов, работавших носильщиками багажа, и добавляет, что им повезло, если они добрались до своих деревень нищими. Свидетельство, подобное этому, бесценно и изобличающе. Организованный грабеж был безудержным, и французские офицеры, огрубевшие и морально деградировавшие за годы войны, продолжавшей войну, не обращали внимания на причиняемые страдания. Прусский чиновник Шен рассказывает, как Даву, войдя в Гумбиннен и обнаружив, что припасов, по его мнению, недостаточно из-за крайней нищеты, в которую была доведена Пруссия, хладнокровно приказал своим войскам разграбить город! 1-й корпус был лучше всех управляем в армии; и французские писатели обычно восхищаются Даву как образцом чести и верности. Но его исполнение приказов обычно было безжалостным, а в армии Наполеона было слишком много офицеров, которым не хватало даже весьма ограниченного чувства чести, присущего Даву. Даву разграбил бы город безжалостно, с такой же готовностью, с какой Суше убивал женщин и детей в Лериде; но Суше повесил бы человека, совершившего убийство, а Даву, подвергая людей всем видам официально предписанного угнетения, строго пресекал бы частный грабеж или бесчинства. Но другие генералы были менее строги, и плохие личности, которые есть в каждой армии, имели возможность совершать всевозможные безобразия. Наконец, сам Наполеон пожаловался на недостойное поведение 3-го корпуса Нея. Ней был худшим сторонником дисциплины, чем Даву, хотя и гуманным и добродушным человеком, но ни Ней, ни Даву на самом деле нельзя винить. Войска, по приказу Наполеона, должны были снабжаться за счет страны, и обычная дисциплина французской армии была настолько подорвана годами организованного разбоя, что остальное, естественно, последовало за ней. Ужасные страдания, причиненные Германии и другим странам наполеоновской войной, могут быть подробно изучены в отчетах и депешах, которые дают очень мрачный комментарий к моральной ценности военной дисциплины.

Наполеон покинул Париж 9 мая в сопровождении императрицы и 16 мая достиг Дрездена, где все его невольные союзники и вассалы собрались, чтобы встретить его. Подробности его пребывания — как короли ждали его в приемной, как он делал им подарки, как королевские ухаживали за Марией Луизой — не нуждаются в повторении. Этот эпизод стал запоминающимся примером гордости, предшествующей падению.

Наполеон не был нетерпелив. Он уже сказал Даву, что ему не следует начинать операции, пока не вырастет трава, чтобы он мог этим пополнить свои запасы фуража; и он не покидал Дрезден до 30 мая. В тот день вся армия была сосредоточена между Кенигсбергом и Варшавой; 2-й, 3-й, 4-й и 6-й корпуса были выстроены в линию, а гвардия собиралась в Позене. Наполеон в своих

приказах о наступлении на Неман 26 мая рассматривает армию как три группы: правую, состоящую из 5-го, 7-го и 8-го корпусов под командованием Жерома; центр из 4-го и 6-го корпусов под командованием Эжена; и левую, состоящую из гвардии, 1-го, 2-го и 3-го, а также нового 10-го корпуса (иностранный дивизии Даву и пруссаков), которым он будет командовать лично. Два резервных кавалерийских корпуса были отведены слева, один - в центр и один - справа.

Тем временем с российской стороны император Александр прибыл в Вильно 26 апреля. Как император, он номинально имел главное командование, но, к сожалению, его разношерстная свита из немецких принцев и родственников, военных авантюристов и теоретиков могла предложить гораздо больше, чем измученный государь, который, должно быть, временами был почти в отчаянии от того, что ему пришлось выбирать между ними. Были проведены длительные обсуждения и составлено множество стратегических схем, лишь немногие из которых были применимы к данной ситуации и привели к пустой трате времени. Барклая практически вытеснили сторонники императора, и, будучи от природы человеком неуверенным в себе и замкнутым, непривычным к верховному командованию, он недостаточно самоутверждался. Среди офицеров, появившихся в свите Александра, был старый генерал Беннигсен, который не без заслуг командовал войсками против Наполеона в 1807 году и, вероятно, надеялся побудить царя дать ему важное командование.

ПРИНЦ Евгений

Сын бывшей императрицы Жозефины, вице-короля Италии и командующего 4-м французским армейским корпусом

С картины Шеффера в Версале

К началу июня стало ясно, что атака Наполеона будет нанесена через Неман. Вслед за этим Багратиону было приказано оставить корпус под командованием генерала Тормазова для защиты Волыни от австрийцев у Лемберга и выступить с 7-м и 8-м корпусами через Пинские болота к Пружанам. Это движение, по-видимому, до последнего ускользало от внимания Наполеона. Поскольку французы продолжали наступать, все больше и больше отклоняясь влево и продвигаясь плотными массами в северо-восточный угол Пруссии, Багратион двинулся к Волковиску, примерно в 100 милях к юго-юго-западу от Вильно, Наполеон полагал, что он все еще находится в Луцке и Брест-Литовске.

Таким образом, в первые дни июня все было подготовлено к открытию грандиозной драмы. Вражеские армии стояли друг против друга на фронте около 170 миль, с расстоянием от 100 до 200 миль, разделявшим их основные силы. Значительно южнее австрийцы под командованием князя Шварценберга и армия генерала Тормазова столкнулись друг с другом на галицийской границе и, очевидно, должны были вести независимое сражение. 30 мая Наполеон выехал из

Дрездена на фронт, и с его прибытием в Гумбиннен 17 июня, после объезда Торна, Данцига и Кенигсберга с целью осмотра складов в этих местах, можно сказать, что кампания определенно началась.

ГЛАВА II

АРМИЯ НАПОЛЕОНА И ЕЕ ГЕНЕРАЛЫ

Армия, с которой Наполеон вторгся в Россию в 1812 году, была самой многочисленной из всех, которыми он когда-либо командовал, и почти наверняка самой многочисленной, которая когда-либо была собрана для проведения кампании под руководством одного человека. Тем не менее он был слишком мал для выполнения своей задачи, и когда 23 августа Наполеон оставил Смоленск на последнем этапе наступления на Москву, его коммуникации уже охранялись неадекватно. Еще большим недостатком было его отсутствие однородности. Даже в номинально французских полках, составлявших ядро огромного воинства, было большое количество войск, набранных из немецких, голландских, фламандских и итальянских провинций империи. Вокруг этого ядра были сосредоточены массы союзников почти из всех стран южной и западной Европы.

Французская императорская армия в 1812 году насчитывала 107 полков линейной пехоты и 31 полк легкой пехоты - всего 138. Согласно нумерации, их должно было быть 164, но 26 исчезли из списка по разным причинам. В течение 1812 года было сформировано несколько новых полков, в основном *изновобранцев*— людей, которые пытались избежать безжалостной воинской повинности, были заключены и обучены в специальных отдаленных лагерях.

Пехотный полк состоял из 1 отдельного батальона и от 2 до 5 полевых батальонов, каждый из 6 рот численностью 140 офицеров и рядовых. Одна рота состояла из гренадеров и 1 роты вольтижеров; первые были выбраны за рост и силу, вторые, в обязанности которых входили стрелки, - за активность. Однако все они были вооружены кремневыми мушкетами, хотя мушкет вольтижеров был более легкого и усовершенствованного образца. Сержанты-вольтижеры носили специальный *карабин*. Саперы были вооружены *мушкетом* или карабином. Все это оружие оснащалось треугольным штыком. Огневая подготовка часто носила весьма элементарный характер. Количество патронов, имевшихся при себе, составляло от 50 до 60.

Унтер-офицеры, гренадеры и саперы были снабжены короткими саблями (*sabre-bricquet*) в дополнение к их огнестрельному оружию. Музыканты тоже были вооружены мечами.

Общий вес, взятый с собой в поход, включая оружие, боеприпасы, пайки, снаряжение и часть предметов первой необходимости для кемпинга, составлял около 50 английских фунтов.

Линейная кавалерия состояла из 16 полков кирасир и *карабинеров*, 24 полков драгун, 28 полков *кавалерийских егерей*, 11 гусар и 9 полков *кавалеристов*. Последними были специальные полки, предназначенные для сопровождения тяжелых кирасир, которые были плохо приспособлены для ведения разведки и несения службы на аванпостах. Каждый кавалерийский полк имел, как правило, 1 вспомогательный эскадрон и 4 полевых эскадрона, каждый из 2 рот

по 125 офицеров и рядовых, или в общей сложности 1000 сабель. *Полки Шево-леже*, по-видимому, имели только 3 полевых эскадрона.

Кирасиры были защищены стальными шлемами и кирасами. Кираса прикрывала как спину, так и грудь и весила около 15 фунтов. Теоретически нагрудник был пуленепробиваемым на расстоянии 40 метров и, по-видимому, действительно обеспечивал довольно адекватную защиту, судя по небольшой доле убитых и раненых среди офицеров-кирасиров, выведенных из строя при Бородино. Кирасиры были вооружены длинной прямой саблей и парой пистолетов. Драгуны дополнительно носили карабин. У *кавалеров-егерей* и гусар были карабины, пистолеты и кривые сабли. В *Шево-леже* полки две трети солдат были вооружены пикой, саблей и одним пистолетом; у остальных вместо пик был карабин для выполнения обязанностей в перестрелках и на аванпостах.

Кавалерия в основном состояла из лошадей немецкой породы, но даже при этом их снабжение едва ли было достаточным. Кроме того, многие лошади были слишком молоды, и тяготы войны уничтожали их со скоростью, которая неуклонно увеличивалась. Темп атак никогда не был тем диким галопом, который знаком нам по многим энергичным, но неточным картинам. Рысь была лучшим, на что обычно были способны кирасиры, а легкая кавалерия часто была немного быстрее.

Стало своего рода легендой, что артиллерия Наполеона всегда была его сильной стороной, но это ни в коем случае не было так. В своих предыдущих кампаниях он был слаб в артиллерии; в 1805 и 1806 годах у него было всего 5 орудий на 3000 человек. Это правда, что его артиллеристы в целом были лучше обучены, чем их противники; но в любом случае в Эйлау это едва ли компенсировало численное превосходство: французы могли противопоставить всего около 250 орудий 460 русским орудиям. При Асперне, опять же, Наполеон выставил на поле боя всего около 200 орудий против более чем 300 превосходно обслуживаемых австрийских пушек. Качество его пехоты также явно ухудшалось, и она нуждалась как в моральной, так и в физической поддержке мощных батарей. Таким образом, в 1809 году и после него Наполеон значительно усилил свою полевую артиллерию. Он также возродил весьма сомнительную практику придания каждому пехотному полку 2 или 4 легких орудий, обслуживаемых отрядом полковых артиллеристов. Эксперимент имел весьма определенный успех; командиры корпусов были склонны рассматривать полковую артиллерию как простую помеху. Несомненно, было бы лучше придать полкам батареи регулярной артиллерии.

Насчитывалось 9 полков пешей артиллерии в составе 22 рот, 43 роты конной артиллерии в составе 6 полков и 27 батальонов артиллерийского обоза в составе 6 рот. Ротапехотной артиллерии состояла из 120 офицеров и рядовых, конной артиллерии - из 100. Батарея состояла из артиллерийской роты и роты или сводной роты обоза.

Полевая и конная артиллерия была вооружена 12- и 6-фунтовыми орудиями и 32- и 24-фунтовыми гаубицами. Имелось также несколько 4-фунтовых орудий. Батарея обычно состояла из 4 или 6 орудий и 2 гаубиц. Полковые орудия были легкими 3-фунтовыми.

Качество артиллерии было высоким. Многие ее офицеры провели научное изучение своей профессии; и силы в целом были хорошо обучены. Материал был хорошим, но британские офицеры считали его намного хуже, чем в их собственной армии. Маневрирование было для

пехоты медленным процессом, и для быстрого формирования своих крупных подготовительных батарей Наполеону, как правило, приходилось полагаться на конную артиллерию.

Технические войска были достаточны по численности, достойны восхищения по качеству и руководились офицерами-учеными. На протяжении всех наполеоновских войн инженеры несли блестящую службу, и никогда их мастерство и преданность делу не были так очевидны, как в России. Строительство и техническое обслуживание мостов через Березину, несмотря на всевозможные невзгоды и лишения, является, пожалуй, самым красивым листом на короне французских инженеров.

Наполеон, понимая, что в малонаселенной России он не сможет вести войну так, как в Германии, приложил огромные усилия для организации транспортной службы, особенно для доставки продовольствия. Всего было 26 батальонов. У большинства из них было по 252 повозки, запряженные четверками, каждая из которых вмещала 1500 килограммов груза. У четырех из них было по 600 легких повозок, каждая с грузом в 600 килограммов; и 4 были снабжены каждая по 600 повозками, запряженными волами, вместимостью в 1000 килограммов. Позже быков должны были убить и съесть — глупая идея, которую, само собой разумеется, осуществить не удалось. Перегруженный работой тягловый скот нельзя использовать в пищу. На практике транспорт безнадежно ломался. Несмотря на безжалостный грабеж в Пруссии, с самого начала не хватало тягловых животных. То же самое было и с артиллерией, и можно представить, что, когда лошади были найдены, последняя присвоила их как нечто само собой разумеющееся. Фуража было мало. Наконец, почти не было дорог, способных выдержать вес поездов. Вскоре они оказались далеко в тылу, и с самого начала на фронте ощущалась нехватка припасов.

Императорская гвардия отличалась от армии в целом. Создание этих сил датируется 1800 годом, когда Наполеон сформировал “Консульскую гвардию” из 2 пехотных и 2 кавалерийских полков, отобранных из людей, отслуживших четыре кампании. В 1806 и 1807 годах по тому же принципу были сформированы свежие полки, а затем многочисленные батальоны отобранных рекрутов. Когда Голландия была включена в состав империи, туда была включена и голландская гвардия.

Старая гвардия состояла из 3 гренадерских полков (1 голландский) и 2 егерских. Пехота Новой или Молодой гвардии включала 1 полк “Фузилер-гренадеров” и 1 полк “Фузилер-егерей”, сформированный в 1806 году, 6 полков стрелков (Tirailleurs), 7 вольтижеров и 1 полк “Фланкеров-егерей”. Последним был новый полк. Вольтижеры и тирайлеры по большей части отслужили две кампании в Испании и были закаленными солдатами. 2-й и 3-й полки каждой армии остались в Испании, а 7-й вольтижерский - во Франции. Все остальные полки отправились в Россию. Они сформировали одну дивизию Старой гвардии и две - Молодой гвардии. “Легион Вислы” - 3 полка ветеранов польских войск — был придан гвардии при въезде в Россию. Все гвардейские пехотные полки состояли из 2 полевых батальонов, как правило, более слабых, чем линейные подразделения.

Кавалерия включала в себя два первоначальных полка старой Консульской гвардии, кавалерийские егеря и гренадеры, а также драгунский полк. Это были французы. Также было 2 уланских полка, 1 голландский, 1 польский. Гвардейские кавалерийские полки имели 5 полевых эскадронов. Там были 2 эскадрона элитной жандармерии и знаменитая рота мамелюков — отряд восточных кавалеристов.

Гвардейская артиллерия состояла из 10 пеших и 4 конных артиллерийских рот с их обозом. В августе 1812 года пешие батареи были вооружены (по-видимому) 32 4-фунтовыми орудиями, 18 6-фунтовыми орудиями, 24 12-фунтовыми орудиями и 14 32- и 24-фунтовыми гаубицами; конные батареи - 16 6-фунтовыми орудиями и 8 24-фунтовыми гаубицами. Гвардия также располагала собственной службой инженеров и восемью ротами моряков для работы на побережье или во внутренних водах.

Жалованье гвардейцев было выше, чем у линейных войск, а унтер-офицеры приравнивались к линейным младшим офицерам. Линейные войска завидовали гвардейцам и не любили их, считая изнеженным корпусом. Наполеон, конечно, ухаживал за ними, насколько это было возможно, и в 1812 году они были в действии как единое целое только один раз. Идея о том, что они были решающим фактором во всех великих победах Наполеона, лишена оснований.

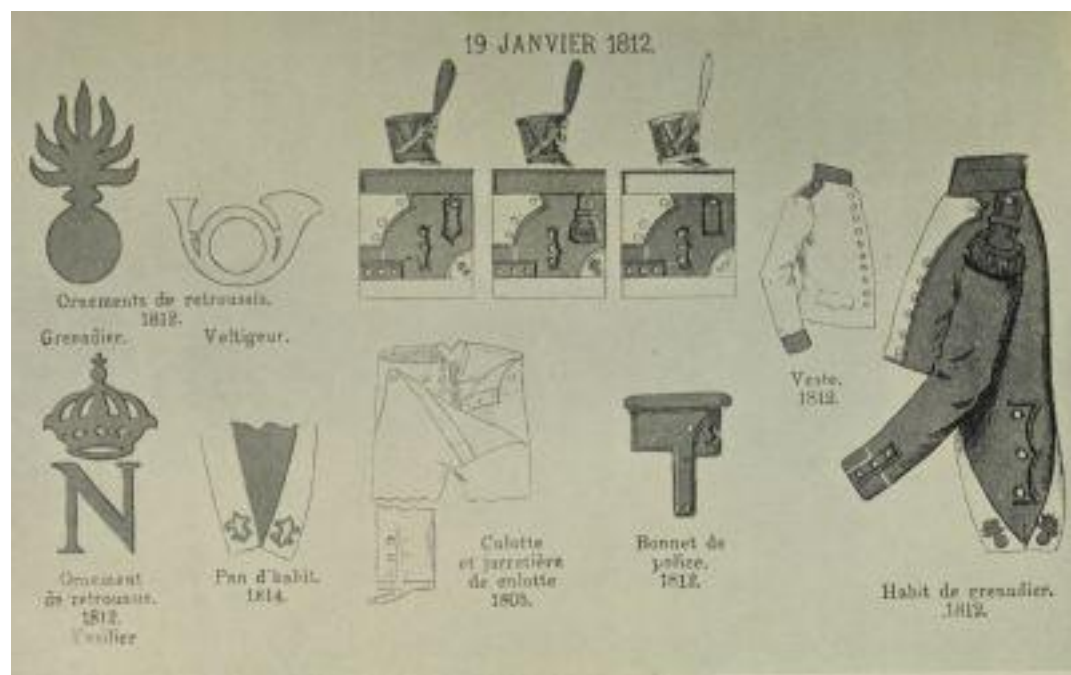
Маршала Бертье, как принца Невшательского, сопровождал в штаб-квартире батальон гвардии, набранный в его собственном княжестве; а отряд специально отобранных всадников составлял личный эскорт Наполеона. Во время кампании батальон Гессен-Дармштадтской гвардии под командованием принца Эмиля и полк португальской легкой кавалерии также были приданы штабу.

Высшая организация армии состояла из бригад, дивизий и армейских корпусов пехоты или кавалерии, в зависимости от обстоятельств. Численность этих подразделений сильно различалась. Пехотная бригада часто состояла из одного большого полка, а количество батальонов в дивизиях варьировалось от 6 до 22. Дивизия Компана из корпуса Даву была равна по численности двум вестфальским дивизиям вместе взятым. Армейские корпуса также сильно различались по численности из-за разумной практики Наполеона наделять особо талантливых генералов большей численностью, чем менее способных офицеров. 1-й корпус Великой армии в 1812 году состоял из пяти крупных дивизий и насчитывал в общей сложности около 72 000 человек; в то время как весь Вестфальский корпус насчитывал всего 18 000 человек.

Наука о том, как просто и разумно одевать солдат, так мало понята даже сегодня, что вряд ли ее можно было искать в 1812 году. Во французской армии было меньше блеска и безукоризненности, чем в британской; но форма часто была настолько неудобной и неуклюжей, насколько это было возможно. Возникает вопрос, как мужчины могли маршировать и сражаться в них. Головные уборы часто были особенно неуклюжими и нелепыми. Чтобы разобраться со многими типами униформы, потребовалась бы отдельная работа. Пехота обычно была одета в синюю форменную одежду, которая заменила бурбонскую белую во время революции. Кирасиры были одеты в синее, драгуны - в зеленое, егеря и гусары - в зеленое, с накладками всех цветов. В целом складывается впечатление, что в униформе солдат Наполеона было много довольно безвкусного напоя. Любовь к показухе, по-видимому, настолько глубоко укоренилась во французском характере, что в наши дни отмена старой кричащей униформы сильно отложена.

Ежедневный рацион солдата состоял примерно из 28 унций хлеба, 4 унций овощей или 2 унций риса, 10 унций мяса и пива или вина в зависимости от страны. Французские солдаты, с их национальным кулинарным талантом, были мастерами устраиваться поудобнее; и когда пайки распределялись регулярно, они жили достаточно хорошо. Но система Наполеона, обеспечивавшая существование его армий за счет страны, не сработала в России. Даже в Германии в 1806 году, а тем более в 1813 году, войска часто испытывали острую нехватку

продовольствия. В 1812 году почти с самого начала было невозможно обеспечить сколько-нибудь регулярное распределение пайков. Солдаты были вынуждены мародерствовать в поисках припасов, но в бедной стране их часто не было достать, и несчастные мужчины рано начали испытывать острую нужду. Наполеон сделал все, что мог. Он приказал построить пекарни на каждом привале; но приказы мало что могут дать без материалов, а последних часто не хватало. Российская рожь также не подходила для желудков людей, привыкших к муке, смолотой из других злаков; и качество как муки, так и хлеба, как правило, было плохим. Стада мясного скота гнали вместе с армией, но их мясо быстро портилось под воздействием плохого корма и усталости. Вообще говоря, периодов, когда Великая армия не жила впроголодь, было немного, даже в наступлении. Во время отступления она в лучшем случае умирала от полуголода.

ДЕТАЛИ ОБМУНДИРОВАНИЯ ПЕХОТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ 1812 ГОДА Из *“Униформы французской армии”*. Автор : Ленхарт и Гумберт

Из-за неорганизованности транспорта больничная служба работала плохо. Там был довольно достаточный штат хирургов и медицинских офицеров; но их усилия — часто самоотверженные и настойчивые в высшей степени — мало что могли дать, когда не хватало медикаментов любого рода. На обратном пути, не реже, чем на обратном, люди тысячами умирали на обочинах дорог, без присмотра и незамеченными. Почти половина баварского корпуса погибла или была выведена из строя, так и не увидев врага. Больницы с самого начала были неадекватны и плохо оборудованы; позже их состояние стало настолько ужасным, что невозможно описать словами. Все, кого невезение или долг привели в соприкосновение с ними, описывают их в терминах ужаса. В конце концов они превратились просто в склепы, в которых люди тысячами гибли в всевозможных страданиях.

Французская армия в 1812 году, несомненно, была с военной точки зрения лучше всех организована в Европе; но ее офицерский состав в целом оставлял желать лучшего. Быстрое увеличение численности рядового состава с 1806 года потребовало импровизации тысяч

офицеров, часто из сомнительного материала. Лучшими из полковых офицеров были те, кто сочетал образование с практическим опытом, но их было относительно немного. Курсанты военной школы были замечательным материалом, но, естественно, им не хватало опыта и, как добавляет Де Фезенсак, физической силы, которая была так необходима. Но помимо этих классов образованных офицеров, существовала треть, состоящая из повышенных в звании сержантов, чье образование было, как правило, начальным. Один из них, достойный штабс-капитан Куанье, рассказывает нам в своей восхитительной автобиографии, что писать он научился только в тридцать три года! Он действительно был человеком большой природной проницательности и остро сожалел о своих недостатках; но очевидно, что из этих неграмотных людей вряд ли могли получиться хорошие ротные офицеры. Офицеры артиллерии и саперы действительно в целом были превосходны; но многие из кавалеристов, хотя и были лихими полевыми командирами, не обладали глубокими знаниями обязанностей своего рода войск, и работа по поддержанию связи с противником часто выполнялась очень плохо.

В том, что касается представлений о личной непринужденности, французские офицеры были ничуть не лучше своих противников. Их личные автомобили и багаж увеличили составы до гигантских размеров — факт, который во многом способствовал катастрофам отступления.

Качество рядового состава ни в коем случае не было таким, как в великие годы Аустерлица и Йены. Кровавопролитная кампания 1807 года создала бреши, которые в то время было нелегко восполнить, а войны в Австрии и на полуострове лишили армию досуга, необходимого ей для восполнения своих потерь. Французские дивизии 1-го, 2-го, 3-го и 4-го армейских корпусов содержали много старых полков, но даже в них была большая доля новобранцев; и было несколько полков, принадлежащих к недавно присоединенным провинциям, которые не были полностью надежными. Их материал — крепкие крестьяне из Нидерландов и Северной Германии — был превосходным, и их поведение на поле боя обычно было безукоризненным; но их администрация и дисциплина оставляли желать лучшего. Их плохое состояние постоянно упражняло душу ордена -любящего Даву. В одном из сообщений он описывает голландский 33-й Легионер как *canaille* с отвращением заявляет, что ничего не может с этим поделать. Ней также жаловался на 129-й полк и указывал, что было бы лучше набрать рекрутов, из которых он состоял, в более старые полки. Вероятно, целью Наполеона при формировании новых частей было подготовить как можно больше офицеров.

Ухудшение состояния войск привело к необходимости применения глубоких тактических построений с последующим риском тяжелых потерь. Обычными порядками для атакующей пехоты были (1) "колонна рот", в которой каждый батальон наступал со своими ротами в три ряда глубиной, одна за другой, и (2) "колонна дивизий" с фронтом из двух рот вместо одной. В лучшем случае фронт был узким, а интенсивность огня пропорционально слабой, даже когда, как это было обычно, каждому батальону предшествовала боевая шеренга вольтижеров. Наполеон был полностью осведомлен об огневой слабости этих атакующих формирований и рекомендовал в качестве идеального *смешанного порядка*, при котором батальоны в колонне чередовались с другими в шеренге. Этот приказ, как и другие, безнадежно провалился против британской линии в два ряда в глубину, которая привела в действие каждый мушкет; и замечательно, что способные французские генералы продолжали использовать его, когда его неэффективность была так ясно продемонстрирована. По крайней мере, вероятно, что

легковозбуждаемые и наделенные воображением французские солдаты не могли неуклонно продвигаться в строю. Во всяком случае, французские тактики до конца верили в то, что густая линия перестрелки, предшествовавшая наступлению, сможет расчистить путь для тыловых масс. Поскольку русские, с менее умными и (в целом) хуже обученными войсками, применили аналогичную тактику, проблемы, которые беспокоили французов в Испании, не возникли в России.

Французская кавалерия была великолепна на поле боя, но в остальном часто оказывалась неудовлетворительной. В разведке и работе на аванпостах это было неэффективно; не раз во время кампании связь с русскими полностью терялась. Без сомнения, большая часть этой неэффективности была вызвана истощением лошадей. Фуража, как правило, было мало, и к потерям от усталости и нехватки еды вскоре добавились потери в бою. Мужчины часто были плохими мастерами верховой езды. Мюрат не заботился о лошадях и с самого начала переутомлял свои силы. Когда центральная армия начала отступление, в седле оставалось всего 15 000 всадников, и никто, кроме гвардейских полков, не был по-настоящему пригоден к службе.

О внутреннем состоянии французской армии необходимо кое-что сказать. Лозунгом старых солдат по-прежнему была преданность своему командиру; но было бы серьезной ошибкой воображать, что это чувство было всеобщим, особенно среди более образованных элементов армии. И все же лояльность войск в целом не вызывает сомнений. Сэр Роберт Уилсон и Де Фезенсак едины в том, что подтверждают это. Жажда грабежа, несомненно, чего-то стоила, но именно голод, а не жадность сделали французского солдата мародером. Дух разбоя действительно был широко распространен в армии и заразил всех, начиная с командиров и кончая ими. В целом, справедливо можно сказать, что в рядах чувство лояльности было сильным, а общий дух хорошим, но дисциплина часто поддерживалась плохо и, естественно, имела тенденцию становиться все более и более ослабленной по мере увеличения трудностей. Далее, можно заметить, что, хотя среди офицеров было много безупречных людей, было также много жадных авантюристов, помимо тех, кто был деморализован, как и их солдаты, годами грабительской войны. Наконец, в армии, конечно, был хулиганский элемент, который никогда не отсутствует. К этому элементу следует отнести совершение большинства зверств, которые, несомненно, имели место и за которые впоследствии пострадала вся армия. Необходимо затронуть еще один момент. Доказательств присутствия женщин и детей в армии, особенно во время отступления, предостаточно и они ошеломляют. Этот несчастный элемент состоял, в первую очередь, из женщин-лагерниц — *вивандьер*, *кантиньер* и им подобных, в основном жен солдат. Во всяком случае, некоторые офицеры были достаточно опрометчивы, чтобы взять с собой своих жен. Иностранное население Москвы в основном ожидало захватчиков и бежало вместе с ними, опасаясь мести Русских. Наконец, мораль французской армии в сексуальных вопросах можно охарактеризовать только как низкую, во всяком случае, с британской точки зрения. Сам Наполеон был не столько аморален, сколько безнравственен — хотя нет никаких абсолютных доказательств того, что он дал волю своим страстям во время русской кампании, — и многие его офицеры последовали его примеру. В целом, кажется очевидным, что по той или иной причине армия вторжения была обременена тысячами женщин и детей, чьи страдания во время отступления составляли, вероятно, его самую мучительную черту.

Войска союзных государств, сопровождавшие французов и превосходившие их численностью, были, вообще говоря, равны на поле боя своим товарищам по оружию. Баварцы, вестфальцы и

вюртембергцы вели себя великолепно; и некоторые из лучших боев в войне были проведены бергским и баденским полками при переправе через Березину. Итальянцы превосходно сражались в единственном генеральном сражении, на котором им посчастливилось присутствовать. Большой польский контингент оказал великолепную услугу человеку, на которого Польша рассчитывала в плане своего восстановления в списке независимых государств. Нельзя найти никакой вины и в поведении в бою испанских и португальских войск, хотя они были ничем не лучше пленников, служивших по принуждению. Австрийцы и пруссаки, как правило, не принимали особого участия в кампании; но то, что они сделали, ни в коей мере не дискредитировало их.

Именно в управлении, а не в боевых качествах войска союзников оказались ниже французского стандарта. Кроме того, они, как правило, были настолько плохо обеспечены, что самая лучшая администрация мало что могла бы сделать для улучшения их участи. Прекрасные баварские и вюртембергские войска были наполовину уничтожены еще до того, как увидели врага, а полякам, судя по донесениям Понятовского, зачастую приходилось немногим лучше. То, что испанцы и португальцы поставили больше дезертиров и мародеров, чем следовало ожидать, и то же самое можно сказать о хорватах и иллирийцах, интерес которых к войне, в которой они были принесены в жертву, был абсолютно *нулевым*. И все же, в целом, нельзя сказать, что иностранные войска демонстрировали заметно худшую дисциплину, чем их французские товарищи, хотя, несомненно, общее смешение рас и языков имело тенденцию к снижению общего уровня.

Об абсолютном качестве войск союзников говорить очень трудно. Немецкая и швейцарская пехота были очень сплоченными и хорошими, хотя, конечно, качество различных контингентов различалось, и, возможно, баварцы, вюртембергцы и баденцы были выше общего уровня. Саксонская кавалерия была достойна восхищения и, вероятно, лучшей во всей *Великой армии*. Немецкая артиллерия тоже, особенно вюртембергская, была хороша.

Лучшие части польских войск были действительно очень хороши; но полки в основном состояли из необученных рекрутов, наспех набранных для великих усилий, которые, как наивно надеялись поляки Варшавы, должны были восстановить их национальное существование. Кавалерия была хороша, пехота - в меньшей степени. Дисциплина, по-видимому, была не очень удовлетворительной; среди офицеров было слишком много *панов*, получивших свои звания благодаря благородному происхождению.

Пруссаки были, вероятно, самыми дисциплинированными и лучше всех обученными офицерами из всех союзных войск. Общее качество австрийцев также было хорошим.

В целом, не подлежит сомнению, что *Великая армия* 1812 года была слишком разнородной и что ее качество было не из лучших. Большая его часть была наспех собрана; и его огромное количество лишь усугубляло трудности с обеспечением его продовольствием и, как следствие, его нищету и потери. Генерал Бонналь считает, что Наполеон, когда собирал гигантские силы, в большей или меньшей степени страдал манией величия; и что он добился бы большего, если бы зависел от франко-польской первой линии численностью около 250 000 человек, прекрасно организованной, дисциплинированной и снабженной. Этот момент, безусловно, заслуживает рассмотрения.

Следует кое-что сказать о командирах, которые под руководством Наполеона руководили величайшей из его армий во время самой амбициозной и катастрофической из его кампаний.

Для самого Наполеона должно быть достаточно нескольких слов. О нем, вероятно, написано больше, чем о какой-либо другой фигуре в истории. Никакой благой цели здесь не может послужить ничего, кроме нескольких кратких оживленных рассуждений о том, какую роль он сам сыграл в катастрофе 1812 года.

Положение Наполеона как величайшего полководца современности пока неоспоримо, и поэтому нет необходимости обсуждать его. В 1812 году он был, насколько позволяют судить годы, сравнительно молодым человеком. Ему едва исполнилось сорок три; его физическая энергия и выносливость все еще были огромны. Тем не менее, он не был Наполеоном 1800 и 1805 годов. Он располнел и стал несколько неповоротливым; и грубые привычки к телу, должно быть, временами влияли на его разум. Также невозможно игнорировать свидетельства из первых рук о том, что состояние его здоровья оставляло желать лучшего более чем в одном важном случае.

Свирепый и порывистый характер Наполеона всегда несерьезно относился к препятствиям, и недостаток терпения, безусловно, был очень ярко выраженной чертой его характера. Говорят, Веллингтон заметил, что это лишило императора возможности вести оборонительные действия в 1814 году, когда того настоятельно требовали обстоятельства.

Наконец, Наполеон в 1812 году был не только генералом, но и правителем; и политические соображения, вероятно, имели какое-то отношение к принятию им курса действий, неоправданного с военной точки зрения.

Естественное нетерпение Наполеона и его ярость из-за неспособности нанести сокрушительный удар, вероятно, объясняют роковой бросок в августе мимо Смоленска на Москву. Автору представляется, что телесные страдания удовлетворительно объясняют его несомненный недостаток энергии при Бородино. Фатальная задержка в Москве вполне может быть объяснена стечением политических обстоятельств и не совсем необоснованным оптимизмом в отношении будущего.

Причины некоторых удивительных ошибок Наполеона при отступлении, подобные этим, вряд ли можно объяснить. Фатальное рассредоточение маршевых колонн на 60 милях дороги даже после прохождения Смоленска, когда армия уже была измотана до жалких остатков; неоправданно медленный темп марша, сожжение понтонного состава перед переходом Березины - вот показательные примеры; и вряд ли их можно объяснить чем-либо, кроме упадка интеллектуальных сил.

В целом, кажется трудным отрицать, что Наполеон в 1812 году определенно вступил в период своего упадка; что его восприятие стало менее ясным, чем раньше; что его физическая энергия угасла; что его гений, хотя и все еще способный ярко гореть, теперь вспыхивал лишь урывками. Конечно, во время Московской кампании были моменты, когда казалось, что она почти вымерла.

Маршал Бертье, принц Невшательский, служил в 1812 году, как и во всех кампаниях Наполеона с 1796 года, начальником штаба. Его методичные привычки и неутомимое трудолюбие вкуче с полным знакомством с характером Наполеона делали его незаменимым для последнего. Его

военные таланты не были выдающимися, и его общее положение было скорее положением доверенного секретаря, чем современного начальника штаба, для которого, действительно, не было места рядом с человеком с деспотическим темпераментом Наполеона.

МАРШАЛ ДАВУ
командующий 1-м французским армейским корпусом
С картины Готердта в Версале

Маршал Луи Николя Даву, принц Экмюльский и герцог Ауэрштадтский, командующий огромным 1-м *армейским* корпусом, был, вероятно, лучшим из всех генералов Наполеона, хотя у него никогда не было таких возможностей отличиться в самостоятельном командовании, какие были предоставлены Массене и Сульту. Он был прекрасным примером современного ученого-солдата, сурового сторонника дисциплины и замечательного администратора, со страстью к порядку и методу; и очень бережно относился к своим людям. Обвинения в жестокости, выдвинутые против него, автору не кажутся удовлетворительно обоснованными — конечно, не в соответствии со стандартами гуманности, общепринятыми в континентальных войнах. В то же время в его характере, несомненно, была резкая и неотесанная сторона, и ему, похоже, не

хватало самоконтроля и такта. Даву обладал превосходной стратегической проницательностью, и его тактические способности и упорство в действиях часто и блестяще демонстрировались. Он принял выдающееся участие в первой половине кампании 1812 года, но скорее потерпел неудачу на непривычном посту командующего арьергардом. Людис его методичным складом ума, вероятно, плохо приспособлены для того, чтобы блистать в такой суматохе страданий и беспорядка, как отступление из Москвы.

Маршал Удино, герцог Реджо, был ветераном тяжелых боев Революции, получившим свой батон за услуги, оказанные при поддержке Даву при Ваграме. Он был отличным подчиненным, но потерпел неудачу в самостоятельном командовании, как и многие наполеоновские генералы, хотя его действия, предшествовавшие переходу Березины, были весьма похвальными.

Мишель Ней, герцог Эльхингенский, маршал Франции, воспользовался большей частью заслуг, завоеванных генералами Наполеона в 1812 году. Ней обычно считается просто упорным бойцом, но он был довольно хорошо образован и, судя по всему, умелым администратором. Среди документов Военного министерства Франции, относящихся к 1812 году, есть приказ, в котором он тщательно инструктирует свои страждущие войска, как готовить немолотое зерно, которое было их единственной пищей. Как стратег Ней не преуспел, и ему не удалось самостоятельно командовать, но он был прекрасным тактиком, а как командир корпуса, вероятно, непревзойденным. Его знаменитое название “Храбрый из храбрецов” в полной мере отражает его характер. Его мужество действительно принадлежало к тому благородному типу, который достигает своего расцвета в тот момент, когда мужество более подлых людей приходит в упадок.

Принц Евгений, вице-король Италии, сын бывшей императрицы Жозефины, в силу своего императорского звания был командующим итальянской армией. Он был храбр, бескорыстен и предан своему отчиму, но его военные таланты были невелики, и ему не хватало опыта. В 1809 году ему противостоял командир, еще менее способный, чем он сам, и его офицеры и солдаты успешно помогли ему выйти из затруднительного положения.

Принц Джозеф Энтони Понятовский, племянник последнего короля Польши, вряд ли мог остаться незамеченным при назначении командующего 5-м (польским) полком. Армейский корпус; тем более что он был военным министром Великого герцогства Варшавского. Он был храбр и пользовался популярностью у своих людей, но не обладал большими способностями, был ленив и любил удовольствия.

Генерал Гувион Сен-Сир, получивший звание маршала за победу над Витгенштейном под Полоцком в августе, был очень способным, хотя и недовольным офицером, который, насколько можно судить по хорошей службе, получил свой батон задолго до этого.

Генерал Рейнье, командующий Саксонским 7-м корпусом, был закаленным в боях, опытным солдатом без особых способностей и крайне неудачливым на войне. Жюно, принявший Вестфальский корпус от короля Жерома, был обязан своим положением главным образом дружбе Наполеона с ним.

ПРИНЦ ДЖОЗЕФ ЭНТОНИ ПОНЯТОВСКИЙ, ПЛЕМЯННИК СТАНИСЛАВА АВГУСТА, ПОСЛЕДНЕГО КОРОЛЯ ПОЛЬШИ

Командующий 5-м (Польским) корпусом Великой армии

С картины Т.А. Вошле в Версале

Вестфальский король Жером Наполеон, вероятно, достаточно преуспел бы во главе войск своего собственного королевства; его храбрость, которую он проявил при Ватерлоо, не подлежала сомнению. Но назначить его командующим тремя армейскими корпусами, действующими в труднодоступной стране и выполняющими жизненно важную миссию, было огромной ошибкой со стороны Наполеона. Нет ничего особенного в том, что Джером потерпел столь полную неудачу. Генерал Бонналь отмечает, что его нельзя обвинять в нарушении военных принципов, с которыми он никогда не был знаком.

Маршал Виктор, командующий 9-м корпусом, был опытным офицером, но ему очень не повезло на полуострове в борьбе с британцами.

Маршал Макдональд, командовавший 10-м корпусом, принимал очень незначительное участие в кампании; и, если у него не было специальных приказов, нельзя сказать, что он проявлял

большую активность. Он был человеком с высокими личными качествами и хорошим командиром корпуса, умеющим вести тяжелые бои, но не выдающимся генералом.

Наполеона на последнем этапе его карьеры неоднократно обвиняли в том, что он ставил своих родственников на должности, для которых они не подходили. Случай короля Иеронима - один из них; возможно, в определенной степени так же обстоит дело и со знаменитым шурином Наполеона Иоахимом Мюратом, королем Неаполя, командующим кавалерийскими резервами. Смелостью и тактическими способностями на поле боя Мюрат, безусловно, обладал, но вряд ли он был великим командиром кавалерии. Его работа на аванпостах и в разведке часто выполнялась очень плохо, а его порывистость заставляла его переутомляться и изводить своих людей и лошадей. Ему не хватало твердости характера и стойкости в невзгодах, что он вскоре и продемонстрировал. Тем не менее, как король Неаполя, он обладает более чем одним титулом, заслуживающим уважения, и в его характере, среди тщеславия и нелепости, было много возвышенного и благородного.

Все командиры четырех корпусов, находившихся под командованием Мюрата, были людьми с опытом командования кавалерией. Лучшим из них, пожалуй, был Нансути, во всяком случае, по его собственной оценке, но имя Граучи более известно в Великобритании. Монбрен и Латур-Мобур много повидали на своем веку в Испании.

Маршал Лефевр, герцог Данцигский, командующий Старой гвардией, был очень привязан к Наполеону, но в остальном был просто грубым, честным старым солдатом без особых стратегических или тактических способностей. Его титул гораздо больше заслуживал блестящий инженер генерал Шасселуп, который сопровождал армию в 1812 году в качестве начальника своего подразделения.

Маршал Мортье, герцог Тревизский, командующий Молодой гвардией, был превосходным командиром корпуса, что было продемонстрировано в Испании.

Маршал Бессьер, герцог Истрийский, был связан с кавалерией гвардии с момента ее формирования. Он был прекрасным командиром кавалерии, человеком честным и преданным своему начальнику, в остальном не заслуживающим особого упоминания.

Вообще говоря, у командиров Наполеона был один большой недостаток. За немногими исключениями, они настолько привыкли подчиняться доминирующей личности императора, что утратили всякую инициативу.

В такой огромной армии с таким опытом, естественно, было много офицеров, которые в менее воинственную эпоху были бы признаны великими генералами. Большинство командиров дивизий и бригад действовали превосходно, хотя некоторые уже были измотаны. Некоторые из них — такие, как Вердье, — имели значительный опыт независимого командования, а некоторые приобрели там отнюдь не приятную репутацию. Гуден, командир 3-й дивизии Даву, был, пожалуй, самым выдающимся солдатом, но его коллеги Фриан, Моран, Десо и Компан были прекрасными офицерами. Легран, Мерль, Вердье, Ледрю, Маршан, Бруссье, Пино, Брюйер, Себастьяни, Сен-Жермен, Клапаред, Тарро и другие были людьми значительных заслуг и опыта.

О Генеральном штабе можно сказать, что он едва ли имел какое-либо отношение к совету специально обученных офицеров, который сопровождает современного главнокомандующего и помогает ему. Поглощение Наполеоном в своем единоличном лице всех военных и административных функций низвело его до положения полной незначительности. Для всех практических целей это была не что иное, как масса ординарцев, и хотя в ней было много талантливых и достойных офицеров, у них было мало возможностей отличиться, пока они оставались ее членами. Наполеон в минуту раздражения заявил, что “Генеральный штаб организован таким образом, что ничего не предвидится”. Замечание было более или менее верным; но то, что такое положение дел могло существовать, является очень суровым комментарием к его методам. Короче говоря, вторгшееся войско было армией деспота, который пытался сам все контролировать и не поощрял инициативу у других, в результате чего естественным результатом стало то, что многое из того, что могло быть сделано для минимизации катастрофы, не было предпринято.

Численность армии вторжения и ее состав в зависимости от государств и народов, предоставивших контингенты, подробно приведены в Приложениях А и В. Грубо можно сказать, что во время кампании Наполеон располагал следующими цифрами:—

Первая Строка

Штаб-квартира; Императорская гвардия; }
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 10-й корпуса; } 449,000
Австрийский корпус; Кавалерийский резерв}

Вторая строка

9-й корпус; Польские и литовские новобранцы; }
2 французские дивизии; } 165 000
немецких войск, призывников, парков и т.д. }

Третья строка

Набранные и организованные войска в контакте с }
русскими в конце кампании, включая} 60 000
гарнизонов Данцига и на Висле }

674 000

Состав по странам первых двух строк может быть указан следующим образом:—

Французы и новофранцузки 302 000
немцы и швейцарцы 190 000
поляки и литовцы 90 000
итальянцы, иллирийцы, испанцы, португальцы 32 000

614 000

ГЛАВА III

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ И ЕЕ ГЕНЕРАЛЫ

Обстоятельство, которое больше всего впечатляет читателя, впервые и без знания условий знакомящегося с историей франко-русской кампании 1812 года, заключается в том, что силы России были, по сравнению с силами Наполеона, очень слабыми. Эта слабость на войне достаточно знакома всем изучающим российскую историю, и причин для этого не так уж много. Поскольку, однако, это должно казаться странным для всех, кто считает Россию по существу огромной и могущественной державой — “Колоссом Севера”, — необходимо кратко рассмотреть ее причины.

Это правда, что Россия - страна огромной протяженности; но ее огромная территория, сегодня очень несовершенно развитая, в 1812 году находилась в основном в почти первозданном состоянии, в то время как население было распределено еще более скудно. Страна была и остается покрытой во многих местах широкими пространствами почти непроходимого леса и обширными участками болот. В западных губерниях Пинские болота занимают площадь более 20 000 квадратных миль; и в 1812 году через них пролегали всего три незначительные дороги. Большинство многочисленных рек сами по себе не представляют серьезных препятствий для сообщения или военных операций, будучи летом мелководными и легко переходимыми вброд, а зимой обычно замерзающими, но они часто широкие и часто имеют мягкое или песчаное дно. По более крупным из них приходилось преодолевать с помощью мостов, а в 1812 году мостов было немного. Более того, в Центральной России почва, как правило, плодородная и песчаная, и каждый небольшой ручей с течением веков вырыл для себя более или менее глубокий овраг. Эти овраги, неоднократно повторяющиеся, представляли значительные препятствия, тем более что через них редко перебрасывались мосты.

Расстояния, которые предстояло преодолеть, были и остаются огромными. Читатели Геродота, вероятно, помнят, как перспектива трехмесячного перехода из Милета в Сузы напугала Клеомена и старейшин Спарты. Переброска войск с Кавказа в Санкт-Петербург в 1812 году потребовала путешествия еще большего масштаба — без помощи Персидской королевской дороги. Даже сегодня российских дорог сравнительно мало и они плохие. В 1812 году было неизмеримо хуже. Немногочисленные шоссейные дороги часто содержались в очень плохом состоянии; перекрестков, используемых в военных целях, почти не существовало.

Наконец, Россия была столь же неразвитой политически, как и экономически. Основную массу крестьянства составляли крепостные, прикованные к земле. Общепринятый метод привлечения их к национальной обороне состоял в том, чтобы призвать дворян, владевших большей частью земли, к уплате налога в таком-то количестве на сто или тысячу душ. Их интересы, естественно, побуждали их стремиться сохранить лучших и наиболее трудолюбивых из своих крепостных и, насколько это возможно, поставлять в армию плохо подготовленных или праздных. В стране, в которой коррупция всегда была безудержной, чиновники, занимающиеся вербовкой,

несомненно, поддавались влиянию разумного подкупа, и фактический результат призыва в армию часто был намного меньшим, чем должен был быть. Медлительность связи, общая бедность правительства, отсутствие фабрик по производству одежды, оружия и боеприпасов усугубляли трудности быстрого и эффективного увеличения вооруженной силы. В 1812 году Россия также страдала от почти полного прекращения торговли в результате британской блокады ее берегов, вызванной союзом с Наполеоном в 1807 году, и вследствие этого финансовые трудности были еще большими, чем обычно.

Российская армия, с момента ее организации Петром Великим по европейским методам, обычно представляла собой довольно грубую и несовершенную копию самых современных вооруженных сил того времени. В 1812 году французские идеи, естественно, преобладали, и их влияние было очевидно во многих отношениях, особенно в руководстве высшими организациями.

В начале 1810 года, как уже отмечалось, военным министром в России стал генерал Барклай де Толли, который при поддержке императора серьезно взялся за реорганизацию армии. Разногласия в советах царя и неблагоприятное влияние условий, описанных выше, делали выполнение его планов медленным и трудным делом. Тем не менее, было сделано многое, и какого бы мнения ни придерживались относительно военных способностей Барклая, в его организаторском таланте сомневаться не приходится.

В 1812 году русская пехота состояла из 6 полков Императорской гвардии, 14 гренадерских, 50 полков легкой пехоты (егерей) и 96 линейных. Каждый полк состоял из 3 батальонов по 4 роты с численностью 764 офицера и рядового на батальон в гвардии и 738 в строю. Фактически, только гвардейские полки смогли укомплектовать 3 полевых батальона. Силы линейных полков были настолько малы, что Барклай смог укомплектовать только 2 батальона каждого полка за счет третьего. Одна рота третьего батальона также была укомплектована призывниками из трех других, и эти роты объединились в тройки или четверки, чтобы сформировать батальоны "объединенных гренадер". Таким образом, в каждом полку оставался слабый батальон из трех поредевших рот. Они были собраны в различных стратегических центрах в качестве "резервных дивизий", и Барклай надеялся укомплектовать их новобранцами. Он разработал план формирования тридцати шести складов в подходящих точках, в которых новые призывники должны были быть обучены дополнительным батальонам и эскадрам для пехотных и кавалерийских полков. Однако в этом отношении не было достаточно времени для того, чтобы его разумные меры возымели большой эффект. На практике Россия была в состоянии сделать немногим больше, чем поддерживать свою полевую армию на уровне, подобном боевой численности. Третьи батальоны, резервы и новобранцы были в основном заняты снабжением линии фронта.

К 1812 году значительная часть войск была вооружена мушкетами новой модели, примерно равными тем, которыми была оснащена французская и британская пехота, но многие все еще носили более старое и неуклюжее оружие, которое использовалось в 1807 году. Пуля была несколько тяжелее, чем у французского пехотного мушкета; но, судя по тому факту, что у русских обычно было более высокое соотношение убитых и раненых, чем у их противников, вероятно, порох часто был хуже.

Русская кавалерия включала в себя 6 гвардейских полков — 2 кирасирских, 1 драгунский, 1 гусарский, 1 уланский и 1 казачий — каждый из 4 полевых эскадронов и 1 штабного эскадрона. Казачий полк включал в себя отряд оренбургских казаков и, по-видимому, насчитывал 5 или 6 полевых эскадронов. Линейная кавалерия состояла из 8 полков кирасир, 36 полков драгун, каждый из 4 полевых эскадронов и отделения; 11 гусар и 5 улан, в каждом из 8 полевых эскадронов и 2 отделения. Численность гвардейского эскадрона составляла 159 офицеров и рядовых, линейного эскадрона - 151. Кавалерия была хорошо и адекватно вооружена, намного лучше, чем у Наполеона. Эти люди были менее хорошо обучены, чем их противники, но, принадлежа к стране, в которой на каждые пять или шесть человек приходится лошадь, они, вероятно, были хорошими мастерами верховой езды. Сено было обычным кормом, и, к удивлению Клаузевица, лошади питались им с аппетитом. Точных сведений о вооружении я не смог раздобыть, за исключением того, что линейные кирасиры были защищены только на груди. Шлемы и кирасы были выкрашены в черный цвет, а не отполированы — очень разумное и экономящее труд приспособление.

Постепенное включение в состав России кочевых народов и старых пограничных поселений мохноногих или казачьих (на самом деле *казак* = флибустьер) позволило правительству пополнить свои силы отрядами иррегулярной конницы. Помимо казаков, это были крымские татары, калмыки и башкиры — последние все еще были одеты в кольчуги и вооружены луком! В июне на западной границе их было около 15 000 человек. Позже их численность возросла до 30 000 или более человек. Их репутация во многом основана на страхе, который они внушали деморализованной наполеоновской армии во время ее отступления. В поле они не могли соперничать с регулярными войсками и даже во время отступления никогда ничего не могли добиться против той части французской пехоты, которая сохранила свои ряды. Для партизанских операций и для препятствования отступлению они были бесценны.

В артиллерии русские армии обычно были очень сильны. Неэффективность средневековых московских конных и пеших рекрутов рано привела к замечательному и преждевременному развитию артиллерийского вооружения. Петр Великий в своей реорганизации уделил этому особое внимание, и его главная победа под Полтавой была во многом обусловлена его превосходной артиллерией. После правления Петра его политика была продолжена, и многими победами Россия была обязана массам хорошо отслуживших свой срок пушек, сопровождавших ее армии.

В 1812 году русская линейная артиллерия насчитывала 44 тяжелые, 58 легких и 22 конно-артиллерийские батареи, организованные в 27 пеших и 10 резервных бригадах, помимо отдельных батарей конной артиллерии, приданных кавалерии. Имелось также 29 рот складирования. Численность артиллеристов и водителей варьировалась в среднем от 240 человек в тяжелых батареях до 160 человек в ротах легкой артиллерии. Каждая из них была вооружена 12 орудиями и гаубицами. У казаков были свои конные батареи.

Артиллерия гвардии состояла из 2 тяжелых и 2 легких батарей, каждая по 16 орудий и гаубиц, и 2 батарей конной артиллерии по 8 человек, с соответствующими установками.

Вооружение состояло из 18-фунтовых ($\frac{1}{2}$ пуда) гаубиц и 12-фунтовых орудий для тяжелых батарей, 9-фунтовых гаубиц и 6-фунтовых орудий для легкой артиллерии и 6-фунтовых пушек для

конных батарей. Тяжелые повозки с боеприпасами, обычные в других европейских армиях, в России не использовались, их место заняло большее количество легких транспортных средств. Качество материала, по-видимому, в целом было превосходным, хотя сэр Р. Уилсон и генерал Кутаисов рекомендовали различные усовершенствования; а тягловых лошадей было очень много и они были хорошими. Русская артиллерия постоянно совершала подвиги при транспортировке, которые красноречиво свидетельствуют о ее высоком качестве, а количество брошенных или захваченных орудий было чрезвычайно небольшим.

Технические войска были немногочисленны, им не хватало как научных сотрудников, так и профессиональной подготовки. Медицинское отделение, хотя и было намного лучше, чем в 1807 году, когда его практически не существовало, все еще было ужасно неадекватным и плохо оснащенным, а подготовленных врачей и хирургов было очень мало.

Здесь было 32 гарнизонных полка, 1 гвардейский гарнизонный батальон, гарнизонная артиллерия и пенсионеры.

Подробная информация о российских войсках приведена в Приложении С, но, конечно, все они были недоступны. Непосредственно в распоряжении для отражения вторжения имелись:—

Первая Строка

О
Первой армии Запада 126 000
Вторая ” ” 40 000
Третья ” ” 45 000
---- 211,000

Вторая строка

Около
27-й пехотной дивизии 7500
резервных войск и Рижский гарнизон 37 500
--- 45 000

Всего 256 000

Для усиления боевой линии во время кампании были привлечены...

Около
Из Финляндии 14 000
”с турецкой границы 44 000
” из Крыма 5000
ополченцев, рекрутов, казаков и т.д. 90 000
--- 153 000

Всего фактически занято 409 000

Последний пункт может быть лишь очень приблизительной оценкой. Однако несомненно, что большие цифры, приводимые некоторыми авторитетными источниками, не имеют отношения к количеству подкреплений, которые фактически достигли фронта. Конечно, очевидно, что вся вооруженная мощь России не может быть противопоставлена Наполеону. Азиатские, кавказские и крымские войска могли в лучшем случае представлять собой лишь небольшие отряды.

Первая и Вторая армии получили из рук Барклая довольно полную армейскую корпусную организацию, каждый корпус состоял из двух пехотных дивизий, бригады или дивизиона кавалерии и двух артиллерийских бригад с батареей конной артиллерии, приданной кавалерии. Третья армия и Дунайская армия все еще были организованы в основном по старой системе смешанных дивизий.

Характеристики русского солдата никогда не менялись. Он был и остается наделенным замечательной выносливостью и мужеством, но сравнительно неразумным. В 1812 году неграмотность была практически всеобщей.

Условия службы были плохими. Период составлял двадцать пять лет, и часто требовались жестокие методы, чтобы заставить новобранцев покинуть дома, которые они, вероятно, никогда больше не увидят. Жизнь в рядах была тяжелой, и только тот факт, что она, вероятно, была не тяжелее существования среднего крестьянина, мог сделать ее терпимой. Мужчины были хорошо одеты, по очевидным причинам; но в целом их плохо кормили, у них было плохое жилье, о них плохо заботились и им практически ничего не платили. Методы поддержания дисциплины были жестокими, и если теоретически военная служба означала освобождение от крепостной зависимости, то на практике с мужчинами обращались как с рабами. Это все к их чести, что они создавали и делают таких хороших солдат.

Отличительной чертой русских войск является их необычайная стойкость и невозмутимость при самых страшных наказаниях. Русская армия вряд ли когда-либо распадается под влиянием поражения; она должна быть буквально разбита вдребезги. Хорошим примером этого была битва при Цорндорфе в 1758 году, когда Фридрих Великий одержал сокрушительную победу над в значительной степени необученной, плохо обученной и оснащенной русской армией, плохо руководимой русской армией, не намного превосходящей по численности его собственную. Он почти уничтожил оба фланга русского войска, но центр выстоял, сплотил выживших, упорно сражался до наступления ночи и демонстративно отступил, демонстрируя некоторое равенство. Кампания 1812 года должна была стать еще одним доказательством этих характеристик.

Существует тенденция считать русских солдат в целом крупными мужчинами, но есть множество свидетельств того, что это было не так. Английский обозреватель, писавший о 1854 году, описывает их как обычно низкорослых, но, несомненно, достаточно выносливых. Охранники были отборными людьми. Кавалерия, артиллерия, легкая пехота и гренадеры выбрали в себя лучших из оставшихся рекрутов; обычные линейные полки, располагавшие весьма недостаточными средствами, были вынуждены ассимилировать и обучать самых бедных из имевшихся в наличии материалов.

Офицеры, как класс, не были способны должным образом обучить прекрасный материал, имевшийся в их распоряжении. Были почетные исключения, но в своих лучших проявлениях русский полковой офицер вряд ли был равен своему оппоненту соответствующего ранга, хотя часто, возможно, был лучшим лингвистом и более утонченной социальной фигурой. Гвардия, в целом, набирала лучших офицеров, а после них отбор шел в кавалерию и артиллерию, в то время как в полках линейной пехоты дела часто обстояли очень плохо. Рядовым командирам батальонов и рот часто не хватало всего, кроме самого элементарного военного образования. Назначение и продвижение по службе слишком часто происходило благодаря благосклонности двора, женскому влиянию или коррупции. Офицеры как класс были ленивы. Слишком часто они не были во главе своих людей; их личные экипажи или сани увеличивали состав до огромных размеров, в то время как линия фронта была ослаблена количеством людей, выделенных для их службы. Азартные игры и пьянство были очень распространены, а личная трусость ни в коем случае не была редкостью, о чем свидетельствуют герцоги Евгений Вюртембергский и Левенштерн. Справедливо будет добавить, что подобные недостатки существовали более или менее во всех армиях того периода, но русская армия всегда была плохо или неадекватно укомплектована офицерами.

В высших чинах условия были не более удовлетворительными. Генералов было в избытке, но их качество часто оставляло желать лучшего, и назначения часто происходили по другим причинам, помимо военной эффективности. Это было, правда, не особенно характерно для 1812 года. Александер, предположительно при содействии Барклая де Толли, похоже, сделал очень справедливый выбор командиров корпусов, и несколько командиров дивизий позже приобрели заслуженную известность.

Иностранные офицеры были самым важным элементом. Германия предоставила самый большой контингент, но там было много французских *эмигрантов*, таких как герцог де Ришелье, Ланжерон и Сен-Прист, и, по крайней мере, один итальянец, маркиз Паулуччи. Справедливо можно сказать о них, что их общий интеллектуальный и научный уровень был выше, чем у местных офицеров. Последние, естественно, были крайне ревнивы; а иностранцы редко удостоиваются справедливости от популярных русских писателей. Унизительно видеть, что даже Толстой опускается до увековечения этой ревности и использует термин “немец” в явно презрительном смысле. Многие из этих иностранцев отлично поработали на благо России в 1812 году — хотя это правда, что Фалл, возможно, самый выдающийся из них, был непрактичным мечтателем.

Михаил Богданович, барон Барклай де Толли, военный министр и главнокомандующий Первой западной армией в начале военных действий, сам в некотором смысле был иностранцем, и, к его большому несчастью, ультрарусские офицеры считали его таковым. Он был ливонцем по происхождению и, в конечном счете, шотландцем по происхождению, происходя от члена семьи Барклая из Тови, который поселился в Ливонии в семнадцатом веке. В 1812 году генералу Барклаю де Толли был пятьдесят один год. Его продвижение в армии поначалу было очень медленным из-за его непритязательного характера и отсутствия влияния; но его мастерство и мужество в качестве командира дивизии в 1807 и 1809 годах, особенно проявленные во время похода через замерзшую Балтику в последнем году, вывели его в первые ряды российских советников. Проведенная им реорганизация русской армии в 1810-12 годах, вероятно, станет его лучшим достоянием славы. Опубликованные российские документы убедительно свидетельствуют о его трудолюбии, энергии и научном духе. Его недостатки в высшем

командовании частично объясняются неопытностью в обращении с большими массами войск — неопытностью, которую он разделял со всеми, за исключением очень немногих современных лидеров. Будучи военным министром, а также генералом, он был перегружен работой, и его постоянно преследовало неподчинение, иногда граничащее с мятежом, его помощников. Его личный авторитет очень высок. Патриотизм и преданность долгу были для него религией, и он был одним из немногих людей в России, кто поднялся над узкопатриотическими взглядами. Его презрение к личной выгоде и легкости делает ему высочайшую честь, поскольку их разделяли действительно немногие из окружавших его людей. Доверие Александра к нему, похоже, никогда по-настоящему не ослабевало. У мечтательного, романтического, коронованного странствующего рыцаря и простого, преданного солдата своей страны действительно было много общего. У России было мало сыновей, способных сравниться с Барклай де Толли; и не в ее пользу то, что его ценность была так мало оценена.

Генерал-ФЕЛЬДМАРШАЛ КНЯЗЬ БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ
, военный министр и командующий Первой западной армией в 1812 году

Генерал князь Петр Иванович Багратион, командующий Второй Западной армией, был человеком иного склада. Он происходил из армянского царского рода Багратионов, и его высокому званию во многом был обязан его быстрый рост по службе. Хотя он родился только в

1765 году, в 1795 году он был генерал-майором. В то же время способности Багратиона были достаточно значительными, чтобы обеспечить его возвышение при любых обстоятельствах. Суворов был о нем высокого мнения, и суждение великого лидера нельзя с легкостью отбросить в сторону. Багратион был по сути бойцом: на его тактику обычно влияли его боевые инстинкты, а его легковозбудимый темперамент делал его безрассудным по отношению к своей личности. Его нетерпеливый нрав сделал его несговорчивым коллегой для спокойного и методичного Барклая; а вежливость и почтение последнего к старшему по званию, поступившему под его командование, не всегда облегчали их натянутые отношения. В целом, казалось бы, Багратион обладал лучшей стратегической проницательностью, чем его товарищ; но его тактические идеи не всегда были удачными. Принимая во внимание его порывистость, возможно, России повезло, что он не был, как того желали его почитатели, назначен верховным главнокомандующим. Но при принуждении французов к отступлению его пламенная энергия была бы неоценима; и с этой точки зрения его смерть была национальным бедствием. Только благодаря его памяти можно сказать, что он действительно, по-видимому, был человеком слишком высокого и благородного характера, чтобы снисходить до умышленного неподчинения или интриг; его несговорчивость была результатом временного дурного настроения, как и его случайные несправедливые замечания в адрес Барклая. К концу их сотрудничества отношения между двумя вождями улучшились; и, по крайней мере, в одном случае Багратион открыто засвидетельствовал свое уважение к Барклаю.

Генерал граф Александр Петрович Тормазов, командующий Третьей Западной армией, по-видимому, не был человеком каких-либо исключительных способностей. Его первые успехи были обусловлены численным превосходством; но затем он чрезмерно рассредоточил свои силы и, в свою очередь, был разбит. При Городецке он, вероятно, был бы уничтожен, если бы не методичная медлительность его противников.

Генерал князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, который в августе стал главнокомандующим всеми русскими армиями на местах, был ветераном шестидесяти семи лет, из которых пятьдесят два провел с оружием в руках. Он, безусловно, был способным человеком, как политическим, так и военным; и его практический опыт войны был велик, хотя в основном приобретен на службе против польских *партизан* и турецких иррегулярных формирований. Хотя он был номинальным главнокомандующим при Аустерлице, его репутация почти не пострадала, поскольку было хорошо известно, что он практически не пользовался властью, которая была узурпирована молодым царем и его приближенными. То, что он мог воспользоваться промахами своих противников, было продемонстрировано при Дюрренштайне в 1805 году и на Дунае в 1811 году. Но в 1812 году Кутузов был слишком стар для чрезвычайных действий, а раны и немощь снизили его физическую активность. Это было заметно даже во время турецкой войны. Как ультрарусский политик, он смог заручиться более лояльной поддержкой, чем Барклай. Его поведение в Бородинской битве было, по крайней мере, энергичным, а его последующая стратегия разумной; но во время отступления французов недостаток предприимчивости был очевиден. Его последняя кампания сделала его фельдмаршалом и князем Смоленским, но вряд ли можно сказать, что это укрепило его репутацию.

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ КНЯЗЬ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ
главнокомандующий русскими войсками в 1812 году

Генерал барон Левин Беннигсен, ярый противник Наполеона в 1806-1807 годах, какое-то время был главным помощником Кутузова; но они плохо работали вместе, и в конце концов Беннигсен был отправлен в отставку. Беннигсен, ганноверский солдат удачи, был таким же старым, как Кутузов, но гораздо более энергичным. Судя по всему, он был эгоистичным и ревнивым, но способным человеком и в следующем году снова сослужил России добрую службу. Барклай, по словам Левенштерна, сказал о нем, что, несмотря на свои способности, он был “настоящим вредителем” для армии из-за своего эгоизма и зависти; и это мнение, безусловно, подтверждается прочтением недостоверных и самовосхвалительных мемуаров Беннигсена.

Генерал Матвей Иванович Платов, атаман донских казаков, вероятно, лучше известен британским читателям, чем кто-либо из его коллег. Он был дородным, добродушным офицером, сочетавшим в себе со значительными военными талантами отвагу и добродушие, которые были еще более важны в глазах его необузданных последователей. Он был идеальным лидером нерегулярных формирований; его неустанная деятельность и энергия вскоре станут более очевидными.

Адмирал Павел Васильевич Чичагов, главнокомандующий Дунайской армией, является несколько примечательной фигурой в российской истории. Возможно, некоторыми своими чертами характера он был обязан частому общению с англичанами. Он, по-видимому, был несколько порывист и возбудим; и, безусловно, обладал очень независимым нравом, не стесняясь высказывать свое мнение своему деспотичному хозяину. Моряк и дипломат, поставленный командовать сухопутной армией в условиях серьезного кризиса, не было бы ничего странного, если бы он потерпел серьезную неудачу, но это было далеко не так. Выбравшись из турецкой стычки, он со всей скоростью вывел свою армию на фронт; и хотя, как полководец, слишком медленно, он проводил свои операции с неизменным упорством, отказываясь отвлекаться на противоречивые приказы. За побег Наполеона при Березине он был ответственен лишь очень частично; но вся вина была возложена на него поспешной несправедливостью его соотечественников, и его карьера закончилась в добровольном изгнании много лет спустя. Неприятно обнаруживать, что его имя все еще подвергается злобным нападкам. Царь Александр II придерживался иного мнения; один из первых кораблей российского броненосного флота был назван "*Чичагов*".

Из советников, окружавших царя и оказывавших на него влияние — не всегда во благо — самым выдающимся был прусский Фалл. Он занимал важный пост в прусском штабе в роковом 1806 году, и этот факт, несомненно, должен был предостеречь Александра от его советов. Конечно, никто, кроме царя, не доверял ему, и его полное отсутствие реальных военных способностей было продемонстрировано в знаменитом проекте лагеря в Дриссе.

Из штабных офицеров наиболее заметными были генерал-майор Алексей Петрович Ермолов и полковник барон Чарльз Толль. Первый был экстраординарной личностью, которая, кажется, сохранила больше варварских черт, чем любой европейский военачальник современности. Он был человеком большого мужества, значительных способностей и замечательной силы воли, но дикого и неуравновешенного нрава. Он мог быть виновен в грубой жестокости по отношению к военнопленным, а позже, будучи вице-королем Кавказа, полагался, как он признался с циничной откровенностью, на политику неизбирательной резни. Тем не менее, он был добрым и внимательным командиром, любимым своими войсками и не лишенным великодушия в обращении с подчиненными. Эта коварная сторона его характера побудила бы его плести интриги против соперника, с которым он затем внезапно примирился бы в каком-нибудь порыве великодушия. Он интриговал против Барклая, но горько плакал, когда этот обиженный вождь покинул армию. Возможно, это было лицемерием, как говорит Левенштерн; но на самом деле это больше похоже на один из тех импульсов, которые цивилизованные люди с трудом могут понять, но которые характерны для варварских натур, таких как натура Ермоловой. Политика массовых убийств, проводимая Ермоловым, не смогла умиротворить Кавказ, и его преемник Паскевич заявил, что это была грубая ошибка. Тем не менее, Ермолов по сей день продолжает быть предметом несколько огульных восхвалений. Возможно, лучше прислушаться к мнению людей, которые его знали. Отзыв Барклая был краток и по существу: "Способный человек, но лживый и интригующий". Отзыв Александера был емким: "Его сердце такое же черное, как его сапог". Клаузевиц, который был мало связан с ним, признал его способности.

Толль был ученым-солдатом со значительными достижениями и сыграл выдающуюся роль в 1812-1815 годах.

Из офицеров, которые во время кампании командовали подразделениями или армейскими корпусами, несколько были людьми действительно выдающимися.

Генерал Михаил Андреевич Милорадович — “русский мюрат” — командовал авангардом, который сдерживал отступление французов. Российские документы показывают, что он был не таким уж простым фехтовальщиком, каким его хотел изобразить Толстой. И в 1812, и в 1813 годах Милорадович сильно отличился, показав себя столь же замечательным в командовании арьергардом, сколь и в руководстве преследованием.

Генерал-лейтенант граф Петер Витгенштейн, немецкий командующий 1-м армейским корпусом, приобрел значительную известность своими независимыми операциями против левого крыла Наполеона. В высшем командовании он всегда терпел неудачу; но как командир корпуса он был равен большинству французских маршалов и, хотя часто бывал опрометчив и невнимателен, никогда не испытывал недостатка в упрямстве и энергии.

Генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров, командовавший 6-м корпусом, с отличием служил командиром дивизии в 1805, 1806 и 1807 годах; и пожинал новые лавры в 1812 году. Его поведение до и во время битвы при Малоярославце свидетельствует о его высочайшей репутации и, можно сказать, фактически решило судьбу отступающего наполеоновского войска.

Генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, командир 7-го корпуса, приобрел репутацию, немногим уступающую той, которую заработал Дохтуров. В критические дни 14-16 августа, когда Наполеон совершал свой знаменитый фланговый марш на Смоленск, готовность Раевского взять на себя ответственность и его решительность обеспечили оборону города и дали Барклаю и Багратиону время сосредоточиться. Его действия, несомненно, спасли русских от тяжелого поражения, если не сказать больше, от сокрушительной и непоправимой катастрофы.

Генерал-лейтенант фон дер Остен-Сакен, командовавший резервами Третьей армии, был направлен адмиралом Чичаговым для охраны своего тыла от Шварценберга в ноябре, в то время как сам он выступил в поход, чтобы удержать переправы через Березину. Он выполнил свою задачу с неизменным мужеством и энергией, хотя и противостоял значительно превосходящему численному составу. Несмотря на то, что он был пожилым человеком, его боевая энергия была велика. В течение двух последующих лет он укрепил свою репутацию бесстрашного и упорного в боях командира.

Ни одному из других русских корпусных командиров не была предоставлена возможность оказать такую выдающуюся услугу, как этим троим; но ни один из них, каковы бы ни были другие его недостатки, не проявил недостатка в том упрямстве, которое, вероятно, было самым необходимым из всех качеств в противостоянии Наполеону.

Нельзя также найти какой-либо серьезной вины и у большинства командиров дивизий. Заметными среди них были Коновницын, Неверовский и молодой принц Евгений Вюртембергский, который в следующем году приобрел большую репутацию в качестве командира 2-го корпуса. Среди тех, кто позже дослужился до высшего звания, можно упомянуть Воронцова, храброго, способного и в целом достойного человека, героя ужасающей битвы на плато Краонн в 1814 году, а тридцать лет спустя вице-короля Кавказа. Кроме того, одной из дивизий Раевского командовал вспыльчивый, тщеславный и ревнивый молодой генерал-майор,

которому в последующие годы предстояло добиться европейской известности, - Паскевич, в настоящее время бывший фельдмаршалом Паскевичем Эриванским и князем Варшавским. Другой выдающейся фигурой был молодой генерал-майор граф Кутайсов, командовавший артиллерией армии Барклая. Хотя ему всего двадцать восемь лет, он, по-видимому, не был неподходящим для своей должности; все, кто соприкасался с ним, свидетельствуют о его неутомимой энергии. Конечно, русские потери в артиллерии были очень незначительными, и в этом следует отдать должное Кутайсову, по крайней мере частично. Он завершил свою короткую и блестящую карьеру на Бородинском поле, возглавив успешную контратаку.

О русской армии в целом следует сказать, что было слишком много генералов, имевших право по своему званию на высшее командование, и которых считалось необходимым умиротворить, отдавая им приказы. При Бородино, помимо генералов из штабов Барклая и Багратиона, присутствовал Беннигсен в качестве начальника штаба всех русских армий; Коновницын был "генералом службы", и были другие. Милорадович командовал двумя армейскими корпусами под командованием Барклая, и генерал Горчаков также находился на поле боя в несколько неопределенном качестве — и все это в дополнение к главнокомандующему и командирам двух армий. Большинство из них были бесполезны на поле боя, поскольку Барклай, Багратион и Кутузов, естественно, направляли приказы непосредственно командирам корпусов и дивизий. В 1813 году дела обстояли еще хуже. Чтобы нанять как можно больше амбициозных генералов, была принята практика объединения корпусов в пары. Таким образом, силы численностью около 35 000 человек были обременены более чем тридцатью генералами и тремя отдельными штабами! В 1812 году неразбериха в штабах из-за присутствия свободных генералов или родственников царя часто была большой, и то, что катастрофы не последовало, не раз объяснялось чем-то вроде чистой случайности. Александр также совершил то, что могло бы стать фатальной ошибкой, не отдавая одному общему приоритету над другим, когда действовал сообща. Барклаю и Багратиону часто было трудно прийти к согласию; и хотя Чичагову и Тормазову и, по-видимому, Витгенштейну и Штайнгелю удавалось работать сообща, к счастью, неприятностей не возникло.

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЙ ЭТАП КАМПАНИИ. ОПЕРАЦИИ От КОВНО До ВИТЕБСКА

Российская граница в 1812 году, от Черного моря до того места, где река Буг вытекает из Галиции, была практически такой же, как и сегодня. Однако десять польских правительств тогда составляли большую часть Великого герцогства Варшавского: таким образом, граница обрывалась на Буге и нижнем Немане ниже Гродно. Неман, берущий начало недалеко от города Минска, течет примерно на запад на протяжении примерно 150 миль до Гродно, оттуда примерно на 80 миль на север до Ковно, а затем примерно на 110 миль на запад впадает в Куришес-Хафф. От Гродно до Ковно канал глубоко затонул, и его трудно пересечь. В 1812 году в Гродно и Тильзите были мосты, но в Ковно магистраль Кенигсберг-Вильно обслуживалась только паромной переправой. На протяжении последних 60 миль своего течения Неман находится на территории Пруссии. Таким образом, он стал чрезвычайно важен для Наполеона, как только он занял его правый берег. Он уже собрал большую флотилию канонерских лодок и

барж под командованием контр-адмирала Басте в портах Фришес-Хаффс и Куришес-Хаффс и поэтому смог доставить огромное количество припасов со своих передовых складов в Ковно, а оттуда в Вильно.

Примерно на протяжении 100 миль к юго-западу от Гродно естественной границы не было; оттуда до австрийской границы ее образовывал Буг, который, вытекая из Галиции ниже города Сокаль, течет на север примерно 110 миль до Брест-Литовска, а затем еще на 70 миль на северо-запад до того места, которое в 1812 году было польской границей. На протяжении почти 100 миль от Брест-Литовска Пинские болота вплотную примыкают к реке. Австро-русскую границу рассматривать не нужно, поскольку она была нейтрализована; Шварценберг действовал в Польше только как вспомогательный объект. Торговля продолжалась как обычно, и когда армия адмирала Чичагова прошла недалеко от границы, направляясь атаковать Шварценберг, номинальные враги России ее не тронули.

Первыми провинциями на правом берегу Немана, в которые вступила *Великая армия*, были Курляндия на севере и различные районы, которые когда-то составляли Великое княжество Литовское на юге. Литва была и остается регионом лесов и болотистых равнин, местами изрезанных во всех направлениях ручьями, текущими по глубоко затонувшим руслам. На юге от Буга вглубь страны простирались знаменитые Пинские болота, одно из крупнейших урочищ Фенландии в мире, простирающееся примерно на 300 миль к востоку и западу и более чем на 100 к северу и югу. Почва, даже если она не была болотистой, в целом была мягкой, и хороших дорог почти не было. Городов было мало; население было малочисленным и крайне бедным.

На расстояниях, варьирующихся примерно от 120 до более чем 300 миль к востоку от Буга и Немана, вторую естественную линию образуют Дунай и Днепр. Дюна берет начало недалеко от Волги, течет примерно на юго-запад к Витебску, там поворачивает с запада на северо-запад и тянется почти 300 миль до Балтийского моря у Риги. Выше Витебска его довольно часто можно перейти вброд во время летней жары. В 1812 году через нее были переброшены мосты в Витебске и Дюнабурге, на полпути к Риге, но, поскольку левый берег между этими местами обычно выше правого, река не представляет собой хорошей линии обороны.

От Дуны у Витебска на юг до Днепра у Орши есть промежуток примерно в 45 миль. У Орши Днепр, одна из великих рек Европы, поворачивает на юг и на протяжении 800 миль впадает в Черное море. В семидесяти милях выше Орши находится Смоленск, где в 1812 году был мост. В Могилеве, в 50 милях ниже Орши, был еще один. Реку редко можно перейти вброд даже летом. Его приток Березина, который был наиболее важным стратегическим объектом кампании, течет к нему на восток под острым углом на протяжении 200 миль, соединяясь в точке почти точно к востоку от Варшавы и к западу от Орла. В 1812 году были мосты в Борисове и Бобруйске, но в целом реку летом можно перейти вброд. Правый берег обычно выше левого.

Передовыми базами Наполеона были места на Висле, особенно Данциг и Варшава, хотя Данциг был бесконечно самым важным. Дорога из Данцига к границе разделялась у Веллау; левое ответвление шло через Тильзит через Курляндию к Митау и Риге, а оттуда к Санкт-Петербургу; правое через Инстербург и Гумбиннен к Неману у Ковно, оттуда через Вильно, Охмяню, Минск, Борисов и Оршу к Смоленску. Из Митау и Риги две дороги сходились на Якобштадте, а затем проходили вдоль правого берега Дуны, мимо Дюнабурга, Дриссы, Десны и Полоцка, к Витебску, откуда две или три дороги вели к Смоленску. От Полоцка и Смоленска пролегли дороги на северо-запад к Санкт-Петербургу.

Из Вильно дорога вела через Свенцицы и Глубокое на Десну и Полоцк. Из окрестностей Свенциц ответвление шло в Дюнабург, а из Глубокого еще одна развилка вела через Лепель и Беченковичи в Витебск. Перекрестки соединяли Витебск с Оршей, а Лепель - с дорогой Смоленск-Минск, на полпути от Орши до Бобра. Из Орши главная дорога на Киев шла по правому берегу Днепра через Могилев и Старый Быхов. Из Бобра другая дорога вела в Бобруйск, а оттуда на шоссе Орша-Могилев-Киев. Третья дорога шла из Бобруйска в Минск через Игумен.

Дорога, ведущая на восток от Варшавы, разветвлялась примерно на 30 миль, разделяясь на две ветви, которые снова соединялись в Нови-Свергене, в 250 милях дальше. Южная ветка проходила через Брест-Литовск, Слоним и Несвиж; северная - через Бельск, Белосток, Гродно и Новогородек. От Нови-Свергена дорога шла почти на северо-восток к Минску, примерно в 60 милях дальше. От Брест-Литовска дорога ответвлялась к Луцку через Пинские болота. В Кобрине, примерно в 30 милях дальше, дорога прорезала болота на восток, поворачивая направо примерно в 30 милях от Пинска и в конечном итоге выходя в направлении Луцка и Острога. Ответвление соединяло Пинск с этой дорогой, а из Пинска другое шоссе вело через болота на север, к Несвижу. Из Слонима дорога вела на север, в Вильно, пересекая гродненскую дорогу примерно на трети пути от выезда, а другой перекресток соединял две варшавские дороги к востоку от Гродно, через Волковиск. Наконец, дорога вела из Несвижа через Слуцк в Бобруйск, а из последнего места другая проходила через восточную оконечность Пинских болот через Мозырь-на-Припяти в Киев. Было, конечно, много второстепенных дорог или колеи, но это было практически все, что можно было использовать в военных целях, и большинство из них были некачественными. От Смоленска на восток система дорог стала, насколько это касалось кампании, очень простой и состояла всего из одной магистрали, ведущей в Москву.

Российские шоссе обычно имеют значительную ширину, так что транспортные средства могли двигаться по ним по несколько в ряд. Однако обе армии были настолько перегружены огромными обозами, что их колонны преодолевали огромные расстояния.

За исключением Москвы, Варшавы и Риги, на театре военных действий не было крупных городов в современном смысле этого слова, и даже Ригу вряд ли можно рассматривать как таковую. В Москве проживало чуть более 200 000 человек, в Варшаве - примерно вдвое меньше. В Вильно, Гродно, Минске, Витебске и Смоленске проживало от 20 000 до 30 000 человек; в Ковно, Дюнабурге, Митау, Брест-Литовске, Белостоке, Могилеве и Бобруйске, возможно, от 15 000 до 20 000; в Полоцке, возможно, 15 000. Борисов, Орша, Бобр, Сморгони и многие другие места, описываемые как города, были всего лишь деревнями — не часто большими, согласно современным представлениям. От Москвы до Смоленска, на расстоянии более 250 английских миль, было всего три небольших городка — Вязьма, Гжатск и Дорогобуж, — и в самом крупном из них проживало всего около 5000 человек.

Пока Наполеон осматривал свои склады, завершал организацию водного транспорта, приводил в порядок формирование и выдвигал на фронт свои многочисленные резервные силы, Великая армия, теперь практически защищенная от нападения русских, продвигалась к Неману. К 12 июня авангард 10-го корпуса был в Тильзите, а императорская гвардия и пять армейских корпусов, помимо трех корпусов кавалерийского резерва, неуклонно продвигались в тыл к линии Немана между Тильзитом и Ковно. 5-й и 8-й корпуса находились в авангарде

Варшавы, а 7-й - немного позади нее. Император все еще ожидал, что Багратион вторгнется в Великое герцогство, поскольку 10 июня он написал Евгению об этой гипотезе. Он также, по-видимому, ожидал, что наступление Багратиона будет поддержано по крайней мере частью армии Барклая. Во всяком случае, он говорит о возможном нападении на Эжена, что указывает на то, что он ожидал чего-то вроде общего столкновения по всему фронту.

Он объяснил Эжену, что его эшелонированное построение с выдвинутым вперед левым флангом позволит ему отразить атаку русских, направленную против его правого фланга или центра. Если бы Жером подвергся нападению, Эжен с 4-м и 6-м корпусами смог бы ударить во фланг вражеским колоннам, в то время как если бы сам Эжен подвергся нападению, он мог бы при необходимости получить поддержку всего левого крыла. Все это, безусловно, указывает на идею общего наступления России. Можно усомниться в том, что несколько сложные маневры, ожидаемые императором, в достаточной степени учитывали неопытность Эжена и Жерома и ужасные польские следы, по которым им пришлось бы передвигаться. Более того, ясно, что их успешное выполнение зависело от того, окажутся ли русские генералы настолько услужливыми, что сыграют на руку Наполеону. Следует помнить, что армии еще не соприкоснулись, и русские имели полную свободу маневрировать по своему усмотрению.

К 18 июня у Наполеона было около 320 000 человек (императорская гвардия, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й и 10-й *армейские корпуса*, а также 1-й, 2-й и 3-й резервные кавалерийские корпуса), сосредоточенные на фронте протяженностью около 130 миль от Тильзита на юго-запад до прусско-польской границы. Оттуда на Варшаву наступали 5-й, 7-й и 8-й корпуса и 4-й кавалерийский корпус — 80 000 человек на линии протяженностью 80 миль. Наконец, австрийцы численностью 34 000 человек составляли отдельную гвардию правого фланга, шедшую из Замостья через Люблин на Варшаву.

Всего 434 000 бойцов, 1076 орудий.

Русские были расквартированы следующим образом: Первая армия была стратегически расположена в составе основных сил, резерва и двух полунезависимых флангов. 1-й корпус (Витгенштейн) составлял правое крыло около Россини, примерно в 100 милях к северо-западу от Вильно, и почти напротив отдельного левого флангового охранения Наполеона под командованием Макдональда в Тильзите. Около Лиды, в 60 милях к югу от Вильно, по дороге на Слоним, стояли 6-й корпус (Дохтуров) и 3-й кавалерийский корпус (Пален II), образуя левое крыло под командованием Дохтурова. 2-й корпус (Баггоуфвудт), 3-й (Тучков I) и 4-й (Шувалов) охраняли линию Немана выше и ниже Ковно на фронте около 60 миль. 1-й кавалерийский корпус (Уваров) находился в Вилькомирце, в 40 милях к северо-северо-западу от Вильно, а 2-й (Корфф) - в Сморгони, почти в 50 милях по дороге на Минск. 5-й корпус (его Превосходительство великий князь Константин) сформировал общий резерв в Свенциани, примерно в 45 милях к северо-востоку от Вильно. “Летучий корпус” казаков под командованием атамана Платова был выдвинут к границе около Гродно, в 60 милях к западу от Лиды. Первая армия, включая Платова, насчитывала около 126 000 человек, в том числе 19 000 регулярных кавалеристов и 584 орудия.

Из двух армейских корпусов, составлявших Вторую армию, 8-й (Бороздин I) находился в Волковиске, в 60 милях к юго-юго-западу от Лиды, а 7-й (Раевский) - в Новом Дворе, в 20 милях южнее. 4-й кавалерийский корпус (Сиверс) и около 4000 казаков под командованием генерала Иловайского соединили их. Недавно сформированная 27-я дивизия (Неверовский), которая двигалась из Москвы на соединение с Багратионом, еще не прошла Минск. Включая ее, Вторая

армия насчитывала около 47 000 человек, включая 7000 регулярных кавалеристов, и 168 орудий.

Третья армия была сильно рассеяна и не могла выступить в бой в течение нескольких недель. Всего она насчитывала около 45 000 человек.

Таким образом, в силу различных причин — разногласий в советах, несовершенной организации, плохих дорог и особенно отсутствия какого-либо реального главнокомандующего — русские войска почти до самого момента вражеского столкновения находились в состоянии опасной рассеянности. Тайная история месяцев, в течение которых Александр находился в Вильно, вероятно, никогда не будет точно известна. В личном окружении царя царили раздоры и интриги. Много ценного времени было потрачено впустую на составление и обсуждение планов действий, все они были невыполнимы, поскольку основывались на гипотезах, которые оказались несостоятельными. Все они значительно недооценили боевую мощь Наполеона и, по-видимому, предположили концентрацию русских войск около Вильно. В высших командованиях царил большой беспорядок. Номинально главнокомандующим был Барклай, но Александр часто отдавал приказы через своего адъютанта князя Волконского через голову измученного военного министра, в то время как, чтобы усугубить неразбериху, сбитый с толку Фалл, как выражается Клаузевиц, “иногда вставлял свое весло”. Вопреки общепринятому мнению, похоже, что Барклай предпочел бы сражаться, если бы представилась благоприятная возможность. Решающим фактором в ситуации, по-видимому, было то, что почти в последний момент русский штаб получил более точную информацию о силах, которые Наполеон имел при себе в Пруссии.

Во всяком случае, партия благоразумия в конце концов взяла верх в царских советах. Политика отступления перед захватчиком обсуждалась так часто, что в принятой резолюции не было ничего неожиданного. Было решено оттянуть всю Первую армию по крайней мере до Свенциц. Все командиры корпусов были предупреждены быть готовыми отступить туда немедленно по получении приказа, за исключением Витгенштейна, которому было дано разрешение опередить их, если на них надавит быстрое продвижение крайнего левого крыла Наполеона через Неман. Смутно предполагалось, что Платов сможет угрожать коммуникациям Наполеона, и его поддержит Багратион из Волковыска. Тормазов с Третьей армией должен был отступить на Киев, если его будут сильно прессинговать; но, в противном случае, должен был оставить генерала Сакена с его неполной дивизией наблюдать за австрийской границей, а с остальной частью своей армии обрушиться на правый фланг войск, противостоявших Багратиону. Генерал Окунев в своих комментариях к войне предполагает, что Багратион и Тормазов должны были осуществить соединение и двинуть все силы против коммуникаций Наполеона, пока он был занят фронтом с Барклаем. Поскольку, однако, Наполеон мог выделить 80 000 человек под командованием Евгения для поддержки 114 000 человек, которые у него уже были в Великом герцогстве, Багратион, Тормазов и Платов в конечном итоге оказались бы в меньшинстве, по крайней мере, два к одному; в то время как Наполеон все равно обладал бы двойным численным превосходством над Барклаем. На самом деле русские были настолько значительно превосходили противника на каждом этапе, что отступление было единственной разумной стратегией. Наполеон, правда, предполагал, что русские будут сражаться. Частично это было, без сомнения, связано с ошибочными, но не безосновательными расчетами относительно

уровня их подготовки, но также в значительной степени, следует опасаться, с упрямым оптимизмом, который в последние годы жизни стал для него чем-то вроде острого психического заболевания. У него выработалась пагубная привычка верить, что его враги всегда будут играть ему на руку.

Соответственно, все еще исходя из предположения, что Багратион вторгнется в Великое герцогство Варшавское, в то время как Барклай твердо стоял на своем, чтобы противостоять его собственному наступлению на Вильно, французский император решил использовать переправу через Неман недалеко от Ковно. Ковно расположен при впадении Вилии, реки Вильны, в Неман, и поэтому был превосходно приспособлен для сбора припасов по воде из Данцига и Кенигсберга и переправки их в Вильно, как только это место и окружающая местность оказались во власти Наполеона. На самом деле Вилия оказалась слишком извилистой и сложной, чтобы приносить большую пользу, но в то время об этом вряд ли можно было знать, и в любом случае это не сильно повлияло на ценность Ковно как базы. Пильвиский или Вильковский лес, простиравшийся на значительной территории на берегу реки напротив Ковно, служил прекрасным прикрытием для операций Наполеона. Наконец, форсировав реку и быстро развернувшись в направлении Вильно, Барклай мог быть отделен от своего отдельного правого крыла под командованием Витгенштейна. Все это, очевидно, предполагало, что русские останутся на месте.

22 июня Джерому было приказано прибыть в Августово 25-го. В тот день три его корпуса были вытянуты вдоль дороги Варшава-Августово, а головной 5-й корпус, который шел впереди, находился почти в 50 милях от них. 8-й был еще дальше позади, а 7-й все еще находился в окрестностях Варшавы, ожидая австрийцев, которые медленно продвигались от Люблина. Наполеон, вероятно, был дезинформирован относительно расстояний и, конечно же, не принял в полной мере во внимание ужасные польские дороги. Очевидно, он рассчитывал на то, что сможет внезапно перебросить свои основные силы через Неман у Ковно, нанести сокрушительный удар по Барклаю, а затем развернуться, чтобы сокрушить Багратиона.

К счастью для русских, теперь они решили поступить правильно и не собирались ждать удовольствия своих врагов. Три корпуса, стоявшие на Немане, были оттянуты обратно к Вильно, оставив только заслон легкой кавалерии вдоль правого берега. Витгенштейн отступил из Россиени в Кейдани, на 40 миль ближе к Вильно. Таким образом, 23 июня Барклай располагал четырьмя корпусами, расположенными эшелонированно на линии протяженностью 70 миль, почти в двух маршах от Немана в его ближайшей точке; и, поскольку все они были готовы отступить на Свенцицы в кратчайшие сроки, планы Наполеона были уже наполовину расстроены. Однако российские советы пребывали в нерешительности, и Дохтуров по-прежнему оставался в опасной изоляции в Лиде.

22-го Наполеон, находясь сам в Вильковисках, примерно в 40 милях от Ковно, составил обращение к армии, которое можно рассматривать как официальное объявление войны. Это был обычный наполеоновский документ, состоящий в основном из ложных заявлений и пророчеств, которые так и не сбылись. Мистер Херефорд Джордж, вероятно, прав, утверждая, что “более неудачный документ, возможно, никогда и не был составлен”.

Во второй половине дня 23-го Наполеон имел под своим командованием напротив Ковно в Пильвиском лесу около 214 000 человек, включая императорскую гвардию, резервные парки и инженерных войск, 1-й, 2-й и 3-й *армейские* корпуса и 1-й, 2-й и 3-й резервные кавалерийские

корпуса. В Тильзите, наравне с основными силами, находился 10-й корпус под командованием Макдональда. Эжен с 4-м и 6-м корпусами все еще находился примерно в 60 милях в правом тылу и едва ли мог достичь Немана близ Ковно раньше 28-го. Генерал Бонналь, по-видимому, считает, что его отсутствие существенно повлияло на провал стратегии императора, но полностью согласиться с ним немного сложно. Даже если бы ситуация была такой, какой ее представлял Наполеон, когда русские вытянулись длинной, тонкой линией вдоль границы, отсутствие Эжена не могло бы фатально повлиять на результаты. Захватчики, с их подавляющим численным превосходством, не могли не добиться успеха. Без Эжена у Наполеона было всего 247 000 человек против 120 000 у Барклая. Багратион вряд ли мог при каких-либо обстоятельствах добиться большего, чем временный успех над головой длинной колонны дивизий, марширующих от Люблина к Августово и пока еще не обеспокоенных Тормазовым в тылу. Учитывая, что Ренье и Шварценберг были вынуждены развернуться лицом к Тормазову — что в конечном итоге и произошло — у Жерома все равно было бы более 60 000 регулярных войск против 36 000 у Багратиона; а отставание Эжена поставило бы его в выгодное положение для поддержки. Допустимо даже утверждать, что отсутствие Эжена было скорее благоприятным обстоятельством, чем чем-либо иным, поскольку знание того, что Наполеону не хватало более 70 000 человек, могло побудить Барклая встать и дать бой, чего и добивался Наполеон.

На самом деле ситуация была совсем иной, чем предполагал Наполеон. Если бы все его корпуса оказались на позициях вовремя, маневр под Вильно все равно провалился бы. Если бы Джером со всем своим войском достиг Августово 25 июня, как предполагалось, он не смог бы достичь Гродно раньше 27-го. Волковыск находится почти в 50 милях дальше, и Багратион эвакуировал его 28-го, чтобы отступить на Минск. Джерому было абсолютно невозможно добраться до него. 1-й корпус Барклая находился почти в двух днях пути от Немана, и Витгенштейн получил разрешение отступить, как только получил информацию о переправе французов через реку. Баггоуфвудт, Тучков и Шувалов находились еще дальше, вне соприкосновения с французами, которые не могли добраться до них менее чем за два форсированных марша, даже если бы они стояли крепко. Один только Дохтуров находился в некоторой изоляции и подвергался значительному риску оказаться отрезанным от основных сил. Тем не менее, даже если бы Дохтурова уволили из Barclay, весьма вероятно, что ход событий был бы немногим иным. Соединение двух западных армий в конечном итоге было бы осуществлено, и вполне возможно, что Барклай, не имея 20 000 человек, не сделал бы, как он сделал, по крайней мере, одной очень опасной остановки на своем марше к Смоленску.

В заключение, когда однажды русское командование решило принять политику неуклонного отступления и придерживаться ее с большей или меньшей решимостью, можно сказать, что ход кампании решился почти сам собой. Наполеон всегда стремился установить контакт со своими неуловимыми врагами и вступить в великую битву, которая должна была сломить их сопротивление. Но только трижды за все время наступления ему удавалось установить этот контакт, и в каждом случае русские отходили, не потерпев решающего поражения. Первые операции на Немане были типичны для большинства последующих.

23 июня все войска, находившиеся непосредственно под командованием Наполеона, были почти напротив Ковно. Наполеон отдал строжайший приказ, чтобы к реке подходила только легкая кавалерия; пехоту, артиллерию и тяжелую кавалерию следовало держать под прикрытием в лесу, чтобы до последнего момента скрывать от противника точное направление, в котором должен быть нанесен удар. Тем временем река была разведана в поисках переправы,

и генерал Хаксо, начальник инженерных войск Даву, выбрал излучину между Ковно и деревней Пониемон, немного выше по течению.

На рассвете 23-го Наполеон лично прибыл в своей дорожной карете на бивуаки 1-го кавалерийского корпуса. Он спустился у входа в 6-й польский уланский полк и, все еще стремясь до последнего момента скрывать все от русских, снял свою знаменитую гвардейскую форму и треуголку и надел сюртук польского офицера — примеру последовали бывшие с ним штабные офицеры. Граф Солтык, офицер уланского полка, подробно описал этот эпизод. Сильный здравый смысл Наполеона проявляется в его отказе от кивера тяжелой польской кавалерии и принятии вместо него фуражки. Затем он поехал вперед, в деревню, расположенную прямо напротив Ковно, и тщательно осмотрел это место из окон дома сельского врача. Вернувшись на бивуак улан, он наскоро поужинал, болтая тем временем с польскими офицерами и особенно спрашивая, подходит ли ему их форма. Затем он облачился в свою одежду и отправился на разведку течения реки в другом месте. Он одобрил выбор Пониемона Хаксо и отдал подробные распоряжения относительно переправы. Они, очевидно, подразумевают, что ожидалось энергичное сопротивление; еще ничего не было известно об отступлении русских под Вильно. Они также содержат множество мельчайших деталей, которые вполне могли быть оставлены на усмотрение Хаксо или Даву.

Днем и вечером 1-й корпус был подтянут к Пониэмону, куда также были отправлены понтонные поезда под командованием генерала Эбле. Предстояло перебросить три моста, расположенных примерно в 300 ярдах друг от друга. Как только совсем стемнело, то есть около 10 часов вечера, генерал Моран, командующий 1-й дивизией, лично переправился через реку с тремя ротами вольтижеров и одной саперной, которые были переправлены на лодках. Когда они высаживались, их заметил ближайший российский пикет - елисаветградский гусарский отряд. Они подъехали к собирающимся вольтижерам, и их предводитель окликнул их по-французски: “Qui vive?”

“Франция!” - последовал ответ.

“Что вы здесь делаете?” - спросил русский офицер.

“Скоро увидите!” - последовал ответ, и отважный офицер развернул поводья, чтобы доложить своему начальству, что долгожданное вторжение наконец началось. Его солдаты разрядили из своих карабинов в направлении отъезжающего французского отряда, но, по-видимому, безрезультатно; вольтижеры не ответили, поскольку Наполеон отдал приказ не стрелять, за исключением случая крайней необходимости. Наведение мостов было завершено примерно к часу ночи 24-го, и корпус Даву начал переправляться через реку. Сопротивления не было; единственный способ ведения боя состоял в обмене несколькими выстрелами между передовыми французскими войсками и арьергардами отступающих русских кавалерийских полков. День начался в разгар пассажа: он продолжался практически без перерыва все 24-е и 25-е числа. Как военное зрелище это, возможно, никогда не было превзойдено; но легкость, с которой это было осуществлено, вероятно, отнюдь не полностью понравилась Наполеону. Должно быть, ему было неприятно сознавать, что русские не собирались отдавать себя в его руки, хотя он, вероятно, надеялся, что они выстоят и будут сражаться перед Вильно.

Утром 24-го 1-я легкая кавалерийская бригада Даву под командованием Пажоля заняла Ковно, изгнав казачий эскадрон, который был единственным гарнизоном; а во второй половине дня сам Наполеон перенес туда свою штаб-квартиру. Он приказал построить постоянный свайный мост у переправы и перекинул еще один мост через Вилию, чуть выше ее впадения в Неман.

Известие о вторжении дошло до Александра в тот же вечер, когда он был на приеме в саду особняка генерала Беннигсена близ Вильно. На следующий день он объявил об этом своей армии в прокламации, а нации в целом - в другой, адресованной маршалу Салтыкову, военному губернатору Санкт-Петербурга. Тон обоих был подобающим случаю и сильно контрастировал с высокомерным и театральным звучанием Наполеона.

Всем командирам корпусов был отдан приказ отступить на Свенциани. Было признано, что Платов в одиночку вряд ли мог нанести какой-либо серьезный ущерб коммуникациям Наполеона, и ему также было приказано отступить на Свенциани через Лиду и Сморгони. Багратиона предупредили, чтобы он не позволил отрезать себя от Минска. Все приказы благополучно дошли до места назначения, за исключением приказа генерал-майору Дорохову, который с авангардом 4-го корпуса находился в Орани, к юго-западу от Вильно. 3-й и 4-й корпуса неторопливо отошли к пригородам Вильно, которые Барклай не собирался эвакуировать до тех пор, пока это не станет абсолютно необходимым.

К вечеру 25-го вся французская армия форсировала Неман и продвигалась к Вильно. Марш открыл Мюрат с 1-м и 2-м кавалерийскими корпусами. Позади находились 1-й и 3-й корпуса, 3-й кавалерийский корпус и Императорская гвардия, в то время как 2-й корпус переправился через Вилию у Ковно и двигался вдоль ее правого берега, образуя таким образом фланговое прикрытие наступления на Вильно и угрожая отрезать Витгенштейна от Кейдани. Даву и Ней выделили по иностранному полку для охраны Ковно и мостов. 10-му корпусу было приказано наступать из Тильзита на Россини, зачистив правый берег Немана и таким образом расчистив русло реки для флотилий снабжения Басте, которые в настоящее время собирались в Тильзите, откуда их выдвигали к Ковно.

На марше к Вильно боев практически не было. Тонкая цепь постов русской кавалерии неуклонно отступала по мере продвижения французов вперед: время от времени раздавалось всего несколько выстрелов. Наполеон надеялся на битву под Вильно, и войска изо дня в день совершали форсированные марши, чтобы достичь желаемой цели, ценой больших потерь для себя, поскольку погода была знойной, дороги плохими, а обозы с провизией уже отходили в тыл. Люди начали покидать строй, чтобы добыть припасы, а лошади, которых плохо кормили и перегружали работой, ломались и в большом количестве погибали. Даже артиллерия с самого начала была неумелой, и офицеры были вынуждены рыскать по стране в поисках тягловых животных, часто с очень небольшим успехом. Барклай находился на позиции перед Вильно с 3-м корпусом и большей частью 4-го, а Баггоуфвудт находился на связи к северу; но Александр и его свита уже уехали в Свенцици, и Барклай просто ждал, пока французы начнут сближение. Припасы, которые нельзя было унести, были уничтожены, и в 4 часа утра 28-го 3-й и 4-й корпуса начали дефилировать по городу. Барклай и его штаб выступили около часа дня; арьергард последовал за ними, сжигая мост через Вилию. Кавалерийская дивизия Брюйера, возглавлявшая наступление французов, прошла через город до того, как кавалерийский арьергард Барклая был полностью выведен из пригородов; а ее передовой полк, 8-й гусарский,

был атакован и отброшен назад казаками Императорской гвардии, потерявшими нескольких пленных. Русские колонны были уже далеко на пути к Свенциани, и после трех дней форсированного марша в тропическую погоду французский порыв истощил свои силы.

В тот же день под Вилькомиром произошла более серьезная перестрелка. Витгенштейн, отступая от Кейдани, услышал, что Удино движется вверх по правому берегу Вилии, и, опасаясь, что его могут ожидать в Вилькомирце, 27-го разместил свой арьергард под командованием генерал-майора Кульнева (4 батальона, 4 эскадрона, 1 казачий полк и 6 орудий) в Девельтове, попросив генерала Уварова поддержать его драгунским полком. Тем временем 1-й корпус дефилировал через Вилькомирз по дороге на Свенциани. Когда Кульнев, в свою очередь, отступал через это место из Девельтовы, на него напал Кастекс с передовым отрядом Удино. Французская кавалерия атаковала русских гусар и казаков и загнала их в город со значительными потерями, но Кульневу удалось отвести свои силы за Вилию и сжечь мост, а Кастекс мог только вести канонаду по русским до прибытия пехоты. Кавалерийский полк Уварова, довольно небрежно шедший вдоль берега реки на соединение с Кульневым, попал под артиллерийский обстрел и потерял несколько человек и лошадей. Когда начала прибывать пехота Удино, Кульнев последовал за своим командиром. Он потерял около 300 человек, в том числе 240 пленными. Удино сообщил о потере 50 человек убитыми и ранеными. 2-й корпус занял Вилькомирз и расположился на ночь бивуаком примерно в 2 милях по дороге на Свенциани.

Сам Наполеон вступил в Вильно во второй половине дня 28-го. Александр отправил своего адъютанта генерала Балашова с последним посланием своему противнику, предлагая возобновить переговоры, если французские войска отойдут за Неман. Наполеон, со своим обычным драматическим чутьем, принял Балашова в апартаментах, которые Александр недавно покинул. Излишне говорить, что из этой беседы ничего не вышло. Наполеон расценил это сообщение как оскорбление или, в лучшем случае, как попытку выиграть время. Он просто написал Александру длинное письмо, в котором повторил все свои реальные или воображаемые доводы в пользу войны. Данилевский говорит, что Балашову было поручено передать Наполеону, что, если он откажется выслушать последние предложения Александра, ему следует ожидать войны не на жизнь, а на смерть. Также говорят, что Наполеон задавал вопросы о дорогах к Москве. Балашов ответил, что их несколько, и Его величество может поступить так, как поступали другие монархи, и выбрать. Карл XII, например, выбрал дорогу, которая вела через Полтаву!

На самом деле у Наполеона было мало причин для удовлетворения. Он, как и надеялся, внезапно ворвался в середину линии обороны своего противника; он собрал огромные силы на выбранном им участке атаки и тщательно скрывал это до последнего момента. Его войска приложили огромные усилия для осуществления его стратегии. И все же на самом деле почти ничего не было достигнуто. Он владел пустым штабом своего врага, и это было все. Его армия серьезно пострадала в стремительном наступлении на Вильно, в то время как российская армия тихо отступила за пределы его досягаемости. Тщательно спланированный удар, который должен был стать сокрушительным, был нанесен в пустоту.

29-го числа разразилась сильная гроза, за которой последовали пять дней непрерывного дождя. Результаты были самыми катастрофическими. Передвижения войск, хотя и были сильно затруднены, не были полностью остановлены; но огромные составы на дороге Вильно-Ковно

были полностью дезорганизованы. Плохие дороги и рельсы стали немногим лучше трясин. Лошади полностью сдали под дополнительной нагрузкой, тем более что страна могла поставлять очень мало корма для замены того, что осталось в брошенных транспортных средствах. Недостатки транспорта стали очевидны. Повозки были слишком тяжелы для плохих польских дорог, и для того, чтобы переправлять какие-либо припасы вообще, их пришлось заменить деревянными повозками, которые были способны перевозить только гораздо меньшие грузы. Естественными последствиями стали нехватка запасов продовольствия и многочисленные мародерства в поисках их. Литовцы, которых французы должны были освободить от русского ига, повсюду подвергались жестокому обращению и грабежу со стороны своих так называемых освободителей. Реквизиции, какими бы беспощадными они ни были, полностью не смогли восстановить поврежденный транспорт. Армия была настолько огромной, а ее бремя - столь огромным, что бедная страна не могла обеспечить необходимое количество тяглового скота. Одна только артиллерия оставила в Вильно 120 орудий или более и сотни повозок из-за нехватки лошадей. Число погибших последних может быть условно оценено в 10 000 человек; и около 30 000 солдат разбрелись по стране, мародерствуя в поисках пропитания и совершая всевозможные безобразия.

Сам Наполеон оставался в Вильно более двух недель. 4-й и 6-й корпуса только что достигли Немана, и было абсолютно необходимо доставить на фронт склады из Кенигсберга. Он также хотел организовать Литву, или, скорее, использовать ее. В Вильно было создано временное правительство французских партизан; были распределены гарнизоны; в различные города и районы были назначены официальные лица. Первым актом правительства был приказ о наборе конницы и пехоты на службу Наполеону; один кавалерийский полк должен был полностью состоять из литовских оруженосцев и быть придан Императорской гвардии. В противном случае правительство практически не могло бы выполнять никаких гражданских функций; его обязанности были просто такими, какие возникли в результате военной оккупации страны. Крестьяне были доведены до крайней нищеты бесконечными реквизициями и незаконным насилием отставших, которые кишели повсюду. Французский *су-префект* из Новых Троков, местечка менее чем в 20 милях от Вильно, был разграблен солдатами-мародерами по пути туда, и если такое событие могло произойти в пределах дневного перехода от штаб-квартиры Наполеона, то можно себе представить положение дел дальше. Строгие приказы Наполеона против грабежей и беспорядков были немногим лучше, чем бесполезны. Грабеж возник просто из-за нехватки продовольствия, и последнее было естественным результатом того факта, что экспедиция была слишком большой, чтобы работать в существующих условиях. Наполеон приложил огромные усилия, чтобы организовать это, и до определенного момента он все предвидел и предусмотрел. Но он не учел в полной мере физические трудности: он, среди прочих грубых ошибок, организовал колесный транспорт, для которого почти не существовало дорог, и он не смог понять, что огромный размах его предприятия автоматически создал новые препятствия на пути к успеху или, во всяком случае, чрезвычайно увеличил те, которые уже существовали.

Хотя, достигнув Вильно, Наполеон, должно быть, понял, что его стратегия уже частично провалилась, он сразу же приступил к выполнению второй части плана — разгрому армии Багратиона, которая, как он надеялся, уже была плотно прижата Жеромом. На самом деле Багратион в тот же день выехал из Волковыска в Минск, в то время как Джером прибыл в Гродно только 30-го числа. Таким образом, с точки зрения Джерома, Багратиону ничего не угрожало, и только колебания в штаб-квартире российской империи позже привели его на ощупь к

уничтожению. В сфере действий Багратиона были и другие силы, которые французский император, возможно, надеялся также заманить в свои сети. Платов из Гродно едва ли мог надеяться добраться до Первой армии, когда французы стояли в Вильно; в то время как авангард 4-го корпуса, прождавший приказов в Орани до 27-го числа, также был изолирован. Однако более важной добычей, чем любой из них, было отдельное левое крыло Барклая под командованием Дохтурова, которое только что вышло из окрестностей Лиды, получив, конечно, приказы последним.

Поэтому Наполеон приказал осуществить следующие действия: Удино при поддержке кирасирской дивизии Думерка из корпуса Груши должен был следовать за Витгенштейном из Вилькомирца в направлении Свенциани. Мюрату с кавалерийским корпусом Монбрена и пехотными дивизиями Фриана и Гюдена было приказано преследовать центральные колонны Барклая. Нансути с двумя из трех своих дивизий и пехотной дивизией Морана был направлен на Свирь, почти точно к востоку от Вильно, с целью ударить во фланг колонне Дохтурова. Даву со своими 4-й и 5-й дивизиями, кавалерийской бригадой Пажоля, гвардейскими уланами, двумя оставшимися кавалерийскими дивизиями Груши, кирасирской дивизией Валенса из корпуса Нансути и Висленским легионом, всего около 45 000 человек, должен был наступать на Минск и перехватить отступление Багратиона. Другая легкая кавалерийская бригада Даву (Бордсульт) была направлена на юго-запад из Вильно для разведки в этом направлении и 30-го числа столкнулась с отрядом Дорохова, который он принял за арьергард корпуса Баггоуфвудта. Дорохов, видя, что французские войска теперь у Вильно, отступил на юг в надежде присоединиться к Платову и, в конечном счете, к Багратиону.

Тем временем Даву и Дохтуров, двигаясь по сходящимся линиям, быстро приближались. Дохтуров шел из Лиды двумя колоннами, и 30-го его охрана левого фланга, состоящая из бригады кавалерии Палена под командованием генерала Крейца, достигла Охманы по дороге Вильно-Минск как раз в тот момент, когда бригада Пайоля приближалась из Вильно. Опасность, должно быть, казалась русским генералам очень большой, и если бы они не проявили необычайной энергии, так оно бы и было, ибо, хотя пехота Даву находилась значительно в тылу у Пажоля, она легко могла прибыть на следующий день и атаковать левый фланг колонны Дохтурова, когда та пересекала дорогу. Однако Дохтуров, как и в другой, более серьезной чрезвычайной ситуации, оказался на высоте положения. Он призвал своих людей к решительным действиям; и 1 июля 6-й корпус и кавалерия Палена пересекли дорогу Вильно-Минск прямо перед наступающими колоннами Даву и двинулись к Свенцицам. У Охманы произошла оживленная перестрелка между Крейцем и Пажолем; но ночью основная часть отряда Дохтурова достигла Свири после великолепного форсированного марша в 28 миль по отвратительной дороге с потерей всего нескольких десятков человек и нескольких отставших обозных повозок. Во время марша 2-го числа передовые отряды Нансути преследовали поезда, и часть из них была захвачена в плен, но в тот вечер Дохтуров был в строю с остальной частью Первой армии около Свенциани. Его быстрое решение, превосходно подкрепленное стойкостью и прекрасной маршировкой его войск, благополучно вывело его из очень опасного положения.

Тем временем Барклай и Витгенштейн провели свое отступление из Вильно и Вилькомирца без особых трудностей и почти без боев. 2 июля Первая армия около Свенциани насчитывала

около 114 000 человек; но советники царя теперь окончательно решили не вступать в бой до достижения Дуны. Магазины, которые нельзя было унести, были сожжены; и 3-го числа отступление было продолжено, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й корпуса отступали непосредственно к Дриссе, прикрываемые арьергардом под командованием Корфа, в то время как Витгенштейн и Дохтуров отступали на флангах.

Отступление велось неуклонно и без особой спешки. Александр и Фалл с нетерпением ждали прибытия армии в Дриссу, и последний послал Клаузевица, впоследствии историка войны, ускорить марш. Барклай, который лучше Фалла знал деморализующие последствия поспешного отступления, был очень зол и отказался спешить. 5-го произошла небольшая стычка у Давигелишки между передовой бригадой Себастьяни под командованием Суберви и кавалерийским арьергардом Корфа. Французы были отброшены, и принц фон Гогенлоэ, полковник 3-го Вюртембергского егерского полка, попал в плен. Однако 6-го и 8-го числа русские совершили ночные марши и оторвались от своих преследователей; а 11-го весь центр и левый фланг русских были у Дриссы, в то время как Витгенштейн находился у Друи, немного ниже по течению Дуны. В Дриссе и Дюнабурге находилось 19 резервных батальонов, все очень слабые, и 20 довольно сильных запасных эскадронов. Большинство из них были приписаны к Витгенштейну, который сформировал из них временные полки.

Эжен и Сен-Сир достигли Немана 29 июня и переправились через него в Пренне 30-го, для чего использовался один из понтонных мостов из Ковно. Оттуда они двинулись маршем на Вильно во главе 4-го корпуса. Дороги были ужасно плохими; дождь лил как из ведра без перерыва, и, в довершение ко всем прочим невзгодам, люди умирали с голоду, а поезда были еще менее приспособлены к маршу, чем несколькими днями ранее. 4-го Эжен достиг Новых Троков и там отдыхал два дня. Сен-Сир остановился примерно на полпути от Немана. 30-го Понятовский и Латур-Мобур достигли Гродно. Король Жером с 8-м корпусом находился близ Августово. Рейнье с 7-м полком находился в Бельске на дороге Варшава-Белосток; а Шварценберг, продвигавшийся с характерной медлительностью и осторожностью, несколько восточнее Варшавы. Особой обязанностью Рейнье было прикрывать Варшаву, и поэтому Жером не мог рассчитывать на него до тех пор, пока его не сменят австрийцы. 30-го Джером получил приказ выступить на Охмяню — у него создалось впечатление, что корпус Дохтурова, который только что достиг этого места, был армией Багратиона. Однако на следующий день он получил новые указания. Наполеон установил подлинную принадлежность войск в Охмяне и теперь приказал своему брату направить 5-й и 8-й корпуса на Минск, а 7-й - на Несвиж. Очевидно, что эти противоречивые указания, должно быть, беспокоили и сбивали с толку неопытного генерала, которого завещание его брата поставило командовать тремя армейскими корпусами; а его начальник штаба Маршан, достаточно хороший командир дивизии, вряд ли был тем человеком, который мог бы восполнить недостатки своего начальника. Войска Джерома были так измотаны маршем из Варшавы по плохим дорогам и под проливным дождем, что он счел себя обязанным дать им короткий отдых в Гродно. Рейнье задержался у пролива Нарев, так как Платов тщательно уничтожил все лодки. Минск, указанная цель Джерома, находится почти в 180 милях от Гродно по Новогродеку и Миру, а Несвиж - в 140 милях от Белостока.

Багратион выехал из Волковыска в Минск поздно вечером 28 июня. Он рассчитывал достичь его 7 июля, но в тот же день Даву приближался к Охмяне и легко мог прибыть раньше него. Однако 30-го числа полковник Бенкендорф, один из адъютантов Александра, прибыл со свежими приказами, согласно которым Багратион должен был выступить на Дриссу, чтобы

присоединиться к Барклаю. Багратион, не подозревавший, что Даву уже наступал на Минск из Вильно, и, вероятно, полагавший, что приказ не был бы отправлен, если бы Наполеон не следовал за Барклаем с основной частью своих сил, решил присоединиться к своему коллеге кратчайшим возможным путем. Он достиг Слонима 1 июля, а 3 июля прибыл в Новогородек, расположенный в 40 милях по Охмянской дороге, где к нему присоединилась 27-я дивизия, шедшая маршем из Минска. Рано утром 4-го голова колонны была в Николаеве-на-Немане, и, хотя понтонов было отнюдь не слишком много, через затопленную реку были переброшены два моста. Переход был начат как можно раньше, и 8-й корпус уже переправлялся, когда поступили донесения от Платова. Он сообщил, что находится в Вологине, примерно в 20 милях от Николаева, что у него стычка с французской кавалерией и что они принадлежат к корпусу Даву, который движется на Минск. Платов достиг Вологина по пути на соединение с Барклаем; и там его встретил Дорохов, возвращавшийся для соединения с Багратионом в Минске.

3-го числа авангард Джерома двинулся на восток от Гродно, а 4-го числа его основные силы наконец двинулись в путь. Противоречивые приказы и недостаток информации привели Багратиона в ситуацию серьезной опасности.

Вторая армия под командованием Платова и Дорохова насчитывала теперь около 45 000 регулярных войск, 9000 иррегулярных и 192 орудия. У Даву было около 42 000 человек, но фактически под рукой было только 30 000. Джером наступал из Гродно с еще почти 55 000 человек; его авангард находился примерно в 60 милях от Новогородека, в тылу Багратиона.

Багратион, конечно, оценивал силы Даву примерно в 70 000 человек - первоначальную численность 1-го корпуса; и, вероятно, считал армию Жерома примерно равной численности. Обдумав свое положение, он решил сделать рывок к Минску через левый берег Немана и шоссе Слоним-Минск, надеясь, что Платов и Дорохов смогут навязать Даву свои действия и помешать его маршу до 8-го числа, к которому Багратион надеялся достичь Минска. 8-й корпус был спешно переправлен обратно через Неман; понтоны были подняты; и Вторая армия двинулась к Минской дороге за Миром, которой она достигла 6-го, преодолев почти 40 миль за два дня.

Как и следовало ожидать, масса иррегулярных войск Платова и небольшой отряд Дорохова ни на минуту не смогли противостоять маршу колонны Даву. Когда французская пехота неуклонно продвигалась вперед, казакам оставалось только отступить, а Дорохов был недостаточно силен, чтобы защитить открытый город от 30 000 сабель и штыков. Поэтому Платов отступил на юг, чтобы присоединиться к Багратиону, и 7-го числа передовой отряд Даву беспрепятственно вошел в Минск, а Компан, Дезе и Валанс прибыли на следующий день. Он захватил в городе более 300 000 фунтов муки и огромное количество фуража, а также много барачного и больничного оборудования. В тот же день уланская бригада Кольбера, прикрывавшая левый фланг и тыл Даву, вошла в Вилейку, где он нашел 180 000 фунтов муки, 200 000 бисквитов, 4500 бутылок спиртных напитков и более 200 тонн фуража, помимо одежды и больничных припасов. Эти захваты были первыми сколько-нибудь важными, которые еще были сделаны. Потери русских имели гораздо меньшее значение, чем выигрыш для французов, на которых недостаток припасов, трудные марши и суровые климатические условия уже оказали наихудшее воздействие. Даже в полках корпуса Даву, которые, как известно, были самыми дисциплинированными и управляемыми в армии, царил беспорядок. Голландский 33-й легионерский был главным нарушителем. Во время марша на Минск она оставила почти половину своей численности в качестве мародеров; и в конце концов Наполеону пришлось

издать специальный приказ против них. Гнев Даву по поводу такого неподобающего поведения в течение нескольких дней выливался в его депешах и разговорах; и, как это слишком часто с ним случалось, он позволил этому выйти за рамки благоразумия. Результатом стал постоянный разрыв между ним и Десо.

Багратион в Мире узнал, что Даву, значительно превосходящий его численностью, как он полагал, встал поперек его пути у Минска, в то время как авангард Жерома приближался к Новогородку, а Ренье находился на марше от Белостока к Слониму. Он принял правильное решение, учитывая обстоятельства, которые ему представились, выступить к Березине у Бобруйска, который, как мы видели, был укреплен, и оттуда направиться к Дуне через Могилев и Оршу на Днепре. Более опасный марш трудно себе представить, поскольку он привел бы его прямо через фронт французских колонн,двигающихся на восток из Вильно и Минска. Багратион, однако, ожидал, что целью Даву был Бобруйск, как явствует из его действий несколькими днями позже, и, очевидно, надеялся обойти его левый фланг. 7 июля 8-й корпус двинулся к Несвижу по шоссе Брест-Литовск-Бобруйск, а 7-го - к Нови-Свергену по шоссе на Минск, чтобы сплотить Дорохова, в то время как Платов с несколькими казаками и одним из пехотных полков Раевского занял пост в Мире для охраны дороги из Новогородека против Джерома. 8-го Раевский присоединился к Бороздину, и оба корпуса оставались в Несвиже до 10-го. Остановка была необходима для отдыха уставших войск, которые прошли более 150 миль за девять дней по плохим дорогам и в целом в ужасную погоду; а также это было необходимо для того, чтобы дать возможность измученным поездкам продвинуться вперед по дороге на Бобруйск. Багратион был вне себя от необходимости постоянного отступления и 8-го написал взволнованное письмо по этому поводу графу Аракчееву.

В тот же день авангард Джерома, польская кавалерийская дивизия Роснецкого, достигла Новогородека. 9-го прибыла основная часть 5-го и 8-го корпусов, Рейнье достиг Слонима из Белостока, а Роснецкий направился к Миру. В тот день его передовая бригада под командованием генерала Турно вошла в соприкосновение с Платовым, и завязался бой, в результате которого поляки были отброшены назад с потерей более 100 пленных, не считая убитых и раненых.

ГЕНЕРАЛ КНЯЗЬ БАГРАТИОН, КОМАНДУЮЩИЙ ВТОРОЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ В 1812 ГОДУ

На следующий день Багратион двинулся к Бороздину с дивизиями Неверовского и принца Карла Мекленбургского по дороге на Бобруйск. Он оставил 7-й корпус все еще в Несвиже, чтобы дать людям еще один день отдыха, и придержал дивизию Воронцова для поддержки Платова в случае необходимости, усилив последнего одним пехотным полком и тремя кавалерийскими под командованием генерал-майора Васильчикова.

Платов уже покинул Мир и отступил к Несвижу. 10-го числа он был атакован Роснецким, и последовало крупномасштабное кавалерийское сражение. У Роснецкого было с собой шесть полков — около 3300 копий и сабель, в то время как бригада Тышкевича, еще около 1200 человек, находилась в Мире. Платов и Васильчиков имели в своем непосредственном распоряжении по меньшей мере 2000 человек регулярной кавалерии и 3000 казаков. Первые две бригады Роснецкого, включая бригаду Турно, ирегулярные войска Васильчикова столкнулись в яростной рукопашной схватке с практически равной удачей; но третья бригада, подошедшая на подмогу, была окружена тучей казаков и разбита. Вслед за этим вся дивизия была вынуждена отступить под яростным натиском русских гусар, драгун и казаков. Полный разгром был предотвращен только доблестным наступлением бригады Тышкевича, которая прикрывала отступление и позволила разбитым полкам сплотиться возле Мира. После этого

русские отступили. Они сильно пострадали, и два казачьих полковника были убиты. Но поляки потеряли более 700 человек, и можно себе представить, что моральный дух польской армии был значительно подорван.

11-го числа Раевский и Воронцов эвакуировались из Несвижа и прошли маршем около 20 миль до Романово, в то время как Платов отступил к Несвижу. 12-го Багратион совершил еще один долгий марш-бросок к Слуцку, в то время как Платов последовал к Романово.

В Слуцке Багратион узнал, что французские войска расположены в Свислочи на Березине, примерно в 27 милях к северу от Бобруйска. Напрашивался вывод, что Даву шел маршем, чтобы опередить его в последнем месте. Он немедленно послал вперед Раевского к угрожаемой крепости с 7-м корпусом и несколькими кавалеристами и казаками, в то время как 8-й ждал в Слуцке прибытия Платова.

Романово располагалось на небольшой реке Морвез, через которую там был перекинут мост. Авангард армии Жерома был сформирован 14-го числа, как и прежде, дивизией Роснецкого и бригадой Тышкевича; Латур-Мобур с немецкими и польскими кирасирами, составлявшими остальную часть его кавалерийского корпуса, следовал на некотором расстоянии в арьергарде. Платов располагал частью своих сил перед мостом, и когда бригада Тышкевича подошла к нему, она была внезапно атакована, разрезана и отброшена назад. Затем русские отступили через мост, а Роснецкий, последовавший за ними, попал под сильный перекрестный огонь пехотного полка Платова и конной артиллерии и выбрался оттуда только с серьезными потерями. Вся дивизия в беспорядке была отброшена назад, пока не достигла Латур-Мобура и его кирасирской дивизии. Потери поляков были очень тяжелыми; 1-й егерский полк был практически уничтожен. Платов взял 300 пленных. Он знал, что лучше не подвергать свои иррегулярные части и легкую кавалерию атаке саксонских и вестфальских кирасир, и ночью отступил в Слуцк. Это освободило Бороздина, который последовал по следам Раевского; и таким образом, Вторая армия с Раевским во главе и Платовым в арьергарде прибыла в Бобруйск, где 18-го была полностью сосредоточена. Он сильно страдал от усталости и болезней во время долгих и мучительных маршей, и Багратион счел необходимым использовать шесть слабых резервных батальонов в крепости для пополнения своих истощенных полков. Но Вторая армия, по крайней мере, была в безопасности. Беглый взгляд на карту покажет, что на всем пути от Несвижа справа от него были Пинские болота; и если бы Жером и Даву смогли объединить свои атаки, результат вполне мог бы оказаться фатальным.

Вслед за Багратионом в его походе на Бобруйск ход событий в других местах был несколько предвосхищен. 14 июля король Джером сложил с себя командование. Незадолго до этого он поссорился с Вандамом, который командовал 8-м корпусом под его командованием. Вандам был человеком, характер которого в целом не заслуживает никакого уважения. Его поведение в Германии было отвратительным. Однако он был примерным солдатом и не мог вынести легкомысленных представлений Джерома о военной дисциплине. Следствием стала открытая ссора и смещение Вандама. Наполеон, зная его непокорный нрав, не обратил внимания на действия Джерома. Но задержка под Гродно и неспособность сблизиться с "Багратионом" разожгли его гнев, тем более что его собственные непосредственные действия провалились. Он излил свой гнев и разочарование в двух яростно оскорбительных письмах, и Джером уволился из армии.

Что касается степени вины, которая возлагается на Джерома, очевидно, что, если бы не опрометчивый приказ идти на Дриссу, Багратиону ничего бы не угрожало. Он покинул Волковиск 28 июня; Джером даже не добрался до Гродно до 30-го. Отвратительные польские дороги, ухудшившиеся из-за дождя, чрезвычайно затрудняли марш. Переутомленным и плохо питавшимся войскам вполне мог потребоваться отдых, и Жерому пришлось ждать, пока медленно наступающие австрийцы сменяют Ренье. В соответствии с приказами, которые он получил из штаба, Багратион практически двинулся в гущу войск, маневрировавших, чтобы перехватить его. Ясно, что, если бы Джером сразу двинулся из Гродно на восток, он бы сильно надавил на своего противника. С другой стороны, он должен был принимать во внимание измотанное состояние своих войск, отсутствие у них достаточного снабжения, жалкие дороги, отсутствие Рейнье, медлительность Шварценберга и, наконец, что не менее важно, скрытую русскую армию Тормазова, которая могла оказаться очень грозной. Наполеон на его месте, вероятно, пошел бы на риск наступления Тормазова на Варшаву. Джером этого не сделал, да и, действительно, видя свое подчиненное положение, не мог этого сделать. Возможно, что он действовал не со всей энергией, которой требовали обстоятельства; но в таком случае вина должна быть возложена на Наполеона за назначение на жизненно важный пост человека, у которого не хватало для этого необходимой квалификации. Наполеон также руководил маневрами на основе гипотез, которые могли оказаться необоснованными. Похоже, что он скорее игнорировал географические и климатические условия; он, безусловно, был плохо информирован о расстояниях. В конце концов, он совершил ту же ошибку, которая уже дорого обошлась ему в Испании, пытаясь руководить сложными стратегическими маневрами на расстоянии; и оптимизм, который у него становился психическим заболеванием, сильно повлиял на его расчеты.

Император, очевидно полагая, что Багратион сильнее, чем было на самом деле, и что он может прорваться на север, направил Эжена с 4-м корпусом 7 июля по следу Даву; но вскоре, осознав, что его разведданные были ложными, отозвал его в Сморгони, куда он прибыл 12-го. 14-го Эжен отправился поддерживать наступление на Дриссу, двигаясь маршем через Вилейку, где на захваченных Кольбером складах были припасы. Тем не менее, продовольствия неизменно не хватало. Ужасные дороги изматывали людей, которые заболевали или отставали в численности. Лошадям приходилось еще хуже, и многие умирали. Сен-Сир тем временем прошел маршем от Новых Троков до Вильно, откуда Глубокое направило его также на Дриссу. Позже будет упомянут марш несчастных баварцев. 11 июля Наполеон приказал Мортье с частью гвардии также наступать на Глубокое, и на следующий день туда был направлен первый отряд Главного штаба. Де Фезенсак, находившийся в этом отряде, отмечает, что молодые гвардейцы уже страдали от последствий тропической жары, скудного рациона и усталости — особенно новообразованные “Фланкеры-егеря”. И все же Наполеон в письме от 11-го предполагает, что Мортье может жить за счет страны!

10-й корпус, очистив правый берег Немана, был направлен на северо-восток к Митау и Риге, которые ему предстояло осаждать. Операции 10-го корпуса были настолько изолированными и в остальном носили настолько вялый характер, что на данный момент ими можно пренебречь. Здесь необходимо только отметить, что 10-й корпус широким фронтом продвигался на северо-восток, пруссаки наступали на Митау, 10-я дивизия, поляки и немцы под командованием Гранжана наступали на Дюнабург. В последнем месте находился мостовой гарнизон из нескольких резервных батальонов.

Даву, заняв Минск, оставался там несколько дней. Остановка была необходима для того, чтобы сплотить отставших и восстановить дисциплину. Он также использовался при начале организации Минска как одного из главных складов армии, для чего превосходно подходило его положение на пересечении магистралей Варшава-Москва и Вильно-Киев.

Даву справедливо предположил, что занятие им Минска вынудит Багратиона отступить к Бобруйску. Затем он мог бы попытаться пройти маршем вверх по левому берегу Березины к дороге Минск-Смоленск у Борисова или Бобра, а оттуда продвигаться дальше, чтобы соединиться с Барклаем. Маршал соответственно выслал вперед свой авангард под командованием Бордсулля, чтобы разведать Борисов и занять его, если возможно. По донесениям шпионов и крестьян он оценил силы Багратиона в 16-18 полков пехоты и 120 орудий, не считая кавалерии. Оценка была намного ниже истины и создает впечатление, что его информаторы видели и сосчитали только полки одного из двух корпусов Багратиона и 27-ю дивизию.

Борисов был беззащитен. Рабочие группы почти до последнего были заняты укреплением опорного пункта моста; но единственными войсками, имевшимися в наличии для его защиты, были два батальона скелетов, которые отступили при приближении французов к Могилеву. Это место было занято Бордсулем 11-го числа, и там и в окрестностях было вывезено большое количество муки и фуража, около 80 000 фунтов соли, 16 остроконечных орудий, 4000 пушечных ядер и снарядов, несколько тысяч инструментов для рытья окопов, а также некоторое количество госпитального оборудования и припасов.

Другая кавалерийская бригада Даву под командованием Пажоля была направлена на Игумень, в 35 милях к юго-востоку от Минска, а оттуда также на Березину. 13-го он захватил русский обоз из 180 повозок, который, однако, был оставлен под слабой охраной и на следующий день отбит казаками. Тем временем Пажоль занял переправы через Березину в Березино и других местах и ожидал прибытия Даву. Он провел рекогносцировку в направлении Бобруйска, и именно присутствие одного из его отрядов в Свислочи встревожило Багратиона и побудило его ускорить свой марш.

Даву решил, что наступать на Бобруйск, вероятно, было бы пустой тратой времени, поскольку Багратион почти наверняка достигнет этого места раньше него. Поэтому он справедливо решил двинуться на Могилев, расположенный в 110 милях к востоку от Минска и всего примерно в 60 милях от Березино. 14-го Багратион со своим авангардом находился еще в двух днях пути к западу от Бобруйска, в то время как Бороздин и Платов были еще дальше и не могли добраться до крепости до 18-го. Оттуда до Могилева было четыре долгих дня пути по плохим дорогам, в то время как Даву предстояло преодолеть гораздо меньшее расстояние. Даже если он достигнет Бобруйска раньше русских, они смогут переправиться через Березину под прикрытием укреплений.

В то время как Даву оставался около Минска, Груши со своими двумя кавалерийскими дивизиями и уланами Кольбера при поддержке Польского легиона Клапареда совершал прорыв на север и запад к большой излучине Днепра близ Орши. 14-го он вошел в Лепель, расположенный в 48 милях к северу от Борисова, захватив большие склады продовольствия и фуража, а также около 160 русских пленных. Затем он повернул на юго-восток, к Орше, которая была занята 18-го без сопротивления. Запасы провизии были даже важнее, чем в Лепеле, и было также захвачено несколько лодок и понтонов.

Уход короля Жерома оставил Даву командующим всем правым крылом Наполеона. Наполеон предполагал, что маршал примет на себя главное командование только тогда, когда соединение двух сил будет завершено, и позже он сделал ему выговор за то, что он сделал это до того, как это было осуществлено. Трудно понять, какой другой путь был открыт для Даву. Он предпринимал различные попытки убедить оскорбленного короля сохранить свое командование, но тщетно: Жером испытывал глубокое отвращение.

Передовой отряд Даву покинул Минск 12 июля, а к 15-му его основные силы были сосредоточены под Игуменом. Все силы Багратиона не могли достичь Бобруйска до 18-го, таким образом, у французов был долгий старт в гонке на Могилев. Ненадежный 33-й легионер был оставлен в гарнизоне Минска. 5-м корпусом и Латур-Мобур руководил Игумен в Могилеве, а 8-м, которым временно командовал генерал Тарро, - Минским и Борисовским в Орше.

Наполеон приказал 7-му корпусу вернуться в Слоним. Император, обманутый долгим бездействием Тормазова, решил, что ему нечего бояться с его стороны. На самом деле именно отсутствие подготовки и необходимость ее завершения удерживали Тормазова в бездействии; его армия была очень далека от притворства. Однако Наполеон, решив, что 34 000 австрийцев не нужны в этом регионе, решил призвать их в центр. Шварценберг переправился через Буг у Могильницы 3 июля, а неделю спустя достиг Пружани, что в 60 милях по дороге Брест-Литовск-Минск. Отряды заняли Пинск и другие места и захватили большие запасы и огромное количество соли. В остальном австрийцы бездействовали. Дух как офицеров, так и рядовых был решительно враждебен предприятию, в котором они участвовали, и хотя сам Шварценберг был франкофилом, он от природы был очень осторожен и, вероятно, получил приказ делать как можно меньше. Такие соображения, естественно, побудили бы Наполеона пожелать иметь австрийцев под своим присмотром. Рейнье с 7-м корпусом должен был занять место Шварценберга и прикрывать границу Великого герцогства Варшавского. Этим планам, однако, не удалось осуществиться, поскольку 23 июля на месте событий появилась русская Третья армия с важными результатами, и Шварценбергу и Рейнье пришлось отвлечь внимание, чтобы проверить это.

15 июля Даву переправился через Березину у Березино и двинулся на Могилев, оставив Пажоля с тремя полками кавалерии и одним пехотным для охраны коммуникаций. 19-го он был под Могилевом с Компансом, Дезэ и Валансом. Это место обороняли только четыре батальона скелетов, и 20-го Дезэ легко отбил его. Было взято в плен восемнадцать офицеров и 200 рядовых; со 120 000 пайков сухарей и муки, несколькими тысячами мушкетов и несколькими тысячами фунтов пороха.

Пажоль 19-го сообщил, что Бобруйск полон русских войск. Поэтому Даву предположил, что вскоре подвергнется нападению, и соответствующим образом подготовился. Он вызвал Клапареда с севера, где тот поддерживал Груши, и послал за своей резервной артиллерией, которая все еще находилась в тылу. Он уже послал к Понятовскому и Тарро с просьбой ускорить их марш. Он ни в коем случае не чувствовал себя в своей тарелке, поскольку у него было, как он говорит, всего 16 000 человек (заниженная оценка) и ожидалось, что его атакуют 50 000. Он огляделся в поисках позиции, на которой мог бы принять бой с превосходящими силами противника, и нашел ее в Салтановке, примерно в 8 милях по Бобруйской дороге.

Багратион получил приказ наступать на Дуна через Оршу, и 19-го числа он двинулся в направлении Раевского с 7-м корпусом Платова, Дорохова и основной частью кавалерии

Сиверса на Могилев. Бороздин с дивизиями Карла Мекленбургского и Неверовского последовал 20-го, в то время как Воронцов замыкал тыл со своим дивизионом сводных гренадерских рот, 5-м егерским полком из дивизии Паскевича и Харьковским драгунским полком. Гарнизон Бобруйска под командованием генерала Игнатьева насчитывал теперь около 6000 человек. Артиллерийское вооружение было довольно мощным, но укрепления ни в коем случае не были очень грозными. Генералу Запольскому, командовавшему резервными войсками в Мозыре, было приказано твердо держаться там, чтобы прикрыть линию коммуникаций Тормазова с Киевом.

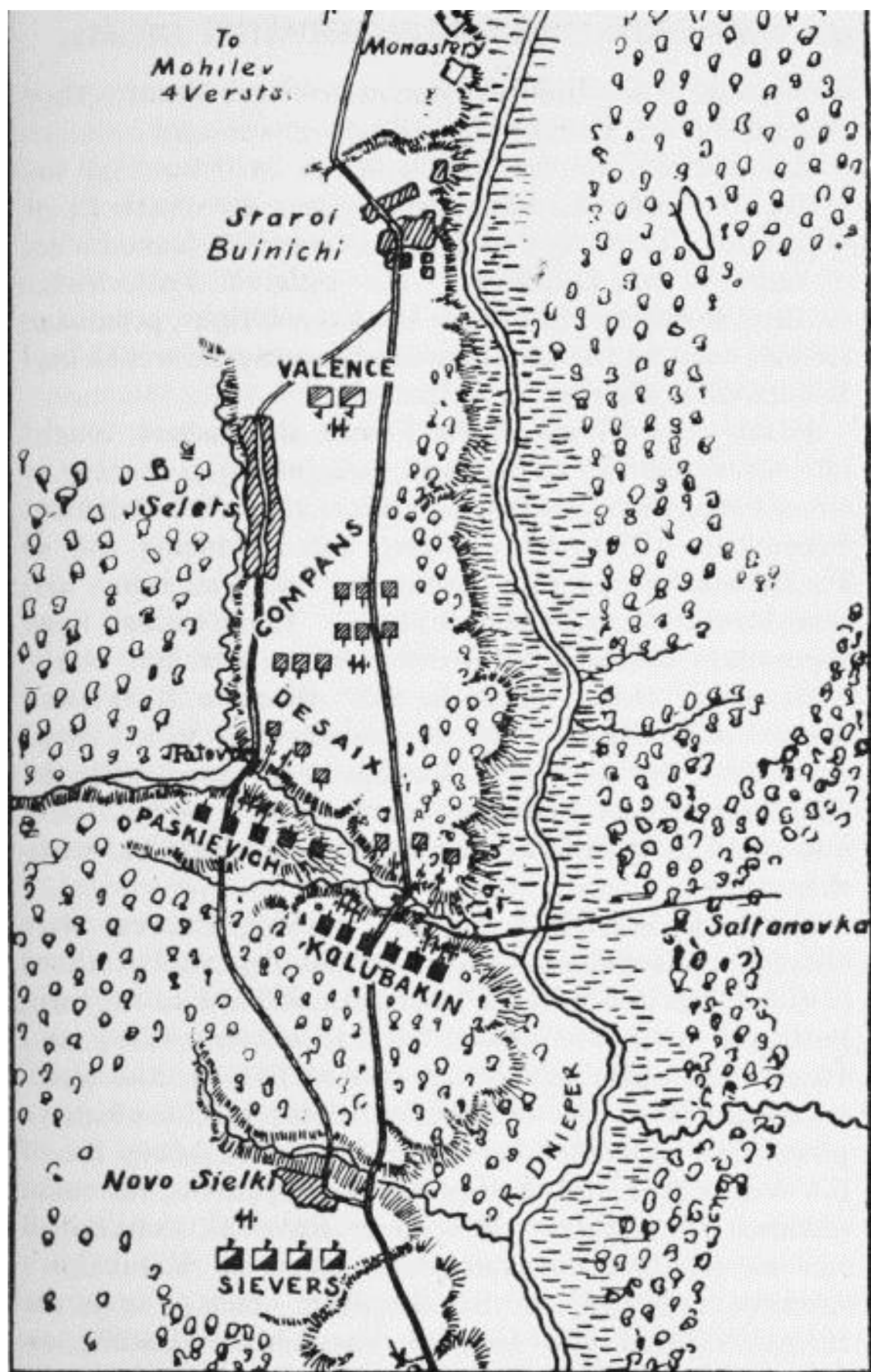
Сам Багратион был взбешен необходимостью отступления, и его письма выдержаны в выражениях гневного отвращения к бездействию основных сил. “У вас 100 000 человек”, - говорит он в одном месте. “Ну, сражайтесь!” И в другом месте: “Почему мы не сражаемся? Мы хуже пруссаков и австрийцев”. Его войска были ослаблены девятнадцатидневным маршем под дождем, в жару и по мерзким дорогам. Если бы было немного боев, Багратион был бы менее раздражен. В одном письме он сообщает, что проскакал галопом сорок верст, надеясь увидеть помолвку, — признание, которое проливает несколько забавный свет на его порывистый характер.

21-го передовые части Багратиона достигли Старого Быхова, примерно в 25 милях к югу от Могилева, и в тот же день передовые казаки под командованием Сиссоева встретили остатки могилевского гарнизона, преследуемые 3-м кавалерийским полком, единственным полком легкой кавалерии, который сохранил Даву. Неожиданно атакованные, егеря были разбиты и преследовались на расстоянии нескольких миль от Могилева, потеряв только более 200 пленных, и сплотились только под прикрытием 85-го полка, который выдвинулся им на помощь.

Даву, убедившись, что за казаками стоят по меньшей мере две русские пехотные дивизии, собрал 22-го все свои свободные силы на выбранной им позиции у Салтановки. Его левый берег упирался в болотистый берег Днепра и был неприступен. Его фронт был прикрыт ручьем, протекавшим в труднопроходимом овраге, через который в Салтановке, примерно в 1200 ярдах от Днепра, был перекинут деревянный мост. Примерно в миле выше стояла деревушка и водяная мельница Фатова, где вторая речушка, текущая параллельно Днепру, впадает в первую. На ней, в миле от Фатовой, лежала деревня Селец. Около Салтановки были густые леса, особенно на северном берегу ручья; дальше на запад местность была более открытой, но неровной и труднопроходимой. Вообще говоря, позиция была чрезвычайно сильной; только справа она была вообще неприступна. Дивизия Десо охраняла его, 85-й полк под командованием генерала Фридрихса - слева, 108-й - справа. Мост был забаррикадирован; деревни были подготовлены к обороне. Один из полков Компана поддержал Десо близ Селеца; два других были отброшены назад, чтобы встретить наступление противника, и подтянулись только позже. Кирасиры Валенса и остатки 3-го егерского полка находились в резерве близ Селеца. Все силы насчитывали около 20 000 человек при 56 орудиях. Клапаред и артиллерийский резерв не смогли прибыть раньше 23-го.

22-го глава армии Багратиона был в Дашкове, в 5 милях к югу от Салтановки. Багратион приказал Раевскому с 7-м корпусом и кавалерией Сиверса атаковать на следующий день. Причина, по-видимому, изложена в его письме Раевскому от 22-го. Он говорит ему, что, по его собственным данным, у него впереди всего 6000 человек; поэтому он должен атаковать с Божьей помощью и войти в Могилев по пятам за врагом. Рассуждения Багратиона ясно

закljučаются в том, что, поскольку Могилев удерживается всего одним отрядом, Раевский может легко расчистить путь, и армия прорвется к Орше до прибытия основных сил французов. Нет никаких указаний на то, что он намеревался повернуть направо Даву с Бороздиным и Неверовским, пока Раевский атаковал спереди: они не могли добраться до Дашковой до позднего вечера 23-го.

1 верста = 2/3 мили. Русские войска показаны черным, французские заштрихованы.
БИТВА При САЛТАНОВКЕ (23 июля 1812 г.), в которой участвовал маршал Даву, чтобы остановить наступление Багратиона на Могилев.

Раевский выступил из Дашковой в 6 часов утра 23-го. С ним было около 17 000 человек при 84 или 96 орудиях. Свою кавалерию он оставил в резерве в Ново-Сельках, в 3 милях от Дашковой. Он приказал дивизии Паскевича попытаться повернуть французов направо, пообещав, что, как только атака продвинется вперед, он бросит дивизию Колюбакина на Салтановку.

Паскевич, оттеснив французских стрелков, пробился через речушку и, подтянув батарею для прикрытия своего наступления, двинулся дальше против 108-го полка за ней. Раевский, заметив продвижение огня Паскевича, решил, что время пришло, и послал вперед дивизию Колюбакина. Русские бросились к мосту, отбросили батальон 85-го полка, который пытался зайти им во фланг, и упорно продвигались вперед под убийственным огнем, который отбрасывал их взводами. Не имея возможности продвинуться вперед, с непоколебимым мужеством своей расы они отказались отступить и стояли лицом к лицу с французскими залпами, пока Раевский не отозвал их.

Передовые отряды Паскевича, атаковавшие Фатову, были атакованы и отброшены за ручей двумя батальонами 108-го полка под командованием полковника Ашарда. Ашард, в свою очередь, яростно преследовавший противника, был отброшен на свою сторону; а Паскевич, снова наступая, овладел Фатовой и проник почти до окраин Селеца; но его наступательная мощь истощилась, и под шквальным огнем своих хорошо укрепленных противников он не мог продвигаться дальше. Тем временем Раевский, полный решимости не бросать своего лейтенанта, вызвал резервы Колюбакина и предпринял еще одну отчаянную попытку овладеть мостом, причем он сам и генерал Васильчиков с безрассудной храбростью двинулись пешими во главе. Все было напрасно; великолепная пехота пошла вперед только для того, чтобы умереть, и когда последняя атака с фронта Фридерихса откатилась, прибыл адъютант, чтобы доложить о неудаче Паскевича. Было уже больше четырех часов, и Даву, чувствуя себя в безопасности справа от себя, приказал передовым ротам 61-го и 111-го полков выступить вперед и начал общее наступление. Пленные рассказали Раевскому, что Даву располагал около Могилева 3 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями, и, полагая, что ему противостоят превосходящие силы, он отдал приказ отступить. Компанс следовал до Ново-Сельки, но поскольку дорога представляла собой практически ущелье между лесами, он ничего не мог сделать, чтобы серьезно затруднить отступление русских, а горстка легкой кавалерии Даву, конечно, была бесполезна. Клапаред и тяжелая артиллерия достигли Могилева на заключительном этапе сражения. Раевский у Дашковой был встречен Багратионом, и последний, рассудив, что путь ему преградила основная часть корпуса Даву, решил перейти Днепр и отступить на Смоленск.

Раевский оценил свои потери в 2504 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Естественно, что в условиях боевых действий потери французов были намного меньше. Даву заявил, что это менее 900 человек. Генерал Дезэ был легко ранен. Даву был в худших отношениях с ним, чем когда-либо, и демонстративно игнорировал его в своих отчетах.

Багратион написал Барклаю, что ему не удалось прорваться под Могилевом, и поэтому он направится к Смоленску. 24-го Платов и Дорохов — за исключением одного потрепанного пехотного полка — перешли Днепр вброд у Веркалобово и двинулись дальше, на соединение с

Барклаем. Раевский, поддерживаемый Воронцовым, твердо держался за Дашкову. Бороздин вернулся в Старый Быхов, в то время как понтонеры были отправлены дальше наводить мост через Днепр в Новом Быхове, в 14 милях южнее. 25-го Бороздин выступил к выбранному месту перехода, а Раевский последовал к Старому Быхову, не преследуемый Даву, который не мог вмешиваться в действия эскадронов Сиверса и Васильчикова. Вторая армия форсировала Днепр 26 и 27 числа и быстрым маршем двинулась на Мстиславль. В тот же день Платов связался с Барклаем, форсировав Днепр у Дубровны 27-го. Даву оставался практически бездейственным. Его обвиняли в инертности, но следует помнить, что численностью он уступал Багратиону. В его распоряжении было всего около 25 000 человек, и его ближайшим подкреплением был 5-й корпус, который, измученный усталостью, болезнями и нехваткой припасов, достиг Березины только 24-го. 25-го Бордсульт сообщил, что Багратион наводит мост через Днепр, и в тот же день Латур-Мобур прислал подробное и довольно точное сообщение о силах Багратиона, которое, вероятно, сделало Даву более чем когда-либо склонным к осторожности. 27-го передовая бригада Понятовского была, наконец, в пределах досягаемости, но в тот же день Бордсульт доложил, что Багратион переправился через Днепр. Что бы ни хотел предпринять Даву, теперь было слишком поздно. 29-го Наполеон отдал ему приказ расположить свои три корпуса вдоль Днепра.

Как уже было видно, Первая русская армия сосредоточилась в лагере Дрисса, но едва она прибыла, как были сделаны предложения об оставлении его.

Вряд ли можно сказать, что в этот момент у русской армии был командующий. Клаузевиц дает наглядный отчет о царившем беспорядке. Конечно, номинально верховным главой был император, и он был более или менее во власти своего личного окружения. Сам он верил в Фалла, но все остальные не доверяли прусскому теоретику — конечно, не без веских оснований. Родственники царя часто оказывали на него чрезмерное влияние, и придворные и солдаты испытывали к нему недоверие и неприязнь; придворные были не в ладах с военными; наконец, коренные русские офицеры завидовали иностранцам. Сам Барклай был включен в число объектов их неприязни, а на полковника фон Вольцогена, одного из его немецких помощников, смотрели с ядовитой ненавистью только потому, что у него были неприятные манеры! Стратегических проектов было почти столько же, сколько и советников. Граф Ливен, бывший посол в Берлине, часто встречался там с Шарнхерстом, который считал, что не следует предпринимать никаких попыток вступить в бой до достижения Смоленска. Барклай неоднократно протестовал против того, чтобы оставаться в Дриссе, и его поддерживал родственник царя, Александр Вюртембергский. Пауллучи, начальник штаба, яростно заявил, что человек, избравший такую должность, мог быть только дураком или предателем, и подал в отставку.

Лагерь Дриссы располагался в излучине Дуны между Дриссой и Бридзиево. Его сухопутный фронт имел длину около 6500 ярдов, а на реке - около 8000. На сухопутном фронте было десять редутов, соединенных батареями. Перед редутами 6, 7, 8 и 9 находилась бойня длиной 2000 ярдов и шириной 120; но перед левым флангом болотистый лес давал отличное прикрытие атакующему противнику. Еще два редута укрепляли первую линию обороны. Вторая состояла из пяти закрытых укреплений, а еще одно образовывало своего рода цитадель позади нее. Сообщение с правым берегом поддерживалось четырьмя мостами, которые были только что построены и не полностью защищены надворными сооружениями. Вспомогательные средства обороны — ловушки, частоколы, заграждения и бойни — также были весьма неполными.

Склады были в основном размещены в деревянных сараях в деревне Дрисса, напротив левого крыла, и подвергались вражескому обстрелу.

Однако эти тактические недостатки были незначительными по сравнению со стратегическими недостатками. Расположенный далеко от московской дороги, он не мог позволить себе никакой защиты от врага, решившего наступать по этой линии, и он даже не прикрывал ее до Санкт-Петербурга. Дороги, которые вели к нему, были простыми проселочными дорогами, которые разрушали автоколонны, вынужденные ими пользоваться. Более того, отступив к Дриссе, Первая армия фактически отступила от Багратиона, а не к нему, и если бы две разделенные армии захотели соединиться, они могли бы сделать это, только отойдя далеко в тыл или совершив опасные марши поперек фронта наступающих колонн Наполеона.

Александр, возможно, по наущению Фалла, сделал выговор Багратиону за отступление, как будто тот мог поступить иначе. В конце концов, однако, Пхулл был вынужден уступить, и было решено, как раз вовремя, эвакуировать Дриссу. 1-му корпусу было приказано прикрывать дорогу на Санкт-Петербург, и 14 июля остальная армия начала марш на Витебск.

Передовые французские войска были уже почти у Дюны. 13-го Удино с дивизией Леграна устроил несколько ненужную демонстрацию против мостового перехода Дюнабург. В ночь с 14 на 15 число Витгенштейн форсировал Дюну и послал через нее отряд под командованием Кульнева, который застал врасплох кавалерийскую бригаду Сен-Жени и захватил в плен бригадира и более 100 человек. Тем временем Первая армия продолжала свой марш, прикрываемая рекой, и 18-го достигла Полоцка.

16 июля Наполеон покинул Вильно и 18-го прибыл в Глубокое. На следующий день, узнав, что Дрисса оставлена, он повернул Эжена к Витебску, отдал в свое распоряжение кавалерию 6-го корпуса и призвал Груши присоединиться к нему. 6-й корпус двигался к Глубокому, уже находясь в плачевном состоянии из-за жары, плохих дорог и нехватки хлеба. В Вильно он должен был получить 70 000 пайков хлеба, но комиссариат был настолько разрушен, что удалось обеспечить только 27 000 пайков. Начались понос и дизентерия, и несчастные баварцы тысячами покидали город, в основном умирая без присмотра на обочине.

Три пехотные дивизии Мюрата под общим командованием графа Лобау были выдвинуты из Переброта, в 20 милях к западу от Дриссы, на юго-восток. Удино приближался слева. Ней и Нансути находились близ Десны, примерно в 20 милях ниже Дриссы.

Условия в передовых частях были менее плачевными, чем в 6-м корпусе, но все равно очень плохими. Снабжение было скудным. Хлеба было мало; войскам повезло, если они получили хотя бы муку. Из-за поломки транспорта одежда и снаряжение, особенно обувь, стали дефицитными. Дороги были плохими, стояла невыносимая жара и было много болезней. Нехватка припасов привела к общему ослаблению уз дисциплины. Страна была разорена мародерствующими бродягами, которые совершали всевозможные безобразия. Все попытки остановить зло полностью провалились.

18-го Барклай был в Полоцке. Он справедливо предположил, что Наполеон направит свои атаки против русского левого фланга, и сообщил Александру, что тот должен продолжать отступление на Витебск. Витгенштейну были отданы новые приказы, и резервные войска в Дюнабурге и других местах были переданы под его командование.

В Полоцке царь оставил армию. Это был мудрый шаг, поскольку на фронте он был бесполезен, в то время как в резиденции правительства его присутствие было бы неоценимо. Паулуччи сопровождал его, и его сменил генерал-майор Ермолов, в то время как полковник Толль стал генерал-квартирмейстером. Прощаясь, Александр приказал Барклаю не подвергать опасности свою армию, поскольку это была единственная армия, которой располагала Россия. Это предписание, несомненно, произвело сильное впечатление на Барклая и является лучшим объяснением его нерешительности несколько недель спустя.

20 июля план Наполеона окончательно сформировался. Он должен был повернуть Барклая влево, бросив вперед гвардию и 4-й и 6-й корпуса к Беченковичам по дороге на Витебск, в то время как Мюрат и Ней сдерживали русских впереди, а Удино занял Дриссу и угрожал их правому флангу.

Барклай, однако, уже двигался. 19-го кавалерийский корпус Уварова выступил из Полоцка, а 23-го вся армия была собрана вокруг Витебска. Там Барклай услышал, что Багратион достиг Могилева, и написал ему, умоляя ускорить его поход на Оршу. Он послал генерал-майора Тучкова IV со своей пехотной бригадой, 3 кавалерийских полка и 1 казачий в направлении Бабиновичей по Оршанской дороге и генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который сменил Шувалова (вышедшего в отставку по болезни) с 4-м корпусом, бригадой драгун и гвардейскими гусарами и Суми, в направлении Островно по дороге в Беченковичи. Остальная часть русской армии осталась в Витебске для отдыха и реорганизации.

Авангард французского 4-го корпуса был уже у Беченковичей. У Удино было две дивизии в Полоцке и третья в Дриссе. Лобау находился в левом тылу Эжена, а Ней примерно в 20 милях дальше: Мюрат с корпусом Нансути находился близ Беченковичей; Монбрен продвигался вверх по правому берегу Дуны к Витебску; Наполеон с гвардией находился в Камне, примерно в 21 миле от Беченковичей. Несчастный 6-й корпус с трудом продвигался по дороге Глубокое-Полоцк.

В 6 часов утра 25-го числа аванпосты Мюрата и Остермана столкнулись близ Островно. Здесь дорога, идущая из Витебска между лесами, делала резкий поворот направо, а немного дальше - еще один, столь же крутой, налево. Передовой русский полк, гвардейский гусарский, бросился в атаку сломя голову и, прорвав французские пикеты, наткнулся с тыла на бригаду Пире. Он был отброшен с большими потерями конной батареей, следовавшей за ним, и в суматохе французы захватили шесть орудий. Остерман, шедший немного позади, послал вперед гусар суми, чтобы сдержать продвижение французов. Затем он построился для боя, дивизия Чоглокова была развернута поперек дороги, а дивизия Бахметьева - в колоннах позади, и в таком порядке 4-й корпус двинулся вперед на Островно и занял позицию между лесами.

Всего у Остермана было 18 батальонов и 20 эскадронов - около 13 000 человек и, возможно, 60 орудий. Французские войска, которые могли принять участие в боевых действиях, включали кавалерийские дивизии Брюйера и Сен—Жермена и пехотную дивизию Дельзона - 10 000 штыков, 6000 копий и сабель, около 40 орудий.

Остерман оказался очень плохим тактиком. Против пехоты и артиллерии на позициях французская кавалерия ничего не могла поделать, и пока не прибыла голова дивизии Дельзона, два батальона 8-го Леже, действие ограничивалось несколькими эффектными, но бесполезными кавалерийскими перестрелками. Когда подошел 8-й Легерский полк, он был

атакован тремя русскими батальонами, которые двинулись вперед против него, но были атакованы с фланга двумя кавалерийскими полками и отброшены назад. Они не должны были выставляться в одиночку перед позицией. Затем Остерман атаковал оба фланга французов сразу, но всего четырьмя батальонами, которые были атакованы кавалерией и разбиты. Теперь в бой вступала дивизия Дельзона, и Остерман отошел на позицию в двух милях назад. Этот бой определенно не делал ему чести.

Барклай в этот день послал генерал-лейтенанта Коновницына со своей дивизией 3-го корпуса (за вычетом бригады Тучкова IV) и 1-го кавалерийского корпуса поддержать свой передовой отряд. Рано утром 26-го Остерман отступил вслед за Коновницыным, который занял оборонительную позицию за оврагом, слева от него был лес. В 10 часов утра Мюрат появился перед ним вместе с Дельзонсом и Нансути. Бригада Юара (два полка) была направлена против правого фланга русских, бригада Русселя - слева; 106-й полк и кавалерия Нансути, за исключением одной бригады, прикрывавшей левый фланг, оставались в резерве.

Войска Русселя столкнулись с большими трудностями при проникновении в лес слева от русских и, атакованные резервом Коновницына, были выбиты оттуда и переброшены через овраг. Русские, однако, безрассудно преследовавшие противника, были отбиты атакой одной из бригад Нансути, и Руссель, собрав свои войска, проник в лес. Хьюард, тем временем, неуклонно продвигался вперед справа от русских и, получив в настоящее время поддержку 106-го полка, быстро укреплял позиции. Коновницын отступил в хорошем порядке на Витебск, по пути мало потревоженный, поскольку пересеченная и лесистая местность сильно затрудняла преследование. Наполеон, желая предпринять генеральные действия под Витебском, приказал Евгению не наступать слишком близко, чтобы Барклай не встревожился и не отступил без боя.

27-го числа Наполеон располагал близ Островно гвардией (за вычетом Клапареда и Кольбера), тремя дивизиями Лобау, 3-м и 4-м корпусами и кавалерией Нансути и Монбрена, всего около 120 000 человек. 2-й корпус находился у Дриссы и Полоцка, в соприкосновении с Витгенштейном, а 6-й - у Учача, в 60 милях в тылу у Островно. Ночью к Коновницыну присоединился командир корпуса Тучков I с дивизией Строгонова; и объединенные силы теперь отступали к Витебску.

Барклай принял решение сражаться под Витебском. Его доводы, подробно изложенные царю, заключались в том, что у Наполеона в распоряжении были только гвардия, 3-й и 4-й корпуса и кавалерия Мюрата, в то время как стойкость русских войск в недавних боях давала хорошие надежды на победу; и что он считал своим долгом привлечь к нему внимание Наполеона и дать Багратиону время подойти. Что касается первой причины, то он не знал, что Наполеон имел при себе три дивизии корпуса Даву и, следовательно, был на 30 000 человек сильнее, чем он предполагал. Что касается второго, то, если Багратион действительно совершал ужасно опасный марш из Могилева через Оршу и Бабиновичи, Барклай действительно был вынужден сражаться ради своего товарища. Ясно, что план попытки соединения через Оршу был рискованным, но это едва ли влияет на рассуждения Барклая. Исходя из предположения, что Багратион наступал по Оршанской дороге и что у Наполеона было всего 90 000 человек, его решение не было неразумным.

Русская армия была выстроена 27-го числа за Лучицей, ручьем, впадающим в Дуну чуть ниже Витебска. Клаузевиц сурово критикует эту позицию; но он, похоже, склонен игнорировать тот факт, что хороших тактических позиций в России не так уж много — как он сам признает в других местах. Стратегически он имел серьезный недостаток в том, что располагался почти параллельно Оршанской дороге, по которой, как ожидалось, должна была быть установлена связь с Багратионом. Но, во всяком случае, несомненно, что ее, как и ошибочную позицию Эйлау, защищали бы с отчаянным мужеством. Авангард из 8 батальонов, 2 казачьих полков и всей регулярной легкой кавалерии был размещен на левом берегу Лучицы под командованием генерала Палена, командующего 3-м кавалерийским корпусом.

Хотя русская армия пострадала меньше, чем ее противники, во время длительных маршей от Немана до Витебска, она не избежала значительных потерь из-за болезней и усталости. Подкрепления вдоль Дуны в основном были приданы Витгенштейну. Платов и Дорохов также отсутствовали. Силы Барклая под Витебском, по—видимому, составляли около 82 000 человек, из которых 14 000 были кавалеристами — в основном регулярными - и более 400 превосходно оснащенных орудий.

27-го французский авангард двинулся на Витебск, и между отрядом Палена и дивизиями Брусье и Брюйера завязались ожесточенные бои. Казаки Русской гвардии опрокинули 16-й кавалерийский егерский полк, пытавшийся остановить их огнем из карабинов, и совершили бешеный рывок прямо между каре пехоты Брусье, в то время как несколько вольтижеров 9-го французского полка, форсировавших Лучицу, блестяще оборонялись от тучи русских всадников. Пален неуклонно отступал по мере продвижения французов, и Наполеон не хотел давить, поскольку его сосредоточение не будет полным до вечера. Ней все еще находился на марше из Островно, а Монбрен - на другом берегу Дуны, напротив Витебска. Во второй половине дня Барклай получил депешу Багратиона, в которой сообщалось, что он выступает к Смоленску. Барклай немедленно отдал приказ об отступлении. Ночью вся армия, оставив гореть походные костры, покинула свои позиции и бесшумно двинулась тремя колоннами: генерал Дохтуров с 5-м и 6-м корпусами двинулся маршем прямо на Смоленск через Рудню, остальная армия пошла более кружными путями через Сураж и Поречье. Марш Дохтурова прикрывался арьергардом под командованием генерал-майора Шевича, а двух других колонн - арьергардом Палена с 14 батальонами и 32 эскадронами. Отступление с позиции было триумфом хорошего управления и дисциплины. Позади не осталось ни одного отставшего, и отступающие колонны были уже далеко в пути, прежде чем был установлен факт их ухода. Расходящиеся линии отступления сбили с толку французскую кавалерию, и только 30-го Мюрат смог определенно сообщить, что Барклай отступил к Смоленску. За исключением нескольких не очень серьезных стычек между передовыми отрядами французов и арьергардами русских, боев не было. Русские двигались с такой скоростью, что преследование стало вызовом. 31 июля Дохтуров был под Смоленском, пройдя 80 миль за четыре дня. 1 августа Барклай прибыл из Поречья. Багратион, спешивший из Нового Быхова через Пропойск и Мстиславль, подошел двумя днями позже. Его войска преодолели 150 миль по пескам, болотам и лесам за восемь дней. Пешие подвиги русских замечательны. С 28 июня Вторая армия прошла маршем более 540 миль, делая в среднем по 15 миль в день. Поскольку было несколько дней отдыха или сражений, фактический темп был намного быстрее.

Потери русских в боях вокруг Витебска можно оценить примерно в 4000 человек при 6 (или 8) орудиях. У французов, возможно, было немного меньше.

Наполеон вошел в Витебск 28-го. Должно быть, он был горько разочарован отрицательным результатом своих операций. И снова русские незаметно отошли за пределы досягаемости в самый момент контакта. Потери французов из-за усталости и болезней были относительно огромными, и маневр под Витебском провалился так же полностью, как и маневр под Вильно. В некотором смысле неудача была еще хуже, поскольку русские вышли из ситуации с большим стратегическим успехом на своем счету. Несмотря на грубые ошибки и просчеты, несмотря на противоречивые приказы и отсутствие какого-либо единства командования, Барклай и Багратион достигли того, что было главной целью их утомительных маршей и маневров в тыл, и осуществили свой союз.

ГЛАВА V

ОПЕРАЦИИ ПОД СМОЛЕНСКОМ

С прибытием основных сил Наполеона на Дуну и Днепр первый этап кампании подошел к концу. Судя по всему, захватчики получили огромные преимущества. Почти все древнее Литовское княжество вместе с большей частью Курляндии перешло в руки Наполеона почти без единого удара в их защиту. Был оккупирован ряд значительных городов и захвачено большое количество русских припасов. Русские армии, которые шестью неделями ранее были расположены вдоль линии Буга и Немана, теперь отступили за линию, образованную Дуной и Днепром, и переправа через обе эти реки могла быть осуществлена французами в удобное для них время. Русские войска, помимо уныния, вызванного постоянными отступлениями, понесли значительные материальные потери.

Когда начался отход от границы, армии Барклая и Багратиона насчитывали вместе около 174 000 человек. На Дуне к Первой армии присоединилось около 9000 резервистов, а под Смоленском — 17 складских батальонов и 4 артиллерийские батареи - вероятно, еще 6000 человек. Багратион включил в состав своей армии гарнизон Могилева и шесть резервных батальонов из Бобруйска — около 3000 человек. Эти цифры, сложенные вместе, дают в общей сложности 192 000 человек.

6 августа российские войска были следующими:—

Первая и Вторая армии насчитывали в общей сложности 121 000 человек; кроме того, отряд из 1 драгунского и 3 казачьих полков был направлен в сторону Поречья. Три казачьих полка были направлены в Ригу и другие места. Два пехотных полка Раевского, которые больше всего пострадали под Салтановкой, были отправлены в глубь страны для вербовки. Убыток по этим статьям может быть справедливо оценен в 4500 человек. Корпус Витгенштейна и резервы из Дриссы и Дюнабурга насчитывали 12 июля более 28 500 человек. Таким образом, общая боеспособность Первой и Второй армий России в начале августа составляла 154 000 человек, что свидетельствует о нехватке с июня 38 000 человек. Бои вокруг Могилева и Витебска едва ли обошлись более чем в 6000 или 7000 человек, а 5000 - это завышенная оценка потерь в арьергардных действиях. Таким образом, убыль по другим причинам составила 27 000 человек. Это следует объяснить болезнями, разбросанностью и усталостью из-за долгих и мучительных маршей, но также в значительной степени дезертирством среди литовских войск. Эти

нерешительные люди, вероятно, не были большой потерей, и нельзя сказать, что сокращение было в целом чрезмерным; тем не менее, это было серьезно. Помимо брошенных журналов, часть материала была утеряна. Только восемь орудий было захвачено в бою, но еще около тридцати были брошены во время долгих маршей по пескам, болотам и лесам; то, что их количество не было больше, красноречиво говорит о русской артиллерии.

Однако, если потери русских были серьезными, то потери французов были еще больше. Причины, ослаблявшие силы русских, действовали также против захватчиков, и, по-видимому, последние, по большей части привыкшие к более высокому уровню жизни, были менее способны переносить лишения. Усталость и жару можно было бы перенести без каких-либо серьезных последствий, но из-за поломки транспорта запасы хлеба и бисквитов никогда не доставались войскам; даже муку редко можно было достать. Недостатка в мясе, как правило, не было, но оно часто было плохого качества, поскольку скот перегружался и часто их самих плохо кормили. Диета, состоящая из некачественного мяса, несоленого по сезону, без хлеба или овощей, не подходит для мужчин, которым приходится терпеть тяжелый труд и переутомление под лучами российского летнего солнца. Те виды хлеба и бисквитов, которые можно было достать, были плохими, а плохо смолотая рожь оказывала серьезное воздействие на желудки людей, привыкших к хорошо приготовленной пшеничной муке. Были приложены все усилия, чтобы доставить достаточное количество припасов, но плохо откормленные и переутомленные тягловые животные были совершенно неспособны справиться с перевозкой и в большом количестве погибали. Солдаты, добывавшие пропитание для себя, редко могли добыть больше небольшого количества зерна, а поскольку в вооружении войск не было переносных мельниц, его приходилось употреблять в вареном виде. Вода, доступная в Литве, была скудной по количеству и часто некачественной; и в условиях общей дезорганизации комиссариата бренди, который составлял часть обычного рациона и, во всяком случае, мог бы сделать воду менее вредной для здоровья, выдавался редко. Результатом стало ужасающее количество болезней — диарея, дизентерия и тиф, — и в ужасно бедном и малонаселенном регионе мало что можно было сделать для их уменьшения. Больных оставляли во временных лагерях-госпиталях, где они умирали тысячами среди грязи, голода и всеобщей нищеты. Было подсчитано, что из тех, кто попал в эти притоны страданий, ни один из десяти не выходил оттуда живым.

Линия фронта была серьезно ослаблена огромным количеством больных. Оно также уменьшалось из-за необходимости создания больших отрядов для подвоза запоздалых обозов с припасами и заготовки хлеба, и еще больше истощалось из-за беспорядочных передвижений, частично в целях фуражирования, частично из-за усталости и в некоторой степени из-за недисциплинированности. Эта разрозненность всегда была одной из плохих черт наполеоновской армии, и марши всегда, за исключением случаев, когда они проводились лицом к лицу с врагом, проводились с большой нерегулярностью. Немецкий очевидец был поражен, увидев полки корпуса Даву, самого дисциплинированного в армии, совершающие короткий марш в самом беспорядочном порядке.

Конечно, есть что сказать в пользу этого разрешения солдатам отдыхать, когда не было необходимости в четком построении и бдительности; и, конечно, ничего не добьешься, если будешь изводить и переутомлять солдат, отличающихся веселой боеготовностью, какими всегда были французы. Но трудно избежать вывода о том, что неровности скрывались под поверхностью. К веселости и готовности французской природы примешивается решительное нетерпение при сдержанности, которое легко перерастает в беззаконие. Беспорядочное

движение, которое в прежние дни, возможно, было необходимо для плохо спаянных революционных армий, теперь вошло в привычку и вскоре переросло в чудовищное злоупотребление, которое в конечном счете, как и все остальное, привело к гибели армии. Автор далек от желания защищать жесткую и неэластичную дисциплину, которая подавляет личную инициативу. Но он твердо убежден, что, если бы дисциплина на марше во Франции была лучше с самого начала, армия не была бы разбита, как это произошло во время отступления. На эту тему будет сказано больше в своем месте.

Наконец, следует отметить, что надлежащие средства сдерживания бедствий, обрушившихся на противоборствующие армии, были очень мало поняты. Не только ощущался дефицит обученного персонала, но и медицинское искусство находилось, по сравнению с тем, что есть сегодня, в очень неразвитом состоянии. Нельзя сказать, что Наполеон не стремился оказывать своим войскам медицинскую и хирургическую помощь, но она никогда не была адекватной ни по количеству, ни по качеству. Офицеры редко были квалифицированы для устранения недостатков санитарных служб. Среди корпусных командиров, безусловно, были такие, кто досконально разбирался в деталях управления. Даву, несомненно, был лучшим из них; но Ней был также осторожным и добросовестным администратором. Уже в августе обнаруживается, что он отдает приказы о подготовке зимней одежды. Среди руководителей подразделений также были те, кто досконально понимал, как заботиться о своих подчиненных, — де Фезенсак и Ледрю де Эссарт были одними из них. Тем не менее, осторожные администраторы, безусловно, были в меньшинстве, и их благим намерениям часто мешал недостаток научных знаний.

Переходя от общего рассмотрения этих зол к рассмотрению внутреннего ущерба, который они причинили, следует отметить, что 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 8-й армейские корпуса и 4-й резервный кавалерийский корпус насчитывали 24 июня в общей сложности около 315 000 человек. Отчеты за 3 и 4 августа дают в совокупности менее 213 000 человек. Таким образом, даже при показе официальных отчетов в тылу находилось 102 000 человек. Подразделения насчитывают около 20 000 человек. Остается 82 000 человек; и, поскольку необходимо учитывать призывы и повторные невыходы, вероятно, будет справедливо подсчитать, что потери составили 100 000 человек. Потери в бою не могут быть оценены выше 15 000 человек; отсюда следует, что 85 000 человек исчезли из списков личного состава по причине разброда и болезней, то есть почти 30 процентов. Конечно, не все они были безвозвратно потеряны для армии, но очень большая их часть была потеряна из-за ужасающей нехватки продовольствия для солдат с временной нетрудоспособностью.

Смертность среди лошадей была очень большой, в основном из-за нехватки фуража. Численность сокращалась день ото дня, и это обстоятельство было, в некотором смысле, более фатальным, чем потеря людей. Каждая выведенная из строя лошадь означала дальнейшее сокращение транспортных средств. Кавалерийские полки были не в состоянии оседлать даже свою уменьшившуюся боеспособность, разве что подвозя лошадей из сельской местности; а они редко приносили большую пользу. Орудия резервных парков пришлось оставить в Вильно и даже часть артиллерии нескольких армейских корпусов.

Когда Наполеон достиг Витебска, число пропавших без вести среди 450 000 человек, перешедших границу в июне и июле, по самым скромным подсчетам, составляло 120 000, и очень большая часть из них была либо уже мертва, либо нетрудоспособна к дальнейшей службе. Разбросанность и дезертирство были особенно распространены среди иностранных

полков. Их управление, как правило, было менее эффективным; французские официальные лица уделяли им меньше внимания. Естественно, они не испытывали особой привязанности к делу, к которому их привлекли их монархи, и их офицеры, должно быть, были раздражены позорной манерой, с которой Наполеон неизменно пытался возложить на их войска единственную вину за беспорядки. Более чем вероятно, что отвращение к этому, не меньшее, чем к тому, как они были принесены в жертву, было одним из мотивов, побудивших стольких немецких офицеров выступить против Наполеона в следующем году.

По всем причинам остановка была настоятельно необходима, и Наполеон объявил ее, как только бегство Первой русской армии стало свершившимся фактом. 29-го он написал Даву, приказывая ему расположить свои войска по местам. Различные корпуса заняли позиции на линии, простиравшейся от Суража до Могилева, при этом кавалерия была выдвинута вперед и на фланги. Латур-Мобур находился около Рогачева-на-Днепре, примерно в 60 милях к югу от Могилева, при поддержке польской пехотной дивизии.

Произошла небольшая перестрелка между передовой французской кавалерией и запоздалыми русскими отрядами. 30 июля всадники Мюрата захватили около 100 пленных и 40 брошенных транспортных средств, а также долгожданный запас муки и фуража. 31-го итальянская кавалерийская бригада Виллаты напала врасплох на русскую колонну в Велиже, сопровождаемую 4 отдельными батальонами. 2-й егерский полк под командованием полковника Банко атаковал и захватил 60 повозок и 250 пленных. Эжен оценил общие потери русских в 700 человек, а 600 мешков муки и стадо быков попали в руки итальянских солдат. Если бы не эти захваты, французская кавалерия вряд ли продвинулась бы еще на шаг. Полки были, за редким исключением, очень слабы, а лошади измучены усталостью и лишениями. Себастьяни — возможно, с некоторым преувеличением, поскольку он был болен и обескуражен, — заявил, что в его дивизии осталось всего 2300 всадников из более чем 4000. Едва ли хоть один из корпусов был действительно пригоден к службе, за исключением, возможно, 1-го. Ней еще не получил свой артиллерийский резерв, который подтягивался с тыла. Даже в 1-м корпусе дела обстояли не совсем удовлетворительно. Даву ворчал на беспорядки в полках, угрожая Дезэ, которого он обвинил в подстрекательстве к ним, арестом и восстановлением дисциплины суровыми методами, включая расстрел пойманных на месте преступления мародеров.

В последние дни июля Удино провел несколько очень кровавых и безрезультатных боев с Витгенштейном. 2-й корпус был отброшен к Дюне; и 4 августа Наполеон приказал Сен-Сиру, находившемуся близ Беченковичей, выступить ему на помощь, хотя несчастные баварцы едва начали перевооружаться и все еще были поражены болезнью. Сент-Сир горько жаловался, но был вынужден подчиниться.

К 4 августа Великая армия расположилась в местах расквартирования. Штаб находился в Витебске, где строились печи, создавались госпитали и склады. 4-й корпус находился у Суража, Велижа и Поречья, 1-й, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса - у Рудни, 3-й корпус - у Лиозны, к северо-западу от Рудни, а 24-й полк легкой пехоты поддерживал Себастиани. 1-й корпус, еще не воссоединенный, был развернут от Витебска до Орши, 8-й корпус находился в последнем месте, а 5-й - между Скловом и Могилевом, куда также двигался Латур-Мобур.

Общие результаты остановки были очень благоприятными. Положение в полках начало улучшаться. Это правда, что списки призывников на 4 августа показывают, что присутствовало только около 197 000 человек из номинальных 270 000, но отставшие собирались каждый день;

и люди и лошади, по крайней мере, отдыхали от усталости. Управление снабжением было не совсем удовлетворительным. Войска Даву смогли доставать хлеб из страны вдоль Днепра и, как мы видели, захватили несколько русских складов. Однако снабжение корпуса к северу от Днепра хлебом зависело главным образом от того, что можно было доставить перегруженным транспортом из Вильно и Минска. Здесь, однако, произошло улучшение, поскольку остановка позволила поездкам закрыться. Если хлеб выдавался нерегулярно, солдаты по крайней мере что-то получали, и командиры корпусов могли начать накапливать небольшой запас.

Помимо увеличения численности, вызванного возвращением отставших и выздоравливающих, прибывали подкрепления. Начали подходить тыловые подразделения императорской гвардии, а также Гессен-Дармштадтская гвардия под командованием принца Эмиля, один батальон которой присоединился к Витебску, в то время как другой шел маршем из Вильно. Также были в пути три недавно сформированных батальона для легиона "Висла" и различные *маршевые части* (т. е. призывники, выздоравливающие и т.д.). К Даву присоединился португальский кавалерийский полк, и 7-го числа Великий генерал-квартирмейстер численностью 4690 человек достиг Витебска. Когда военные действия возобновились, состояние Великой армии значительно улучшилось в плане отдыха. Особенно войска Даву были в отличном порядке и в течение пятнадцати дней имели при себе хлеб, бисквиты и муку. Вестфальцы также были хорошо снабжены. К северу от Днепра дела обстояли менее удовлетворительно. Фриан, вернувшись к Даву, заявил, что ему всегда приходилось добывать запасы хлеба, хотя мяса у него было вдоволь.

Управление больницами было все еще очень плохим, даже в Витебске; и в других местах, без сомнения, было намного хуже. Положение не улучшал тот факт, что генерал-хирург Ларри и генерал Матье Дюма, глава военной администрации, были в плохих отношениях друг с другом.

В это время в командовании были произведены некоторые изменения. Старый, но не очень способный или энергичный друг Наполеона Жюно был назначен командующим 8-м корпусом. Маршану была придана Вюртембергская дивизия корпуса Нея. С самого начала им командовал кронпринц Вильгельм, но, отчасти из-за отвращения к беспорядкам и тому, как он и его люди были оклеветаны, чтобы спасти лицо французов, отчасти из-за болезни, он вернулся в Вильно, оставив командование генерал-лейтенанту Шелеру. Маршан отказался передать прямой контроль из рук последнего, и они хорошо сработались. В остальном, будучи старым товарищем и подчиненным, Маршан, вероятно, был желанным гостем в Неи.

Маркиз д'Алорна, один из немногих португальских офицеров, пожелавших добровольно служить Наполеону, был назначен военным губернатором Могилева. Генерал Шарпантье был назначен ответственным за Витебск, а Гомес Фрейре, другой португалец, - за Глубокое. Две бригады баварской легкой кавалерии, принадлежавшие 6-му корпусу, были объединены в дивизию под командованием генерала графа фон Прейзинга и переданы 4-му корпусу, в котором теперь было 36 эскадронов.

Наполеон, конечно, не предполагал, что остановка будет более чем временной. В начале кампании он сказал Меттерниху, что не намерен идти дальше Смоленска в 1812 году, но, обосновавшись там, намеревался организовать Литву и укрепить свое правление в бывших польских провинциях, прежде чем пытаться завоевать собственно Россию. Это заявление он повторил другим, в частности Жомини, и вряд ли его можно рассматривать просто как слепоту. До настоящего времени ему не удавалось нанести серьезный удар по противостоящей русской

армии Протяженность территории, которую он оккупировал, ни в коем случае не была преимуществом, поскольку она была слишком мала, чтобы содержать его огромные силы, и просто удлиняла его и без того длинную линию коммуникаций. Но теперь, наконец, можно было разумно ожидать сражения. Барклай и Багратион объединили свои силы, и едва ли было возможно, что Смоленск, родина древнего рода Рюриковичей, за который долгое время боролись с ненавистной Польшей, один из священных городов России, будет оставлен без боя. Остановка имела своей главной целью приведение армии в хорошее состояние для подготовки к новому и энергичному наступлению.

Уже 6 августа Наполеон сказал Евгению, что следует ожидать скорейшего возобновления военных действий и что ему, вероятно, следует наступать на Смоленск левым берегом Днепра. В тот же день он обратился к Даву за информацией о том, какой берег реки, по его мнению, лучше для наступления. Ответ Даву заключался в том, что в целом он считает левый берег более подходящим, и, по-видимому, это решило императора. Достоинства и недостатки плана будут обсуждены позже. Здесь только необходимо отметить, что это было предвзято, а не из-за влияния российских операций.

К 4 августа две русские армии были сосредоточены у Смоленска. В городе практически не было ценных укреплений. Его массивные кирпичные стены были способны противостоять обстрелу полевых орудий, но в них было несколько плохо заделанных проломов; и единственными орудиями в этом месте были старинные экземпляры без лафетов, хранившиеся в основном как реликвии. Смоленск был огорожен колонной из 17 складских батальонов, 8 эскадронов и 4 артиллерийских батарей — около 6000 или 7000 человек, — которые были доставлены из Калуги генералом Винцингероде. Пехота была призвана в состав двух армий: десять батальонов были переданы в 1-ю, семь - во 2-ю, которые сократились во время форсированных маршей и нуждались в пропорциональном усилении. Артиллерия также была разделена, но эскадроны были отправлены обратно в Калугу, чтобы служить ядром для новых формирований. Винцингероде был отправлен с казанскими драгунами из дивизии Уварова и 3 полками казаков наблюдать за левым флангом французов в направлении Суража и Поречья. Тогда оставалась удерживаемая армия численностью в 121 000 человек, из которых более 18 000 составляли регулярную кавалерию, с примерно 650 артиллерийскими орудиями.

К сожалению, не было единства командования. Барклай, как военный министр, был иерархическим начальником, но и Багратион, и он сам были генералами пехоты, и первый был старшим по званию. Хотя по происхождению он был грузином, он выдавал себя за ультрарусского и соответственно получал добровольную, если не сказать нетерпеливую и беспринципную поддержку многих офицеров, которые предпочитали считать Барклая нерешительным и даже вероломным иностранцем. Его боевой послужной список был хорошим, и он мог бы, с некоторой долей справедливости, считать, что у него больше прав на должность главнокомандующего. Кроме того, Барклаю, при всех его прекрасных качествах, по-видимому, не хватало такта. Он, по-видимому, не вполне осознавал ни трудности, с которыми Багратиону пришлось бороться, ни весьма похвальные попытки, которые он предпринял для осуществления соединения. После форсирования Днепра Багратион, по-видимому, решил, что его лучшая служба будет оказана при ударе по флангу Наполеона. Фон Вольцоген, посланный убедить его ускорить объединение двух армий, обнаружил, что тот, по его собственному признанию, ни в коей мере не желает этого делать, и сообщил об этом Барклаю. Последний вслед за этим написал, призывая его поторопиться, в выражениях, которые, хотя и едва ли

выходили за рамки того, чего требовала срочность дела, были, возможно, несправедливы по своему смыслу и, безусловно, вызвали яростное негодование Багратиона. Он добрался до Смоленска в таком расположении духа, что находил повод для обиды в каждом пустяке. Барклай, однако, проявил необычный такт, за что его адъютант Левенштерн ставит себе в заслугу. Когда Багратион явился с докладом, военный министр встретил его в приемной в парадном мундире и выразил сожаление, что его ожидали с визитом к нему. Затем между двумя вождями состоялся разговор, в результате которого Барклай принес письменные извинения за любую несправедливость, которую он, возможно, причинил своему коллеге. На данный момент установились хорошие отношения, и Барклай написал царю, выражая свое восхищение характером Багратиона. Но следует опасаться, что дружеские чувства Багратиона продлились недолго, и чувство обиды все еще терзало его разум. Что было еще хуже, многие генералы почти открыто интриговали за окончательное назначение Багратиона верховным командованием. Ермолов действительно написал царю, убеждая его сделать это. Главнокомандующим недовольных был великий князь Константин, который, как брат и очевидный наследник царя, был самым важным командующим в армии. Константин был жестоким и иррациональным человеком, имевшим как по характеру, так и по чрезвычайному уродству своих черт сильное сходство со своим злополучным отцом. Положение Барклая быстро стало почти невыносимым.

На данный момент все шло хорошо. На 6 августа был созван совет, и на него прибыли два главнокомандующих, великий князь Константин, которого Барклай не посмел пропустить, Ермолов, Толль и Сен-Прист, начальник французского штаба Багратиона. Решение о наступлении было принято до совещания, и оставалось уладить только детали. Естественно, мнения значительно разошлись. Расширение французских пунктов расквартирования, казалось, предоставляло прекрасную возможность. Было решено бросить сильные силы против крайне левого крыла Наполеона под командованием Эжена, которое, возможно, могло быть полностью уничтожено. Багратион, однако, хотел отразить атаку всеми силами обеих армий, и на это Барклай не согласился. Вполне естественно, что он испытывал беспокойство по поводу того, что могучий завоеватель, противостоящий ему, может сделать, чтобы поменяться ролями. Смоленск, каким бы слабым он ни был, был центром русских операций, и его потеря разрушила бы весь стратегический план. Поэтому Барклай предложил Багратиону удерживать его, пока Первая армия продвигается к Витебску. На это Багратион возразил, и в конце концов было решено оставить только один отряд для прикрытия города и двинуться на Витебск объединенными армиями, второй держался левее, чтобы не допустить поворота.

Барклай, однако, был очень встревожен. Царь приказал ему сохранить свою армию при любой опасности, и, хотя он недооценивал силы Наполеона, перейти в атаку на такого ужасного противника было нелегко. Сэр Роберт Уилсон, британский военный комиссар, который прибыл в штаб-квартиру несколько дней спустя, говорит, что Барклай был напуган известностью своего противника, но, видя ситуацию и огромные последствия, которые могли последовать за уничтожением единственной грозной армии России, вряд ли можно удивляться, что он был полон решимости не рисковать. Он проинформировал Совет о словах Александра и выразил свою твердую решимость не отходить от Смоленска более чем на три перехода.

Конечно, можно утверждать, что план, ограниченный таким образом, был всего лишь полумерой; но в равной степени возможно, что осторожность Барклая спасла русскую армию от разгрома. Несомненно, Наполеон настолько сильно доминировал над ним, что ожидал, что его повернут, и был готов отбросить свое правое крыло при первой тревоге. С другой стороны, было

очевидно, что если бы Наполеон придерживался своей обычной стратегии, он попытался бы обойти один или другой фланг русских, и вероятность указывала вправо.

Генерал Неверовский был оставлен охранять Смоленск. Его дивизия была улучшена в качественном отношении за счет передачи более двух полков Паскевичу и получения взамен полтавских и Ладожских. Ему также были приданы Харьковский драгунский полк и три полка казаков, и ему было приказано двигаться вдоль левого берега Днепра.

Обеспечив таким образом, как он надеялся, оперативную разведку и безопасность Смоленска в случае возникновения угрозы, Барклай 7 августа привел свои войска в движение. Багратион двинулся вдоль правого берега Днепра к Катани, примерно в 16 милях от Смоленска. 5-й и 6-й корпуса и 3-й кавалерийский корпус наступали на Рудню, а 2-й, 3-й и 4-й корпуса и остальная кавалерия - в направлении Поречья. Отряд легкой пехоты под командованием барона Розенасоединил Первую и Вторую армии. Каждой колонне предшествовал авангард пехоты и кавалерии, а впереди всех шли казаки под общим командованием Платова. Наступающая армия насчитывала около 113 000 человек.

В конце первого дня марша Барклай получил разведданные от Винцингероде о том, что Эжен и Нансути находятся в Поречье или около него. Это, естественно, навело на мысль, что Наполеон получил информацию и двигался, чтобы повернуть русских направо. Соответственно, Барклай остановился и повернулся лицом на северо-восток, попросив Багратиона наступать на приказ Видра, в 16 милях к северу от Катана, для защиты левого фланга. Платов все еще продвигался на северо-запад и 8-го числа столкнулся с дивизией Себастиани близ Инково, к востоку от Рудни. Себастьяни поддерживали 24-я легкая кавалерийская бригада Леже и Берманна из корпуса Нея. Берманн, однако, едва ли проявил ту энергию, которой требовал случай, и только его вюртембергская конно-артиллерийская батарея приняла решительное участие в сражении, основная тяжесть которого пришлось на Себастиани. Французская дивизия, численность которой составляла менее 3000 человек, сражалась хорошо, но была вынуждена отступить перед превосходящими силами. Рота 24-го полка была взята в плен казаками, и потери, вероятно, составили 600 человек, из которых 300 были пленными. Мурат находился в штабе во время акции, и некоторые объясняют его отсутствием обратное. Несомненно, он смог бы лучше объединить операции Себастьяни и Берманна, чем его начальник штаба Бельяр, а также оказал бы давление на Нея. Последний, расквартированный около Лиозны, сосредоточил свои войска, но не предпринял никаких шагов на поддержку Себастьяни, за что на следующий день получил строгий выговор от Наполеона.

В тот же день аванпосты Нансути близ Велижа были атакованы аванпостами Винцингероде. Все разведданные свидетельствовали о том, что русские наступают на левое крыло французов. 8-го числа Наполеон получил отчет Даву о дорогах вдоль Днепра; а в 2 часа ночи 9-го он ответил, что решил двинуться на Смоленск левым берегом, и приказал маршалу проследить маршрут. Мурат поспешил на фронт, чтобы возобновить свое командование. Нея подтянул к себе три дивизии 1-го корпуса, чтобы встретить наступление русских. 8-го числа Охраннику заплатили, и он получил бренди на десять дней. Фриан, которому предстояло пасть во главе Старой гвардии на поле Ватерлоо, был назначен генерал-полковником пеших гренадер вместо недавно скончавшегося генерала Дорсенна. 9-го числа его приветствовал на параде сам Наполеон - к большому его удовольствию.

10-го числа генерал Эбле был направлен в Расасну, в 22 милях выше Орши, с приказом перебросить четыре моста через Днепр. Погода была очень плохая, с проливным дождем, который разрушил дороги и затруднил марш войск. Кавалерия Нансути и Монбрена (за исключением дивизии Себастьяни), корпус Нея и дивизии Морана, Фриана и Гюдена были направлены на Расасну. Эжен должен был следовать за ними, образуя арьергард движения, которое было прикрыто слева обширными лесами. Армия Даву также получила приказ наступать на Расасну, за исключением дивизии Домбровского, которая должна была оставаться под Могилевом для наблюдения за Бобруйском. Для методов Наполеона характерно, что Ней ничего не знал о предполагаемом движении до позднего вечера 10-го. 11-го гвардия оставила Витебск. Погода по-прежнему была плохой, и, вероятно, именно из-за этого Ней не смог эвакуировать всех своих больных, заработав тем самым еще один выговор от Наполеона.

Генерал Шарпантье был оставлен гарнизонировать Витебск с новым гвардейским полком “Фланкеров-егерей”, кавалерийской бригадой Гийона из 4-го корпуса, 3-м батальоном 1-го Висленского полка и Гессен-Дармштадтским батальоном на пути из Вильно - всего 3800 человек, число которых должно было быть увеличено 16-го до более чем 7000 различными *маршевыми* батальонами. Дивизия Себастьяни, временно находившаяся под командованием генерала Пажоля, должна была оставаться в наблюдении близ Рудни. Дивизия Домбровского находилась между Рогачевым и Могилевым. Батальон вестфальцев разместил гарнизон в Орше. За вычетом этих отрядов, Наполеон располагал для наступления на Смоленск более 200 000 человек, не считая войск главного штаба. К 13-му вся огромная масса была либо у Расасны, либо в пределах легкой досягаемости от нее, и Нансути, Монбрен и Ней переправились через реку и взяли инициативу в свои руки.

Несколько примечательно, что в течение этого периода нет никаких указаний на какие-либо попытки установить местонахождение русских. Наполеон знал, что они не продвинулись в наступлении на Витебск, но он, по-видимому, был настолько уверен в том, что его ход поможет в любых чрезвычайных ситуациях, что, похоже, не беспокоился о 120 000 врагах, которые были где-то слева от него.

Барклай, как было видно, стоял лицом к Поречью. Примерно в это же время он получил прямой приказ от Александра перейти в наступление. 9-го Багратион двинулся к приказу Вида; и Барклай сообщил, что обе армии могут сосредоточиться в течение дня, если потребуется, что со своего положения они прикрывают Смоленск и местность между Дуной и Днепром и могут легко снабжаться из складов, которые были заранее подготовлены в Торопце и других местах.

Багратион, однако, не был удовлетворен. Он был в настроении, которое, вероятно, побудило бы его поссориться со всем, что делал Барклай. Он сказал Аракчееву, что штаб-квартира военного министра настолько забита немцами, что русский не смог бы там жить, и что постоянные марши и контрмарши сведут его с ума. Ермолову он написал, что у него нет ни сена, ни соломы, ни хлеба, ни должности, и что Барклай должен либо что-то предпринять, либо заменить его (Багратиона). Он ожидал, что Наполеон позабавит их демонстрациями около Рудни и двинется на Смоленск слева от них. Неясно, было ли это предвидение намерений французского императора результатом тщательного обдумывания или просто следствием естественной склонности каждого командира воображать себя особым объектом внимания противника.

Результатом было то, что Барклай в отчаянии развязал Багратиону руки. Он уполномочил его отступить к Смоленску, если он сочтет это необходимым, и вообще принять свои собственные

меры для защиты русского левого фланга. Несчастный военный министр был окружен явными и тайными врагами, и это, в сочетании с возложенной на него ответственностью, вероятно, объясняет этот экстраординарный шаг, который практически равнялся отказу от верховного командования.

Соответственно, 12-го числа Багратион отступил к Смоленску. Однако в тот же день Барклай получил свежую информацию о том, что французы сосредоточили силы близ Поречья. Это было абсолютно безосновательно, но он едва ли мог дискредитировать это, тем более что был одержим идеей нападения с этой стороны. Он написал Багратиону, что ожидает атаки 15-го числа, и занял позицию между озером Каспля и деревней Волоковая, примерно в 22 милях к северо-западу от Смоленска. Он вызвал Багратиона к Катану и Надве, примерно в 8 милях к северо-западу, чтобы охранять свой левый фланг. 13-го Вторая армия отступала к Смоленску, и 7-й корпус фактически достиг этого места, когда прибыл приказ Барклая об отзыве.

Это, кажется, почти нарушило душевное равновесие Багратиона. Он горько жаловался на постоянные контрмарши, которые неуклонно изматывали Вторую армию. Для этого было хорошее оправдание, но мало для жестоких писем, которые он писал Ермолову, в которых он описывает Барклая как предателя, достойного смерти. Последний, безусловно, зашел в своей осторожной политике слишком далеко, поскольку еще один марш-бросок 9 или 10 числа показал бы, что на его фронте нет крупных сил, и он, безусловно, находился в состоянии большой нерешительности. Тем не менее, учитывая характер его противника, это было, во всяком случае, простительно, и можно справедливо спросить, почему массы русской легкой кавалерии не смогли лучше прояснить ситуацию.

В защиту Багратиона следует сказать, что, хотя он и позволял своему вспыльчивому темпераменту брать над собой верх, и хотя его письма такому опасному интригану, как Ермолов, подрывали всякую военную субординацию, сам он не подавал примера неповиновения. 14-го он контратаковал 8-й корпус на Катане, оттеснив кавалерию Сиверса и Васильчикова с поддерживающей бригадой 7-го корпуса в направлении Волоковой. Основная часть 7-го корпуса находилась под Смоленском, и люди нуждались в отдыхе, так что Раевский начал свой марш только в 7 часов вечера. Когда он двинулся в путь, в направлении Красного была слышна канонада. Около 10 часов от Неверовского прибыл адъютант с известием, что французские войска наступают по южному берегу Днепра. Багратион также каким-то образом получил разведданные, поскольку вскоре после этого от него поступил приказ остановиться. Ночью Раевский получил новый приказ вернуться на поддержку Неверовского. На рассвете 15-го 7-й корпус вернулся в Смоленск.

Утром 14-го Великая армия начала наступление из Расасны. Мюрат шел впереди с корпусами Нансути, Монбрена и Груши и легкой кавалерией 1-го и 3-го корпусов; а за ним следовали три пехотные дивизии Нея. В тылу у Нея наступал корпус Даву, а затем гвардия. Эжен переправлялся у Расасны; 8-й корпус двигался из Орши справа от Даву, а 5-й дальше, прикрываемый с юга Латур-Мобуром. Между двумя и тремя часами дня авангард достиг Красного, занятого дивизией Неверовского.

Различные французские авторы выражали удивление по поводу того, что эти небольшие силы были оставлены незащищенными, и, по-видимому, случайно, на южном берегу Днепра. Все это,

конечно, немногим лучше бессмыслицы или, в лучшем случае, преклонения перед гением Наполеона, который был настолько велик, что лишил его противников здравого смысла! Отправка 27-й дивизии вдоль левого берега реки была совершенно рациональной мерой предосторожности. Он находился в наблюдении и не предназначался для отражения атаки значительно превосходящих сил, хотя был вполне способен справиться с дивизией или летучим отрядом. На каком бы берегу русские лидеры ни решили действовать, они не могли оставить другой незамеченным, тем более что французы удерживали переправы в Орше и других местах. Ошибка — предположительно Багратиона — по-видимому, заключалась в том, что он не разместил пехоту ближе к Смоленску и послал только кавалерию для наблюдения за Оршанской дорогой.

Красный - небольшой городок примерно в 30 милях от Смоленска. Кавалерийские заставы Неверовского находились около Лядов, в нескольких милях к западу. Они были вытеснены корпусом Груши, который составлял левое крыло Мюрата; и Неверовский узнал, что на него надвигаются превосходящие силы.

ИОАХИМ МЮРАТ, КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ,
командующий французской кавалерией
С картины Жерара в Версале

Он сразу же составил план отступления. Немного восточнее Красного река Лоссмина впадает в Днепр через овраг, через который проходит большая дорога по обычному деревянному мосту. Неверовский приказал 50-му егерскому полку с двумя орудиями со всей скоростью двигаться к Коритнии, почти на полпути к Смоленску, чтобы сформировать подкрепляющие силы на случай серьезного поражения, и начал отход. Когда Мюрат и Ней прибыли, они нашли его с 9 батальонами, его кавалерией и 8 орудиями за оврагом, с 1 батальоном и 2 орудиями в Красном.

Общий порядок наступления французов немного неопределенный, но неуклюжий: легкая кавалерия Шастеля и драгуны Де ла Уссе, по-видимому, находились слева, легкая кавалерия 1-го и 3-го корпусов с 24-м полком Леже, лично возглавляемым Неем, в центре; две кирасирские дивизии Монбрена справа при поддержке Нансути. 24-й легионерский полк атаковал и овладел Красным около 3 часов дня, захватив два орудия и оттеснив остатки гарнизона за овраг. 9-я польская кавалерийская дивизия последовала за ними по мосту, но, опрометчиво бросившись на поддерживающую пехоту, была отброшена. Харьковские драгуны преследовали его, но отказались атаковать перед лицом массы тылов, и Неверовский, увидев численность французов, отослал свою кавалерию в тыл и начал отходить со своими десятью батальонами, выстроенными в две плотные колонны.

Вражеские всадники теперь толпились над ущельем Лоссмина. Мюрат, собрав несколько эскадронов, бросился на русский арьергард, привел его в беспорядок и захватил еще пять или шесть орудий. Неверовский сплотил разбитые войска, а затем, очевидно, сомневаясь в стойкости своих молодых рекрутов, которых теперь поддерживал огонь всего двух орудий, объединил свои силы в единое большое каре. Поскольку батальоны были сформированы по континентальному образцу, в шесть рядов, и поскольку численность людей составляла около 5000 человек, длина каждой грани составляла, вероятно, 130 ярдов.

Когда французская и союзная кавалерия пересекла овраг, каждый полк поспешил на фронт и поодиночке и, по-видимому, бессистемно атаковал отступающее каре. Судя по всему, Мюрат не осуществлял общего контроля, но действовал как простой командир полка, яростно разъезжая по округе, возглавляя отдельные атаки, которые были бесполезны против стойкой пехоты. Артиллерия была в основном блокирована в Лоссмине, и только трем вюртембергским орудиям удалось вступить в бой; в то время как пехота Ней, которая могла бы сдерживать русских до тех пор, пока орудия не выполнят свою работу, не смогла пробиться сквозь наступающие полчища кавалерии. Местность была сильно пересечена небольшими лощинами и оврагами, в то время как дорога обычно была окаймлена деревьями. По этой местности, к востоку от Красного, по пути в Коритнию, двигалось войско французских, польских и немецких всадников, в то время как посреди него торжественно продвигалось большое каре 27-й дивизии, атаки кавалерии разбивались о него, как волны о скалу, упорно стреляя и нанося удары по всему, что его беспокоило, и неуклонно продвигаясь к Коритнии, несмотря на то, что могли сделать нападающие. Стрельба русских новобранцев, по-видимому, часто была дикой, но их стойкость была образцовой. Даже когда три вюртембергских орудия наконец поднялись и открыли огонь, они не были разбиты. В какой-то момент вюртембергскому полку действительно удалось ворваться на площадь, но он снова был вытеснен, а 27-я дивизия выровняла свои ряды и упорно продолжала свой путь. Атаки становились все более и более неэффективными из-за усталости людей и лошадей; и около 8 часов вечера Неверовский благополучно прибыл в Коритнию. Там он собрал свою кавалерию и арьергард и на следующий день отступил к Смоленску. Всего он

потерял около 1500 человек, из которых половина была пленными, при 8 орудиях. Потери французов, по-видимому, не превысили 800 человек.

Этот поступок был чрезвычайно похвален молодыми русскими войсками, хотя справедливо будет сказать, что они во многом были обязаны неумелому управлению Мюрата. Ней в разгар сражения отправился к королю и попытался убедить его пропустить пехоту на фронт, но безуспешно. Он был в ярости и написал меморандум Наполеону, умоляя его иметь постоянный авангард пехоты. Кавалерия, как он указал, была бессильна предотвратить отступление пехоты.

Раевский прибыл в Смоленск на рассвете 15-го. В городе находился генерал Беннигсен, который сопровождал армию, очевидно, в надежде сменить главное командование. К нему за советом обратился встревоженный командир 7-го корпуса, но Беннигсен был не из тех, кто помогал младшим в трудную минуту, не говоря уже о том, чтобы позволить себе стать участником того, что могло обернуться большой катастрофой. Он отделался от Раевского несколькими ничего не значащими словами, просто посоветовав ему поберечь свою артиллерию. Раевский, по его словам, чувствовал, что, когда судьба России висела на волоске, было не время думать о нескольких пушках. Он занял позицию примерно в 2 милях от города и ожидал Неверовского, который прибыл в 2 часа дня. От него Раевский узнал, что, вероятно, вся французская армия наступала на Смоленск, и поспешил отправить депешу Барклаю. В 5 часов вечера он услышал артиллерийскую стрельбу на своих аванпостах и, поспешив на фронт, увидел массы кавалерии Мюрата, приближающиеся из Коритнии.

Раевский не дрогнул. По его мнению, его долг был ясен. Он и его люди должны были умереть, если потребуются, защищая город, потому что в случае его падения Наполеон мог зайти Барклаю и Багратиону в тыл, перерезав их коммуникации с Москвой и югом. Его поддержал Паскевич, которому, по словам его биографа, принадлежала главная заслуга в принятии резолюции. Это утверждение можно принять за чистую монету, хотя нет никаких оснований сомневаться в том, что Паскевич искренне поддержал решение своего шефа.

Смоленск в 1812 году располагался главным образом на южном берегу реки. Раньше это была большая пограничная крепость, но с появлением артиллерии ее значение уменьшилось из-за того, что она более или менее контролировалась невысокими высотами. Его ядро состояло из древнего укрепленного города, массивные кирпичные стены которого образовывали неправильный пятиугольник почти в четыре мили в окружности. Эти стены обычно были около 30 футов в высоту и от 15 до 20 в толщину. Наверху были открытые небу галереи, слишком узкие, чтобы можно было разместить орудия на позициях. Через равные промежутки располагались 32 башни, в которых лестницы вели на стены. Артиллерию можно было разместить только на платформах этих башен, и они, как правило, были построены менее прочно, чем стены. Внутри стены поддерживались древними земляными валами. Под юго-западным углом находился небольшой правильный земляной форт, в настолько запущенном состоянии, что на его валы легко могла взобраться пехота. Эта так называемая “Королевская цитадель”, построенная еще во времена польской оккупации, на самом деле представляла собой, пожалуй, самое слабое место в линии обороны. Недалеко от южных, или Малаковых, ворот пролом, сделанный во время осады Сигизмундом III Польским в 1611 году, был перекрыт земляным реданом. Стены были окружены рвом и крытым ходом, также в запущенном состоянии. Вдоль восточной стороны значительный овраг обеспечивал дополнительную защиту, а на западной стороне была еще одна, но более мелкая впадина. Вокруг города были обширные пригороды, в

основном состоящие из деревянных построек. Среди них было много разобранных земляных сооружений. Эти пригороды простирались почти до стен внутреннего города, и, поскольку они служили прикрытием для нападавших, защитники были практически вынуждены занимать позиции либо внутри них, либо перед ними. Обычно они назывались в честь города, дорога к которому проходила через них.

С южной стороны в Смоленск вели четыре главные дороги, одна из которых вела из Варшавы, входя в город с юго-запада через Красное. Дорога из Могилева через Мстиславль вела почти прямо на юг; дорога на Рославль и Орел ответвлялась от нее у Малаковых ворот; дорога Ельня-Калуга некоторое время вела на юго-восток, наконец поворачивая на восток.

От северных ворот через длинный деревянный мост вели три дороги: слева - в Витебск, посередине - в Велиж и Санкт-Петербург, а справа - в Москву. Последняя тянулась примерно на 5 миль вдоль берега Днепра, а затем пересекала хорду большой излучины реки до Соловьево, примерно в 27 милях к востоку от Смоленска, где снова переходила на южную сторону. Перекресток проходил мимо деревни Горбуново, делая небольшой поворот к большой дороге в Любино, в 14 милях отсюда. С южной стороны Смоленска другая дорога пересекала Днепр вброд у Прудичево, примерно в 6 милях отсюда, а также выходила на шоссе примерно в 2 милях к западу от Любино. Эти следы необходимо отметить, поскольку несколько дней спустя они приобрели огромное значение.

У Раевского было с собой только 8 полков и 6 батарей его собственного корпуса, а силы Неверовского были ослаблены. По его словам, его численность (вероятно, только пехота и артиллерия) составляла едва ли 13 000 человек. У него было 72 орудия. Понимая, что его долг - осадить город дюйм за дюймом, он выдвинул свои войска вперед, к пригородам. Дивизия Паскевича заняла Красное предместье и ров перед цитаделью, а Виленский полк 27-й дивизии и временный батальон выздоравливающих разместились в резерве за стеной. Дивизия Колюбакина обороняла пригород Мстиславля, а 27-я бригада Ставицкого - Рославль. Эти 23 батальона могли охранять лишь около половины южного фронта пригородов. Еще четверо находились в резерве в городе, и только двоих удалось выделить для наблюдения за линией протяженностью почти в 2 мили от пригорода Рославля до реки. Чтобы произвести наилучшее впечатление, Раевский разместил там свою кавалерию. Восемнадцать орудий были установлены на Королевской цитадели; остальные - вдоль земляных валов за стенами. Расположившись таким образом, русские ожидали атаки. Раевский говорит, что, хотя накануне вечером он почти не отдыхал, заснуть не смог.

Ночью литовские уланы и Новые русские драгуны достигли Смоленска, предоставив Раевскому в распоряжение еще 12 эскадронов, которыми он усилил свой заслон слева.

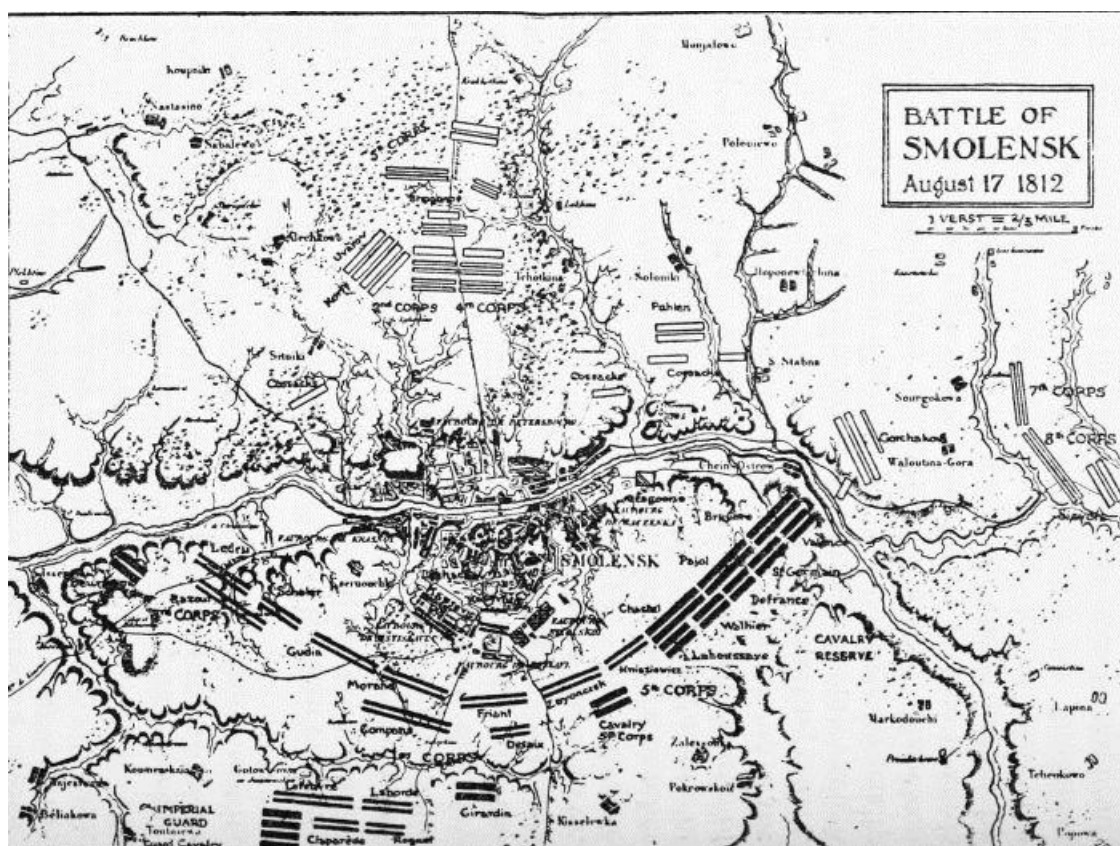
К 10 часам вечера 15-го основная часть кавалерии Мюрата была примерно в 3 милях от Смоленска, а ее аванпосты находились на связи с Раевским. Корпус Нея находился непосредственно позади. Даву достиг Коритнии. Гвардия находилась в тылу Даву; глава 4-го корпуса в Лиадах. 8-й корпус сбился с пути, но 5-й был почти на одной линии с Даву и мог подойти во второй половине дня. Не считая Эжена и гвардии, 120 000 человек могли оказаться перед Смоленском еще до вечера.

Что тем временем делали Барклай и Багратион? Барклай все еще был обеспокоен атакой со стороны Поречья и послал срочный приказ своим кавалерийским командирам попытаться прояснить ситуацию. Он сомневался, что наступление на Смоленск осуществлялось более чем частью французской армии. Багратиону было приказано форсировать Днепр у Катана и присоединиться к Раевскому и Неверовскому для защиты Смоленской дороги. Корпус Дохтурова должен был занять его место у Надвы. Багратион двинулся к Катану и навел мост, но вскоре он понял, что переправа просто означала бы его уничтожение. Он послал известие Барклаю, что армия, которую он оценивал в 115 000 человек, без Эжена и гвардии, движется на Смоленск, и что он сам теперь должен идти туда правым берегом. Донесения Багратиона и Раевского рассеяли сомнения Барклая, и он отдал приказ всему своему корпусу выступить на Смоленск на следующий день. Раевскому Багратион отправил характерное послание:

“Дорогой Друг,

“Я не пойду, чтобы присоединиться к вам — я побегу. Жаль, что у меня нет крыльев. Мужайтесь! Бог поможет вам!”

В полночь с 15-го на 16-е Наполеон написал Евгению, что Смоленск эвакуирован. Немного позже Ней получил приказ занять его. Не похоже, чтобы император располагал какой-либо определенной информацией, на которой можно было бы основывать свое самоуверенное мнение. Похоже, на него действительно произвело впечатление наведение моста Багратионом в Катане, за которым 15-го числа наблюдала разведка из штаба. Фланговая атака на его армию, растянутую вдоль дороги Расасна-Смоленск, могла иметь серьезные последствия. В результате он остановил весь 1-й корпус около Корици, за исключением дивизии Гудена, которая продолжала наступление на Смоленск.

СМОЛЕНСКАЯ БИТВА 17 августа 1812 г.

Очень рано 16-го числа французский и русский аванпосты перед Смоленском переругались друг с другом. Между 8 и 9 часами утра основная часть войск Нея и Мюрата достигла фронта. Король и маршал ввели в бой несколько батарей против артиллерии Раевского, и Ней развернул свой корпус напротив Красного предместья и Королевской цитадели, дивизия Ледрю справа, вюртембергцы Шелера слева в тылу, Разут в резерве. Дивизии Мюрата продвинулись вправо. Передовые посты вели ожесточенную перестрелку, и с обеих сторон было задействовано несколько орудий, но, к удивлению Раевского, атаки предпринято не было. Впоследствии он говорил, что его успех был достигнут благодаря слабым мерам французов. Ней и Мюрат, конечно, ожидали приказов. У Нея также было менее 19 000 пехотинцев, едва ли достаточно, чтобы попытаться взять город главными силами, тем более что он не знал силы Раевского. Наполеон держал основную часть своей армии наготове для наступления на Катан и пытался прояснить ситуацию путем разведки. Ближе к полудню он услышал, что мост убран, и направился в Смоленск. Он прибыл около 13:00 и, сразу же отправившись на фронт, тщательно разведал позиции русских.

Возможно, исходя из выводов, сделанных на основе того, что он видел, Наполеон приказал Мюрату и Нею продолжать наступление. Указания относительно времени очень расплывчаты, но, по всей вероятности, до полудня не было предпринято ничего похожего на нападение. По-видимому, около 13.30 русская кавалерия была вынуждена отступить под стены города, и вюртембергцы начали усиленную атаку на Красный пригород. Линия Раевского была настолько тонкой, что наступление большими силами в любом пункте разрушило бы ее. Для укрепления обороны в пригороде Красного войска должны были быть переброшены в этом направлении. По

всему противоборствующему фронту протянулась линия огня, и, хотя атака нигде не велась энергично, русские войска почти все были задействованы. В городе оставались в резерве только два полка, когда Раевскому доложили, что французы прорвали его остов слева и приближаются к мосту. Он бросился отражать их своим слабым резервом, и в этот момент батальон 46-го французского полка, увидев, что королевская цитадель почти лишена защитников, бросился вперед, легко взобрался на осыпающийся земляной вал и проник внутрь. Гарнизон, однако, отчаянно сопротивлялся. Раевский, сочтя сообщение о наступлении на мост беспочвенным, поспешил обратно к угрожаемому месту, были подтянуты подкрепления, и доблестные нападавшие были отброшены за вал как раз в тот момент, когда к ним на помощь подоспел второй батальон, унося его с собой при отступлении. Когда они зашли в тыл, то подверглись сильному обстрелу и понесли большие потери. В других местах единственными достигнутыми успехами было подавление упорно сопротивляющихся аванпостов, и французы воспользовались этой возможностью очень быстро. В 15.20 генерал Сокольниковский, польский офицер при Генеральном штабе, доложил о российских войсках на дороге в Рудню. Дивизия Гудена вышла на фронт только в 16:00, Понятовского - только в 17:00, и солдатам требовалось время, чтобы отдохнуть и занять позиции. Критический период для русских, по сути, закончился. Стрельба продолжалась до сумерек, но не было предпринято ни одной попытки продолжить атаку. Основные силы русской армии вливались в город, и любой успех вряд ли мог быть чем-то большим, чем временным. Прекрасная решимость Раевского лишила Наполеона его шанса; и для него не является дискредитирующим тот факт, что его собственная непосредственная опасность была менее велика, чем он себе представлял.

Багратион, несмотря на его ободряющие слова, не смог прибыть на помощь Раевскому до вечера, а поскольку расстояние от Катана до Смоленска составляет не более 17 миль, следует предположить, что он счел себя обязанным остановиться, чтобы убедиться, что разведка Наполеона не предшествовала серьезному наступлению. Сам он поспешил в Смоленск и, убедившись, что Раевский еще не подвергся давлению, а также, по-видимому, что нападение на Катан не предполагается, поспешил обратно в последнее место и направил Бороздина на Смоленск. Вторая кирасирская дивизия уже была отправлена вперед. Раевский, чувствуя, что кавалерия бесполезна в городе, держал ее на северном берегу Днепра.^[1]

Барклай, убедившись в своей ошибке относительно направления атаки Наполеона, повернул головы всего своего корпуса к Смоленску, и марш продолжался с отчаянной энергией. Весь жаркий летний день по таким плохим дорогам, что они не заслуживали этого названия, русские солдаты продвигались вперед. Тучков I с 3-м и 4-м корпусами и кавалерией Уварова выступил из Касплии по Поречье-й дороге; великий князь Константин со 2-м и 3-м корпусами и кавалерией Корфа и Палена из Волоковой по приказу Видры; Дохтуров из Надвы по Руднянской дороге; в то время как Бороздин и Васильчиков двинулись вдоль берега Днепра. Войскам Тучкова и Дохтурова пришлось пройти более 24 миль по прямой, не учитывая извилистости дорог и дополнений, вызванных выдвижением на позиции, войскам Константина - более 22. Тем не менее, к пяти часам пополудни вся армия была в пределах легкой досягаемости от города, которому угрожали, а час спустя передовая бригада Бороздина достигла моста на поддержку Раевского.

Смоленск был спасен, и перед русскими генералами встала проблема, что делать дальше. Барклай предполагал, что, потерпев неудачу в захвате Смоленска, следующим шагом Наполеона будет наступление на Соловьево. Его захват вынудил бы русские армии либо вновь

открыть свою главную линию коммуникаций на острие меча, имея все шансы против них, либо отступить на север. Оставление Смоленска тогда стало бы практически неизбежным. Конечно, было бы вполне осуществимо оставить в этом месте гарнизон, который мог бы продержаться неделю или две, но можно резонно спросить, какой цели можно было бы достичь, пожертвовав им. В любом случае, было очевидно, что необходимо остерегаться возможного наступления французов на Соловьево, и было решено, что Вторая армия двинется на восток, готовая встретить противника в угрожаемом пункте, в то время как Первая останется около Смоленска для защиты линии Днепра.

С этой целью Дохтурову с 6-м корпусом, 3-й дивизией Коновницына и гвардейскими егерями было приказано сменить Раевского, и около полуночи его войска прибыли, чтобы занять позиции в пригородах, освобожденных бывшими. Раевский оставил 6-й егерский полк в распоряжении Дохтурова, а сибирские, Иркутские и Оренбургские драгуны заменили кавалерию Второй армии. Паскевич помогал командирам дивизий Дохтурова в размещении их войск; в то время как 7-й корпус и 27-я дивизия форсировали Днепр и присоединились к 8-му корпусу. На следующий день Багратион двинулся на восток, оставив аррьергард в Шейн-Остроге, в 3 милях восточнее Смоленска, для охраны брода на Днепре.

В Смоленске дивизия Лихачева удерживала Красное предместье и Королевскую цитадель, а дивизия Капсевича - Мстиславль и Рославль. Дивизия Коновницына находилась в резерве. В настоящее время за левым флангом наблюдали только 6-й егерский и кавалерийский. Гвардейские егеря находились у моста. В распоряжении Дохтурова было около 120 орудий, некоторые из которых были установлены на платформах башен.

Остальная часть Первой армии была размещена на дороге в Санкт-Петербург, примерно в полутора милях от города, на низком плато, возвышающемся над ним. Корпуса Баггоуфвудта и Остермана-Толстого находились в передней линии, первый справа от дороги, второй слева. Справа от Баггоуфвудта находились 1-й и 2-й кавалерийские корпуса, а позади него стояла дивизия Строгонова из 3-го корпуса. 3-й кавалерийский корпус (за вычетом полков в Смоленске) располагался слева и впереди 4-го корпуса. Общий резерв был сформирован 5-м корпусом, расположенным в 1 версте в тылу Строгонова. Наконец, казаки Платова и Карпова наблюдали за течением реки до самого Катана.

В то время как войска Дохтурова занимали свои позиции, они столкнулись с французскими аванпостами, которые были отброшены на некоторое расстояние, Лихачев и Капсевич предприняли общее наступление на рассвете 17-го, чтобы очистить свой фронт. Обычно это рассматривалось как общая вылазка Дохтурова с целью вернуть пригороды, но ни во французских документах, ни в отчете Раевского нет никаких указаний на то, что они были эвакуированы. Тем временем прибыли корпус Даву и основная часть гвардии; утром 17-го Наполеон располагал перед Смоленском 1-м, 3-м и 5-м корпусами, гвардией и восемью кавалерийскими дивизиями Мюрата — всего более 120 000 человек. Корпус Жюно из-за ряда неудач и дезориентаций, в которых Наполеон винил Жюно, а последний - своего старшего дивизионного командира Тарро, все еще находился в тылу. Латур-Мобур наблюдал за местностью на некотором расстоянии к югу, в то время как 4-й корпус был выдвинут из Коритнии обратно в Расасну.

Наполеон все еще испытывал беспокойство по поводу русских войск в Катане, настолько сильное, что 17-го числа по его приказу Ней направил туда кавалерийскую бригаду Морье при

поддержке 6 батальонов вюртембергцев и 6 орудий для защиты от возможной атаки с фланга. Силы вступили в ожесточенный бой с казаками и поддерживающей их пехотой, что стоило им 11 офицеров и, вероятно, 200 человек убитыми и ранеными.

В течение утра в пригородах происходили непрерывные перестрелки, но только после полудня Наполеон отдал приказ о наступлении. Причины, по которым он вообще атаковал город, неясны, но, возможно, он ожидал, что сможет без особых трудностей овладеть пригородами и что старые стены города легко поддадутся непрекращающейся канонаде. Возможно, он рассчитывал на невыгодное положение Дохтурова на склоне холма и на то, что сам он мог обозревать как город, так и противоположный берег реки. Богданович говорит, что он хотел форсировать Днепр и отрезать армию Багратиона, и только когда брода найти не удалось, он предпринял прямую атаку — но во французских документах об этом нет и следа. Де Шамбре считает, что Наполеон ожидал, что русские дадут сражение перед городом. Но со своей возвышенности он мог видеть каждое движение войск с позиции Баркляя. Следовательно, у него не было оснований для такого предположения, и нет никаких оснований предполагать, что он это сделал. Конечно, возможно, что он надеялся, развивая наступление, побудить Баркляя поддержать Дохтурова основной частью своих сил и отбиваться спиной к реке, но, похоже, нет никаких доказательств в пользу этого предположения.

Примерно в 12.30 французы перешли в атаку. Ней двинулся против Королевской цитадели и Красного предместья, с дивизией Ледрю справа, остатками вюртембергцев слева и Разутом в резерве. Даву атаковал предместье Мстиславля, дивизия Морана - в центре, дивизия Фриана - справа, а дивизия Гюдена в сопровождении маршала собственной персоной - слева. Компанс и Дезэ находились в резерве. Еще правее наступал корпус Понятовского, дивизия Зайончека наступала слева на Малаковы ворота, а дивизия Князевича - справа на Никольское предместье. Кавалерия Мюрата просто наблюдала за всем восточным фронтом города.

В целом атака была, до определенного момента, успешной — как и следовало ожидать, когда около 55 000 пехотинцев продвигались вниз по склону против примерно 19 000, чьи позиции среди беспорядочно разбросанного лабиринта деревянных зданий были охвачены огнем более 300 орудий. Однако прогресс был очень медленным. Ледрю и вюртембергцы в конце концов овладели прибрежными пригородами, но дальше продвинуться не смогли; королевская цитадель, теперь устрашающе вооруженная и с гарнизоном, выдержала атаку. Три великолепные дивизии Даву двинулись вперед с завидной решимостью, отеснили войска Капсевича в пригороды и неуклонно завоевывали позиции, хотя и ценой очень серьезных потерь. Справа поляки после ожесточенных боев захватили противоположные им пригороды, но, попав под огонь с крепостных валов, были вынуждены остановиться. Результатом было то, что к пяти часам французы и поляки заняли все пригороды. Дивизия Капсевича была отеснена к стенам города наступлением Даву. Все войска Коновницына были израсходованы на поддержку линии фронта.

На правом фланге французов польская кавалерия атаковала русских драгун и отбросила их обратно в город. Батарея тяжелой артиллерии открыла огонь с северного берега Днепра и остановила преследователей, но поскольку она была изолирована, поляки с большой отвагой перешли реку вброд и поскакали вперед в атаку. Они были атакованы и отбиты эскортом Баркляя, который только что прибыл туда на разведку. Затем для сопровождения батареи был выделен уланский полк. Мюрат и Понятовский теперь разместили на берегу массу артиллерии,

которая вела огонь через город по постоянному мосту и временным, которые были переброшены рядом с ним. Вслед за этим Барклай разместил несколько батарей на позиции на северном берегу напротив французских и польских орудий, и после жаркой канонады ему удалось заставить их замолчать или заставить отступить. Сэр Роберт Уилсон говорит, что это он выбрал позицию для русской артиллерии.

Увидев, что его вытесняют из предместий, Дохтуров послал к Барклаю за подкреплением. Последний прислал ободряющее сообщение и приказал двинуть вперед дивизию молодого принца Евгения Вюртембергского, который еще никогда не командовал в бою и горел желанием отличиться. Евгений добрался до передовой в самый критический момент боя. Все резервы Дохтурова были задействованы; Нея яростно атаковал королевскую цитадель; Даву и Понятовский оттеснили Капсевича и Коновницына в город и вглубь него и готовились к штурму Малаковых ворот. Дивизия Капсевича была разбита и в полном беспорядке отступала; генералы Скалон и Балла пали; а Дохтуров, не имея свежих войск для ввода, был сильно подавлен. Появление подразделения Ойгена принесло ему облегчение. Бригада Пушницкого была направлена направо на помощь Лихачеву против Нея, бригада Росси - налево, чтобы усилить оборону против Понятовского; а егерская бригада, возглавляемая самим Евгением, двинулась прямо к воротам Малакова и, яростно пробившись сквозь толпу беглецов, вновь заняла крытый путь и остановила дальнейшее продвижение Даву.

Изгнание русских из пригородов положило конец успеху французов. Бригада Росси достигла Королевской цитадели как раз вовремя, чтобы помочь Лихачеву отразить последнюю атаку Нея, которая была отбита с большими потерями, хотя Ледрю и Шелера теперь поддерживал 4-й полк дивизии Разута. Дохтуров собрал дивизию Капсевича и разместил свои силы вдоль стен, принц Ойген принял командование слева. Французы остановились на расстоянии мушкетного выстрела, укрывшись, насколько могли, за домами и старыми земляными валами среди них, но понесли большие потери от огня с зубчатых стен, и особенно от легких орудий на башнях. Было явно безнадежно пытаться атаковать, пока не будет пробита брешь, и Наполеон послал вперед 24 12-фунтовых орудия императорской гвардии, которые присоединились к резерву Даву и открыли яростный огонь. Русские энергично парировали, и когда атаки пехоты ослабли, сражение превратилось в оглушительную канонаду. Русская артиллерия изо всех сил старалась заставить замолчать 12-фунтовые батареи, но тщетно; они непрерывно били по древним стенам, артиллеристов воодушевлял пример Даву и графа Сорбье, которые лично руководили их огнем; но они не могли произвести особого впечатления. Сведения о судьбе крытого пути противоречивы: русские настаивали на том, что они его заняли, в то время как французы в равной степени заявляли, что они его захватили. Капитан Франсуа из 30-го^e de Ligne говорит, что анфиладный огонь французской артиллерии в конце концов вынудил русских оставить ее; и что саперы Даву начали подрывать стену. Вероятно, удача менялась в разные моменты. Несомненно только то, что французы и поляки были определенно остановлены у стены, и битва прекратилась с наступлением темноты.

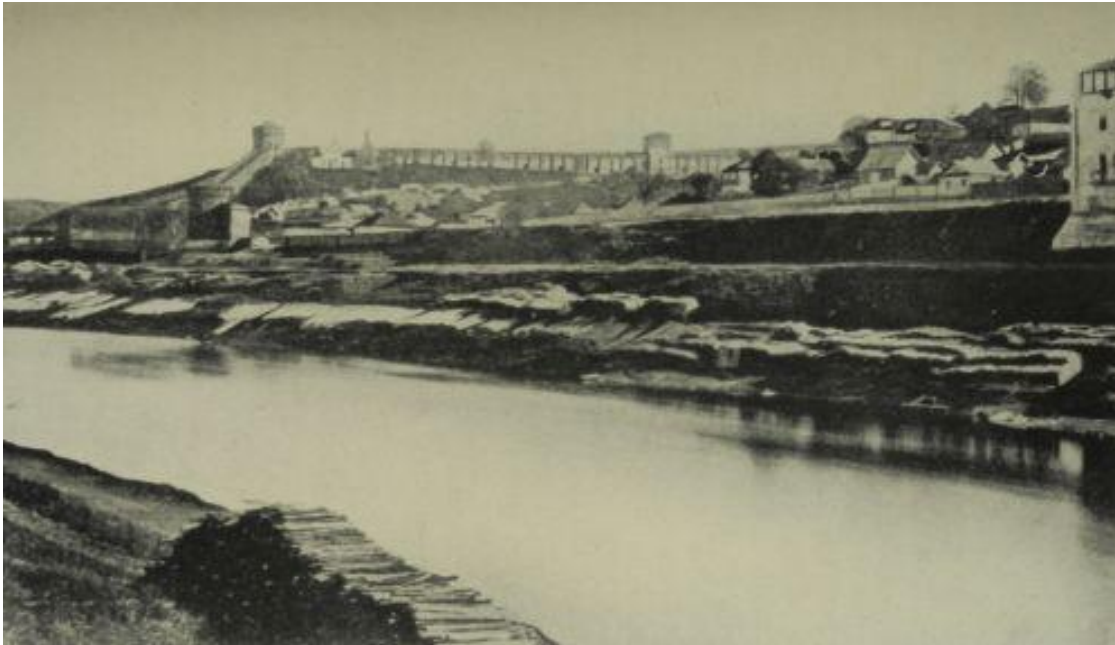
К этому времени город и пригороды были повсюду охвачены огнем. Французы позже заявили, что город был намеренно разрушен; но это совершенно невероятно. Поскольку он был построен в основном из дерева, он наверняка мог загореться, и не хватало ни времени, ни средств, чтобы потушить пожар, который распространялся с падением каждого снаряда.

Потери с обеих сторон были тяжелыми. Русские задействовали только 55 батальонов, а все силы Дохтурова, включая кавалерию, казаков и артиллерию, вероятно, едва превышали 30 000 человек. Барклай, вероятно, занижает свои потери на 4000, но ни одно российское ведомство не признает больше 6000. Принц Евгений оценивает свои потери в 1300. Хотя его дивизия вступила в бой с опозданием, следует помнить, что одной бригаде пришлось совершить отчаянную вылазку перед лицом огромных сил противника и сосредоточенного огня пушек и мушкетов. Дивизия Коновницына вряд ли пострадала больше; дивизия Лихачева и подразделения слева, вероятно, понесли меньшие потери в пропорции. С другой стороны, войска Капсевича, должно быть, понесли тяжелые потери. Вероятно, российская цифра в 6000 жертв близка к отметке. Другими словами, Дохтуров потерял пятую часть своей эффективной численности. Раевский оценил свои потери 16-го числа примерно в 1000 человек, дав русским общее количество за два дня в 7000.

Потери французов, естественно, были намного больше, поскольку они ввели в бой гораздо большее количество людей, но, по-видимому, не были пропорционально тяжелее. Даву назвал потери 1-го корпуса от 5000 до 6000 человек. Гюден вернул потери в своей единственной дивизии в 294 убитых и 1436 раненых, и его список ни в коем случае не был полным. Например, в 7-м Легионерском полку указано 655 потерь, в то время как, по словам его полковника, у него было 707 человек. У Нея, согласно спискам Мартиньена, было 129 офицеров убитыми и ранеными в его пехоте и кавалерии, а его общие потери, должно быть, составили около 3500 человек. Понятовский сообщил о потерях в 518 убитых и 812 раненых; мы должны предположить, что были зарегистрированы только серьезно раненые. Считая потери поляков равными 2000, Нея - 3500, Даву - 5500, и добавляя возможные 1000 потерь среди артиллерии, резервной кавалерии и гвардии, мы получаем в общей сложности 12 000 человек. Пленных было немного с обеих сторон.

В 11 часов вечера Барклай отдал приказ эвакуировать Смоленск. В своих мемуарах царю он заявил, что намеревался удержать его только для того, чтобы дать Багратиону время продвинуться далеко вперед по московской дороге. Теперь эта цель была достигнута, но результатом приказа стало то, что практически равносильно открытому мятежу. Несколько генералов во главе с великим князем Константином и Беннигсеном, которые не имели командования и не имели права присутствовать, отправились в апартаменты Барклая и яростно протестовали против оставления города. Сэр Роберт Уилсон получил срочные письма от многих генералов по тому же вопросу. Багратион, хотя и не был лично замешан в мятежной демонстрации, был глубоко возмущен решимостью Барклая. Он настаивал на том, что Первая армия могла бы легко удержать свои позиции на возвышенностях за Смоленском, в то время как Вторая армия могла бы форсировать Днепр и атаковать Наполеона с фланга. Барклай придерживался мнения, что для Второй армии форсирование Днепра означало бы ее уничтожение, и что, рассматривая удержание линии Днепра, Наполеон должен был просто расширить свое право перерезать русские коммуникации. Более того, он с горечью указывает, что операции такого рода для успеха требуют согласия между командирами. По отношению к мятежной депутации он действовал с твердостью и достоинством. Он отказался отозвать свои приказы и приказал им покинуть его присутствие. Потерпев неудачу в попытке оказать на него давление, недовольные привлекли Уилсона на свою сторону и убедили его, как личного друга Александра, отвезти в Санкт-Петербург письмо с требованием назначить нового генерала. Они также доверили ему заявление со своей стороны о том, что, если из столицы поступят приказы о приостановлении военных действий, армия расценит их как не отражающие истинной

решимости царя, и продолжит борьбу. Все это было не совсем порочающим сердца генералов, если не делало особой чести их головам. Уилсон, который довольно поспешно пришел к выводу, что Барклай не подходит на пост главнокомандующего, а также, следует опасаться, находился под чрезмерным влиянием своих личных чувств к Беннигсену и Багратиону, согласился на эту миссию. Результатом пустой траты времени в составе этой мятежной делегации стало то, что отступление из Смоленска не было проведено должным образом.

СТАРЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ СМОЛЕНСКА

Северо-восточный фронт упирается в реку. Иллюстрация дает хорошее представление о глубоко затонувшем русле русской реки

Дохтуров без особого труда вывел свои четыре дивизии из города, унося все свои орудия и всех, кроме самых тяжело раненых, захватил временные мосты, разрушил постоянные сооружения и был в безопасности. Но из-за неразберихи в штабе не было принято никаких мер для надлежащего занятия *тет-дю-пон* на правом берегу. В 2 часа ночи Ней убедился, что стена перед ним опустела, и вошел в город, в то время как чуть позже Даву также вошел через ворота Малакова. Мост был сломан, но глубина реки составляла всего четыре фута, и в 9 часов утра отряд из 600 вюртембергцев и португальцев прорвался через него и застал врасплох *тет-дю-пон*. Удерживавшие его егеря были разом вытеснены. Вюртембергская бригада Хюгеля немедленно последовала за ними; Ней подтянул свою артиллерию к берегу реки, и работа была продолжена. Барклай мог замаскировать это только своим арьергардом под командованием барона Корфа, состоящим из 7 егерских полков и 3 полков улан и гусар, которые заняли северное предместье. Даву немедленно приступил к восстановлению моста.

Барклай не сразу начал отступление. За это Клаузевиц сурово обвиняет его, но следует помнить, что 16-го вся его армия совершила форсированный марш, а 17-го часть ее подверглась ожесточенным боям. Тогда он, вероятно, все еще был обеспокоен и отвлечен мятежным состоянием своих подчиненных. На данный момент его твердость, похоже, подавила

неповиновение. Великий князь был отправлен в Санкт-Петербург под предлогом того, что там требовалось его присутствие. В противном случае задержка Барклая, возможно, была вызвана желанием ввести Наполеона в заблуждение относительно его линии отступления. В этом он, несомненно, преуспел; но едва ли было необходимо удерживать всю свою армию на позиции; хорошо организованный арьергард мог бы скрыть направление марша.

Рано утром 18-го Наполеон был на берегу реки напротив позиции Корфа, но затем, по-видимому, удалился отдыхать, отправив краткое письмо Маре в Вильно с сообщением о взятии Смоленска. Он, конечно, мог нуждаться во сне, и можно также представить, что основная часть армии, которая сражалась весь день и была в движении всю ночь, отдыхала. Во всяком случае, день был полон бездействия для обеих сторон, за исключением моста, где беспорядочные бои продолжались до наступления темноты. Нея медленно укреплял *тет-дю-пон* с помощью лодок и плотов, но мост не мог быть достроен до тех пор, пока Корф не отступил. Похоже, что он был готов только поздно ночью. Днем корпус Жюно и голова 4-го достигли Смоленска.

Есть некоторые основания полагать, что в этот день отвратительный характер Багратиона побудил его совершить то, что было практически актом государственной измены. Он отвел всю свою армию в Соловьево, оставив только четыре казачьих полка на важном перекрестке дорог в Любино. Поскольку большая дорога вдоль реки контролировалась французской артиллерией на южном берегу, Барклай был бы вынужден использовать для отступления дорогу через Горбуново, которая выходила к шоссе на Любино, и, конечно, горстка легкой кавалерии была совершенно неадекватной охраной для этого жизненно важного последнего пункта. Барклай говорит, что только в последний момент узнал, что это практически раскрыто. Отступление Багратиона было естественным теперь, когда Смоленск был оставлен, но, не оставив пехоты в Любино и, по-видимому, не поставив в известность своего коллегу, он совершил, мягко говоря, очень сомнительный поступок. В противном случае инцидент проливает свет на плохую работу русских сотрудников, и можно справедливо спросить, почему Ермолов и Сен-Прист не поддерживали тесного и частого общения друг с другом.

Между 7 и 8 часами вечера Дохтурову с 5-м и 6-м корпусами и кавалерией Корфа и Палена (за вычетом отрядов для арьергарда) было приказано выступить перекрестками дорог к Соловьево. Примерно через час 2-й, 3-й и 4-й корпуса вместе с кавалерийским корпусом Уварова двинулись по трассе Горбуново на Любино. Очевидно, в этот момент Барклай услышал, что в этом жизненно важном пункте нет войск, кроме казаков Карпова. Он немедленно приказал генерал-майору Тучкову III с Елисаветградским гусарским полком, Ревельским полком, 20-м и 21-м егерскими полками и батареей конной артиллерии поспешить туда. В 2 часа ночи Корф отступил из-под Смоленска.

С самого начала все пошло наперекосяк. Отступающие колонны столкнулись со всевозможными трудностями. Дороги были, конечно, ужасными. Овраги были частым явлением, и часто приходилось наводить мосты для прохода артиллерии, поскольку неэффективный штаб ничего не предпринял заранее. Темнота и проблемы, связанные с отправкой около 40 000 человек по одному плохому маршруту, вызвали бесконечные задержки. В довершение всего колонна сбилась с пути и свернула на боковую дорогу, в результате чего на рассвете ее арьергард находился всего в 2-3 милях к северо-востоку от пригорода Санкт-Петербурга! После ухода Корфа Даву завершил восстановление моста, и в 4 часа утра основные силы Нея начали проходить.

Барклай, чьим величайшим военным достоинством было совершенное самообладание перед лицом опасности, приказал принцу Евгению со всей оставшейся у него дивизией занять позицию у деревни Гедеоново, приказав ему помнить, что судьба армии может зависеть от его стойкости. Авангард Нея вскоре соприкоснулся с Ойгеном, который упрямо стоял на своем, чтобы дать Корфу время пройти мимо. После долгих боев Евгений был вынужден отступить, но к тому времени Корф вывел свои 14 батальонов на трассу Горбуново-Любино. Затем Ойген отступил на другую позицию в направлении Горбуново, и Ней готовился последовать за ним, когда поступил приказ отклониться вправо, к московской дороге. Судя по всему, это было около 11 часов утра

Рано утром 19-го Наполеон отправил Эбле в Прудичево наводить мост через Днепр и приказал корпусу Жюно переправиться там через реку, что привело бы его к Любино. Груши был отправлен по дороге на Санкт-Петербург, Монбрен - по ней на Москву, в то время как дивизии Брюйера из корпуса Нансути было приказано поддерживать Нея. Очевидно, Наполеон не был уверен в точном направлении отступления Барклая, и пока задержка русского генерала 18-го числа оправдывала себя. Около 11 часов утра корпус Даву начал переходить мост. Гвардия, к которой теперь присоединился Клапаред, находилась в Смоленске. Эжен и Понятовский были в руинах пригорода. Император, очевидно, провел утро в своем кабинете, но во второй половине дня сел на коня и направился на возвышенность к востоку от города, напротив Шеин Острога.

Генералу Тучкову III в его походе пришлось столкнуться с теми же трудностями и заграждениями, которые мешали основной колонне, так что он не достиг Московской дороги, примерно в 4 милях к западу от Любино, до 8 часов утра Толль сопровождал его, и они отправились вперед, чтобы посоветоваться с Карповым. Вскоре стало очевидно, что кавалерийский отряд, предположительно авангард основных сил Наполеона, движется на восток от Смоленска, а также что сильная колонна переправляется через Днепр у Прудичево. Тучков выслал Карпова понаблюдать за Жюно, а сам со своей колонной занял позицию поперек дороги, там, где она проходила над невысокой волной, прикрыв фланги небольшим лесом, а двенадцать своих орудий расположив на гребне холма, и стал ждать событий.

Вскоре после 10 часов на большой дороге началась перестрелка, вероятно, с передовым охранением дивизии Брюйера, возможно, при поддержке нескольких батальонов легкой пехоты; но голова основной колонны Нея появилась не раньше часа дня, и битва при Любино определенно началась.^[2] К этому времени 3-й корпус, шедший во главе колонны Барклая, достиг Любино. Когда она продвигалась вперед, Тучков I выделил гренадерскую бригаду Торнова на поддержку его брата.

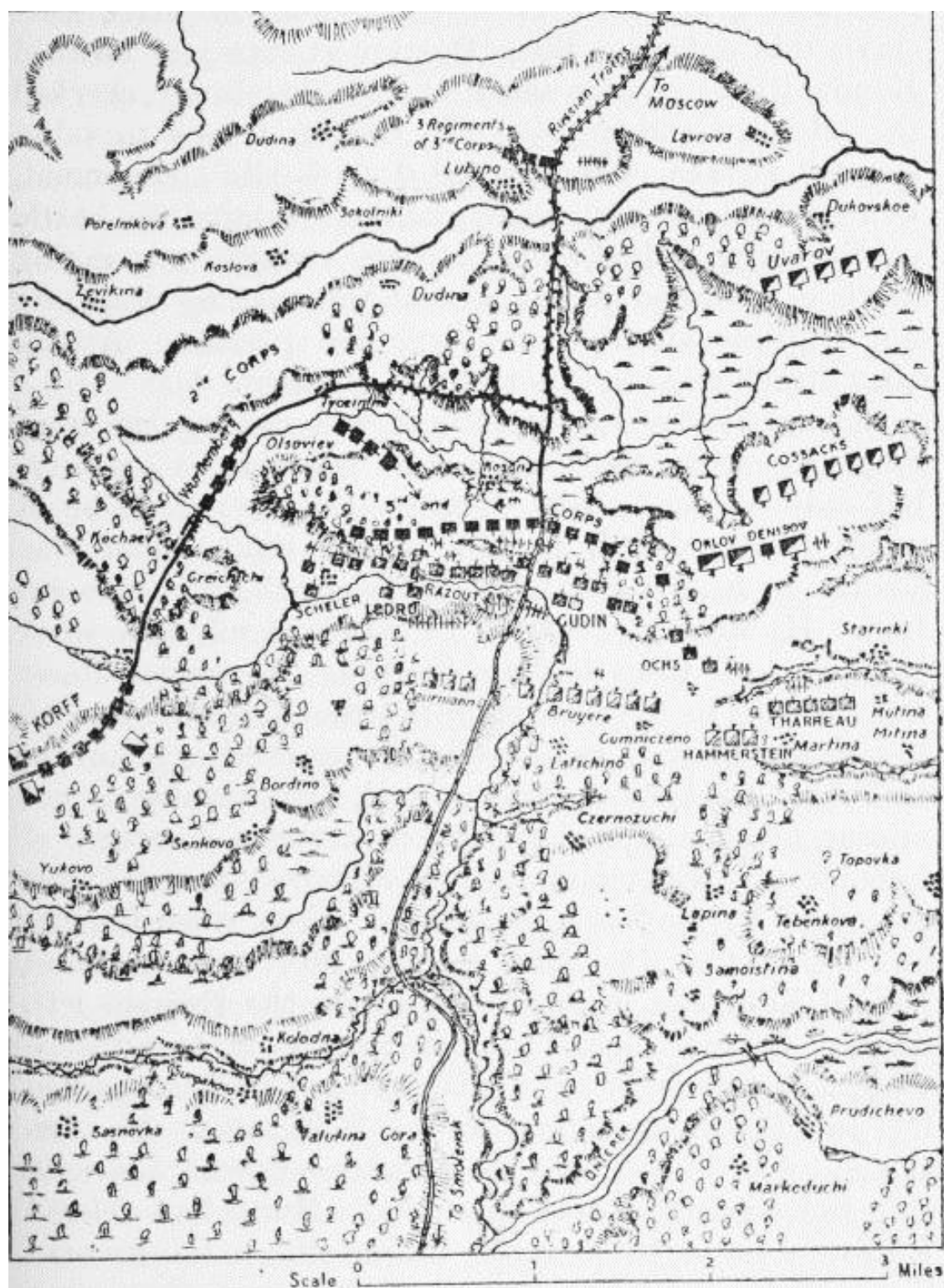
В час дня голова пехотной колонны Нея перешла в атаку. Русские оказывали упорное сопротивление, и только в три часа дня, видя, что тяжелые массы выстраиваются в линию, и зная, что Жюно угрожает его левому флангу, Тучков решил отойти за речушку Страган, примерно в 2 милях к себе в тыл и примерно на таком же расстоянии от Любино. По упорному сопротивлению Ней заключил, что Тучков прикрывал какое-то важное движение, и обратился к Наполеону за поддержкой. Вероятно, пока он ожидал ответа, Тучков под прикрытием своей кавалерии отступил в сторону Любино. Наполеон приказал дивизии Гюдена усилить Нея, послал дивизию Морана влево с целью поворота, но не дал Жюно никаких указаний; очевидно, он не имел представления о реальной важности операции.

Тем временем русские благополучно отступили за реку Страган, где к ним присоединился Барклай, приведший с собой 8 тяжелых орудий, 7 батальонов и массу кавалерии. 3-й и 4-й корпуса к этому времени достигли Любино, но Баггоуфвудт и Корфф находились далеко в тылу, а перекресток был забит обозом и сотнями орудий, которые стали бы добычей французов, если бы они прорвались. Но Барклай на поле боя, спокойный, храбрый и находчивый, сильно отличался от встревоженного и измученного Барклая из кабинета министров. Без колебаний он выстроил свои скудные силы в боевой порядок и приказал Ермолову со всей скоростью подтягивать 3-й и 4-й корпуса.

Главная дорога после пересечения Страгана проходила по южной оконечности низкого лесистого плато, которое простиралось к северу примерно на 2 мили. К югу от дороги до Днепра простирался участок болота, в большинстве мест проходимый из-за сухой погоды. Над ним поднималось несколько невысоких холмов твердой почвы, усеянных деревушками и рощицами. Один из них находился недалеко от дороги, и его нужно было занять.

На северном плато Барклай разместил 5 пехотных полков, а к югу от дороги еще 2, с 3 батальонами в резерве. Для прочесывания дороги были выставлены двадцать орудий. На зыби в болоте он разместил 26 эскадронов гусар под командованием генерала Орлова-Денисова. Пехоты и орудий больше не было, и, чтобы продемонстрировать поддержку Орлову-Денисову, Барклай приказал кавалерии Уварова спешиться и занять деревню за болотом слева от него. В 5 часов, как раз когда возобновились боевые действия, прибыли Коновницын и, немного позже, Чоглоков, приведя с собой 7 полков своих дивизий и конную батарею. Войскам Чоглокова было приказано поддержать кавалерию, и 4 полка Коновницына подтянулись к центру.

В 5 часов вечера дивизия Гюдена достигла фронта, и Ней сразу же послал ее вперед, а Разут наступал вровень с ней слева. Часть вюртембергской артиллерии была переброшена вперед, чтобы заставить замолчать батарею Барклая. Ледрю и Шелер остались в резерве.

БИТВА ПРИ ЛЮБИНО, 19 августа 1812 г.

Сражался прикрывая проход 2-го, 3-го и 4-го русских армейских корпусов с севера от Смоленска к московской дороге в Любино

Граф Гюден, один из лучших офицеров французской службы, провел атаку с великолепной энергией. 7-й Легерский полк, поддержанный 2 батальонами 21-го и 127-го

полков, переправился через Страган и, взбешенный падением генерала, который был сражен, когда возглавлял атаку, отбросил русскую пехоту к югу от дороги и отбросил их назад, угрожая прорвать тонкую линию обороны Барклая. Барклай немедленно послал вперед дивизию Коновницына, которая, решительно атаковав, остановила продвижение и позволила разбитым войскам сплотиться. Генерал Жерар, сменивший Гюдена под его командованием, послал вперед 12-й полк и возобновил сражение на правом фланге. Тем временем к северу от дороги бушевало ожесточенное сражение, где Разут предпринимал отчаянные, но бесплодные попытки овладеть плато. Атака за атакой неизменно встречались и отражались.

Справа от Гюдена Мюрат наступал из Смоленска с кавалерией Нансути и Монбрена, но только его единственная легкая дивизия (Брюйер) могла принести большую пользу. Еще правее Жюно наступал из Прудичево, но проявлял большую нерешительность. Сначала он вообще отказался двигаться, и что на самом деле происходило, очень неясно. Кажется, около пяти часов он провел рекогносцировку левого фланга русских со своей кавалерийской бригадой и двумя батальонами легкой пехоты; и последовало несколько беспорядочных боев. Его кавалерия, по-видимому, не добилась никакого успеха, а рота легкой пехоты, закрепившаяся на болоте, была уничтожена русскими гусарами. Затем, когда было видно, что пехота Чоглокова вступает в бой, Жюно выстроил свой корпус в квадраты напротив русского левого фланга. Наконец генерал Окс получил разрешение наступать с 2 батальонами легкой пехоты, в настоящее время поддерживаемый Жюно с 4 ротами вольтижеров. Ему удалось отбросить русские аванпосты, и на этом атака Жюно подошла к концу. Мюрат вынудил казаков Карпова отступить за основную линию русских войск, а его легкая кавалерия провела одну или две более или менее успешные атаки на солдат Орлова-Денисова, но без содействия Жюно он больше ничего не мог сделать.

В 6 часов вечера Тучков I выдвинул вперед весь свой корпус и сам был в Любино со своими 3 аррьергардными полками и 3 конными батареями, которые он вытянул из потока отступающей артиллерии. Положение по-прежнему было критическим. Баггоуфвудт еще не прибыл. Корфф находился еще дальше; поезда все еще шли по дороге из Геденово. Но все на российской стороне, наконец, полностью осознали чрезвычайную ситуацию. Были предприняты все попытки ускорить марш; и некомпетентная золотая молодежь Генерального штаба, над которой Евгений Вюртембергский горько насмехается, делала полезную работу по спасению поездов и драгоценной артиллерии. В Любино мост был совершенно непригоден для огромного скопления транспортных средств. Принц Александр Вюртембергский предложил построить другой. Левенштерн спешил с эскадрона гусар и приказал им сносить дома, в то время как Александр и барон Зальца отправились с отрядом пионеров к ручью; и так, путем отчаянных усилий, был построен мост, на который была отведена часть массы. Рельсы во многих местах были практически непроходимы, и их пришлось перекрыть фашинами и сучьями, прежде чем поезда смогли двинуться вперед. Артиллеристы и водители, превосходно руководимые и поощряемые графом Кутайсовым, прилагали нечеловеческие усилия, чтобы тащить артиллерию за собой, и, к их чести, ни одно орудие или кессон не были брошены.

На Страгане битва бушевала с неослабевающей яростью. Барклай де Толли делал все возможное, и хотя линия обороны часто колебалась, ее всегда восстанавливали и укрепляли. Часть войск Ледрю и Шелера попыталась обойти русских с правого фланга, но их попытки не имели результата; Ревельский полк и гренадеры личной охраны, упорно сражаясь штыками, сдерживали их; в то время как Коновницын и Тучков III все еще успешно обороняли дорогу. Около семи Ней предпринял общее наступление, вызвав свои резервы и отправив вперед

всехимевшихся в наличии людей. Жерар присоединился справа, бросив свои последние три батальона. Положение русских было критическим, поскольку Барклай послал вперед все свои резервы; но в этот момент наконец появился корпус Баггоуфвудта. Дивизия Олсуфьева, шедшая во главе колонны, была немедленно введена в бой; и снова противоборствующие силы сошлись в смертельной схватке. Сначала казалось, что французы сокрушат всех в своем стремительном натиске, и дело выглядело настолько мрачно, что Тучков III сам отправился просить Барклая о помощи — как это сделал Уиндхэм в 1855 году в Большом Редане Севастополя. Барклай был в ярости. “Возвращайся на свой пост, ” бушевал он, “ и пусть тебя убьют! Если ты вернешься, я застрелю тебя!”

Полковник Войков появился на дороге со своей тяжелой батареей как раз вовремя, чтобы сдержать натиск Жерара. Французы все еще держались и, считая себя победителями, медленно набирали обороты; когда дивизия Евгения, наконец, выступила на поле боя, и Тучков, горя желанием искупить свою вину, повел контратаку. Сам он был ранен и взят в плен во главе Екатеринославского полка, но Евгений сразу же поддержал его, и после ожесточенной борьбы, в которой свободно использовался штык, французы были окончательно отброшены. Было 9 часов, когда рев конфликта затих в темноте. Корф вышел на поле боя; артиллерия и эшелоны были на пути к Соловьево; и русские одержали большую стратегическую победу.

Дивизия Морана не смогла вступить в бой, запутавшись в девственном лесу, и в конце концов была отозвана Наполеоном. Было высказано предположение, что если бы ему позволили продолжить свое наступление, это обеспечило бы уничтожение русской армии. Не имея определенной информации относительно времени и топографии, трудно высказать какое-либо мнение, но, судя по имеющимся описаниям, представляется весьма сомнительным, мог ли Моран выступить с силами, достаточно сильными, чтобы быть эффективными.

Барклай, достигнув цели, за которую он должен был сражаться, не собирался ждать, пока главная армия Наполеона разобьет его под Смоленском. В 4 часа утра 20-го числа его испытанные войска покинули поле боя и прошли 20 миль до Соловьево, куда Дохтуров прибыл в тот же день. Багратион, перебросив три моста через Днепр, уже был на другой стороне. 21-го Первая армия последовала за ним, заняла мосты и двинулась на Дорогобуж.

Французские писатели по большей части считают Любино, или Валутину Гору, как они ее называют, победой, но рассматривать это таким образом - значит просто издеваться над этим словом. Сражение не обязательно ведется за обладание несколькими ярдами земли. Барклай сражался при Любино, чтобы обеспечить безопасный проход своей правой колонны на московскую дорогу. Это было успешно достигнуто, и преследователи понесли очень тяжелые потери, которым не удалось захватить ни одного орудия или сколько-нибудь заметного количества обоза. Наполеон рассматривал битву как простое сражение авангарда. Если бы он понимал его реальную важность, то не преминул бы выслать вперед все, что было в наличии. Барклай, должно быть, потерпел сокрушительное поражение и, вероятно, был отброшен на север с остатками своей армии.

У французов на поле боя под Любино было около 50 000 человек, из которых, возможно, 37 000 участвовали в серьезных боях. Численность русских войск, последовательно введенных в бой, составляла, вероятно, около 30 000 человек. Потери, естественно, были тяжелыми. Один только Жерар сообщил о 2297 убитых и раненых, а Ней вряд ли потерял меньше 4000. Жюно, вероятно, переоценил свои потери в 700 человек, но, включая потери среди кавалерии Мюрата, общая

численность французов, должно быть, превышала 7000 человек. Потери русских, вероятно, были несколько меньше, поскольку они стояли обороне и по большей части преуспели в отражении атаки, тем не менее, они были очень тяжелыми — вероятно, около 5000 человек. Пленных было взято немного — не более нескольких сотен с обеих сторон.

Невозможно завершить эту главу без некоторых замечаний о стратегии, которая привела к сражениям под Смоленском. Судя по документам, с достаточной долей уверенности можно сказать, что план Наполеона двинуться на Смоленск левым берегом Днепра был предвзятым. Рассматриваемый сам по себе, об этом маневре мало что можно сказать. Это ни в коей мере не было опасно, поскольку левый фланг колонн, двигавшихся из Витебска, был покрыт лесами, а после переправы через Днепр марш был защищен рекой от атаки русских с фланга. Более того, имея две линии снабжения, Наполеон ничем не рисковал, перебрасывая свою армию с одной на другую.

Этот маневр, безусловно, был неожиданным для русских лидеров — за исключением, возможно, Багратиона, — и ясно, что только твердость Раевского и быстрое возвращение основных сил спасли Смоленск от попадания в руки Наполеона.

Тем не менее, когда мы переходим от маневра к его цели, кажется сомнительным, был ли он каким-либо образом наилучшим в данных обстоятельствах.

Целью Наполеона было загнать в угол главную русскую армию и разгромить ее в решающем сражении. Поскольку русские решили перейти в наступление, возможность, очевидно, была в его руках. Барклай мог выступить достаточно быстро, чтобы вступить в бой до того, как Даву успеет прибыть из Орши, но даже в этом случае Наполеон мог встретить его равными или превосходящими силами. Если бы Барклай вернулся к обороне, лучшим маневром Наполеона было наступление на Поречье, создав угрозу русским коммуникациям с Москвой. Чтобы вновь открыть их, Барклаю и Багратиону пришлось бы либо дать сражение, либо со всей поспешностью отступать на восток, и в этом случае Смоленск пал бы сам по себе. Максимум, чего можно было ожидать от марша к югу от Днепра, — это того, что русские могут быть остановлены у Смоленска.

Современное французское мнение, по-видимому, таково, что это упреждение было сутью плана и что Наполеон, заняв город, намеревался выйти из него и атаковать Барклая и Багратиона с тыла.

Автору кажется, что вся критика обязательно должна основываться на том факте, что стратегия Наполеона была предвзятой. Прежде чем он что-либо узнал о планах русских, он практически принял решение наступать на Смоленск по левому берегу Днепра. Наступательное движение русских не привело к изменению его решения.

Весьма вероятно, что его решение было принято не по чисто военным соображениям. К настоящему времени он, должно быть, осознал, что ведение войны в России подчинялось условиям, которых не было в Германии или Австрии. Его противники были неуловимы, но были определенные места, которые солдаты и простой народ считали святыми, и народный голос, вероятно, заставил бы генералов демонстративно защищать их. Поэтому он решил напрямую

угрожать Смоленску, полагая, что таким образом русская армия будет вынуждена дать сражение.

Тем не менее, представляется несколько сомнительным, что этой цели нельзя было бы с таким же успехом достичь маневрированием на правом берегу. Наступление левых сил, по-видимому, предполагало, что Смоленск будет раскрыт и беззащитен, а русская полевая армия будет слишком далеко, чтобы вернуться к нему на помощь. Согласно этой гипотезе, Наполеон смог бы занять его и дать бой своим перехитрившим его противникам со всем престижем захвата священного города после своего наступления. Фактически, Барклай предоставил оперативную информацию своему фланговому охранению под командованием Неверовского, и его решение не отходить далеко от Смоленска дало возможность расстроить стратегию Наполеона. То, что он прибыл в самый последний момент, вряд ли повлияет на ход обсуждения, поскольку его навязчивая идея о нападении со стороны Поречья задержала его на день. С другой стороны, нерешительность Наполеона из-за появления армии Багратиона у Катана также привела к потере дня, в течение которого Барклай смог прибыть.

Согласно мемуарам Барклая царю, он не собирался тратить свою армию впустую на оборону Смоленска, места, не представляющего военной ценности, и просто удерживал его для того, чтобы дать Багратиону время занять Соловьево. Багратион и большинство русских генералов, по-видимому, ожидали, что он сделает его центром русских операций. Конечно, возможно, что Барклай, обеспокоенный и сбивший с толку, действительно дал какое-то условное обещание относительно защиты Смоленска, если представится благоприятная возможность. Генерал Окунев, который, возможно, может выразить точку зрения Паскевича, очевидно, считает, что оно могло быть проведено. Но следует сказать, что, поскольку линия отступления русских проходила по их левому флангу, такая политика была бы в лучшем случае опасной. Кажется, есть все основания полагать, что идеи Барклая были здравыми; чего ему не хватало, так это силы характера командира, чтобы навязать их своим неуправляемым офицерам.

Нападение Наполеона на Смоленск очень трудно объяснить: оно привело к незначительным потерям человеческих жизней.

СНОСКИ:

[1] Это мое собственное объяснение произошедшего. Багратион говорит, что он достиг Смоленска в 10 часов утра; но Раевский заявляет, что передовая бригада 8-го корпуса прибыла только после 18 часов вечера, и говорит о том, что Багратион прибыл позже. Либо марш 8-го корпуса сильно затянулся, либо в сложившихся обстоятельствах он продвигался с поразительной медлительностью. Видя, что Багратион написал Раевскому, трудно предположить, что он не поспешил бы ему на выручку. Согласовать противоречивые утверждения относительно часа прибытия Багратиона в Смоленск можно только с помощью такого предположения, которое сделано в тексте. В остальном следует признать, что донесения Багратиона часто недостоверны, и он, естественно, старался представить себя в лучшем свете. Когда между ним и Раевским возникают противоречия в показаниях, я предпочитаю верить последнему.

[2] Только так можно согласовать заявления российских историков о том, что акция началась в 10 часов утра, с заявлениями Евгения Вюртембергского о том, что он не отступал из Геденово примерно до этого часа. Нет, по-видимому, последовал за ним на его вторую оборонительную

позицию до того, как его отозвали, что подводит нас по крайней мере к 11 часам утра; и затем должно быть предоставлено время для марша почти в 6 миль до фронта Тучкова.

ГЛАВА VI

ОПЕРАЦИИ НА ВОЛЫНИ И НА РЕКЕ ДУНА

Было замечено, что, когда король Жером сложил с себя командование, 5-й и 8-й корпуса отправились на усиление Даву, Латур-Мобур для наблюдения за Бобруйском, в то время как 7-й корпус вернулся в Слоним. Рейнье было поручено занять место Шварценберга в охране границы Великого герцогства Варшавского, в то время как последний двинулся на Минск. Сам Рейнье был убежден, что его корпус слишком слаб для выполнения предписанных задач, в то время как у него было больше информации, чем у его начальника о реальной силе Тормазова. Тем не менее он попытался выполнить приказ Наполеона. 19-го он приказал пехотной бригаде Кленгеля и кавалерийскому полку занять место австрийского отряда в Кобрине. В тот же день Шварценберг сообщил Наполеону, что у Тормазова в Луцке около 30 000 человек. Император, однако, был настроен скептически. 22-го он приказал Рейнье войти в Волынь, заявив, что "армия" Тормазова была всего лишь набором резервных батальонов. В тот же день он сообщил Даву, что у Тормазова было всего 8000 человек из 3-го батальона. Передвижения, которым он отдал приказ, продолжались, и к 24-му австрийцы были около Слонима, на пути к Минску, в то время как 7-й корпус, двигавшийся в противоположном направлении, приближался к Кобрину, примерно в 30 милях к востоку от Брест-Литовска.

Информация Наполеона была безнадежно неточной. Пока что он не мог нести ответственность за непредвиденную ситуацию, которая теперь должна была раскрыться. Но его отказ верить Шварценбергу и Рейнье явно заслуживает порицания и может быть объяснен только фатальным оптимизмом, который теперь укоренился в нем.

Генерал Тормазов, когда начались военные действия, командовал армией, которая не была ни сосредоточенной, ни законченной по своей организации. Три пехотные дивизии, бригада сводных гренадерских рот, 3 полка гусар и кавалерийский корпус численностью в 36 эскадронов были разбросаны по западной Волыни. Резервные войска генерала Сакена - 12 поредевших батальонов и 24 эскадрона — находились в Заславле и Старом Константинове, недалеко от границы с Подолией, а иррегулярные части были разбросаны вдоль австрийской и польской границ. Только в середине июля под Луцком были, наконец, сосредоточены значительные силы.

Первоначальной задачей Тормазова была оборона Волыни, но Наполеон не выказывал намерения предпринимать какие-либо эксцентричные действия в этом направлении. Услышав об отступлении Багратиона к Бобруйску, он подумал, что ему самому, возможно, придется отступить к Киеву, чтобы не полностью потерять связь со Второй армией. Однако к середине июля ситуация прояснилась. Войска союзников хлынули по дороге Варшава-Смоленск, и польскую границу охраняли лишь немногочисленные отряды. Поэтому он решил вторгнуться в Великое герцогство Варшавское через Люблин; и генерал Ламберт, командуемый его кавалерией, уже переправился через Буг, когда его отозвали.

17 июля от Александра до Тормазова дошли инструкции наступать на север против флангов и тыла войск, противостоявших Багратиону. Вероятно, этот маневр обещал более быстрые результаты, чем предполагавшееся наступление на Варшаву. В то же время ни в коем случае нельзя быть уверенным, что Тормазов ошибся в своем первоначальном решении. Взятие Варшавы стало бы ужасным ударом по престижу Наполеона. Русские не смогли бы долго удерживать его, но они были бы в состоянии уничтожить собранные там склады и, возможно, разделили бы корпус Ренье, если бы Наполеон, что было вполне вероятно, подтолкнул его к стремительному преследованию врага, силы которого он недооценил. В этом случае Наполеону пришлось бы направить против него не только австрийцев Шварценберга, но, возможно, и 8-й корпус. В любом случае он был бы вынужден задействовать некоторые из своих новых формирований в тылу, чтобы отразить вторжение.

План, навязанный теперь Тормазову, имел то преимущество, что он должен был, по природе вещей, отозвать Шварценберга из его похода на подкрепление Даву. С другой стороны, это предполагало прохождение Пинских болот, которые представляли бы собой опасный барьер для отступления в случае обратного хода; и шансы разгрома 7-го корпуса были сведены к минимуму, поскольку несколько концентрических маршей объединили бы Рейнье и Шварценберга.

Генерал Сакен со своими резервами был оставлен на восточной Волыни; часть его войск была отведена для усиления войск в Мозыре. 22 июля Тормазов приказал Ламберту оставить генерала Кручова с бригадой драгун и 2 полками казаков для наблюдения за польской границей и с 4 батальонами, 16 эскадронами, 5 казачьими полками и 6 орудиями выступить по обоим берегам Буга на Брест-Литовск. Четыре батальона и 7 эскадронов под командованием генерал-майора Мелиссино должны были совершить демонстрацию в направлении Пинска, в то время как корпуса Каменского и Маркова наступали на Брест-Литовск и Кобрин. Силы Тормазова, не считая Кручова, составляли, вероятно, около 36 000 человек при 144 орудиях. Следовательно, он был почти в три раза сильнее корпуса Ренье; но последний мог быть поддержан в течение нескольких дней силами 30 000 австрийцев.

24-го основные силы Ренье были около Бездижа на шоссе Брест-Литовск-Пинск. Бригада Кленгеля заняла Кобрин. Два эскадрона кавалерии находились в Бресте, и еще один отряд находился на дороге в Пинск. Таким образом, небольшой корпус Ренье был растянут на 80 миль. Ренье, похоже, осознал грозящую ему опасность и сделал все возможное, чтобы противостоять ей, удерживая свои основные силы вместе. Возможно, он был виноват в том, что отстранил Кленгеля, но справедливости ради следует сказать, что его обязанности были несоизмеримы с его силой.

24-го Ламберт изгнал саксонскую кавалерию из Брест-Литовска. Мелиссино атаковал аванпосты слева от Ренье и занял Пинск, изгнав его австрийский гарнизон и захватив пушку. Таким образом, Ренье был встревожен на обоих флангах и сомневался, в каком направлении повернуть. Рано утром 27-го передовой отряд Тормазова под командованием генерал-майора Чаплица подошел к Кобрину с юга, в то время как в то же время кавалерия Ламберта подошла с запада. Свою пехоту, измотанную тяжелым маршем, он оставил в тылу.

Бригада Кленгеля насчитывала всего около 2600 человек при 8 орудиях. Очевидно, что он не мог оказать эффективного сопротивления русской армии; но он считал себя связанным приказами Ренье защищать Кобрин до последней крайности. Комментарий Ренье состоял в

том, что, будучи передовым охранением корпуса, бригада должна была отступить, когда стало очевидно, что она рискует оказаться в окружении. По-видимому, среди военных существует некоторая неопределенность относительно того, насколько оправдано отступление командиров подразделений от буквы своих приказов. Утром 27-го линия отступления Кленгеля на Пружани, несомненно, была открыта. С другой стороны, командир его корпуса, вероятно, двинулся бы по дороге на Пинск; и он, похоже, предпринял по крайней мере одну попытку прорваться в этом направлении, что дает некоторое представление о том, что происходило в его голове. К полудню Ламберт перерезал дорогу на Пружани, и бригада была окружена. Превосходящие силы саксонцев были вытеснены из их наспех укрепленных укреплений в город и после доблестного сопротивления, израсходовав все свои боеприпасы, были вынуждены около 14 часов дня сдаться. Они потеряли 76 человек убитыми и 182 ранеными, в том числе 13 офицеров. Семьдесят шесть офицеров и 2382 рядовых были взяты в плен с 8 орудиями и 4 штандартами.^[3] Передовой отряд Ренье достиг только Городца, примерно в 11 милях к востоку от Кобрина, когда его встретили беглецы, которые принесли весть о катастрофе.

Тормазов с дипломатической вежливостью похвалил саксонских офицеров за их действительно достойную защиту и вернул им их шпаги. Однако он не смог продолжить наступление. Его комиссариат был неисправен, а припасы на исходе. Ему также нужно было избавиться от своих пленных. Его пехота была измотана тяжелым маршем по отвратительным дорогам. Поэтому он был вынужден остановиться на два дня, которые Ренье использовал для осуществления своего отступления. Он обратился за помощью к Шварценбергу, который сообщил Наполеону, что Ренье слишком слаб, чтобы противостоять Тормазову, численность которого оценивалась в 40 000 человек, и что он волей-неволей должен вернуться на выручку из Несвижа. 2 августа он достиг Полонки, расположенной в 18 милях от Слонима, ныне занятого Рейнье. Тормазов, оставив Кобрин 30-го числа, занял Пружаны и Антополь и оттеснил отряды; в то время как отряд Кручова форсировал Буг и производил разведку в направлении Варшавы. Поляки были охвачены паникой, и Луазон, губернатор Кенигсберга, счел необходимым продвинуться к Белостоку почти со всеми своими силами — около 10 000 человек. Большого Тормазов сделать не мог. Ему все еще очень не хватало припасов; каждый марш-бросок уводил его все дальше от базы, и в тылу у него были Пинские болота.

Наполеон, вероятно, с некоторыми опасениями, сообщил Шварценбергу 31 июля, что он должен поддержать Ренье в соответствии со своей информацией, которая, поскольку он был на месте, обязательно должна быть лучше, чем у императора. 2 августа он отдал в свое распоряжение 7-й корпус и приказал ему выступить против Тормазова и загнать его на Волынь. Правительство в Варшаве тем временем предпринимало отчаянные усилия по формированию полевых войск в Замостье под командованием генерала Косинского.

3 августа австрийцы и саксонцы поддерживали тесную связь, а 4 августа объединенные силы начали наступление. Передовые отряды Тормазова были атакованы 8 августа и отброшены назад, за исключением Пружани, из которого Ламберт был изгнан только 10 августа после упорных действий арьергарда. Тормазов, обнаружив, что его аванпосты повсюду подвергаются нападениям превосходящих сил, приказал Маркову и Каменскому отойти к Городечне, примерно на полпути от Пружани к Кобрину. Ламберт и Марков объединились там в ночь с 10-го на 11-е, а на следующий день прибыл и Каменский. Отряд Мелиссино и другие передовые отряды под командованием генералов Чаплица и князя Хованского не могли воссоединиться в течение нескольких дней. Таким образом, у Тормазова было всего 24 батальона, 36 эскадронов

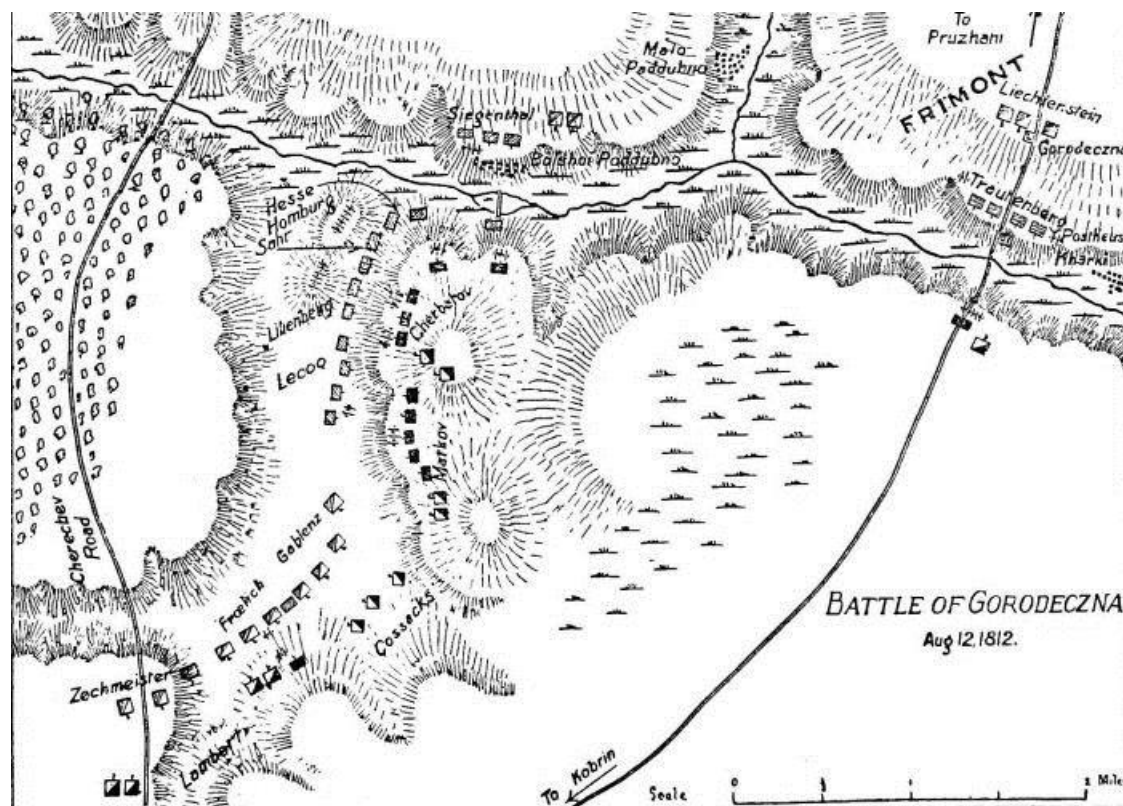
и 3 казачьих полка, что вместе с артиллерией составляло около 21 000 человек. Однако в артиллерии он был силен, имея 84 орудия, большая часть из которых были тяжелыми.

Российская позиция была довольно сильной, если ее защищало достаточное количество людей. Дорога Пружани-Кобрин проходит по низкому плато, у подножия которого протекает заболоченный ручей. Это плато имеет около трех миль в длину и чуть меньше в ширину. Он простирается примерно на восток и запад, его восточная оконечность находится напротив Городечны. К западу от него находится долина шириной около мили, за которой возвышается второе плато, поросшее густым лесом, через которое ведет другая дорога издеревни Черечев, соединяющая ее с Кобрином в нескольких милях к юго-западу от Городечны. Восточная оконечность плато также была окружена лесом. Помимо дамбы через болото у Городечны, примерно в трех милях выше была вторая дамба в Поддубно, а третья милей дальше, у Черечевской дороги. Очевидно, что все должно было охраняться; но на самом деле удерживалось только то, что произошло в Городечне. Причины этой экстраординарной оплошности неясны. Вполне возможно, что Тормазов ожидал разворота справа, а не слева. Возможно также, что он намеревался участвовать не в общих действиях, а только в арьергарде, чтобы выиграть время для подхода Чаплица, Ховански и Мелиссино. Очевидно, он также считал, что Шварценберг и Рейнье следуют за ним одной колонной по Кобринской дороге. В любом случае он просто держал основную часть своих сил напротив Городечны. Его противники двигались двумя колоннами: австрийцы на Городечну, Рейнье с саксонцами справа в направлении Поддубно. Шварценберг выделил значительные отряды для охраны своих коммуникаций, но все его силы вряд ли насчитывали менее 36 000 человек, включая 12 000 саксонцев при 96 орудиях.

Ренье указал Шварценбергу, что небрежность Тормазова предоставила возможности для флангового движения. Шварценберг согласился и поддержал его дивизией Зигенталя, бригадой Гессен-Гомбурга, дивизией Бьянки и бригадой легкой кавалерии, в то время как с остальными своими силами он наблюдал за основными силами русских. Тормазов был выстроен в три линии на Кобринской дороге, лицом к Городечне, 12 батальонов Маркова - в передней линии, 12 батальонов Каменского (временно командовал князь Щербатов, Каменский был болен) - в версте сзади, Ламберт с кавалерией - за Щербатовым.

В ночь с 11-го на 12-е саксонский отряд захватил дамбу Поддубно. Тормазов, очевидно, услышал об этом около 9 часов утра 12-го и немедленно отправил Щербатова с 10 батальонами, 2 драгунскими полками и 24 орудиями в Поддубно. Казалось, что это временно обезопасило левый фланг, но около полудня прибыл Зигенталь и угрожал прямой атакой, в то время как Ренье, который двинул основную часть своего корпуса вдоль Черечевской дороги, вышел из леса и угрожал русскому тылу. Сначала Тормазов просто обошел Щербатова слева, оставив орудия и один пехотный полк в Поддубно, и прикрывал новый фронт огнем еще 24 орудий, подтянутых из резерва. Вскоре, однако, стало очевидно, что поворот выполнялся значительными силами и что Щербатов не мог противостоять ему без посторонней помощи. Вслед за этим Тормазов вызвал Маркова с 8 батальонами для продолжения линии Щербатова и Ламберта с 4 батальонами и 24 эскадронами для прикрытия левого фланга. Ламберт развернулся поперек Черечевской дороги, преградив ее дальнейшему продвижению генерала Цехмейстера с его австрийской кавалерией и саксонской пехотой. Шварценберг, со своей стороны, вместо того, чтобы атаковать слабый отряд, стоявший сейчас перед ним у Городечны, послал другую пехотную бригаду и одну кавалерийскую вправо, а сам двинулся туда.

В 3 часа ночи австрийская кавалерия Фримонта и пехота Траутенберга у Городечны выступили против слабых отрядов, в то время как почти вся русская армия развернулась влево и в тыл. Тормазов, считая, что расширение вражеской линии дает возможность прорвать ее, предпринял ожесточенную атаку пехоты Щербатова на саксонскую бригаду Сара, которая была отброшена назад, едва спасая свою артиллерию от захвата русскими драгунами. Чтобы вырваться из нее, генерал Бьянки повел вперед бригаду Лилиенберга, в то время как Шварценберг, находившийся сейчас в Поддубно, приказал бригаде Гессен-Гомбурга форсировать ручей, а Зигенталь послал вперед часть своей дивизии. Этими объединенными усилиями наступления русских было остановлено и в конце концов превращено в отступление. Бригады Лилиенберга и Сара двинулись вперед вместе, Гессен-Гомбург присоединился слева, саксонская дивизия Лекока продолжила линию справа, в то время как Цехмейстер, усиленный австрийской кавалерией Фрелих и саксонской кавалерией Габленца, возобновил свои атаки на Ламберт. Последний до сих пор держался со значительным успехом, но теперь был отброшен назад и вынужден искать укрытия за линией Маркова. Ночью конфликт закончился, и под покровом темноты Тормазов собрал свои отряды и отступил на Кобрин, прикрываемый арьергардом под командованием Ламберта. В Тевели, в 7 милях от поля боя, Чаплиц присоединился к Ламберту и принял от него обязанности по арьергарду.

БИТВА ПРИ ГОРОДЕЧНЕ

Сражение между отдельным правым крылом Наполеона (австрийцами и саксонцами) под командованием князя Шварценберга против русской армии на Волыни

Потери русских, по-видимому, составили около 3000 человек из общего числа примерно 18 000 активно сражавшихся: из них, возможно, 500 были пленными. Потери союзников, вероятно, были немного меньше. Шварценберг оценил потери австрийцев примерно в 1300 человек, из которых 865 были в дивизии Бьянки. Ренье признал только 931 потерю.

Тормазов не стал останавливать свое отступление у Кобрина, а продолжил свой путь на юг, намереваясь выйти к Стыри и занять оборону за ней. Его решение было, несомненно, мудрым. С войсками Чаплица и Хованского в его распоряжении было 30 000 человек, и он мог рассчитывать на еще одно сражение. Но его силы были слишком малы, чтобы разгромить силы Шварценберга, а тяжелое поражение могло сделать адмирала Чичагова, который наконец-то был на пути из Бухареста, слишком слабым, чтобы противостоять правому флангу Наполеона. С другой стороны, отступив на Луцк, он сократил бы расстояние между собой и адмиралом, установил бы более тесную связь со своей базой в Киеве и резервами Сакена, а его позиция за болотистым Стырем вполне могла побудить осторожного австрийского генерала и его нерешительных или открыто недовольных лейтенантов объявить привал.

13-го произошло несколько арьергардных боев на Кобринской дороге, но они не были серьезными, и Тормазов продолжил отступление к Ковелю, которого достиг 24-го. Там он, по-видимому, стоял бы твердо, но Шварценберг, угрожая повернуть налево, оставил свою позицию и двинулся в сторону Луцка, куда прибыл 29-го. Преследование Шварценберга было не очень энергичным из-за нехватки припасов и трудностей на Пинских болотах.

Таким образом, Тормазов оказался в начале сентября на том же месте, которое он занимал пять недель назад. Его стратегия была далека от совершенства: в частности, его отряды перед битвой при Городечне, по-видимому, были неоправданно большими. Его тактика в Городечне с самого начала была плохой, однако его смелость и энергия, возможно, компенсировали его прежнюю беспечность. Тем не менее, каковы бы ни были его ошибки, он нанес более тяжелые потери, чем понес сам, и отвел от главного театра военных действий всю австрийскую вспомогательную армию и 7-й корпус, а также польскую колонну Косинского из Замостья. Более того, передовой отряд адмирала Чичагова находился всего в четырнадцати-пятнадцати переходах отсюда, и можно было рассчитывать, что он присоединится к нему к середине сентября.

Уже было замечено, что, когда Барклай эвакуировался из Дриссы, он оставил графа Витгенштейна прикрывать дорогу на Санкт-Петербург. Основными операционными базами Витгенштейна были древние города Псков и Великий Новгород; его передовой базой был Себеж, расположенный примерно в 60 милях от Полоцка, по дороге на Псков. В дополнение к своему собственному 1-му корпусу ему была придана основная часть войск, дислоцированных в Дриссе и Дюнабурге, а его артиллерия была усилена тяжелой батареей. В 18 резервных батальонах едва ли насчитывалось 5700 штыков, но 15 резервных эскадронов могли предоставить 1900 сабель и копий, в том числе из состава Императорской гвардии, одних из лучших в Европе. Боевая мощь Витгенштейна после ухода Барклая насчитывала около 29 000 человек, из которых 4500 были кавалеристами и казаками, при 108 орудиях. Из этого общего числа 10 резервных батальонов и 4 эскадрона численностью около 3700 человек находились в Дюнабурге; остальные были объединены под непосредственным командованием Витгенштейна.

1-й корпус содержал в своем штате значительный иностранный элемент. Витгенштейн, его начальник штаба генерал-майор Д'Увре и генерал-квартирмейстер Дибиш - все были немцами. Сам Витгенштейн был человеком без особых талантов, но активным и напористым, в самом расцвете сил. Д'Увре был пожилым человеком, но обладал большой энергией и был хорошим офицером-теоретиком, хотя и несколько лишенным практического опыта ведения войны.

Полковник Дибих, пруссак, которому было всего двадцать семь лет, был, вероятно, самым выдающимся интеллектуалом из троих. Его непреходящая слава как "Забалканского" — балканского путешественника — восходит к 1829 году, когда он командовал войсками против турок. В настоящее время все, что нужно отметить, - это то, что командование русской армией в Дуне находилось в энергичных руках. Клаузевиц отмечает, что д'Увре, в частности, мог при необходимости "прикрывать его"; и, несомненно, этот процесс часто был необходим при общении с доблестными, но дилетантскими и часто ленивыми русскими офицерами.

От Дюнабурга до Риги, на расстоянии около 130 миль, русских войск практически не было. В большом балтийском порту и его окрестностях находилось 30 складских батальонов, 8 эскадронов, несколько казаков и полевая артиллерия, которые вместе с гарнизонными войсками насчитывали общей сложности около 14 000 человек, что было достаточно для защиты укреплений и отдаленных мест, но не для того, чтобы выставить какой-либо значительный отряд для полевых действий. Кроме того, Ригу защищали русские и английские канонерские лодки и бомбардирские бригады; а военно-морская помощь практически в любом объеме была доступна от британского Балтийского флота, если это было необходимо. Рига была практически защищена от любой, кроме очень большой армии. Ее командующий, генерал-лейтенант Эссен I, был офицером без особых способностей и со слабым здоровьем.

Таким образом, русские силы, доступные для обороны Курляндии и линии Дуны, в общей сложности составляли, возможно, 43 000 человек, но могли быть усилены почти вдвое большей численностью за счет ополчения и регулярных войск, причем последние частично составляли войска, но в основном принадлежали финской армии графа Штейнгеля, вскоре ставшей доступной после заключения мира со Швецией.

К Риге Наполеон направил так называемый 10-й корпус под командованием маршала Макдональда. Фактически, как жаловался Макдональд, у него не было надлежащей корпусной организации или управления; и он состоял из двух отдельных частей — польско-немецкой дивизии Гранжана, ранее приданной 1-му корпусу, и основной части прусского контингента под командованием генерала Грауэрта. Действия корпуса были вялыми; он, конечно, был недостаточно силен, чтобы осадить Ригу, и Наполеон уделял ему на удивление мало внимания. Могло бы показаться, что его истинной целью при создании этого контингента в последний момент было обеспечить, чтобы печально известный своим недовольством прусский контингент сопровождался и находился под наблюдением компетентных войск, набранных из государств, которые он считал преданными ему.

10-й корпус, прочесав правый берег Немана, сосредоточился у Россини, откуда 8 июля двинулся на Ригу, Граверт наступал прямо на порт через Митау, в то время как дивизия Гранжана в сопровождении Макдональда двигалась справа. Перед 30 000 или 32 000 человек 10-го корпуса русские части в Курляндии были беспомощны и во всех пунктах отступили к Риге. К 18 августа силы вторжения были расположены вдоль реки Аа, которая протекает мимо Митау, столицы Курляндии, и, протекая почти параллельно Дуне, впадает в Балтийское море примерно в 20 милях к западу от Дюнамюнде. Митау, Бауск и другие города вдоль Аа были заняты, и пруссаки вышли левым флангом к морю. Эссен мог сформировать для полевых операций только силы из 8 запасных батальонов, 8 эскадронов, батареи и нескольких казаков — не более 4500 человек при 10 орудиях, - которые он отправил под командованием генерал-лейтенанта Льюиса в сторону Бауска. Льюис опоздал защитить Митау или Бауск и занял оборонительную позицию в

Эккау между последним местом и Ригой. Против него 19 июля выступил Грауэрт с 7 батальонами, 4 эскадронами и 4 батареями - 5000 человек и 32 орудия. Льюис был разбит, потеряв более 600 пленных, не считая убитых и раненых, и отброшен назад к Риге. Пруссаки подошли ближе к городу, и Эссен 22 июля, потеряв голову, приказал обстрелять пригороды. В этом опрометчивом шаге не было абсолютно никакой необходимости. У Макдональда не было осадного орудия в пределах досягаемости. Причиненные страдания и разруха были, конечно, ужасны; говорят, что одни только непосредственные материальные потери были оценены в 15 000 000 бумажных рублей (около 600 000 фунтов стерлингов).

Макдональд после Экау двинулся с дивизией Гранжана к Якобштадту и 22-го числа разместил там свою штаб-квартиру. Его авангард из 4 польских батальонов под командованием князя Радзивила двинулся вниз по левому берегу Дуны на Дюнабург. Радзивил занял это место 30-го и 31-го, гарнизон был выведен Витгенштейном, а 8 августа прибыл Макдональд с остальной дивизией Гранжана. Он взорвал наполовинузаконченные укрепления и уничтожил всю артиллерию, боеприпасы и инструменты, которые не смог унести. Де Шамбре обвиняет его в этом, говоря, что он должен был сохранить их для осады Риги; он также критикует его за то, что он не переправился через Дуну и не нанес удар по коммуникациям Витгенштейна. Кажется, однако, очевидным, что задачей Макдональда была осада Риги; и он, очевидно, не мог предпринимать самостоятельных операций без приказа Наполеона. Его положение, как он сказал Удино, было очень трудным. Его силы были разбросаны по обширной территории страны, и в отсутствие какого-либо надлежащего штаба он был обременен мелкими деталями.

МАРШАЛ УДИНО, ГЕРЦОГ Реджо
командующий 2-м французским армейским корпусом
С картины Робера Лефевра в Версале

7 августа Эссен предпринял атаку на Шлюк, порт в устье Аа, с 6 британскими и 13 русскими шлюпами и канонерскими лодками, а также примерно 1000 военнослужащих, все под командованием генерала Льюиса. Шлюк был взят, но легкое судно не смогло миновать прусские батареи Аа, и Льюис оставил Шлюк и отступил.

Удино после безрезультатной атаки на мост у Дюнабурга 13 июля двинулся вверх по левому берегу Дуны, чтобы присоединиться к общему наступлению на Витебск. Он также стремился сделать работы в Дриссе неоправданными. Витгенштейн, понимая, что Макдональд и Удино нелегко будет объединить свои операции, сначала решил атаковать 2-й корпус, когда он поднимется вверх по Дуне; но, получив донесение, что Макдональд наводит мост через реку у Якобштадта, он занял позицию близ Разицы (? Пазицы), примерно в 16 милях от Друи по дороге на Себеж, и стал ждать событий.

Удино, продвигаясь вверх по левому берегу Дюны, оставил дивизию Мерле, в основном швейцарскую, и бригаду легкой кавалерии Корбино для наблюдения за рекой в районе Дриссы,

а 26-го с остальными частями 2-го корпуса и кирасирской дивизией Думерка занял Полоцк. 28-го, оставив батальон в Полоцке, он двинулся на Себеж, чтобы перерезать коммуникации Витгенштейна с Санкт-Петербургом. Он переправился через Дриссу у Сивохино и рано утром 30-го достиг деревни Клястицы, примерно в 34 милях от Себежа. Поскольку он был очень плохо информирован о передвижениях Витгенштейна, он решил остановиться и выслать разведку.

Тем временем Витгенштейн, проинформированный о наступлении Удино, решил атаковать без промедления. 30-го он был в пределах легкой досягаемости от левого фланга Удино, а около четырех часов дня его авангард вошел в соприкосновение с дивизией Леграна у Якубово, примерно в 2 милях к западу от Клястиц, расположенной на узком участке фронта между двумя лесами.

Витгенштейн имел при себе весь 1-й корпус и 6 запасных батальонов, всего около 21 000 человек и 96 орудий, организованных в авангард под командованием Кульнева, 2 пехотные дивизии под командованием генерал-майоров Берга и Сазонова и смешанную дивизию под командованием генерал-майора Каховского.

Кульнев, пылкий кавалерийский офицер, сразу же атаковал Леграна, послав к Витгенштейну за подкреплением. Легран был размещен между лесами на участке протяженностью, по-видимому, всего 800 ярдов, половину которого занимали особняк и деревушка Якубово. Вердые и Думерк находились на главной дороге, и там не было места для развертывания. Последовали упорные действия, поскольку с обеих сторон были переброшены подкрепления, но без особого успеха ни для одной из них. Узкий фронт Леграна, хотя и позволил ему сосредоточить свою пехоту, позволил ему ввести в бой только двенадцать орудий против 36 русских орудий. 31-го Витгенштейн, собрав все свои силы, отдал приказ о всеобщей атаке. Бои были очень ожесточенными. Якубово, обороняемое 26-м легионерским полком, было взято; но в целом французы держались стойко, и не было никаких веских причин для отступления, которое отдал Удино. Он говорит, что опасался за безопасность своего левого фланга, которому угрожал враг, вдвое превосходящий его по силе! Эта последняя идея едва ли согласуется с его уверенным наступлением на Себеж. Как бы то ни было, он покинул Якубово и отступил через Нитчу на юг, к Сивохино, преследуемый русскими, которые, что вполне естественно, объявили это дело полной победой. Витгенштейн фактически задействовал 18 батальонов. Он утверждал, что взял 900 пленных и много багажа, но оценки французских потерь в Журнале 1-го корпуса сильно преувеличены. Русские, также, должно быть, понесли серьезные потери в ожесточенных боях за особняк Якубово; а Удино заявил о 500 пленных.

У Сивохино к Удино присоединилась дивизия Мерле, шедшая из Дриссы. Он намеренно оставил брод без охраны и занял позицию немного южнее, у деревушки Обоярзина, выдвинув свои фланги вперед, а все свои силы умело укрыв в лесах и оврагах, которыми изобилвала местность.

На рассвете 1 августа пылкий Кульнев возглавил преследование. С ним было несколько рот снайперов, 7 пехотных батальонов, 6 эскадронов и конная батарея, с которыми он переправился вброд и продвинулся вперед в своего рода *тапик*, образованный позицией Удино к югу. У маршала было более 40 орудий, расставленных по глубокому изгибу вокруг

наступающих русских колонн. Когда они открыли огонь, Кульнев понял, что приближается нечто более серьезное, чем просто арьергардные действия, и попросил Сазонова, чья дивизия следовала за ним, поддержать его. Сазонов немедленно послал вперед Тульский полк и тяжелую батарею, но было слишком поздно. Авангард был подавлен яростной перекрестной канонадой и сломлен атакой пехоты Вердье и Леграна. Подкрепление было сметено в бегстве, и русские хлынули обратно через брод дикой толпой сопротивляющихся людей и лошадей, среди которых французский огонь произвел ужасное опустошение. Кульнев отчаянно пытался исправить последствия своей роковой импульсивности, но тщетно. Он следовал за отступающими, когда пушечное ядро раздробило ему обе ноги, оборвав одновременно его отчаяние и жизнь. Он приказал своим помощникам унести его ордена и знаки отличия — “чтобы эти французы не одержали победу над русским генералом”; и так ушел пылкий и полный энтузиазма дух, который мог бы сослужить своей стране хорошую службу.

Дивизия Вердье, гнавшая перед собой разбитых русских, бросилась через брод в погоню по горячим следам. Витгенштейн, наступавший со всеми своими силами, послал генерал-майоров принца Яхвиля и Гельфрейха сплотить авангард и занял позицию у деревни Головицы, чтобы поддержать его, выставив 48 орудий перед своей линией. Дивизия Берга находилась справа, а дивизия Косаковки - слева. Как только остатки авангарда прошли за батареи, они открыли сильную канонаду, и Берг с Козаковским двинулись в атаку. Вторая линия Витгенштейна под командованием Сазонова также продвинулась вперед, и поскольку передовые дивизии несколько разошлись в своем наступлении, некоторые из ее батальонов заполнили образовавшуюся таким образом брешь. Вердье, атакованный значительно превосходящими силами, не смог противостоять им; и был отброшен с упорными боями, но с большими потерями, к Сивохино, где он переправился через Дриссу, прикрываемый дивизией Леграна.

Потери 2-го корпуса с 30 июля по 1 августа составили, согласно отчетам Удино (которые кажутся заслуживающими доверия), 464 офицера и рядового убитыми, 2925 ранеными и 1596 пленными и пропавшими без вести. Это, безусловно, была зияющая пропасть в действительных силах численностью около 28 000 человек; но русские признали потери в 4300 человек, и снова не было веских причин для отступления французов к Полоцку на следующий день. Наполеон был сильно раздосадован и выразил свое гневное удивление этим движением, которое показалось ему совершенно ненужным. Он приказал Удино возобновить наступление и 4 августа направил Сен-Сира с 6-м корпусом на усиление.

1 августа Витгенштейн был ранен и передал командование Д'Увре. О действительно нерешительном характере боевых действий свидетельствует тот факт, что не было предпринято ни одной попытки преследовать французов. Напротив, д'Увре отступил правым боком к Дюнабургу, чтобы сплотить отряд Хамена, который теперь должен был присоединиться к 1-му корпусу. 7 августа он снова занял позицию в Разици. Он решил переправиться через Дуну и уничтожить небольшой отряд Макдональда у Дюнабурга; и с этой целью уже наводил мост через реку, когда был отозван новым наступлением Удино из Полоцка.

Сен-Сир с измученными остатками баварской пехоты и артиллерии — около 12 000 штыков - достиг Полоцка 7 августа. Помимо чувства, что его войсками жертвуют, он был зол на свое подчинение Удино. По правде говоря, Сен-Сир имел гораздо больше прав на маршальский батист, и ничто, кроме неприязни Наполеона к нему, до сих пор не лишало его этого. Удино, оставив 6-й корпус следовать за собой, 7-го числа двинулся на запад от Полоцка со 2-м

корпусом и 9-го достиг Валеинци, в 8 милях от Дриссы. На следующий день д'Увре выступил из Разици; а 10-го русский авангард, теперь под командованием Гельфрейха, столкнулся с наступлением Удино, состоявшего из его легкой кавалерии, при поддержке 11-го Легионерского полка, у Свольны, в нескольких милях к северу от Валеинци. Д'Увре прибыл со своими основными силами 11-го числа. Ожидая, что Удино будет наступать в полную силу, он сначала занял оборону, но, обнаружив, что основная часть 2-го корпуса бездействовала у Валеинци, атаковал авангард и отбросил его назад. Вслед за этим, со странной робостью, Удино еще раз, 13-го, отступил в Полоцк, куда прибыл утром 16-го. 13-го Хамен присоединился к русскому 1-му корпусу, и на следующий день Витгенштейн возобновил командование.

Полоцк, место, имевшее большое значение в борьбе между Польшей и Россией в 15-16 веках, находится на правом берегу Дуны, в том месте, где к нему впадает небольшая река Полота. В 1812 году местность вокруг была покрыта лесом на расстоянии нескольких миль от города. Полоцк пересекала с северо-запада на юго-восток шоссейная дорога Рига-Витебск, к которой в нескольких милях примыкала дорога из Санкт-Петербурга. С юго-запада Виленская дорога вела к городу через Дуну. Четвертая дорога отходила от Рижского шоссе справа немного дальше от Полоцка и шла на северо-восток к Невелю.

Авангард русских вошел в соприкосновение с французскими аванпостами во второй половине дня 16-го, и звуки стрельбы прервали военный совет, созданный Удино для обсуждения ситуации.

Вечером французские войска заняли позиции. План действий Удино трудно понять. Он оставил почти все дивизии Вердые и Мерля и основную часть своей кавалерии на левом берегу Дуны. На правом берегу, вдоль Полоты, стоял слабый корпус Сен-Сира, располагавшийся справа от деревни Спас, примерно в миле от Полоцка. Дивизия Вреде находилась на передовой, а Дерой в резерве. Слева от баварцев находились дивизия Леграна, 1-й полк Вердые и кавалерийская бригада Корбино. Все силы Удино насчитывали более 35 000 человек и насчитывали около 130 орудий.

Русский 1-й корпус и приданные ему резервные войска — последние теперь объединены в полки — насчитывали около 23 000 или 24 000 человек и 99 орудий. Она была разделена на три смешанные дивизии под командованием генерал-майоров Берга, Сазонова и Каховского и две смешанные бригады под командованием соответственно генерал-майора Хельфрейха и полковника Властова.^[4]

Витгенштейн и его штаб сочли, что позиция Удино около Полоцка была слишком прочной, поскольку ее защищали превосходящие силы, чтобы подвергнуться нападению, и решили ограничиться энергичной демонстрацией у Спаса для прикрытия наведения мостов через Дуну и рейда на коммуникации Удино. Рано утром 17-го, прикрываемые Хельфрейхом и Властовым, основные силы русских вышли из леса и развернулись. Дивизии, как обычно, были разбиты на линии боя. В целом, однако, можно сказать, что отряд Властова образовал крайний левый фланг напротив Спаса, и оттуда дивизия Берга и авангард Гельфрейха продолжили движение к Дуне. Сазонов и Каховский были в резерве.

Властов и часть дивизии Берга под общим руководством принца Яхвиля атаковали Спас, который доблестно защищали баварцы. Чтобы поддержать атаку, Витгенштейн был вынужден направить влево остальную часть дивизии Берга, заменив ее всего двумя батальонами своей

второй линии. Вслед за этим Удино приказал Леграну атаковать ослабленный центр русских, но после нескольких ожесточенных боев это было отбито наступлением свежих батальонов из дивизии Сазонова. Легран возобновил свои атаки, но снова был вынужден отступить, но для отражения его пришлось задействовать почти всю дивизию Сазонова. Вокруг курорта весь день бушевал ожесточенный конфликт, атаки русских раз за разом отражались гораздо меньшими силами баварцев. Перспективы для Удино были вполне обнадеживающими; к ночи почти вся армия Витгенштейна вступила в бой и была сдержана дивизией Леграна, примерно половиной Реде и одним полком Вердье. Все это время две сильные дивизии бездействовали к югу от Дуны. Вероятно, повезло, что вечером Удино был тяжело ранен и вынужден передать командование в более сильные руки Сен-Сира.

Последний генерал решил, что сильно пошатнувшийся моральный дух его армии, не в меньшей степени, чем интересы императора, настоятельно требуют победы, и решил дать сражение. Но он был слишком осторожен, чтобы лишиться себя преимущества, позволив русским тратить свои силы на его оборонительную позицию, прежде чем сам перейти в наступление. Поэтому утром 18-го он ждал, когда появится Витгенштейн. Последний, со своей стороны, снова загнав Удино в Полоцк, решил отступить, поскольку его миссией была защита дороги на Санкт-Петербург и он сильно переоценил мощь противостоящих ему войск. Его войска должны были начать свой марш в 9 часов вечера

Сен-Сир в течение утра провел парад отвода своих поездов и резервных парков через город в направлении Витебска, в то время как Мерле и Вердье были подведены ближе к нему, как будто для прикрытия эвакуации. Часть кавалерии также дефилировала по южному берегу Дуны со своими лошадьми, нагруженными фуражом. Эти устройства, по-видимому, не убедили российский штаб в том, что Полоцк вот-вот будет оставлен; но они создали впечатление, что нападения никто не опасался. Русская армия расположилась бивуаком в том порядке, в каком она сражалась 17-го, а штаб находился в деревушке Призменица, всего в полумиле от Спаса.

Сен-Сир, обнаружив, что Витгенштейн не проявляет никаких признаков атаки, и, несомненно, отметив очевидную неподготовленность русских, решил перейти в наступление. Около двух часов дня дивизия Вердье начала переправляться через Дуну, укрытая от взглядов русских домами Полоцка и высокими берегами Полоты. Мерл, Думерк и легкая кавалерия Кастекса последовали за ними. Тем временем у Спас-Дероа дивизия сменила дивизию Вреде, и в деревне была сосредоточена батарея из 31 орудия.

План Сен-Сира, как он его определяет, состоял в том, чтобы разгромить линию Витгенштейна массовой и сосредоточенной атакой четырех пехотных дивизий, наступающих на дубле, баварцы Вреде впереди справа, Дерой в левом арьергарде, Легран и Вердье в эшелоне слева от Деруа, в то время как кавалерия следовала в поддержку, а дивизия Мерле стояла в резерве у Полоцка. Сен-Сир в своем отчете Бертье говорит, что он намеревался начать атаку в 4 часа дня, но подтягивание войск с севера привело к тому, что силы противника были уничтожены. переправа на левый берег Дуны оказалась утомительной операцией; и только около 5 часов Сен-Сир смог подать сигнал к началу сражения.

Французская и баварская артиллерия открыли мощную канонаду по ничего не подозревающим русским, с большим эффектом, особенно по двум батареям, расположенным перед Призменицей, которые потеряли почти всех своих лошадей, а несколько орудий и повозок были выведены из строя или взорваны баварской артиллерией. Дибич умело разместил несколько

орудий в батарее на крайнем левом фланге русских, которая, будучи замаскированной, нанесла значительные потери, но не смогла заставить замолчать гораздо более сильную группировку орудий, расположенную перед Спасом.

ПЕРВАЯ БИТВА При ПОЛОЦКЕ, которую выиграл генерал Сен-Сир (сменивший раненого маршала Удино) 18 августа 1812 года

По какой-то не очень очевидной причине пехотная атака не началась немедленно. Возможно, Сен-Сир надеялся, что огонь его 130 орудий или около того вскоре деморализует русских, но он был обманут. Войска Витгенштейна быстро заняли свои места в линии, и их артиллерия стойко отреагировала на значительно превосходящие силы франко-баварских батарей.

После канонады, длившейся около часа, Вреде двинулся вперед, угрожая повернуть русских влево, в то время как Дерой двинулся прямо на Призменицу. Дивизия Леграна, однако, продвигалась вперед довольно медленно, а дивизия Вердые (временно под командованием бригадного генерала Валентина) находилась еще дальше в тылу. Результатом стало то, что сопротивление русских ни в коем случае не было подавлено импульсом комбинированной атаки. По мере продвижения баварцев они прикрывали огонь своих орудий, и русская артиллерия смогла оказать сильное воздействие на пехоту. Дерой, почтенный офицер, уважаемый всеми, был смертельно ранен, когда командовал своей дивизией, и баварцы, потрясенные своими потерями, начали отступать. Легран, теперь стоявший слева от них, овладел Призменицей, но снова был вытеснен Хаменом с семью батальонами дивизии Сазонова. Сам Сен-Сир поспешил на фронт и направил новое наступление Леграна на Призменицу при поддержке бригады Зибена из дивизии Дероя. Вреде было приказано принять командование всем 6-м корпусом, и он сам сплотился и повел на себя пошатнувшиеся войска Дероя. Четыре французские и баварские пехотные дивизии, теперь поддерживаемые Мерлем с левого фланга, вместе двинулись вперед, сломив упорное сопротивление русских и оттеснив их обратно в лес. Русская кавалерия неоднократно и блестяще атаковала, прикрывая отступление

своей пехоты, а сводный гвардейский полк посеял панику в бригаде Корбино и подъехал почти к стенам Полоцка. Сам Сен-Сир, который был легко ранен 17-го числа и был вынужден воспользоваться повозкой, едва не попал в плен, и отважных всадников остановил только огонь резервной артиллерии. По ним стреляли со всех сторон, и один из кирасирских полков Думерка атаковал их, но уцелевшие вернулись в русские ряды, сильно поредевшие, но покрытые славой. Русская армия, сильно разбитая, но отнюдь не разгромленная, ночью успешно отступила к Сивихино, где остановилась. Сен-Сир не преследовал ее. Он не был силен в легкой кавалерии, а бригада Корбино была явно деморализована. Тем не менее, кажется, что можно было бы больше использовать швейцарские полки Мерле, которые едва произвели выстрел; несколько полков Вердье и Вреде также не участвовали в ожесточенных боях.

Потери с обеих сторон были очень тяжелыми. Вреде подсчитал потери баварцев в 118 офицерах и 1161 солдате убитыми и ранеными. Численность 2-го корпуса, в котором было 190 офицеров, *вышедших из строя*, вряд ли могла быть меньше 3500 человек. Русские признали потерю 5000 человек убитыми и ранеными. Сен-Сир заявил о 1000 пленных; было захвачено 14 русских орудий.

С французской стороны был смертельно ранен генерал Дерой. Были ранены Удино, Сен-Сир, Вердье и Вреде. Из командиров бригады баварец Зибен был убит, а двое французов и двое баварцев ранены. У русских были ранены генералы Берг, Козаковски и Хамен.

Полоцк вряд ли можно было назвать очень славной победой, поскольку у Сен-Сира было около 35 000 человек на поле боя против 23 000 или, самое большее, 24 000 у Витгенштейна, но это дало важные результаты, избавив Наполеона от беспокойства за свой левый фланг. Он выразил свое удовлетворение, наконец-то подарив Сен-Сиру свой маршальский батист.

СНОСКИ:

[3] Кленгель называет все свои силы только 1985 годом; но у него были очевидные мотивы минимизировать катастрофу. Цифры, приведенные в тексте, подтверждаются сводными листами 7-го корпуса.

[4] План см. в Приложении.

ГЛАВА VII

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНО

Битва при Любино завершила кровопролитные бои под Смоленском; и, хотя паузы в операциях практически не было, она ознаменовала начало нового этапа кампании, столь же скудного по результатам, как и предыдущие. В Вильне русские намеренно отказались сражаться и отошли за пределы досягаемости. В Витебске они почти согласились на битву, но затем, получив более подробную информацию, в самый последний момент выскользнули из цепких объятий своего великого противника. Под Смоленском казалось, что желанная великая битва наконец

состоится и неуловимая победа увенчает орлов Наполеона. Что бы ни думали о мудрости маневров императора, они были выполнены превосходно, и его войска сражались великолепно. И все же результаты огромных усилий были полностью отрицательными. Русская армия вырвалась из лап великого завоевателя и нанесла ему значительно больший урон, чем получила сама. Несколько пушек, несколько пленных и разрушенный и почти опустевший город — вот скудная награда за такое мастерство и мужество.

Можно считать несомненным, что первоначально Наполеон намеревался завершить кампанию 1812 года под Смоленском. Невозможно определить, когда он впервые начал обдумывать изменение плана, но вполне возможно, что это было в сравнительно ранний период кампании. Неуловимая стратегия его противников не могла не держать у него перед глазами вероятность того, что он или будет вынужден расширить район своих операций, или займет зимние квартиры, не выполнив возложенную на него самим задачу. Жомини указывает, что тот факт, что он тогда не раскрыл своей цели, может просто указывать на то, что он хотел подбодрить свои уставшие войска перспективой скорейшего окончания их трудов. С другой стороны, весьма вероятно, что его решение сформировалось только после Смоленской битвы. Абсолютно отрицательные результаты этого сражения заставили его задуматься о необходимости продвижения вперед и нанесения сокрушительного удара. Если бы ему удалось дезорганизовать основные силы русской армии тяжелым поражением, он, вероятно, приостановил бы свое наступление и посвятил оставшуюся часть кампании надежной организации своих коммуникаций и сокрушению Тормазова и Витгенштейна.

Вот и все о времени, когда Наполеон решил продолжить свое наступление. Его причины можно разделить на три категории — военные, политические и личные.

Наполеон сыграл много ролей на исторической сцене, но в первую очередь он был солдатом. Следовательно, военные соображения могут справедливо занять приоритетное место. С момента перехода границы в июне он постоянно держал перед собой задачу сокрушить основные силы России в большом сражении. Этой цели ему не удалось достичь. Русские армии все еще не были сломлены и пострадали, относительно своей численности, не так сильно, как их противники. Они отступали, используя свои ресурсы, и, как ни медленно и трудно было организовать подкрепление, русский национальный дух был полностью поднят, и авангард новых рекрутов начал выходить на линию фронта. Но на данный момент эта боевая линия была намного слабее сил, находившихся непосредственно под командованием Наполеона, и, вероятно, уступила бы им в решающем сражении. Если бы ему позволили совершить маневр в тыл, сплотить и ассимилировать новые рекруты, которые были собраны и обучены, шансы Наполеона на успех были бы значительно уменьшены. Его линии связи уже были нарушены казаками, и время означало бы увеличение числа этих досадных иррегулярных формирований как по численности, так и по эффективности, что привело бы к появлению более крупных отрядов и ослаблению ударной силы, от которой все действительно зависело. Было практически очевидно, что неуловимые русские никогда не оставят “Белостенную Москву” без боя, и необходимо было идти вперед, чтобы найти ее, пока ударная сила еще достаточно сильна, чтобы нанести решающий удар. Также представляется, что остановка на Дуне и Днепре позволила накопить припасы, достаточные для того, чтобы прокормить армию до Москвы, во всяком случае, с добавлением того, что можно было добыть фуражом.^[5] Наконец, победа Шварценберга при Городечне 12 августа и победа Св. Победа Кира над Витгенштейном при

Полоцке 17-го и 18-го, казалось, обеспечивала непосредственную безопасность флангов Наполеона.

Политические причины также, должно быть, имели большое значение для Наполеона. Продолжение существования его империи, как он сам, вероятно, понимал лучше, чем кто-либо другой, зависело от дальнейшего военного успеха. Его собственное положение основывалось почти исключительно на силе его собственной личности. Пребывание в течение нескольких месяцев, возможно, года, вдали от Франции могло привести к его падению. Более того, что бы ни говорили или ни делали правители, Германия была полна недовольства; и в его отсутствие в его тылу могло вспыхнуть восстание. Признавать неудачу отступлением не следовало и помышлять. Короче говоря, альтернативы наступлению практически не было.

К влиянию, оказываемому здоровыми военными и политическими аргументами, следует добавить влияние личности Наполеона. Он еще никогда не терпел неудачи в том, что касалось его личных предприятий, и как бы он ни был раздражен отсутствием успеха в кампании до настоящего времени, каждое побуждение его свирепой и порывистой натуры побуждало его двигаться вперед.

С другой стороны, русские — насколько в России существовало хоть какое—то общественное мнение - ни в коем случае не были удовлетворены ходом кампании. Александр, прежде чем покинуть армию, издал две прокламации, одну - к народу в целом, другую - к городу Москве, призывая нацию приложить все усилия для изгнания захватчиков. Затем он поспешил в Москву, где 27 июля было созвано собрание дворян и купцов под председательством генерал-губернатора графа Ростопчина. Дворяне предлагали на войну рекрутский набор в размере одного человека из десяти от населения своих поместий. Торговцы добровольно внесли свой вклад, оценив капитал каждого; и специальная подписка, открытая на месте, была реализована за час почти на 200 000 фунтов стерлингов. В разгар этих восторженных выступлений в собрание вошел царь и закончил речь, в которой он указал на национальную опасность, заявлением, что он намерен продолжать борьбу до победного конца.

Александр мудро ограничил новые сборы провинциями, которые еще не были очагом войны. Он также решил, что пропорция должна составлять 2 процента. как правило, и 1 процент. в Сибири этого было бы достаточно. Недостатка в людях не было, но не хватало оружия и снаряжения, равно как и офицеров, способных организовать и обучить новобранцев. Сбор налогов был операцией, требовавшей много времени и хлопот: еще труднее было реализовать денежный взнос, часть которого была окончательно получена только в следующем году. Но, учитывая огромные масштабы и бедность империи, немедленные результаты были чрезвычайно похвальными. Вскоре у нас будет возможность отметить быстрое усиление русской армии.

При всем этом энтузиазме и патриотических начинаниях не было ничего естественного в том, что среди знати, выражавшей то общественное мнение, которое существовало, было много недоверия и недовольства. Эти чувства были в значительной степени оправданы глупостью правительства, которое сообщало о несуществующих военных успехах и искажало ход проводимых операций. Однако некоторое количество достоверных новостей просачивалось с фронта. Постепенно стало ясно, что, несмотря на так называемые успехи русских, армии неуклонно отступали, а города и провинции были оставлены захватчикам.

Общим результатом всего этого стало более или менее открыто выраженное желание изменить порядок ведения войны. В определенной степени это было результатом искренней убежденности в том, что командование может оказаться в более надежных руках, но в значительной степени это также было отражением непокорного недовольства армейских офицеров, достигшего своего апогея под Смоленском. Протест был направлен главным образом против Барклая, чье иностранное имя стало платформой для всевозможных несправедливых обвинений. По-видимому, в столице были услышаны главным образом настроения Багратиона и его сторонников. У Барклая было мало друзей — Левенштерн говорит, что Коновницын был почти единственным приданным ему генералом — и у него не было ни досуга, ни талантов для защиты своей репутации от интриганов. Александр, по-видимому, всегда доверял ему и любил его; но после прекращения наступления в начале августа шум стал настолько громким, что он был вынужден уступить, хотя и гневно заявил, что не возьмет на себя ответственность за какие-либо пагубные последствия. Он назначил комитет в составе Аракчеева, вице-канцлера графа Кочубея и князя Лопухина для рассмотрения вопроса о другом ведении войны. Действие, вероятно, было чисто номинальным, поскольку и средство правовой защиты, и человек, который его применит, были практически согласованы. Заседание комитета состоялось 17 августа. Он рекомендовал исправить назначение главнокомандующего всеми русскими полевыми армиями, а на этот пост царю было предложено имя генерала князя Голенищева-Кутузова.

Практически на эту обременительную должность было всего два кандидата. Одним из них был Кутузов. Другим был Беннигсен, который, по его собственным оценкам, был полностью готов к ответственности. Другие, однако, не были столь высокого мнения о его заслугах или о его кампании 1807 года против Наполеона. Александр знал его как одного из убийц своего отца и, вероятно, не доверял его тщеславному и эгоистичному характеру. Кроме того, он был иностранцем. Военная репутация Кутузова оценивалась так же высоко, как и у Беннигсена; его лавры были недавно завоеваны; и, прежде всего, он был коренным русским, пользовался популярностью в армии и считался воплощением тактики ведения тяжелых боев знаменитого Суворова.

18-го Александр назначил Кутузова на должность главнокомандующего. Начальником штаба был назначен Беннигсен. Причины несколько неясны. Клаузевиц считает, что Беннигсен добился своего назначения в надежде занять место Кутузова, если, что казалось вполне вероятным, здоровье старика пошатнется. Сам Беннигсен говорит, что в Вильно Барклай сообщил ему, что Александр желает снова нанять его на работу. Возможно, Александр назначил его ввиду такого непредвиденного обстоятельства, как предполагает Клаузевиц; конечно, он был старше всех генералов армии, так что в случае отставки Кутузова он, естественно, принял бы командование на себя. Похоже, он считал себя скорее коллегой своего шефа, чем его помощником. Кутузов не очень благосклонно отнесся к своему назначению, и объединение двух ветеранов, одного из которых был русским дворянином, а другого - немецким солдатом удачи, не было удачным решением.

Находясь под Смоленском, Наполеон отрегулировал свою основную линию коммуникаций, которая теперь должна была проходить через Вильно, Минск, Борисов и Оршу к Смоленску. Смоленск стал передовой базой армии, а Витебск имел лишь второстепенное значение, и Шарпантье был переведен на прежнее место с большей частью своего гарнизона. Винцингероде, однако, был настолько активен в окрестностях Витебска, что 21-го числа

Наполеон направил туда итальянскую дивизию Пино на поддержку Пажоля. Тревога была ложной, так как у Винцингероде, как мы знаем, был лишь слабый отряд кавалерии. Получив разведданные об отступлении главной русской армии, он отступил к Москве, и Наполеон вызвал к себе Пино, Пажоля и Гийона, но только кавалерия смогла вернуться вовремя к Бородинской битве.

Были отданы приказы построить в Смоленске пекарни, а также организовать склады и больницы. Город, однако, представлял собой немногим лучше груды развалин. Почти все жители бежали, а для выполнения работ, заказанных Наполеоном, не хватало мастеров и материалов. Апологеты императора любят говорить, что его приказами пренебрегали. Правда в том, что слишком часто они были невыполнимы. Больницы, переполненные примерно 15 000 больных и раненых, находились в ужасающем состоянии. Нехватка припасов была настолько велика, что пергамент из городских архивов и ружейные пыжи были использованы для перевязок.

Состояние армии в целом также не было удовлетворительным. Продовольствия на данный момент было достаточно, но одежда и снаряжение уже подходили к концу. Нансути заявил, что он никогда не видел кавалерию в таком плачевном состоянии, как в его собственном 1-м корпусе; там были полуголые кирасиры. Количество поломанных лошадей было пугающе большим. Дисциплина была хуже, чем когда-либо. В момент депрессии Наполеон заявил, что две трети армии - отставшие. Было мало шансов на то, что это зло будет исправлено. Армия, сделавшая слишком короткую остановку около Витебска и Орши и еще более короткую у Смоленска, была близка к тому, чтобы продвинуться вперед еще на 250 миль. Наполеон, в некотором смысле, предусмотрел все; то есть он отдал приказы, которые предвидели большинство непредвиденных обстоятельств. But De Fezensac, himself a soldier of merit, puts his finger on the weak point of the elaborate arrangements, and sums up the situation in a single damning paragraph: "Mais il ne suffit pas de donner des ordres, il faut que ces ordres soient exécutoires; et avec la rapidité des mouvements, la concentration des troupes sur un même point, le mauvais état des chemins, la difficulté de nourrir les chevaux, comment aurait-il été possible de faire des distributions régulières et d'organiser convenablement le service des hôpitaux?" Армия расчистила местность, по которой она продвигалась, за несколько часов; она превратилась в буквальном смысле и без преувеличения в дикую местность. Всевозможные припасы доставлялись в Вильно и со всем усердием продвигались к Минску и Смоленску, но плохие дороги, нехватка лошадей и иногда неправильное управление задерживали продвижение обозов. Основная армия, для блага которой они предназначались, постоянно продвигалась вперед, и они никогда не могли достичь ее. Когда 19 октября Наполеон повернул обратно из Москвы, его ближайший значительный склад находился в Смоленске, и в нем было запасов всего на шесть или семь дней.

Среди генералов царили депрессия и растущее недовольство. Наполеон заметил это и сделал гневные и горькие комментарии по этому поводу. Один Ней, похоже, был неустрашен. Сразу после Любино он написал императору, предлагая предпринять попытку обогнать русских тремя или четырьмя форсированными маршами.

В тылу также события были далеки от ожиданий Наполеона. Он горько жаловался, что Литва ничего не предпринимает. В какой-то степени это было правдой. Литва была бедной страной; она была опустошена переходом через нее основной части *Великой армии*, и она практически

не могла поставлять припасов. Сборы, назначенные временным правительством, существовали в основном на бумаге, а фактически набранные войска были очень низкого качества. Если бы Наполеон откровенно восстановил Королевство Польское, можно было бы добиться лучших результатов, но это маловероятно. Невозможно, прочитав его подробные указания Де Прадту, своему агенту в Варшаве, и его двусмысленные ответы польским депутатам, которые ожидали его в Вильно, не понять, что он намеренно играл на надеждах и энтузиазме поляков. Более того, при въезде в Литву он совершил грубую ошибку, провозгласив свободу каждому. Крепостные, естественно, истолковали это как разрешение на грабеж и всеобщее попустительство. Дворяне, которых Наполеон, безусловно, должен был примирить с точки зрения своих собственных интересов, были отчуждены, как и евреи, которые практически монополизировали всю торговлю и промышленность, какие только существовали. В лучшем случае едва ли можно сказать, что Литва активно поддерживала Наполеона. Необходимо было расставить гарнизоны в главных городах и сопровождать все конвои так, как если бы страна была враждебной, а не номинально дружественной. Для всех практических целей база Наполеона по-прежнему находилась на Немане и Висле, и оттуда нужно было доставлять припасы.

20 августа, по-видимому, Наполеон наконец принял решение продолжить наступление, и 21 и 22 числа армия была приведена в движение. Разбитый корпус Нея больше не мог выполнять обязанности поддержки авангарда, и его место занял корпус Даву. Мюрат шел впереди с 1-м, 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами и легкой кавалерией 1-го и 3-го армейских корпусов. За Мюратом маршировал 1-й корпус во главе с дивизией Компана; 3-й и 8-й корпуса и императорская гвардия следовали за ним. 4-й корпус образовывал охрану левого фланга; 5-й корпус и корпуса Латура-Мобура (за вычетом трех польских полков, оставшихся на Днестре) - правого. 23-го числа поступили разведданные о том, что русские заняли боевую позицию недалеко от Дорогобужа, в 22 милях к востоку от Соловьево. Эжен и Понятовски были втянуты в центр поля, и объявили сбор. Они продемонстрировали эффективную численность в 147 000 человек, из которых 31 000 были кавалеристами, с почти 590 орудиями — не считая войск штаба.

Покидая Любино, Барклай отправил вперед Толля искать благоприятное поле боя. В то время как Первая армия двигалась к Соловьево, Багратион двинулся к Дорогобужу. Толль, которого сопровождал Клаузевиц, нашел позицию, которую он счел удовлетворительной, примерно в 5 милях к западу от города, за небольшой рекой Ужа, которая здесь впадала в Днепр с юга. Спереди она была открыта, что давало простор для действий мощной русской артиллерии, а леса позади служили прикрытием для резервов. Справа, однако, холм за Ужей командовал частью главной позиции и, таким образом, показался Барклаю и Багратиону, которые встретились для совещания, кардинальным недостатком. Барклай, чей нрав, вероятно, едва смягчился в результате преследований, обвинил Толля, и последний, всегда грубый на грани хамства, прорычал в ответ, что он не может *выдвигать* позиции — если они не будут *найденны*, то это вина страны. Барклай, понимая, что в ответе есть резон, хотя и мало вежливости, воздержался от гневного ответа; но Багратион был в ярости, и его природное великодушие побудило его похвалить того самого человека, на которого он безрассудно напал.

“Если вы не можете выбирать позиции, ” сказал он незадачливому молодому генерал-квартирмейстеру, “ это не значит, что другие не могут! Как ты смеешь, неопытный щенок, так обращаться к главнокомандующему? Он обязан своим положением своим замечательным качествам и заслуживает всяческого уважения. Я старше его, но я подаю пример, служа под его

началом. Ты и твоя синяя лента! (Толль был рыцарем Святого Андрея.) Вы думаете, что оказываете ему честь, служа под его началом; но на самом деле все наоборот. Это позор, что такой молодой болван, как вы, позволяет себе подобные выражения в адрес человека, от которого зависит судьба армии и империи. Благодарите его великодушие за то, что с вами не случилось худшего, ибо, будь моя воля, я бы сменил эту синюю ленту на обычные солдатские ремни!”

Угроза ни в коем случае не была пустой, поскольку российский главнокомандующий имел право понижать офицеров в званиях. Слова Багратиона, безусловно, дают пищу для размышлений, учитывая его высказывания, сделанные несколько дней назад, но приятно знать, что одним из последних поступков в его достойной жизни была попытка загладить вину перед своим обиженным коллегой.

Позиция была сочтена неблагоприятной, и Багратион предложил другую перед Дорогобужем. Клаузевиц описывает ее — возможно, отчасти из досады — как очень плохую. Во всяком случае, похоже, что его пересекал Днепр, хотя река здесь не была очень серьезным препятствием.

Арьергард под командованием Платова, состоящий из 3 гусарских полков, 1 уланского, 6 егерских и нескольких казаков, 22-го вступил в бой с Мюратом и 23-го присоединился к основной армии. В тот же день сам Наполеон покинул Смоленск, и были вызваны Эжен и Понятовский. Марш Понятовского к югу от дороги указывал на намерение повернуть русских влево; и Багратион посоветовал отступить. Кажется очевидным, что он, наконец, определенно встал на сторону Барклая. Его пример, возможно, способствовал усилению чувства субординации у других генералов. Дело пало так низко, что Платов лично оскорбил Барклая через несколько дней после эвакуации Смоленска. Позиция была эвакуирована в ночь с 23-го на 24-е, и отступление продолжилось, основные силы отступили к Бражино по московской дороге, Баггоуфвудт и Уваров продолжили наступление вровень с ним на северном берегу Днепра. Арьергард отступил к Дорогобужу.

Решение Барклая дать сражение под Дорогобужем было смелым на грани опрометчивости. Вся его сила, вероятно, составляла не более 107 000 человек, из которых 3000 были необстрелянными ополченцами из Смоленской губернии, и, конечно, ни одна из позиций перед городом не была достаточно сильной, чтобы компенсировать численное превосходство в 40 000 человек. Создается впечатление, что он пришел в отчаяние от преследований, которым подвергался, и решил поставить все на один бросок костей.

27-го числа обе армии достигли Вязьмы. Наполеон в тот же день находился в Славково, примерно в 27 милях к западу. Между Мюратом и Платовым произошел арьергардный бой, в результате которого последний, чтобы не быть обращенным в бегство, отступил в Семлево, ближе к Вязьме. Платова, поскольку он был нездоров, сменил Коновницын. 28-го Наполеон вступил в Семлево, а 29-го Барклай и Багратион достигли Царево-Займичей. В тот же день генерал Милорадович находился в Гжатске с 14 466 пехотинцами и 1123 кавалерийскими подразделениями, выздоравливающими и новобранцами. Теперь Барклай и Багратион решили, что, имея эти резервные силы в пределах досягаемости, они могут спокойно выдержать бой, и заняли позицию. Похоже, что он был довольно силен в центре, но, как и на большинстве

позиций в Центральной России, его фланги были открыты. Эту слабость генералы предлагали исправить укреплениями. Вечером прибыл Кутузов и принял верховное командование.

Кутузов решил не давать сражения на Царево-Займицкой позиции. Решение было совершенно разумным. Теперь ответственность лежала на нем, а он еще ничего не знал о своей армии. Естественно, он хотел бы познакомиться с ней поближе, а поскольку она все еще находилась примерно в 130 милях от Москвы, он мог бы надеяться найти более прочную позицию. Толль и его штаб были отправлены вперед, и армия возобновила отступление, Коновницын с силами, теперь увеличенными до 26 батальонов и 72 эскадронов, прикрывал тыл.

ГЕНЕРАЛ От КАВАЛЕРИИ ГРАФ ПЛАТОВ
атаман донских казаков

Тем временем французы упорно следовали за нами, сильно страдая от усталости и жары и, как обычно, обеспокоенные внутренними разногласиями. Даву обвинил Мюрата, по-видимому, с большой справедливостью, в растрате кавалерии, в изнурении ее бесполезными маневрами и отсутствии должной заботы об их пропитании. Он сказал, что у него сжимается сердце — не очень нежный орган — при виде плачевного состояния резервных кавалерийских дивизий, и заявил, что он не допустит, чтобы его пехота была так перегружена работой. Дело дошло до

апогея 28 августа в открытой ссоре между двумя лидерами в присутствии Наполеона. Мюрат ответил на обвинение Даву встречным обвинением в чрезмерной осторожности и заявил, что им лучше уладить свои разногласия дуэлью! Наполеон скорее подлил масла в огонь, поскольку намекнул, что, будь Мюрат на месте Даву в июле, он мог бы перехватить Багратиона. Даву также был в плохих отношениях с Бертье. Истинная причина этого неизвестна, но несомненно, что вспыльчивый нрав и грубые манеры Даву нажили ему много врагов.

Марш армии был трудным. Широкая дорога была занята артиллерией и обозами, по пять-шесть машин в ряд, в то время как по обеим сторонам плотными колоннами рот или “дивизий” топала пехота. Они сильно страдали от жары, которая усугублялась густыми облаками пыли, поднимаемыми марширующими колоннами, а запасы воды были скудны. Даже русские время от времени испытывали в нем нужду, и, естественно, французам было еще хуже, поскольку они обнаружили, что колодцы высохли, а ручьи превратились в грязь. В то же время не представляется, что сокращение рядов из-за этих причин было исключительным, хотя оно, безусловно, было серьезным. Самые большие потери были среди лошадей, которые страдали одновременно от нехватки надлежащего корма и от жажды. Добывать кукурузу и сено становилось все труднее, и рацион несчастных животных состоял из ржаной соломы. Потери среди них были тем более серьезными, что было мало надежды на то, что их удастся заменить.

Деревни вдоль маршрута и несколько небольших городков были по большей части покинуты их жителями и, по крайней мере, частично разрушены. Это было не всегда так. Дорогобуж — “Капустный городок”, как называли его французские солдаты из-за капустных полей, среди которых он располагался, — не пострадал, и три месяца спустя кое-кто из его жителей все еще жил. Гжатск также не пострадал. Вязьма была частично разрушена из-за пожара, охватившего склад муки и спиртных напитков, который русские подожгли перед отступлением. В противном случае трудно решить, кто был виноват в разрушении домов и деревень — французы или русские. В разное время, в зависимости от обстоятельств, это может быть приписано обоим.

Русские отступали на восток через Гжатск, прикрываемые своим мощным арьергардом. 1 сентября они были около Колоцкого, большого монастыря примерно в 75 милях от Москвы, арьергард отставал на дневной переход. В Колоцкой Толле и Вистицкий II, генерал-квартирмейстер Багратиона, порекомендовали занять оборонительную позицию у Бородино, несколькими милями дальше — вероятно, отчаявшись найти что-либо лучшее между ним и Москвой. Наполеон либо узнал в тот же день, что русские определенно обратились в бегство, либо предположил, что они вот-вот это сделают, поскольку он приостановил свое наступление у Гжатска, чтобы сплотить свои силы для предстоящей борьбы. Сборы, проведенные 2 сентября, включая людей, временно отведенных или разбежавшихся, которые могли вернуться в течение двух-трех дней, и не считая войск головного расположения, насчитывали почти 135 000 сабель и штыков. Два батальона 8-го корпуса стояли гарнизонами в Дорогобуже и Вязьме. Перед битвой к Наполеону присоединились дивизия Пажоля, а также 1-я и 12-я бригады легкой кавалерии — всего около 4000 сабель. Для штабных войск 3000 человек — это по самым скромным подсчетам.

Наполеон в это время прилагал огромные усилия, чтобы справиться с беспорядком в своем тылу, и особенно сократить огромные колонны транспортных средств, которые препятствовали маршу. Существует множество свидетельств того, что они были непропорциональны численности армии, а излишек состоял в основном из частных экипажей. Усилия Наполеона не принесли большого эффекта. Он отдавал строгие приказы и сам руководил поджогом некоторых

машин; но барон Жирод рассказывает по крайней мере об одном случае, когда пожар был потушен, как только император повернулся спиной, и в целом приказ остался безрезультатным.

Во время привала прошел сильный дождь, который не улучшил состояние дорог, но облегчил нехватку воды. Однако 4-го числа все прошло нормально, и ранним утром французская армия возобновила свое наступление. Порядок был таким же, как и прежде, но, к неудовольствию Даву, дивизия Компана была передана в прямое подчинение Мюрата. Временный батальон легиона "Висла" был оставлен для охраны гарнизона Гжатска. Коновницын остановился у Гриднево, примерно на полпути к Бородино, и отступил, когда пехота Мюрата обошла его с фланга, а его кавалерия постоянно вступала в перестрелки с передовыми французскими эскадронами. 5-го он предпринял еще одну оборону у Колоцкого, и только когда увидел, что корпус Эжена марширует мимо его правого фланга, он отступил к основной армии за Колоцу.

О Бородинской позиции часто говорили как о превосходной с точки зрения обороны. Клаузевиц, который знал это, придерживается совсем другого мнения; и, по всей вероятности, это место было выбрано просто потому, что не было никакой вероятности, что на бескрайних равнинах появится что-то лучшее. У нее был один серьезный стратегический недостаток. Немного западнее большая дорога разветвляется, ответвления снова соединяются у Можайска, примерно в 6 милях к востоку от Бородино. Поэтому было необходимо удерживать две дороги вместо одной и быть сильными на обеих. У Бородино они разделены двумя с половиной милями, новая дорога, на которой стоит Бородино, лежит к северу.

Речушка Колоца образует очень острый угол с новой дорогой, протекая на значительном расстоянии почти параллельно ей, всегда в овраге с крутыми берегами. Миновав Бородино, расположенное на ее левом берегу, она течет на северо-восток в очень извилистом направлении и впадает в Москву примерно в 2 с половиной милях дальше. Сама Москва течет на юго-восток к большой дороге у деревни Успенское, в трех милях от Бородино, где поворачивает на восток, к Можайску.

В углу, образованном двумя ручьями, лежит низкое, частично поросшее лесом плато, его основание образовано речушкой, которая впадает в Колоцу у Бородино. На его юго-западном углу стояла деревня Горки, примерно в миле от Бородино. Несколькими сотнями ярдов выше по течению другой ручей впадал в Колоцу с юго-востока. Этот ручей, названный в честь деревни Семеновской, примерно в миле с четвертью к югу от Бородино, протекает в небольшом овраге, а земля между ним и речкой Горки образует еще одно низкое плато, высотой не более 30 футов, но с довольно крутым западным обрывом. Она очень слегка спускается к востоку примерно на милю, пока ее не пересекает другой ручей, протекающий в овраге. Восточный берег этого оврага выше, и местность простирается на восток к другому низкому плато, на котором находится деревня Царево, в полутора милях к востоку от Семеновского. К западу от Горки есть невысокий холм, и еще один в миле к юго-востоку от Горки, и примерно в 1100 ярдах к северу от Семеновского. От Семеновской до старой дороги у деревни Утица около мили с четвертью, а от последней деревни на север примерно на 1000 ярдов простирался густой лес. В трех четвертях мили к востоку от Утицы находится холм, а немного восточнее - еще одно низкое плато. К югу от старой дороги простирались болотистые леса, хотя немного южнее Утицы была поляна вокруг деревушки Мичино. Участки леса были разбросаны по всей позиции. Все деревни были построены из бревен и бесполезны для обороны. От Утицы у Бородино до слияния реки Колоца с Москвой - расстояние почти в 5 миль.

К западу от линии Бородино-Утица местность имеет тот же характер, только немного ниже. У деревни Шевардино, в миле к западу от Семеновской, есть невысокий холм. Деревни были настолько малозначительны, что нет необходимости их называть.

Из этого описания, вероятно, следует, что общая позиция не давала больших преимуществ более слабой стороне. Клаузевиц, действительно, говорит, что в некоторых местах было трудно сказать, у кого из них преимущество местности. Северное плато было довольно выгодным для обороны, но овраг Колоца перед ним не позволял расположенным на нем войскам проводить контратаки. Старая дорога предоставляла возможности предприимчивому противнику поворотного движения. Поэтому было необходимо прочно удерживать его, но лес к югу от Семеновского почти отрезал войска в районе Утицы от главной линии дальше на север. Беннигсен наиболее резко критикует всю позицию как слишком протяженную, но представляет ее на 2 мили длиннее, чем она была на самом деле. Сам он был сторонником очень узких позиций, и французские критики заявили, что его линия в Эйлау была слишком жесткой. В своих мемуарах он говорит, что прекрасно понимал, что сосредоточенные атаки Наполеона могут быть отбиты только сосредоточенной обороной. В принципе, он, несомненно, был прав, но концентрация сил в обороне, которой Веллингтон годами учил неблагодарную Европу, должна была заключаться в использовании эффективных мушкетов, а не многолюдных колонн. Беннигсен был слишком самодоволен, чтобы заметить это; но, возможно, справедливо будет добавить, что, вероятно, британская армия была единственной в Европе, достаточно хорошо обученной для применения линейной тактики. Русские солдаты были чрезвычайно устойчивы и точны в маневрах, но не быстры и едва ли хорошо обучены; французские наблюдатели критикуют их неуклюжесть. Клаузевиц считает, что резервы находились слишком близко к фронту. Основная часть армии была сосредоточена на фронте в четыре мили; оба фланга прикрывали казаки.

Река Колоца впадала в Москву по болотистой местности; правый берег, соответственно, опирался на лес в полутора милях южнее. Перед ним и слева от него, по направлению к Горкам, велись различные полевые работы. Перед Горками был парапет с реданами, а на холме к югу от Бородино - большое земляное укрепление, названное французами "Большим редутом". Семеновская была разрушена, дома представляли собой просто ловушки для снарядов. На его западном конце был выделен парапет, а на юге - трискалы, или редана. Укрепление в Горках, Большой редут и Семеновские реданы были единственными завершенными укреплениями, и они были закончены очень наспех и имели плохой профиль. Инженеров и саперов в российской армии было мало, а инструментов, похоже, не хватало.

Численность армии, собранной для защиты этой весьма посредственной позиции, не поддается точной оценке. Российские цифры разнятся, и ни одна из них не кажется точной в деталях. Богданович, например, считает присутствующими 14 500 артиллеристов и саперов, что с учетом 1000 последних дает в среднем 250 человек на батарею — больше, чем в июне!

Единственным достоверным фактом о численности русских является то, что, когда армия достигла Гжатска, в ней насчитывалось не более 100 000 человек, из которых 3000 были ополченцами и 7000 казаками. 15 500 человек Милорадовича были призваны в полки, предположительно с целью довести их численность до максимально возможного уровня. 4-го числа к армии присоединились 7000 ополченцев из Москвы под командованием графа Маркова, авангарда великого национального ополчения. Общее количество можно

справедливо оценить почти в 125 000 человек. Ополченцы были абсолютно необработанными войсками; некоторые из них были просто наняты для выполнения полицейских и утомительных обязанностей. Там было более 17 000 превосходных регулярных кавалеристов, 7000 казаков и 640 пушек и гаубиц, превосходно снаряженных и оснащенных лошадьми.

Наполеон оставил около 700 человек в Гжатске, и, учитывая потери 1000 человек в Гриднево и Колоцком и 2000 человек в составе отставших или тех, кто не смог вернуться, на 5 сентября у него все еще было более 131 000 человек, не считая гвардии главного штаба, по крайней мере 3000 человек, которых следует считать присутствующими не меньше, чем русское ополчение. Между 5-м и 7-м числами армия была усилена 4000 кавалеристами, что дало в общей сложности 138 000 человек в наличии. Там было около 32 000 кавалеристов, но их численное превосходство едва ли компенсировало плохое состояние лошадей. Масса металла, выбрасываемого 584 орудиями, была немного выше, чем у 640 орудий противника; и первые — за исключением полковой артиллерии — несомненно, обслуживались более эффективно, но и здесь лошади были в плохом состоянии.

После сражения при Колоцкой французы двинулись вперед — основная колонна по новой дороге, Эжен слева в арьергарде, Понятовский справа по старой дороге, — Коновницын и его войска неуклонно отступали перед ними. Русская армия еще не была окончательно готова к бою, направление атаки Наполеона все еще оставалось неопределенным. Барклай со 2-м, 4-м и 6-м корпусами находился за Бородино, Багратион около Семеновского с передовым отрядом под командованием своего заместителя князя Горчакова - у Шевардино, где был возведен редут, вооруженный 12 тяжелыми орудиями. Силы Горчакова состояли из 27-й дивизии, кавалерийского корпуса Сиверса, 2-й кирасирской дивизии и полка легкой пехоты из 2-го корпуса. 3-й и 5-й корпуса вместе с ополчением в настоящее время находились в резерве.

Только в 3 часа дня Коновницын отступил от Колоцкого, и, вероятно, не раньше 5 часов Мюрат атаковал Горчакова. 3-й егерский полк был изгнан из деревушки Доронимо 61-м полком, который шел во главе дивизии Компана; и французская пехота атаковала редут. Это было сооружение, построенное наспех; но 27-я дивизия сражалась с непоколебимой решимостью и яростно отстаивала свое владение, кавалерия оказывала содействие посредством повторных атак, в одной из которых русские кирасиры захватили 5 орудий. Позиция была взята и отвоевана трижды, и Багратион, по-видимому, намеревался удержать ее окончательно, поскольку в 8 часов он сменил войска Неверовского дивизией Карла Мекленбургского. Но к этому времени Понятовский значительно продвинулся по старой московской дороге слева; и около 10 часов вечера Багратион, по приказу Кутузова, отошел на главную позицию. Потери с обеих сторон были значительными. Багратион, проявивший себя в своей обычной безрассудной манере, был легко ранен, как и Горчаков и Сен-Прист.

Французская армия еще не была полностью сосредоточена, и Наполеон занял 6-е место, разведывая позиции русских и разрабатывая свой план атаки, в то время как войска, уже находившиеся на поле боя, отдыхали. С российской стороны армия была размещена на позициях, и день по большей части был проведен в религиозных упражнениях, кульминацией которых стало прохождение Богородицы Смоленской, спасенной из города, через лагерь.

Русские командиры понимали, что рискуют свернуть на старую московскую дорогу. Поэтому корпус Тучкова был выведен из общего резерва и размещен у Утицы, при поддержке московского ополчения позади него и 6 казачьих полков под командованием Карпова слева от

него у Мишино. На плато к северу от новой дороги располагались 2-й и 4-й корпуса, 2-й справа, а последний слева, недалеко от Горки. Дохтуров с приданной ему бригадой гренадер Воронцова стоял между Горками и Большим Редутом. Слабый корпус Раевского занял пространство между Дохтуровым и Семеновским и разместил гарнизон в Большом Редуте, в то время как 8-й корпус (за вычетом отдельной бригады Воронцова) и 27-я дивизия удерживали Семеновское и реданы. Лес между левым крылом Бороздина и Тучковым был занят 4 полками легкой пехоты. Каждый корпус имел свои егерские полки, выдвинутые вперед. В Бородино находился гарнизон егерей Императорской гвардии. Кутузов и Беннигсен были размещены между Горками и Царево, откуда им было видно почти все поле боя.

Позади первой линии стояла кавалерия, каждому резервному корпусу на этот день было придано по полку корпусных гусар. Уваров, имея также гвардейских казаков, был с Баггоуфвудом, Корф - за Остерманом-Толстым, Крейц (*вице* Пален был инвалидом) в тылу Дохтурова, а Сиверс - за Семеновской, с кирасирской дивизией Дуки. У Платова было 5 казачьих полков, наблюдавших за правым флангом, и еще 9 в тылу 2-го корпуса. 5-й корпус, теперь под командованием генерала Лаврова, находился в Царево с артиллерийским резервом примерно в 240 полевых и конных орудий.

Эти установки не избежали критики. Клаузевиц считает, что справа было слишком много войск, и поскольку в конечном итоге они по большей части были переброшены налево, он, вероятно, был прав. Беннигсен говорит, что он видел, что левый фланг будет атакован большими силами и что Багратиону требовалось подкрепление. Оба мнения после этого события кажутся скорее мудрыми, и предложенный Клаузевицем маневр формирования огромного резерва, позволяющий Наполеону оттеснить Багратиона, а затем атаковать его наступающую линию во фланг, кажется довольно рискованным.

Русская линия состояла из четырех участков. Милорадович командовал 2-м и 4-м корпусами и 1-м и 2-м кавалерийскими корпусами; Дохтуров - 6-м корпусом и 3-м кавалерийским корпусом; Горчаков - 7-м и 8-м корпусами и кавалерией Сиверса; а Тучков - 3-м корпусом и московским ополчением. Наконец, Барклай командовал правой половиной линии, Багратион - левой. Такое количество генералов было досадным. Барклай и Багратион направили приказы непосредственно командирам дивизий и бригад.

Точное участие Кутузова в сражении неизвестно: общее впечатление таково, что он предоставил Барклаю и Багратиону руководить передвижениями войск, за исключением нескольких случаев.

Немного сомнительно, что русское командование не имело в виду ничего, кроме простой упорной обороны. Как уже упоминалось, в Бородино был размещен гарнизон, а мост остался нетронутым; и из действий и замечаний Барклая, записанных Левенштерном, следует, что он, по-видимому, планировал контрнаступление справа. Однако энергичность французской атаки в любом случае сделала эту идею, если она и была реализована, бесплодной.

Что касается французских планов, то из приказов Наполеона можно почерпнуть мало информации, которая просто предусматривает простейшим образом сосредоточение батарей и начало пехотных атак, после чего будут даны указания в зависимости от обстоятельств. Понятовский должен был повернуть русских влево по старой московской дороге — задача, для выполнения которой у него не хватало войск. Вероятно, из-за мешающих лесов русские силы на

старой дороге не были оценены в их реальной численности. Даву пытался добиться, чтобы ему позволили совершить сильное фланговое движение, но Наполеон охарактеризовал его как слишком рискованное. Вероятно, его настоящий страх заключался в том, что русские покинут свои позиции под угрозой нападения и таким образом лишат его сражения, которого он так страстно желал. Сражение вылилось во всеобщее наступление основной массы французской армии на линию Бородино-Утица, которая, чтобы противостоять атакам на нее, в конечном счете была укомплектована большей частью русского войска. Несомненно, что Даву был в состоянии угрюмой ярости из-за того, что его совет был отвергнут, а также из-за того факта, что Моран и Жерар были откомандированы из состава 1-го корпуса и на этот день переданы в распоряжение Эжена.

Наполеон определенно был нездоров. Слова о том, что он был простужен, мало что значат для тех, кто не задумывается о том, что простуда может быть очень неприятной. Какой бы ни была точная степень болезни Наполеона, не может быть никаких сомнений в его бездействии, и для столь примечательного обстоятельства должны были быть веские причины. Это была немалая причина, которая могла заставить великого завоевателя во время битвы, от которой зависела его судьба, безучастно лежать на ковре за своей линией фронта.

В течение 6 августа французские саперы соорудили три батарейные позиции перед 1-м, 3-м и 4-м корпусами, каждая на 24 орудия; но они были расположены на слишком большом расстоянии от русской линии и не сыграли никакой роли в сражении.

Ночь с 6-го на 7-е была туманной. Рано утром 7-го, когда войска формировались, полковники зачитали обычное императорское воззвание. Это был краткий и не вдохновляющий документ, который вряд ли сильно поднял настроение мужчин. Де Шамбре говорит, что он был холодно принят. Воззвание Кутузова, которое было зачитано русским войскам после богослужения 6-го числа, было гораздо более эффективной постановкой.

Французская армия располагалась в следующем порядке справа налево. 5-й корпус находился на старой Московской дороге. Даву с дивизиями Фриана, Компана и Дезэ стоял напротив позиции Бороздина и леса к югу от нее. Ней продолжил наступление на Колоцу с дивизиями Ледрю и Разута; остатки вюртембергской дивизии Шелера, теперь сведенной всего в 3 батальона, находились в резерве. К северу от Колоцы, соединяясь с другими войсками с помощью пяти эстакадных мостов, находился Эжен с 4-м корпусом (за вычетом дивизии Пино), дивизиями Морана и Жерара, кавалерийским корпусом Груши и баварскими всадниками Прейзинга.

В тылу у Ней находились 8-й корпус и кавалерия Латур-Мобура. Кавалерийский корпус Нансути поддерживал Даву. Императорская гвардия вместе с кавалерийским корпусом Монбрена, к которому только что присоединилась его легкая дивизия, сформировала общий резерв, ее конечная позиция находилась около захваченного 5-го Шевардинского редута, рядом с которым располагался сам Наполеон.

Около 6 часов утра артиллерия корпуса Даву, быстро поддержанная артиллерией Ней, начала яростную канонаду по левому центру русских. Очень скоро после этого Даву открыл пехотную атаку, послав передовую дивизию Компана против семеновских реданов, в то время как Ней поддержал выдвинутый вперед Ледрю слева от Компана. Русские окопы были настолько

незначительными, что проникнуть внутрь было нетрудно, но удержать их было совсем другим делом. Редан № 2 был захвачен 24-м легионерским и 57-м линейным полками, но Воронцов, атаковавший со своими шестью гренадерскими батальонами, построенными в каре, при поддержке Неверовского и нескольких драгун Сиверса, снова выбил их, и яростный бой разгорелся из-за почти бесполезных земляных укреплений, которые были взяты и отбиты, когда генералы с обеих сторон перебрасывали подкрепления.

Багратион, видя наступающие на него тяжелые массы и опасаясь, что его одолеют, приказал Тучкову отправить дивизию Коновницына (теперь ею командовал Тучков IV, Коновницын состоял в штабе Кутузова) из Утицы. Это подкрепление было необходимо, поскольку к 8 часам Воронцов и Неверовский, более не способные противостоять численному превосходству, были изгнаны из всех трех реданов, причем Воронцов был ранен. Тучков подошел вовремя, чтобы сплотить отступающие батальоны, и Багратион быстро повел новую контратаку, которая увенчалась успехом в восстановлении утраченных позиций, хотя Компанса теперь поддерживал Дезэ. Ужасная "Битва генералов" уже заслужила свое название. Первым был выведен из строя Компанс, затем Дезэ, в то время как Рапп, посланный Наполеоном сменить Компанса, получил четыре ранения примерно за час.

Слева Эжен атаковал Бородино с дивизией Дельзона из 4-го корпуса. Атака была предпринята под прикрытием тумана, который все еще висел над полем, и деревня была захвачена в спешке. Гвардейские егеря потеряли 30 офицеров за четверть часа и в диком замешательстве были оттеснены к Колоце и через нее. Мост был взят, и 106-й французский полк устремился по нему в погоню. Гарнизон был бы уничтожен, если бы не 1-й егерский полк под командованием полковника Карпенко, который поспешил на помощь. Атакованный ими и пораженный огнем орудий Остермана-Толстого с дальнего берега, 106-й полк нес тяжелые потери. Генерал Плаузон был убит, когда пытался сплотить его, и его остатки были отброшены обратно за ручей. Атака Карпенко была остановлена 92-м полком, но ему удалось разрушить мост. Эжен оставил Дельзона наблюдать за Колоцей к северу от деревни, вывел королевскую гвардию в резерв, разместил кавалерию 4-го корпуса и дивизию Преизинга, теперь объединенную под командованием генерала Орнано, для прикрытия левого фланга и повернул дивизию Морана, Жерара и Бруссье при поддержке Груши против Дохтурова и Раевского.

Справа Понятовский без труда захватил Утицу, удерживаемую только аванпостами; но на холме за ней Тучков сосредоточил значительные силы артиллерии при поддержке дивизии Строгонова, в то время как егеря в лесу к северу обрушили фланговый огонь на поляков. Понятовский выставил 40 орудий перед деревней, но они не смогли заставить замолчать артиллерию Тучкова, и в течение нескольких часов действия в этом квартале сводились к канонаде и перестрелкам.

Кутузов, видя, что почти вся французская армия движется против его центра и левого фланга, около 7.30 утра приказал Баггоуфвудту двинуть основную часть своего корпуса на поддержку Багратиона. Но поскольку движение заняло бы некоторое время, а Багратиону, по-видимому, требовалась немедленная поддержка, вперед были отправлены измайловская и литовская гвардии, несколько гренадер и бригада кирасиров, к большому неудовольствию Барклая, который до последнего момента придерживался твердого мнения об истощении резервов. Он поспешил к Кутузову и умолял его не использовать Охрану до тех пор, пока положение не станет

критическим, и Кутузов согласился. Его действия на протяжении большей части сражения, похоже, действительно ограничивались одобрением мер своих лейтенантов.

Даву и Ней, будучи вытеснены из редана, переформировали свои войска для нового штурма. Дивизия Фриана была вызвана на поддержку, а дивизия Тарро из 8-го корпуса была послана Наполеоном вперед против леса на юге, из которого русская легкая пехота вела сильный огонь. Когда вестфальцы начали проникать в лес, положение Багратиона стало критическим, поскольку он был подвержен атакам с фронта и фланга одновременно; но в 9 часов утра на подмогу ему прибыл корпус Баггоуфвудта. Дивизия Евгения была отведена в резерв за Семеновским; два полка Олсуфьева усилили Тучкова IV, в то время как остальные четыре продвинулись в лес и снова выбили вестфальцев оттуда.

Атака на лес, однако, привела к прекращению флангового огня, который раздражал поляков; Понятовский атаковал холм за Утицей и захватил его. Успех был лишь кратковременным. Строгонов собрал свою разбитую дивизию; Тучков I лично повел вперед Павловский гренадерский полк; в то время как Олсуфьев вырвался из леса с двумя полками егерей. Атакованные спереди и с фланга и атакованные Олсуфьевым с тыла, поляки не смогли устоять и были отброшены к Утице. Успех русских был достигнут ценой жизни Тучкова, который был смертельно ранен, когда вел за собой своих grenадер.

Прибытие Баггоуфвудта позволило Багратиону укрепить свою линию обороны против возобновившегося наступления Даву и Нея. Битва на невысоких высотах была неописуемо напряженной и отчаянной. Позади яростно сражающихся масс пехоты маячила кавалерия, атакуя снова и снова, когда представлялась возможность. К 10 часам утра французы снова заняли реданы; и 15-й легерский полк дивизии Фриана пробился к руинам Семеновского. Бороздин, атаковавший с четырьмя гренадерскими полками, снова прогнал их за реданы, но затем был атакован кавалерией Нансути и отброшен назад; и борьба разгорелась еще яростнее, чем когда-либо, поскольку французы еще раз штурмовали реданы, чтобы снова быть отброшенными контратакой дивизии Тучкова IV под командованием Коновницына. Потери и без того были ужасающими. Ромюф, начальник штаба Даву, пал, а с русской стороны генерал Тучков IV, второй из его семьи, погибший за Россию на Бородинском поле.

Эжен, переправившись через Колоцу по временным мостам, разместил батареи на позициях для обстрела Большого Редута и сформировал дивизию Морана напротив дивизии Паскевича, которая удерживала холм. Брусье двинулся вперед, поддерживая Морана слева, в то время как Жерар все еще переправлялся через ручей. Войска Паскевича за пределами редута были настолько разбиты огнем французских батарей, что искали убежища за выступом холма; и генерал Бонами с 30-м линейным полком увидел свой шанс. Продвигаясь вверх по холму, полк сильно пострадал в своем сомкнутом строю, но, тем не менее, бесстрашно продолжал наступление и штурмовал сооружение после яростной схватки с русской пехотой и артиллеристами, которые оказались, как говорит капитан Франсуа, достойными противниками.

Этот внезапный прорыв центра русской линии вызвал немедленную контратаку, в то время как другие полки Морана, по-видимому, были слишком заняты дивизией Коллюбакина, чтобы поддержать Бонами. Барклаю было поспешно отправлено сообщение; но, не дожидаясь приказов, все офицеры на месте немедленно поступили правильно. Ермолов, который был под рукой, подобрал батальон Уфимского полка (дивизия Лихачева), и к нему присоединился полковник Левенштерн, адъютант Барклая, с одним из Томских полков. Лихачев поторопил 19-й

и 40-й егерские полки. Васильчиков быстро развернул батальон дивизии Колюбакина против потерянного редута, и Паскевич, сплотив свою разбитую дивизию, снова двинулся вперед. Импровизированная атака была полностью успешной. Оставшись без поддержки, за исключением одного батальона 13-го Легионерского, доблестный 30-й был потерян. Редут был отбит, а Бонами, тяжело раненный, взят в плен. Когда остатки полка устремились вниз по холму, на место происшествия прибыл Барклай и выпустил бригаду драгун Крейца. 30-й был почти полностью уничтожен, только 11 офицеров и 257 рядовых смогли сплотиться. Русские не остались невредимыми. Граф Кутайсов был убит, когда возглавлял атаку вместе с Ермоловым, а последний был ранен. Чтобы прикрыть отход остатков 30-го полка, Эжен сосредоточил мощный артиллерийский огонь на редуте, в ходе которого Барклай заменил разбитую дивизию Паскевича дивизией Лихачева.

Большой Редут был отбит около 11 часов утра, и в то же время Ней, Даву и Мюрат предприняли последнюю решительную атаку на позиции Багратиона около Семеновского. В бой были брошены последние резервы 1-го и 3-го корпусов; Наполеон послал остальную часть 8-го корпуса; позади пехоты располагались корпуса Нансути и Латур-Мобура и корпусная кавалерия, и атака была прикрыта огнем более чем 250 орудий.

Этот последний штурм французы и немцы предприняли с великолепным мужеством. Под яростным огнем русской артиллерии и ружейного огня атакующие колонны упорно продвигались вперед. Вид их наступления вызвал у Багратиона великодушное восхищение. Полагая, что артиллерийским и пехотным огнем его не остановить, он решил перейти в контратаку и послал вперед все имеющиеся в наличии батальоны. И снова противоборствующие силы сошлись в смертельной схватке — французы, русские и крепкие немцы, испанцы и португальцы вступили в чужую ссору, сражаясь насмерть вокруг окровавленных заброшенных реданов. Кавалерия участвовала в конфликте, отдельные полки и эскадроны наносили удары при любой возможности. Багратион был тяжело ранен в ногу; и Левенштерн рассказывает, как он нашел его лежащим среди своего штаба за линией фронта, в то время как сэр Джеймс Уайли, хирург Александра, осматривал его рану. Он спросил Левенштерна: “Как дела с Барклаем? Скажите ему, что безопасность армии зависит от него. В настоящее время здесь все идет хорошо”, — а затем, увидев, что Левенштерн сам был ранен, он любезно добавил: “Перевяжите себя”. Этот штрих помогает понять личное восхищение, которое Багратион, несомненно, вызывал почти у всех, кто соприкасался с ним; и несомненно, что его падение привело к серьезному ослаблению мощи обороны. Еще раз упрямые русские были отброшены от реданов и прошли Семеновское; и на этот раз им не суждено было вернуть утраченные позиции.

После ранения Багратиона временное командование перешло к храброму солдату Коновницину; но он был не в состоянии остановить отступление, которое теперь определенно началось. Все оборонявшиеся силы отступили к Царево, и Мюрат бросил на него огромные массы своей кавалерии. Тем не менее, по-видимому, не было никаких признаков деморализации и почти не было настоящего беспорядка; и, хотя русская пехота явно потерпела поражение, она оказывала отчаянное сопротивление. Позади Семеновского измайловская и литовская гвардия, которые еще не участвовали в серьезных боях, были выстроены в каре; и их сильный огонь остановил продвижение французской кавалерии. Мюрат подтянул несколько батарей, которые открыли по ним огонь, в то время как в перерывах между канонадой корпус Латура-Мобура атаковал их разбитые батальоны. Гвардейцы страшно пострадали, но сомкнули

свои ряды и стойко держались, отразив три атаки саксонских кирасиров, которые были почти уничтожены. Однако оба полка, должно быть, тоже были уничтожены, но Бороздин II пришел им на помощь с кирасирской бригадой, остановив французских всадников контратаками и позволив гвардейцам последовать за ними в отступлении, оставив свои позиции очерченными квадратами убитых и умирающих.

В тылу Семеновской земля была покрыта сражающимися ордами пехоты и кавалерии. Из неразберихи, наконец, возник какой-то порядок, русские заняли позиции вдоль плато Царево, прикрываемые огнем батарей из резерва, в то время как Даву и Ней перестроились перед Семеновским. Даву получил четыре удара, но отказался покинуть поле боя, хотя и был вынужден отступить на короткое время, в течение которого Ней и Мюрат осуществляли командование. Король Неаполя вел себя со всей своей обычной безрассудной храбростью, и барон Лежен с восхищением отзывается о великолепной фигуре, которую представлял Ней, когда он руководил сражением с парашюта редана. А с другой стороны, Барклай, теперь практически единолично командовавший русской армией, подавал пример не менее героический, очевидно, желая встретить свою смерть на Бородинском поле. По мере того как напряжение битвы росло, русские генералы по большей части скрывали знаки отличия, которые делали их заметными; нетак было с оклеветанным военным министром, который встретил бурю в парадной форме и со всеми своими наградами. Невозможно не оценить героический порыв, который побудил его, подобно Нельсону и многим другим пламенным духом, пойти навстречу смерти, украшенной значками, добытыми на поле чести. Почти весь его персонал был убит или ранен, а под ним были подстрелены две лошади, но он отделался малейшим ранением.

МАРШАЛ Ней,
командующий 3-м французским армейским корпусом. Герой отступления
По картине Ланглуа в Версале

Увидев, что линия Багратиона прорвана, Кутузов приказал 4-му корпусу также подтянуться к центру. К полудню положение русских стало необычным. Дохтуров справа и Тучков слева все еще стояли лицом к лицу с французами почти на своих старых позициях, в то время как остальная армия растянулась выпуклым кольцом между ними. Следующей целью Наполеона было оттеснить Дохтурова и Тучкова, и он уже собирался отдать приказ выдвинуть вперед часть своей гвардии, когда, по-видимому, вскоре после полудня получил разведданные, что его левый фланг подвергается атаке.

В начале дня Платов, произведя рекогносцировку справа, убедился, что французских войск к северу от Колоцы сравнительно немного, и предложил главнокомандующему атаковать их кавалерией во фланг и тыл. Кутузов согласился и для этой цели выделил кавалерийский корпус Уварова,^[6] численностью около 3500 сабель. Клаузевиц, который в то время работал в штабе Уварова, резко критикует это движение. Конечно, 3500 регулярных и 4000 иррегулярных всадников сами по себе не могли бы оказать большого эффекта; но несколько трудно согласиться с его мнением, что отряд корпуса Уварова был опрометчивым ослаблением линии

фронта. С ним легче согласиться, когда он говорит, что движение было произведено слишком рано в тот день. Уваров, однако, двигался очень медленно и пересек Колоцу только после одиннадцати. Около 11.30 он подошел к Войне (небольшому ручью, впадающему в Колоцу у Бородино) в Безубово, примерно в полутора милях от бывшей деревни. На русской стороне ручья стояли кавалерийская бригада Гийона и полк итальянской гвардии, которые отступили за мельничную плотину под огнем артиллерии Уварова, чтобы присоединиться к остальной гвардии и дивизии Дельзона, занявшей Бородино. Теперь подошел Платов, и его дикие всадники бросились через брод в гущу итальянской пехоты, за ними, без приказа, последовали гвардейские казаки, которые понесли большие потери, атакуя каре. Уваров, однако, не стал рисковать своими регулярными войсками, остановился, послал за приказами и, наконец, отступил. Комментарий Клаузевица заключается в том, что он был не тем человеком, который возглавил бы такую атаку. Левенштерн злится на его медлительность и нерешительность. Несомненно, с более смелым командиром можно было бы добиться большего. Тем не менее, его слабая диверсия привела Эжена обратно через Колоцу с дивизией Бруссье и задержала наступление на Большой Редут. Наконец он удалился около трех часов дня, но до этого Эжен вернулся через Колоцу.

Все это время продолжалась огромная и беспрецедентная канонада. Между Бородино и Утицей действовало около 900 орудий. Большой Редут подвергался яростной бомбардировке артиллерией Эжена, в то время как батареи Нея вели по нему с юга сходящийся огонь. Для штурма Эжен выделил дивизию Жерара, до сих пор слабо сражавшуюся, в то время как Моран и Бруссье поддерживали ее; и Наполеон приказал Монбрёну со своими кирасирскими дивизиями атаковать русскую линию справа от Жерара. Монбрён был убит, когда вел вперед своих людей, и генерал Коленкур, брат герцога Виченцкого, поспешно прибыл от императора, чтобы принять командование. “Не прекращайте оплакивать!” - сказал он помощникам погибшего генерала. “Следуйте и отомстите за него!” Масса закованных в кольчуги всадников прорвала линию русских к югу от редута, повернула влево и с грохотом обрушилась на их тыл как раз в тот момент, когда пехота Эжена достигла его спереди. Для четырех полков дивизии Лихачева, удерживавших его, спасения не было — по крайней мере, для большей части. Некоторым из тех, кто был снаружи, удалось спастись, но те, кто находился внутри, оказались в ловушке и, оказав отчаянное сопротивление атакующим спереди и сзади, почти все были изрублены на куски. Лихачев, который был очень болен, бросился к нападавшим и почти нашел смерть, которой искал, когда несколько французских солдат, привлеченных его знаками отличия, взяли его в плен, тяжело раненого. Коленкур был сражен во главе победоносной атаки своих кирасиров — еще одна жертва роковой “Битвы генералов”.

Взятие редута пробило огромную брешь в русской линии, через которую хлынула кавалерия Эжена и Груши, чтобы довершить победу. Против них Барклай бросил всю кавалерию, которая была у него под рукой, — 2-й и 3-й кавалерийские корпуса и гвардейских кирасиров, — лично возглавив более одной атаки, в то время как корпусу Остермана-Толстого, поддержанному еще не задействованными частями 5-го корпуса, было приказано контратаковать в направлении Семеновского. Остерман-Толстой, как он показал в Островно, был неподходящим человеком для экстренной ситуации; Левенштерн говорит, что он, казалось, полностью потерял голову. Он продвигался вперед так медленно, что Ней, Даву и Мюрат успели подготовиться к его приему. Французская пехота была почти выбита; кавалерия буквально “истекала пеной”, пытаясь сломить сопротивление упрямой русской пехоты; огонь русской артиллерии был таким же устойчивым и эффективным, как и прежде. Маршалы снова и снова посылали за какой-нибудь

частью гвардии, чтобы поддержать своих измученных людей, но Наполеон отказывался рисковать. Русские авторы выражают удивление его осторожностью. Все, что он мог сделать, это послать вперед резерв тяжелой артиллерии под командованием графа Сорбье. Сорбье выругался в адрес Лежена, который отдал приказ наступать. “Я должен был получить это еще час назад!” - таков был его комментарий.

Маршалы собрали 80 орудий, чтобы отразить наступление русских; и когда подошел Сорбье, 4-й корпус был поражен сокрушительной канонадой, противостоять которой он не мог. Потери были ужасны. Генералу Бахметьеву оторвало ногу; сам Остерман-Толстой и несколько его сотрудников были ранены. Поддерживающая кавалерия атаковала с великолепной отвагой, и некоторые из них действительно вернулись в Семеновские реданы. Все было напрасно. Батарея Сорбье повернула чашу весов против русских, и примерно к 4 часам они были в полном отступлении. Пехота и кавалерия с обеих сторон были изрядно потрепаны, и борьба поддерживалась только артиллерией, за исключением крайнего левого фланга русской линии, где отряд Тучкова, которым теперь командовал Баггоуфвудт, был практически изолирован. Польскому корпусу, поддержанному вестфальцами слева, удалось около 5 часов вечера овладеть холмом Утица, а Баггоуфвудт, все еще преграждавший дорогу, отступил в линию с центром и ушел влево. Последний всплеск враждебности произошел под Семеновском, где финские гвардейцы отразили наступление нескольких французских батальонов, а затем сражение затихло в стихающей канонаде, пока густой туман милосердной пеленой не скрыл ужасную сцену резни. Русская линия, реформированная Барклаем, тянулась от Горки вдоль края Царевского плато до старой Московской дороги. Четыре егерских полка под командованием полковника Потемкина находились справа вместе с казаками Платова. Остатки корпуса Дохтурова при поддержке Уварова удерживали Горки. Следующим шел корпус Остермана-Толстого; и оттуда Раевский и Бороздин с дивизиями принца Евгения и Шаковски (покойного Тучкова IV) продолжили линию к позиции Баггоуфвудта. Кавалерия находилась в тылу, а 5-й корпус - в резерве за центром. Французы расположились напротив Дельзона и Леччи к северу от Колоцы, а к югу от реки - 4-й, 3-й, 1-й, 8-й и 5-й корпуса последовательно от Бородино через Семеновское до точки примерно в 1200 ярдах к востоку от Утицы.

Очевидцы с российской стороны сходятся во мнении, что дух русских не был сломлен и что в рядах не было особого замешательства. Левенштерн говорит, что он предложил атаковать Большой редут на рассвете, и Барклай одобрил это. Однако Кутузов, узнав о масштабах резни в своей армии, решил отступить. Совершенно очевидно, что он должен был отступить через день или два, поскольку у него не было резервов, в то время как у Наполеона было 11 000 свежих войск (Лаборд и Пино), приближавшихся к полю боя. Барклай, однако, был сильно разгневан; и когда он получил приказ отступить, разразился яростной бранью против Бенигсена, влиянию которого он приписывал решение Кутузова.

Под покровом темноты русская армия тихо отступила и 8-го числа заняла позицию перед Можайском. Отступление было эффективно прикрыто казаками, которые проявили большую дерзость и в ночь с 7-го на 8-е неоднократно беспокоили французские бивуаки. Французская кавалерия, разбитая и измотанная, мало что могла сделать или вообще ничего не могла, и русские оставались в течение всего 8-го числа в Можайске, используя это время для реорганизации и эвакуации в направлении Москвы как можно большего числа своих раненых. Тем не менее многие были брошены на неизбежную смерть на поле боя, и еще тысячи были

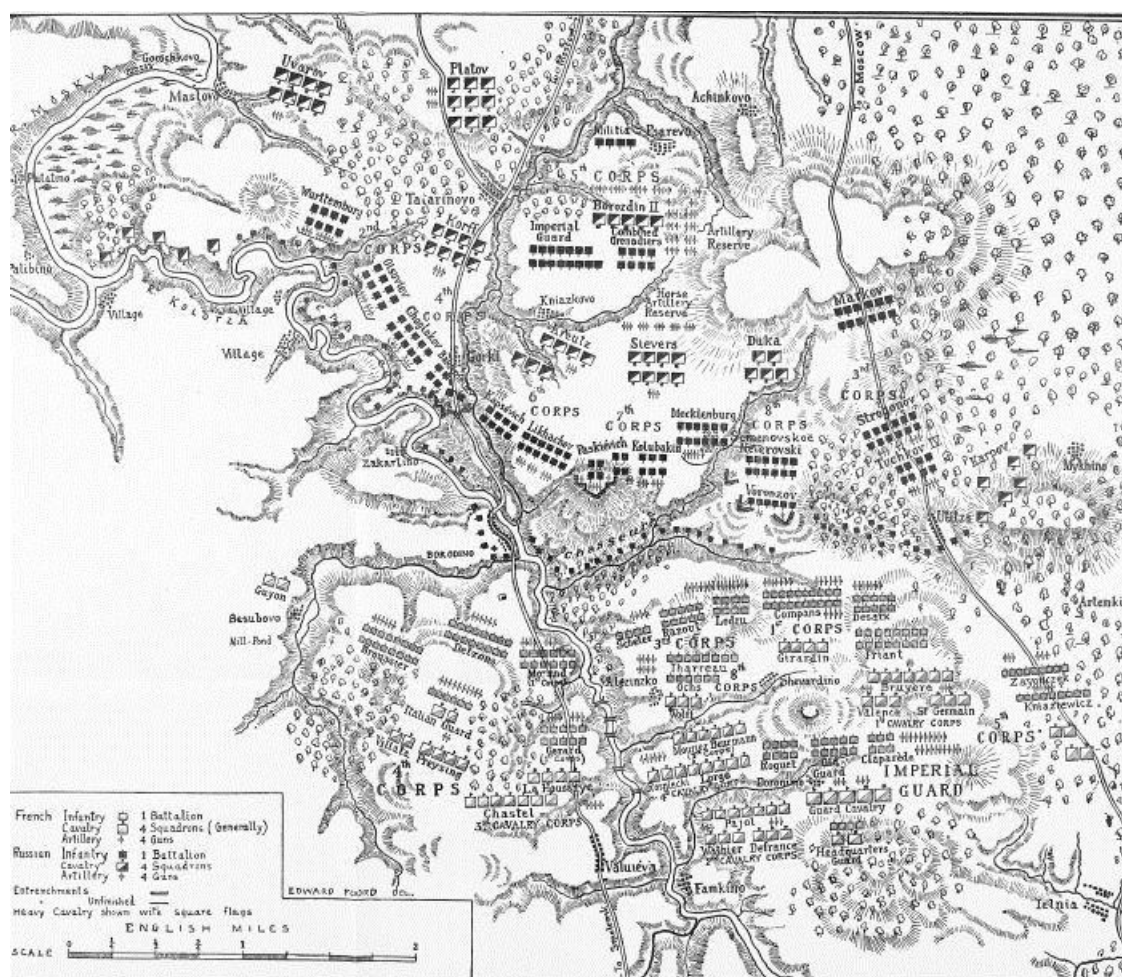
брошены под Можайском на милость французов, которые, сами находясь в крайне тяжелом положении, просто бросили их умирать в нищете на полях сражений.

Об основных тактиках Бородинского сражения можно сказать немного. Наполеон намеренно решил предпринять лобовую атаку на русскую армию вместо того, чтобы поворачивать ее; и в практическом отсутствии его личного руководства сражение едва не разыгралось само собой. Идея воспользоваться расширением российских правых сил путем подавления левых была превосходной. Это было сорвано решительным сопротивлением Багратиона, которое позволило перебросить корпус Баггоуфвудта ему на подмогу. Со стороны русских силовое занятие позиций к северу от новой дороги оказалось ошибкой, которую поразительная стойкость русского сопротивления позволила генералам вовремя исправить.

Что касается того, что часто считается фатальной ошибкой Наполеона, когда он не ввел гвардию, то очень сомнительно, было ли это вообще ошибкой. Следует помнить, что войска Нея и Даву были почти, если не совсем, разгромлены, что русские все еще были сплочены и недеморализованы и удерживали позицию, столь же прочную, как та, с которой они были вытеснены; и что у Кутузова все еще оставались некоторые почти нетронутые резервы. Победа гвардии была бы нелегкой, и Наполеон, вероятно, был прав, когда отказался подвергать ее серьезным и, возможно, фатальным потерям. Он знал, что русские не были ни разбиты, ни в беспорядке; и если они снова будут сражаться ближе к Москве, ему все еще может понадобиться его Охрана. Он находился в 1200 милях от границы своих владений, и в случае катастрофы все должно было зависеть от него.

О второстепенной тактике говорить не стоит. С обеих сторон она была грубой и расточительной. На французской стороне не хватало пехоты, и кавалерия свободно использовалась для ее пополнения, в результате чего она была наполовину уничтожена. Пехотные порядки были плотными и неуклюжими, это был случай столкновения тяжелой массы с тяжелой массой, когда кавалерия смешалась в ближнем бою, и все это под огнем тысячи или более артиллерийских орудий. Неудивительно, что потери были беспрецедентными с обеих сторон.

Наполеон оценил свой проигрыш в 10 000 долларов. Французские авторы признают подозрительно круглую цифру в 28 000 — 6547 убитых и 21 453 раненых, — но списки Мартиньена показывают 49 генералов и 1934 офицера убитыми и ранеными, и даже с учетом того факта, что многие из боеспособных теперь были невелики, а доля офицеров среди рядового состава, следовательно, выше, чем обычно, это вряд ли может означать менее 43 000 жертв. Даже войска, которые так и не были отправлены вперед, несколько пострадали от канонады.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (7 сентября 1812 г.)

Потери Первой русской армии с 4 по 7 сентября, по словам Богдановича, составили 9252 убитых и 19 226 раненых. Численность Второй армии, возможно, может быть оценена в 12 000 человек, поскольку она насчитывала всего 54 батальона и 52 эскадрона против 122 батальонов и 112 эскадронов Баркля. Добавляя потери ополчения, в общей сложности получается, возможно, 41 000 или 42 000 человек. Сэр Роберт Уилсон оценивает их в 1500 офицеров и 36 000 солдат. Бутурлин сообщает о 15 000 убитых и 30 000 раненых.

Пленных было немного — возможно, 1000 или 1200 французов и 2000 русских. Оценки количества захваченного оружия несколько расплывчаты. Официальная цифра Кутузова о французских пушках, захваченных и унесенных русскими, равна 8. Конечно, могли быть выведены из строя и другие. Русские, похоже, потеряли в общей сложности около 18 человек.

Сражение на Бородинском поле вряд ли можно охарактеризовать иначе, как сражение вничью. Наполеон немного продвинулся вперед, но русская армия была не сломлена и, по-видимому, вполне готова возобновить сражение на следующий день. В стратегическом плане французы, по-видимому, добились небольшого успеха, поскольку смогли продолжить свое наступление на Москву. С другой стороны, сражение, погубившее кавалерию и серьезно потрепавшее пехоту, заметно приблизило окончательную гибель. Возможно, его самым примечательным результатом стала степень, до которой был подорван моральный дух наполеоновской армии.

СНОСКИ:

[5] В этом нет абсолютной уверенности, но, похоже, это подтверждается заявлениями очевидцев кампании. Де Фезенсак, например, говорит, что 3-й корпус еще не исчерпал свои запасы, когда вошел в Москву.

[6] Всего у Уварова было 32 эскадрильи.

ГЛАВА VIII

ОККУПАЦИЯ И РАЗРУШЕНИЕ МОСКВЫ

Утро 8 сентября застало армию Наполеона разбитой бивуаком среди убитых и раненых на Бородинском поле. Только гвардия была по-настоящему готова к дальнейшим боям. Корпуса Даву и Нея были ужасно потрепаны; 17-й, 30-й и 106-й полки были почти уничтожены. Кавалерия, которая должна была компенсировать сравнительную слабость пехоты Наполеона, сильно пострадала. Почти все командиры корпусов и дивизий были убиты или ранены; несколько полков были практически уничтожены. Четыре резервных корпуса насчитывали 2 сентября около 19 000 человек; 20 сентября они могли собрать немногим более 10 000 человек. Тысячи лошадей были убиты, и в настоящее время не было никакой возможности заменить их, в то время как раненые животные в основном были обречены на гибель из-за отсутствия корма и надлежащего ухода. Только гвардейская кавалерия была в состоянии вести серьезный бой.

Судьба раненых была ужасной. Не хватало всевозможных средств для ухода за ними, и счастливыми были те, чей конец был ускорен неизлечимостью их ран или жаждой и голодом. Прошло несколько дней, прежде чем всем была оказана хотя бы первая помощь; и это было только началом их страданий. Великий Колоцкий монастырь стал главным госпиталем, и в его зданиях жертвы Бородино ютились буквально кучами, без постелей даже из соломы, без еды или огня и без десятой доли необходимой медицинской помощи. Некоторым раненым офицерам удавалось покупать еду по огромным ценам у автоколонн, проходивших мимо этих притонов ужаса; но для несчастных рядовых, у которых было мало денег или их вообще не было, надежды не было. Санитарии там не было никакой, и несчастные умирали тысячами среди грязи, чумы и пренебрежения. Франсуа говорит, что в одном госпитале был найден мертвый офицер, который в агонии голода *обглодал собственную руку до кости*. Даже касаться этих отвратительных подробностей - болезненная задача, но не сделать этого - значит пренебречь первостепенной обязанностью историка.

Помимо огромного уменьшения действительной численности, состояние эшелонов с боеприпасами ни в коей мере не внушало оптимизма. Есть основания полагать, что артиллерия произвела 90 000 выстрелов в течение 5-го и 7-го февраля; пехота, должно быть, израсходовала миллионы патронов. Несомненно, что сразу после Бородино Наполеон с тревогой требовал свежих запасов боеприпасов; и сомнительно, что он смог бы дать еще одно серьезное сражение до их прибытия.

Хуже всего было то, что дух войск был прискорбно подавлен. Веселость, которая обычно характеризует французов даже в неблагоприятных обстоятельствах, исчезла. Мрачное молчание царило во время марша и на бивуаках. Отрицательные результаты великого сражения довершили уныние войск. Французские солдаты, во всяком случае, были слишком умны, чтобы не иметь ни малейшего представления о бедствиях, которые с большой вероятностью могли их ожидать.

В целом Кутузов, возможно, дольше оставался бы на поле битвы. Однако, вероятно, что его отход в Можайск был мудрым. Он нанес огромный удар по эффективности и моральному духу армии Наполеона, но при этом его собственные силы были страшно разбиты. Если бы он остался на позиции, обстоятельства могли бы заставить Наполеона использовать почти нетронутую гвардию и таким образом в последний момент вырвать победу у хмурой Фортуны.

Когда солнце рассеяло осенний туман, окутавший поле боя, стало видно, что русские позиции охраняются только парящими *пулеметами* казаков Платова. Против них Мюрат двинул столько своих измученных всадников, сколько смог собрать; и перед наступлением регулярных эскадронов всадники отступили. Позади них, однако, была поддержка пехоты — четырех егерских полков 2-го корпуса. Они отступали очень медленно и достигли Можайска только в 4 часа дня. К тому времени большое количество русских раненых уже было эвакуировано. Город, однако, все еще был переполнен инвалидами, многие из которых были в состоянии быть перемещенными, и для прикрытия этой операции Кутузов приказал Платову удерживать ее как можно дольше. Основные силы русских находились на позиции позади него.

Наполеон, как только убедился, что русские действительно отступили, приказал Мюрату ускорить их отступление. У короля, как и прежде, были четыре резервных кавалерийских корпуса и легкая кавалерия Нея и Даву — в общей сложности теперь не более 14 000 копий и сабель, — но разбитая дивизия Компана была заменена дивизией Дюфура (*вице* Фриан был ранен). Император, по-видимому, сначала поверил, что Кутузов полностью отступил, а главный обоз был направлен на Можайск; но Мюрат, как уже говорилось, почти не продвинулся против Платова; и главный обоз не мог быть переведен. Беспорядочные перестрелки и канонада продолжались до наступления ночи, когда Платов все еще владел Можайском.

Твердый фронт, продемонстрированный Платовым, должно быть, убедил Наполеона в том, что дух русских не сломен. Часть дня он провел, осматривая поле боя, осматривая позиции и производя смотр войскам в соответствии со своим обычаем. Во второй половине дня он отправился вперед, чтобы присоединиться к Мюрату, и по дороге получил еще одно неприятное напоминание о неослабевающей храбрости его врагов, о том, что казаки загнали нескольких фуражиров и подняли тревогу. Однако в этот день прибыло столь необходимое подкрепление в виде итальянской дивизии Пино.

Около 10 часов утра 9-го числа Мюрат яростно атаковал Платова, изгнал его и погнал по московской дороге. Преследование Мюрата было остановлено подкреплением в двенадцать батальонов и тяжелой батареей, отправленной обратно Кутузовым, но Можайск был потерян, и Наполеон перенес туда свою штаб-квартиру. Несколько тысяч наиболее тяжело раненых из числа русских раненых все еще находились там; и были ужасные сцены, когда их выбрасывали из домов для тех солдат французской армии, которые в экипажах и повозках или тащились пешком, тянулись жалкой процессией в тылу передовых войск. Основные силы русских намеренно отошли к Семлино (или Шелковке) примерно в 12 милях к востоку от Можайска.

Сам Наполеон оставался в Можайске три дня, оправляясь от простуды и улаживая просроченные дела. Уже 27 августа он отправил Виктору приказ вывести 9-й корпус с Немана к Смоленску; а из Можайска для него были отправлены свежие указания. Из Можайска также был отправлен бюллетень, извещающий о Бородинском сражении. Поскольку простуда лишила его дара речи, Наполеон написал это собственноручно; и, будучи в лучшем случае отвратительным писателем, результат можно себе представить. Французские потери указаны в нем в 10 000 человек. Это, согласно обычному стандарту Наполеона, означало бы от 40 000 до 50 000 жертв.

Тем временем русская армия все еще неуклонно отступала по большой дороге на Москву, и Мюрат намеренно следовал за ней. Эжен, как и прежде, двинулся на север по тропе, идущей примерно параллельно главной дороге мимо городов Руса и Звенигород, в то время как Понятовский сформировал охрану правого фланга на юге. Жюно остался в Бородино и Колоцкой для охраны госпиталей. В поддержку Мюрата выступил Мортье с дивизиями Рогэ и Клапареда; а за ним Даву и Ней в названном порядке.

Кутузов был недоволен Платовым за то, что тот, по его мнению, преждевременно оставил Можайск, и заменил его в командовании арьергардом Милорадовичем. 10-го числа главные силы русских совершили еще один преднамеренный марш протяженностью около 8 миль, в то время как Милорадович готовился к бою у Крымского, примерно в 3 милях от вечерней позиции Кутузова. Его силы состояли из шести слабых егерских полков, четырех линейных полков, почти нетронутой кавалерийской дивизии Уварова и нескольких казаков. Он занимал низкий, частично поросший лесом горный хребет; слева от него было болото, справа - лес, в то время как в центре большая дорога подходила к гребню по узкому оврагу, над которым господствовали русские орудия. Клаузевиц, однако, присутствовавший при этом, не считает, что позиция была особенно выгодной. Двадцать обороняющихся батальонов вряд ли насчитывали более 6000 штыков. Мюрат подошел к 5 часам вечера и предпринял ожесточенную атаку дивизии Дюфура справа от позиции, обороняемой тремя егерскими полками под командованием полковника Потемкина. После упорной борьбы Потемкин был вынужден отступить с вершины хребта, но он стойко держался при поддержке трех полков, посланных ему на подмогу Милорадовичем. Всадникам Уварова удалось сдержать разбитые полки Мюрата, и русские упорно сражались до тех пор, пока темнота не положила конец сражению. Российские потери оцениваются, вероятно, с некоторым преувеличением, в 2000 человек. Поскольку списки Мартиньена показывают 71 офицера убитыми и ранеными в период с 8-го по 10-е число, французы вряд ли потеряли меньше 1200 человек.

11-го числа основные силы русской армии прошли 16 миль до Вяземы (Вязьма на современных картах). Милорадович удалился в Кубинский, в 8 милях от Крымского, не преследуемый Мюратом. Эжен и Понятовски были почти вровень с Мюратом на севере и юге, Мортье и Даву на некотором расстоянии позади, а Ней совсем недалеко от Можайска. 12-го Кутузов отступил к Момоново, всего в десяти милях от Москвы, в то время как Милорадович отступил к Малой Вяземе, в 12 милях к западу, неторопливо сопровождаемый Мюратом. В тот же день Наполеон выехал из Можайска на фронт.

МОСКВА С ВОРОБЬЕВЫХ ГОР

Это практически та сцена, которую созерцал Наполеон в 1812 году

Вопрос о судьбе Москвы теперь был неизбежен. По крайней мере, возможно, что Кутузов рискнул бы дать еще одно сражение, если бы была реальная перспектива успеха. Но нельзя сказать, что так оно и было на самом деле. На всем пути от Можайска ополчение неуклонно пополнялось, но даже при этом армия насчитывала менее 90 000 человек, и из них только 65 000 были регулярными, по сравнению с более чем 90 000, все еще находившимися под рукой Наполеона. Многие ополченцы еще не были вооружены огнестрельным оружием, и все они были необученными. Кутузов не мог ожидать дальнейшего подкрепления регулярных войск в течение нескольких недель, в то время как к Наполеону в течение десяти дней должна была присоединиться дивизия Лаборда, а также некоторые *маршевые части*. О неисправном состоянии своей амуниции Кутузов не знал. Дух русских войск действительно был превосходным, но против него выступил величайший военный гений современности, поддержанный армией, действительно уставшей и отчасти сильно обескураженной, но еще не деморализованной, и включавшей 20 000 нетронутых и не утративших мужества ветеранов.

10 июня граф Федор Васильевич Ростопчин, бывший фаворит и доверенное лицо злополучного императора Павла и фанатичный противник союза с Францией, был назначен генерал-губернатором Москвы. Следует подвергнуть сомнению, подходил ли он для своей должности. Не похоже, что было сделано что-либо для организации и вооружения жителей или укрепления города. Тем не менее, идея оставить Москву привела Ростопчина в ярость. По словам Уилсона, он так и не простил Кутузова за то, что тот держал его в неведении о критическом положении дел.

На самом деле он должен был знать, что следовало ожидать эвакуации из города; и он, по-видимому, неуклонно очищал его, насколько это было возможно, от жителей. Это было тем более осуществимо, что летом Москва была значительно менее населена, чем зимой, поскольку дворяне и их большие семьи, состоящие из крепостных и слуг, отсутствовали в своих поместьях.

В остальном губернатор, который не был солдатом, похоже, хорошо продумал множество довольно диких планов сопротивления. Было бы вполне осуществимо защищать Москву 90-тысячными войсками Кутузова, но тем самым ее разрушение стало бы неизбежным. Что касается проекта Ростопчина по вооружению жителей, то несомненно, что те мушкеты, которые имелись в наличии, были устаревшими и плохого качества. В остальном 200 000 человек не могут покинуть свои дома за один день, и поскольку французы обнаружили, что город практически опустел, очевидно, что массовый исход москвичей продолжался уже давно.

13-го числа русские отступили к Филям и заняли позицию на восточной стороне Москвы, выбранную Беннигсеном, который восхваляет ее в своих мемуарах, говоря, что ее единственным недостатком было то, что она была довольно длинной. По прибытии Барклай приступил к осмотру, в то время как Кутузов, который плохо переносил усталость от кампании, отдыхал. Дохтуров, в котором, очевидно, чувствовалась нотка придворного, принялся накрывать ему на стол, но небольшой пикник был быстро прерван полковником Левенштерном, спросившим о Дохтурове, с которым Барклай хотел посоветоваться.

“Как обычно!” - сказал Барклай, выпроваживая Левенштерна. “Вот они все, ухаживают за принцем и не беспокоятся о том, что *они* (французы) могут сделать. Позовите сюда Дохтурова, даже если у него все еще набит рот.

Кутузову, по-видимому, доставляло удовольствие разочарование Дохтурова, которого прервали таким образом. “Вы не должны заставлять генерала Барклая ждать”, - заметил он. “Я прекрасно справлюсь сам”, - и с этими словами приступил к трапезе, в то время как бедный Дохтуров был вынужден уйти. Барклай и он сам изучили позицию и пришли к выводу, что она была слишком слабой.

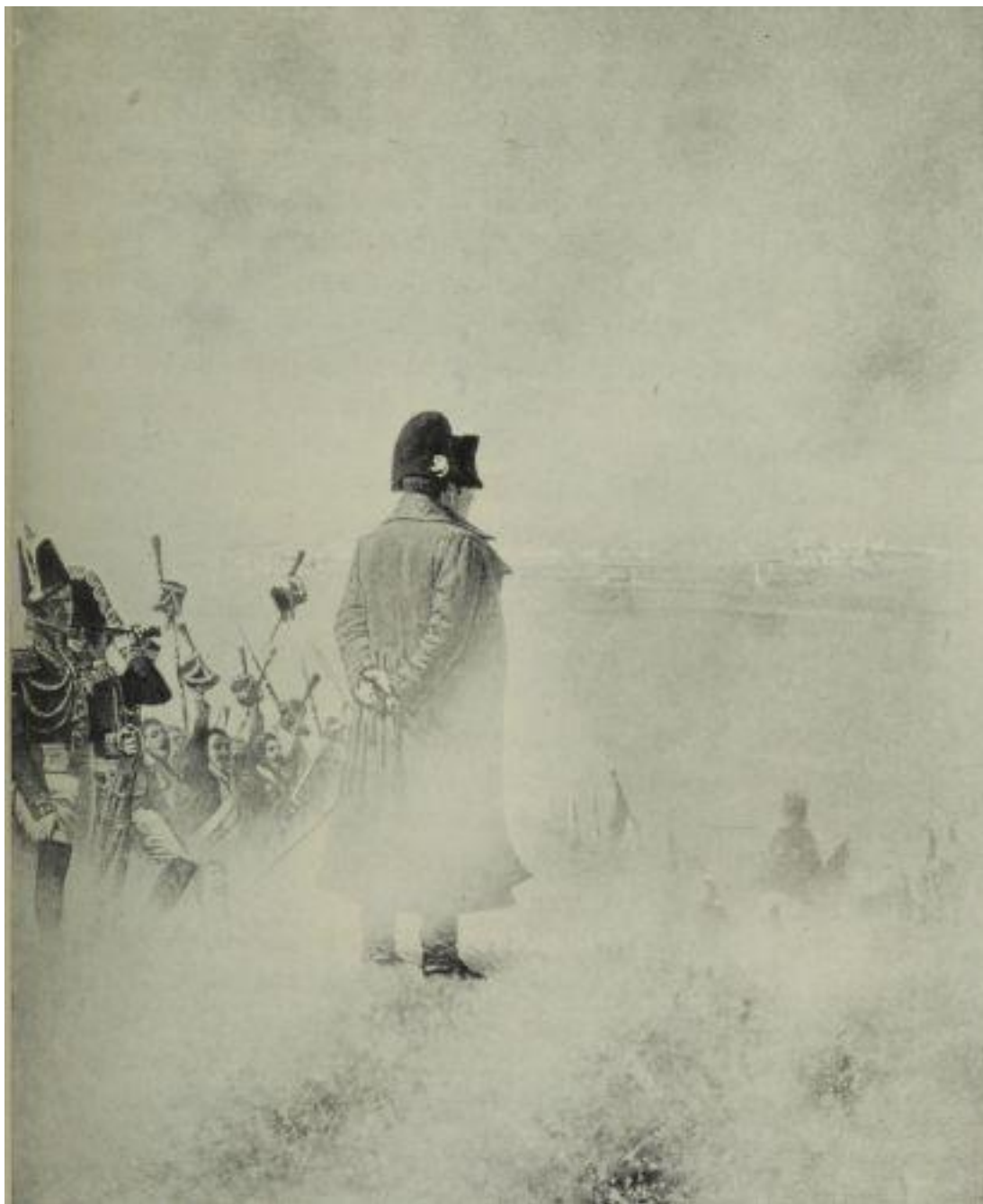
На четыре часа пополудни был созван военный совет. Беннигсен, все еще занятый осмотром позиции, заставил других генералов ждать до шести. Присутствовали Кутузов, Барклай, Беннигсен, Дохтуров, Коновницын, Раевский, Уваров, Остерман-Толстой, Ермолов, Толль и, позже, Платов. Беннигсен открыл дискуссию вопросом, что лучше - дать сражение или оставить столицу. Кутузов прервал его, указав, что речь идет не о Москве, а о спасении всей России и что это явно зависит от сохранения армии.

Барклай решительно поддержал Кутузова, за ним последовали Раевский, Коновницын и Остерман-Толстой. В остальном Барклай, по-видимому, не очень верил в способность русских войск, разбавленных ополчением, к маневрам. Когда с ним сошлись такие боевые генералы, как Раевский и Коновницын, вопрос был практически решен. Согласно Беннигсену, его поддержали Дохтуров и Платов; но его утверждение о том, что за него проголосовали Коновницын и Ермолов, в другом месте опровергается. На его предложение дать бой Остерман-Толстой ответил прямым вопросом о том, готов ли он отвечать за победу. Беннигсен уклонился от этого неловкого вопроса; но Кутузов, который, возможно, уже принял решение, завершил дискуссию, приняв решение об отступлении. Что касается его направления, Барклай, по-видимому, считал, что оно должно быть на восток, на Владимир и Нижний Новгород; но Толль, больше думавший о снабжении, предложил отступить в направлении Калуги. Прямое отступление в последнем месте подвергло бы армию одной из страшных фланговых атак Наполеона. Стратегически предложение Барклая было достаточно здравым, хотя, возможно, и чрезмерно осторожным. Клаузевиц указывает, что наступательная мощь Наполеона была исчерпана и что он едва ли мог продолжать наступление.

Кутузов решил, что линия отступления должна проходить через Коломну на Рязани, таким образом, промежуточная между линией, предложенной Барклаем, и линией, предложенной Толлем. Взяв его, мы не получили возможности атаковать с фланга; и было бы легко совершить маневр на любом фланге, если бы представился случай. Армейский комиссариат был бы обеспечен, поскольку за его спиной были бы плодородные провинции с “Черной почвой”; и, кроме того, он был бы легко связан с оружейными заводами в Туле и других местах. Поэтому был отдан приказ об отступлении армии по Коломенской дороге. Бенигсен был крайне недоволен и выразил свое неудовольствие тем, что покинул совет. Он приписал это Барклаю, и их отношения, и без того натянутые, стали еще более враждебными, чем когда-либо.

Не может быть сомнения, что Кутузов и Барклай были правы в своем решении отступить, но сделать это было нелегко. Кутузов был сильно взволнован; он провел бессонную ночь, и не раз было видно, как по его щекам катятся слезы. Пожалуй, ни один англичанин не может до конца понять, что значило для русского оставить “Белостенную Москву”, мать русской земли, на милость врага.

Барклай, хотя теперь у него было плохое здоровье, взял на себя исполнительное командование эвакуацией. В 2 часа ночи 14-го армия начала свой проход через город. Войска в глубочайшем унынии топали по улицам со свернутыми штандартами и безмолвными оркестрами, многие из них, офицеры и рядовые, рыдали от ярости и отчаяния. Иностранный комендант кремлевского гарнизонного полка начал эвакуацию с игры оркестра, согласно военным обычаям, и среди отступающих солдат раздались яростные крики протеста. Они возмущенно кричали, что он радуется, и музыке пришлось прекратить.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НАПОЛЕОНА НА МОСКВУ

Император стоит на Воробьевых горах, откуда открывается впечатляющий вид на старую русскую столицу.

С картины Верещагина.

Барклай разместил своих штабных офицеров вдоль линии отступления для наведения порядка. Зная особую слабость русских солдат, он отдал строгий приказ о том, что любой, кого обнаружат в пивной или в состоянии алкогольного опьянения, должен быть сурово наказан. Он до смерти измучился, руководя маршем, и провел верхом восемнадцать часов. Он горько жаловался на неэффективность штаба, который, как обычно, мало или вообще ничего не делал для облегчения марша. Среди отступающих колонн часто возникали беспорядки. Тем не менее

следует сказать, что операция прошла на удивление успешно. К 9 часам вечера, после восемнадцати часов непрерывного труда, 90 000 бойцов, более 600 орудий и тысячи повозок были пропущены через великий город и находились на коломенской дороге. Утром сам Кутузов пересек Москву. Очевидец утверждает, что видел его у Коломенских ворот сидящим в своей карете совсем один, подперев голову руками, молчаливым и печальным, в то время как перед ним нескончаемым потоком текли войска, пушки и повозки. Головная часть армии остановилась на ночлег в Панках, деревне примерно в десяти милях от города, где Кутузов разместил свою штаб-квартиру.

Тем временем рано утром 13-го Наполеон остановил свою армию, опасаясь, что Кутузов замышляет атаку на его правый фланг. То, что он мог предвидеть такой поворот событий, показывает, насколько полностью, и не в первый раз за всю кампанию, его кавалерия потерпела неудачу в поддержании контакта с врагом. Однако в 10 часов утра он убедился, что русская армия все еще находится у него перед носом, и возобновил свой марш. В час дня 14-го авангард Мюрата достиг Воробьевых гор, примерно в полутора милях к западу от Москвы, и увидел перед собой на равнине русский арьергард, а за ним раскинувшийся город — цель, ради достижения которой они так усердно трудились.

Русская армия все еще текла по улицам, и Милорадович послал офицера к Мюрату предложить короткое перемирие, добавив, что, если оно не будет заключено, он должен защищать город шаг за шагом и обстреливать его по мере отступления. Через некоторое время между Милорадовичем и Себастиани, теперь командующим 2-м кавалерийским корпусом, было заключено нечто вроде неофициального перемирия до 7 часов вечера. Русские эвакуировали пригород Дорогомилова в 3 часа дня, и Мюрат спокойно последовал за ними. Примерно в то же время Наполеон достиг Воробьевых гор. Говорят, что он долго и жадно вглядывался в цель своих желаний, которая теперь открылась перед его жадными глазами; но он вполне мог пробормотать приписываемые ему слова: “Время пришло!”

Император одобрил неофициальное перемирие, заключенное Мюратом. Мирная оккупация Москвы была целью, купленной достаточно дешево ценой тихого вывода русского арьергарда. Мортье должен был стать губернатором, генерал Дюроснель - военным комендантом, а М. Лессепс, который ранее был генеральным консулом Франции в Санкт-Петербурге, - интендантом Московской провинции. Был отдан приказ не допустить проникновения грабителей. Эжену и Понятовскому было приказано остановиться в нескольких милях от города. Мортье было приказано занять Кремль и поддерживать порядок суровыми методами. К концу дня 1-й и 3-й корпуса и старая гвардия окружили Мюрата. Характерно для Франции, что мужчины нарядились в парадную форму, чтобы принять участие в триумфальном въезде.

По мере того как Милорадович эвакуировал квартал за кварталом город, Мюрат продвигался вперед, опасаясь неожиданности и принимая большие меры предосторожности. Улицы были пустынные; повсюду царила тишина. Возле Кремля шумное сборище горожан и отставших открыло рассеивающий огонь. Они были разогнаны пушечными выстрелами, и Мюрат двинулся дальше, но обнаружил тишину и очевидное дезертирство. Милорадович прошел маршем через город и расположился на ночлег примерно в 4 милях от коломенских ворот. Отряд Винцингероде, отступавший перед Эженом, находился на дороге в Санкт-Петербург, а другой кавалерийский отряд сопровождал государственные сокровища и архивы Москвы во Владимир.

Когда, наконец, стало очевидно, что Москва действительно покинута большинством своих коренных жителей, была собрана депутация из иностранных резидентов для представления Наполеону. Его огорчение было крайним. Он поселился в пригороде Дорогомилова и, разрываясь между своими тревогами и грязью и паразитами в плохо ухоженном жилище, провел беспокойную ночь.

Мортье должным образом занял Кремль дивизией Рогэ, отправив Клапареда поддержать Мюрата. Тишина города произвела впечатление даже на безрассудную солдатчину Наполеона. Сержант Бургунд наивно выражает это, отмечая, как они были разочарованы, не увидев даже хорошенькой девушки, слушающей полковые оркестры. С наступлением темноты повсюду воцарился беспорядок. Было невозможно помешать плохо накормленным и плохо одетым людям грабить, когда все, в чем они нуждались, не говоря уже о богатстве, которое казалось их невежеству невыносимым, лежало под рукой. Вечером уже вспыхивали пожары. Утром 15-го Наполеон в сопровождении Старой гвардии занял свою резиденцию в Императорском дворце в Кремле.

Здесь следует сказать, что *Кремль*, или цитадель, широко известная в Западной Европе как “Кремль”, была первоначальной крепостью или городом-стеной Москвы, укрепленной в 1147 году князем Юрием Долгоруким (Георгий Длиннорукий), сыном знаменитого великого князя Владимира Мономаха. Вокруг него с течением веков выросли различные пригороды, а они, в свою очередь, были обнесены стеной. Поскольку улицы были широкими, а вокруг было много очень больших зданий — дворцов, монастырей и тому подобного, — часто стоящих в просторных садах или оградах, город занимал огромную территорию. В целом он имел характеристики скорее обширного загородного пригорода, чем города.

О сожжении Москвы можно было бы написать целый том. Катастрофа была описана в работах многочисленных очевидцев, и пространные упоминания о самом событии вряд ли входят в рамки данной работы. Необходимо, однако, рассмотреть три момента: причины пожара; его масштабы; и его влияние на судьбу Наполеона.

Что касается происхождения пожара, то можно считать несомненным, что он не был результатом русского патриотического угара. Все свидетельства говорят об обратном; и ярость и горе русских в связи с разрушением их святого города были, очевидно, неподдельными. В равной степени это не было вызвано преднамеренными действиями захватчиков, у которых были все основания сохранить город для своего собственного удобства. Остается выяснить, было ли это действием Ростопчина или простой случайностью, которой способствовало случайное стечение обстоятельств.

Общественное мнение того времени приписывало пожар Ростопчину. Две его собственные резиденции были разрушены, а несколько недель спустя он намеренно поджег свой загородный особняк в Вороново, чтобы предотвратить его захват французами. Сэр Роберт Уилсон, у которого были осведомленные источники, говорит, что план Ростопчина был печально известен и что для того, чтобы помешать ему привести его в исполнение, Кутузов неоднократно объявлял о своем намерении дать сражение под Москвой. Бутурлин, современный российский историк, также приписывает пожар губернатору.

Собственным показаниям Ростопчина, к сожалению, доверять нельзя. В то время он признал ответственность за поджог Москвы. Тем не менее позже, будучи добровольным изгнанником за

границу, он отказался от этого. Все, что можно сказать, это то, что либо он действительно был ответственен, либо, если нет, то он взял на себя ответственность, полагая, что сожжение Москвы будет расценено как героический поступок, и отрекся от соучастия только тогда, когда обнаружил, что это в целом считается зверством.

Французы считали, что пожар был вызван поджигателями Ростопчина, и сотни или тысячи москвичей, оставшихся в городе, были повешены, заколоты штыками или расстреляны как таковые. Однако французы, как показывает вся их история, имеют прискорбную склонность терять голову в критических ситуациях, и несомненно, что во время пожара Москвы они были почти безумны от паники. В остальном они были совершенно не знакомы с языком своих жертв.

Из этой путаницы, по—видимому, вытекают доказанные факты:-

(1) Город ни в коем случае не был полностью покинут представителями более респектабельных классов. Тутульмин, директор приюта для подкидышей, остался на своем посту; и определенное количество торговцев и джентльменов, некоторые из которых были франкофилами, не ушли. Иностранная колония — в основном французская — тоже осталась.

(2) Низшие из низших классов, естественно, остались; а элементы с дурной репутацией, вероятно, предпочли воспользоваться шансом извлечь выгоду из захватчиков. Преступники, находившиеся в тюрьмах, также были освобождены.

(3) Как бы там ни обстояло дело с массой обычных частных домов, дворцы и особняки, которыми была полна Москва, а также большинство многочисленных складов и лавок были заброшены, как сказал бы моряк, “все на месте”.

(4) Пожар начался, когда русский арьергард покидал город.

(5) Грабежи со стороны захватчиков начались почти сразу после их вступления.

(6) Ветер менял свое направление несколько раз.

(7) Французы захватили и израсходовали огромное количество пороха.

(8) В городе осталось несколько тысяч русских раненых.

Очевидный вывод из (1) и (3) состоит в том, что Москва была поспешно эвакуирована, и это дополнительно подтверждается доказательствами из (7) и (8). Если бы существовал какой-либо продуманный план разрушения, то непонятно, почему не были подожжены пороховые погреба и разрушены здания, наиболее важные для захватчиков. Ничего подобного предпринято не было, и боеприпасы по большей части были сэкономлены французами, к их большому преимуществу. В остальном, с толпой солдат, вместе со смешанной ордой лагерных приверженцев всех наций, нищих, преступников и проституток, грабивших без разбора, были все возможности для бессмысленного разрушения. Частые смены ветра способствовали распространению пожара, и этому еще больше способствовал тот факт, что подавляющее большинство частных жилищ представляли собой деревянные конструкции.

В целом, рассматривая вопрос исключительно с точки зрения установленных фактов, представляется, по крайней мере, возможным, что пожар в Москве, как и большинство событий подобного рода, зарегистрированных в истории, был случайным по своему происхождению.

Вполне вероятно, что четыре пятых Москвы исчезло в результате пожара, но сомнительно, чтобы материальный ущерб, нанесенный захватчикам, был очень серьезным. В самом городе уцелело около 500 светских зданий из камня и кирпича, помимо множества церквей и монастырей. Кремль практически не пострадал. Также ясно, что там были большие запасы продовольствия и других припасов. Не хватало только фуража. Де Фезенсак, который теперь командовал 4-м полком корпуса Нея, который обычно располагался лагерем за пределами города, говорит о трудностях с получением припасов и о плохой и грубой пище, но не о действительной нужде. В самой Москве, по-видимому, был избыток продовольствия, хотя муки было меньше, чем других, менее необходимых припасов. Одежда и материалы для ее изготовления были изъяты в больших количествах, и, без сомнения, вся армия могла бы быть перевооружена, если бы с этой целью были предприняты организованные попытки.

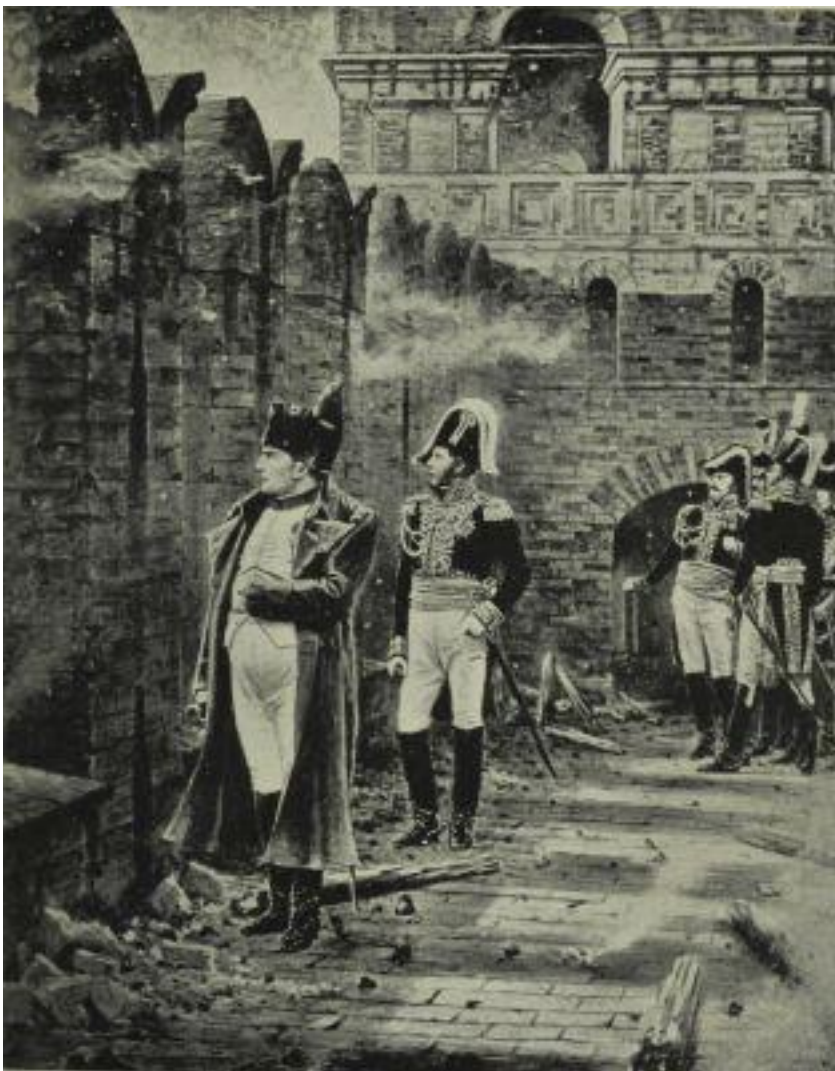
Именно овладение Москвой оказало катастрофическое влияние на судьбу Наполеона. Потерпев неудачу в сокрушении русской полевой армии и тем самым вынудив Александра заключить мир, он теперь стал одержим идеей, что оккупация Москвы приведет к желанному осуществлению его надежд. Действительно, едва ли когда-либо был хоть малейший шанс на их выполнение, но Наполеон не мог заставить себя признать это и неделю за неделей оставался среди руин.

Несомненно, что пожары начались уже тогда, когда русские эвакуировали город; но первая серьезная вспышка, по-видимому, произошла в государственном магазине спиртных напитков. Пожар был потушен, но вскоре после этого было обнаружено, что большой базар, на котором, как и в Константинополе и других восточных городах, была сосредоточена основная часть розничной торговли Москвы, охвачен пожаром. Как спиртные магазины, так и лавки были бы естественными ориентирами для грабителей. Поднялся ветер, разнес по городу горячие обломки и разбросал их по деревянным пригородам, по которым пожар распространялся с ужасающей быстротой. Истории о том, что пожарные машины исчезли и что канаты у колодцев были перерезаны, можно принимать за чистую монету. Очевидно, что мало организованных усилий по борьбе с пожаром в огромном и построенном в основном из дерева городе было предпринято или могло быть предпринято. Стражники в центральных кварталах вскоре оставили все попытки потушить пламя, чтобы посвятить себя грабежу, а офицеры корпуса расположились лагерем снаружи, убежденные, что жизненно необходимо наполнить их почти пустые фургоны с припасами, разрешили своим людям принять участие в разграблении или попустительствовали им.

Сам Наполеон оставался в Кремле до 16 августа, когда перемена ветра перенесла пожар из пригородов во внутренние кварталы города и сделала пребывание в Императорском дворце опасным, тем более что большая часть захваченных пороховых погребов находилась внутри цитадели. Император выехал через речные ворота — сухопутный фасад обнесенной стеной ограды был практически окружен пламенем — и двинулся вдоль набережных, в конце концов достигнув Петровского императорского дворца, расположенного примерно в 2 милях по Петербургской дороге.

С уходом Наполеона грабежи стали повсеместными. Некоторые офицеры пытались убедить своих солдат взять с собой еду и одежду, но, по-видимому, без особого успеха, и то, что было сэкономлено огромное количество продовольствия, объяснялось тем фактом, что полуголодные войска, естественно, прибегали к нему. Убийства и бесчинства шли рука об руку с грабежом.

Многие жители были убиты солдатами, обезумевшими от распущенности и опьяняющих напитков; многие другие погибли в огне своих домов или при попытке сбежать из них. Разношерстная толпа женщин-приверженцев лагеря вела себя так же плохо, как и мужчины. Казначей Дюверже рассказывает, как он сбил с ног негодяя-кантиньера, который грабил больную и беспомощную русскую женщину. К сожалению, есть свидетельства того, что многие офицеры подавали позорный пример. Некоторые открыто грабили; другие взимали побор за награбленное со своих людей. У охранников были лучшие возможности, и они добились незавидного превосходства в проступках. Пьянство было повсеместным. Солдаты 1-го корпуса были почти такими же плохими, как гвардейцы, и, вероятно, этот разгул был событием, которое больше всего способствовало разрушению их дисциплины в начале отступления. Следует отметить, что корпус Нея, который не принимал непосредственного участия в разграблении, был тем, кто сохранил наилучший порядок среди ужасов отступления. Маршал Лефевр был взбешен беспорядком в Старой гвардии и издал суровый приказ по этому поводу.

НАПОЛЕОН НАБЛЮДАЕТ ЗА ГОРЯЩЕЙ МОСКВОЙ
С картины Верещагина

19-го числа пожар начал утихать, частично из-за дождей в период равноденствия, а 20-го Наполеон вернулся в Кремль. Были предприняты бесполезные усилия, чтобы убедить жителей

вернуться в разрушенный город, а крестьян - доставить свои продукты на рынок. В качестве оплаты Наполеон предоставил запас фальшивых русских бумажных рублей; но возможности использовать их не представилось, хотя некоторые из них были розданы выжившим жителям и благотворительным учреждениям. Несколько купцов и ремесленников приняли посты при французах, но после разрушения Москвы русских, питавших к захватчикам какие-либо чувства, кроме лютой ненависти, было действительно мало.

При эвакуации из Москвы русская армия совершила два неспешных марша по Коломенской дороге до того места, где она пересекала Москву, примерно в 20 милях от столицы. Поначалу Кутузов, по-видимому, намеревался продолжить свой марш на Коломну; но совещание с генерал-интендантом Ланским убедило его, что будет трудно отвлечь линию снабжения, и он решил предпринять маневр в направлении Калуги. Поэтому 17-го числа, оставив корпус Раевского прикрывать тыл, он повернул на запад и двинулся вдоль Пахры, реки, которая здесь впадает в Москву, пока не достиг дороги Москва-Калуга. 21-го он занял позицию за Пахрой с авангардом, состоящим из 8-го корпуса и 1-й кавалерийской дивизии, под командованием Милорадовича на Десне, всего в 10 милях от Москвы. В то же время Дорохов с елисаветградскими гусарами, гвардейскими драгунами и тремя казачьими полками был направлен к Можайску. Это последнее движение, возможно, было преждевременным, поскольку оно заранее предупредило Наполеона о намерении действовать против его коммуникаций.

В ночь на 15-е зарево огромного пожара окрасило небо на северо-западе в красный цвет. В течение следующих четырех дней бивуаки русских были освещены пламенем их горящего "Материнского города", в то время как днем густые клубы дыма стелились по горизонту, и свирепые порывы ветра часто разносили обугленные обломки среди их марширующих рядов. Эффект, произведенный на солдат, возможно, лучше представить, чем описать. Было ли разрушение Москвы преднамеренным или случайным по своему происхождению, оно разожгло в русской армии пламя мстительности, которое продолжалось до тех пор, пока она триумфальным маршем не вошла в Париж в 1814 году.

Мюрат со своим передовым отрядом, усиленным дивизией Клапареда и поддержанным Понятовским, преследовал русских. У Пахры он потерял связь, и только 23-го было установлено истинное направление марша Кутузова, и Раевский отступил с основными силами армии. Наполеон, очевидно, не верил, что все силы Кутузова находятся к югу от Москвы — во всяком случае, он принял опасную полумеру, которая могла привести к катастрофе. Мюрат должен был наступать на правый фланг русских, в то время как колонна под командованием Бессьера двинулась из Москвы против их фронта. Силы Бессьера состояли из пехотной дивизии Фридерихса (*вице Дезэ*), теперь усиленной 33-м полком Леже, бригадой легкой кавалерии, уланами Кольбера и 3-м кавалерийским корпусом, выделенным из Мюрата. Его численность не могла превышать 11 000 человек, в то время как у Мюрата определено было не более 25 000. Барклай и Беннигсен настаивали на атаке, и ясно, что Мюрат, должно быть, был уничтожен или вынужден поспешно отступить. Осторожный Кутузов, однако, предположил, что Бессьер был всего лишь авангардом Наполеона — на самом деле 28-го числа император действительно отдал приказ о всеобщем наступлении на Пахру. Поскольку Кутузов предвидел ситуацию, у него была бы вся *Великая армия*, значительно превосходящая регулярные войска, против его собственных ослабленных сил. Едва ли можно было рассчитывать на превосходство его кавалерии и артиллерии, способное обеспечить ему нечто большее, чем сомнительный успех. С

другой стороны, каждый день приближал зиму и обеспечивал неуклонный рост численности русских. Соответственно, он решил удалиться в сторону Калуги. 4-му корпусу было поручено усилить Раевского, и Милорадович принял командование тыловой охраной. 27-го произошло оживленное столкновение кавалерии на Пахре. 29-го произошло еще одно сражение у Чериково. Пехота Понятовского была остановлена; генерал Ферье был ранен и взят в плен, и преимущество в целом было на стороне Милорадовича, который отступал очень медленно, отстаивая каждую милю местности.

2 октября основные силы русской армии достигли Тарутино на реке Нара, примерно в 50 милях от Москвы, и заняли позицию, для защиты которой немедленно были начаты укрепления. На следующий день Себастьяни, которому всегда не везло, потерпел небольшое поражение под Вороново, но когда начала прибывать основная колонна Мюрата, Милорадович отступил к Спас-Куплии, в 10 милях к северу от Тарутино. 4-й и 7-й корпуса были оттянуты к основным силам армии, прикрываемые 8-м и большей частью кавалерии. Рано утром 4-й Мюрат и Понятовский застали русских врасплох. Спас-Куплия был взят, и 8-й корпус отброшен назад за речку Чернишня, на полпути к Тарутино. Коновницын, с которым был сэр Роберт Уилсон, едва не попал в плен, но он выехал из опасной зоны, его ночной колпак, в котором он был застигнут врасплох, виднелся из-под треуголки, и он все время невозмутимо попыхивал трубкой. Так Левенштерн описывает эту сцену. 8-й корпус сплотился и стойко удерживал Чернишню до ночи и в конце концов отступил через Нару к Тарутино. 2-я, 3-я и 4-я кавалерийские дивизии (первые две теперь объединены) и несколько казаков остались наблюдать за французами к северу от Нары. Наступательная мощь Мюрата исчерпала себя, и он остановился, расположив основную часть своих сил вдоль Чернишни, а передовые отряды - у деревни Винково.

Тем временем присутствие Дорохова к юго-востоку от Москвы вынудило Наполеона направить примерно на двадцать миль по дороге к Можайску пехотную дивизию Брусье, легкую кавалерию 4-го корпуса, а также драгун и егерей гвардии. Это на какое-то время освободило дорогу на Можайск, но вся дорога на Смоленск была запружена казаками; и Наполеон был вынужден издать приказ, чтобы по ней не рисковали пускать войска численностью менее 1500 человек. Отступление Кутузова в Тарутино, по-видимому, на короткое время улучшило положение под Москвой. Мюрат с резервной кавалерией, основной частью легкой кавалерии 1-го и 3-го корпусов, 5-го корпуса, дивизий Дюфура и Клапареда остался на Чернишне. Брусье находился примерно в 9 милях к западу от Москвы; Фридерихс - на Пахре; гвардейская кавалерия вернулась в Москву. По окрестностям были разосланы отряды фуражиров для сбора продовольствия — с плохими результатами, — и таким образом прошло две недели.

ГЛАВА IX

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ

Почти месяц после возвращения Наполеона в Москву 20 сентября основная французская армия практически бездействовала в окрестностях города. Беспокойство императора по поводу запасов было в некоторой степени смягчено количеством захваченного продовольствия и боеприпасов. Он сам сообщает в письме Ларибуассьеру, начальнику артиллерии, что захватил

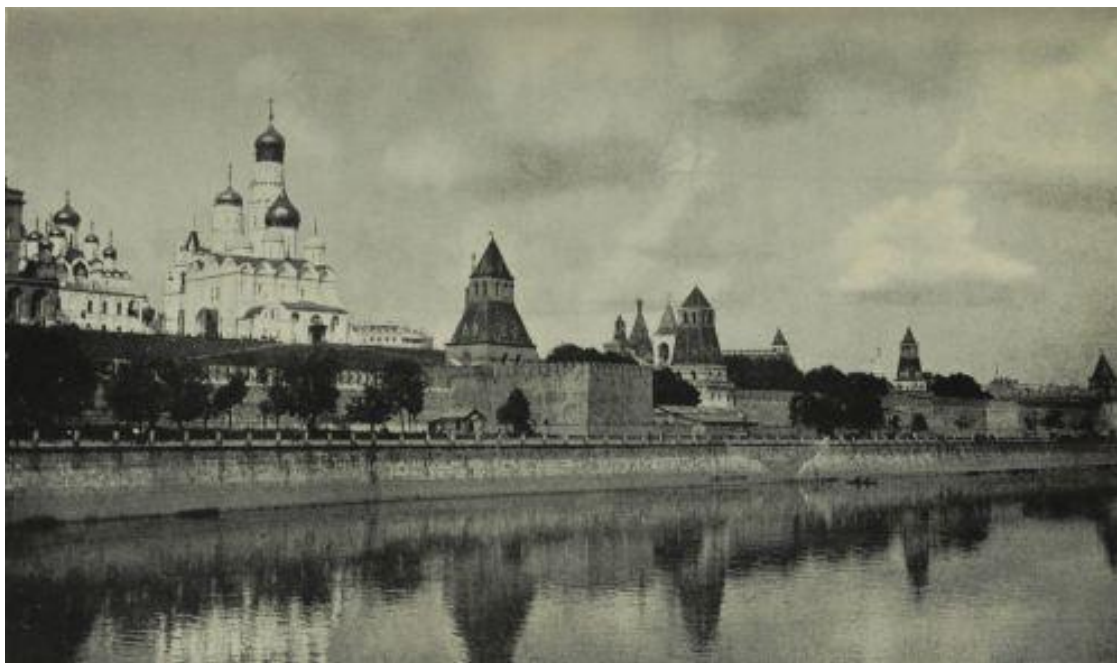
300 000 фунтов пороха и такое же количество серы и селитры, не считая огромного количества пушечных ядер и 2 000 000 патронов. Едва ли можно представить, что, как бы сильно ни укоренилась в нем привычка лгать, он умышленно ввел бы в заблуждение человека, которого, прежде всего, необходимо было снабдить правильной информацией.

Было захвачено несколько пушек, но все они практически бесполезны. Кремль, по сути, был и остается музеем старинного оружия, в основном сохранившегося как трофеи побед России над ее врагами. Среди них сейчас сотни орудий наполеоновской *Великой армии* 1812 года. У орудия не было лафетов, но около двадцати из них были установлены французскими артиллеристами на стенах древней цитадели. Захваченные боеприпасы имели чрезвычайную ценность. Наполеон торжествующе заявил, что он может провести четыре Бородинских сражения такого масштаба.

Однако фуража было серьезно не хватает. Кавалерия и артиллерия гвардии, которые получали снабжение раньше других корпусов, оставались в хорошем состоянии, но состояние остальной армии быстро ухудшалось. Лошади пали в большом количестве. По оценкам Де Шамбре, в начале октября было спешено уже 4000 солдат. Нужда в авангарде была велика; хлеб доставался с трудом, и люди питались в основном кониной.

В Москве дела обстояли отнюдь не удовлетворительно. Войска действительно имели кров и продовольствие; но эти преимущества были дорого куплены ценой фатального ослабления дисциплины. Привилегированные гвардейцы были злостными нарушителями, и самому Наполеону, наконец, пришлось пожаловаться на их недостойное поведение. 1-й корпус был немногим лучше. 3-й и 4-й корпуса находились в основном за пределами города. Как и прежде, они жили в основном впроголодь, и, хотя на московских складах хранилось значительное количество муки, Наполеон не разрешил ее выдачи, даже когда Бертье доложил, что дивизия Пино полностью разорена. До 17 октября не производилась выдача обмундировочных материалов, и не было сделано никаких приготовлений к грубой подковке лошадей. В условиях общего ослабления дисциплины сами мужчины мало что сделали. Перед лицом таких доказанных фактов, как эти, заявления о безошибочном и всеобъемлющем предвидении и деятельности Наполеона, сделанные даже такими уважаемыми свидетелями, как Рапп и Фейн, выглядят несколько глупо.

В некотором смысле, действительно, Наполеон предусмотрел многое - то есть он отдавал приказы, которые, если бы они были вообще применимы к данной ситуации, могли бы оказать огромное влияние. Такой приказ был отдан для обеспечения войск ручными мельницами. Потребность в них была очевидна во время наступления, и если бы они были предоставлены раньше, они, несомненно, были бы бесценны. Поскольку это был первый конвой, они попали под руку только во время отступления, когда были бесполезны.

КРЕМЛЬ, МОСКВА

В крайнем левом углу находится Большая Красная лестница - Парадный вход во дворец. Далее находится Успенский собор, или Успенский собор, в котором коронуются цари. За ним виднеется колокольня Ивана Великого

Другие императорские приказы были просто неспособны к исполнению. В одном из них, например, даются указания, как исследовать местность на протяжении двух-трех лиг по каждой стороне шоссе, чтобы найти параллельные дороги, проходящие мимо деревень и возделанных участков. Было бы чрезвычайно трудно найти такие дороги в плодородной и густонаселенной Германии, а ожидать обнаружить их в России было просто абсурдно. На самом деле, если бы они существовали, страна была бы опустошена на сорок или пятьдесят миль в результате разрушительного прохода двух огромных армий. Единственное критическое замечание, которое можно сделать при чтении этого приказа, заключается в том, что интеллект Наполеона либо слабел, либо был настолько поражен гордыней и чрезмерной самоуверенностью, что был смертельно ослаблен.

И все же, несмотря на свой фатальный оптимизм, Наполеону становилось не по себе. По возвращении в Москву он уговорил директора приюта для подкидышей Тутульмина передать Александру письмо. Это был дипломатический документ в стиле Наполеона, составленный из уговоров и угроз; характерным штрихом является тщательное детализирование захваченных военных материалов. Царь не снизошел до ответа. Наполеон подождал две недели, а затем послал генерала Лористона попытаться начать переговоры с Кутузовым.

Однако, какой бы мрачной ни казалась эта перспектива разумным наблюдателям, основная часть армии находилась в состоянии покоя и, за исключением жизненно важного вопроса о лошадях, увеличивалась в численности. Во второй половине сентября в Москву вошли дивизия Лаборда, 1-й батальон Гессен-Дармштадтской гвардии, три батальона 33-го Легионерского полка и несколько *маршевых полков*- всего около 10 000 пехотинцев и более 4000 кавалеристов. В первой половине октября туда прибыло около 17 000 человек — *маршевые части*, в основном пехота, и батальоны, оставленные в гарнизонах в Орше, Дорогобуже, Вязьме и других местах.

Списки призывников также пополнились определенным количеством выздоравливающих. Боевая мощь 5-го и 8-го корпусов, измотанных постоянными перестрелками, оставалась неизменной или уменьшалась; а количество конных всадников неуклонно сокращалось. Но в 1-м и 3-м корпусах наблюдался устойчивый рост численности пехоты и артиллерии. Прибыло также артиллерийское подкрепление; в Москве действительно было больше орудий, чем могли привлечь ослабленные команды.

Передвижения главной французской армии в этот период сравнительного затишья были не очень важными. Эжен в начале октября выдвинул авангард к Дмитрову, в нескольких милях к северу от Москвы, в то время как Ней двинулся к Богородску, примерно в 25 милях к востоку по дороге на Владимир. Заслон русской кавалерии под командованием Винцингероде отступил перед наступлением французских колонн, и боев было немного. Ней приказал построить казармы для зимовки в Богородске, но Де Фезенсак пессимистично замечает, что обман никого не обманул. Ней и Эжен вскоре были отозваны в Москву, и 15-го числа там была сосредоточена вся армия, за исключением авангарда Мюрата.

Тем временем Мюрат, изолированный на реке Чернишня на расстоянии почти 50 миль от основных сил армии и со значительно превосходящей армией впереди, находился в очень опасном положении. Опасность усугублялась скудостью припасов и нехваткой фуража, от которого постоянно умирали переутомленные лошади. Постоянно происходили перестрелки, к общему неудаче захватчиков. Отряды за фуражиров приходилось оттеснять все дальше и дальше в поле, и им требовался все больший и больший эскорт для защиты от предприимчивой регулярной и иррегулярной кавалерии русских. Однажды отряд гвардейских драгун-фуражиров под командованием майора Мартода, сопровождаемый отрядом 33-го легионерского полка, подвергся нападению и был вырезан. 9 октября полковник Кудачев с двумя казачьими полками совершил успешное нападение на крупный отряд фуражиров и захватил 200 пленных. Подобные стычки происходили постоянно. 10 октября Дорохов, получивший подкрепление пятью батальонами и еще несколькими кавалеристами и артиллерией, штурмом взял Верею, убив или взяв в плен ее гарнизон из 500 вестфальцев и, таким образом, обосновавшись в опасной близости от дороги Москва-Смоленск.

Было замечено, что 4 октября Кутузов начал укрепляться в Тарутино. Беннигсен резко критикует эту позицию. Нара впереди была повсюду пригодна для брода, а слева было несколько незанятых высот, которые могли быть захвачены нападающим. Однако по ходу дела никто не опасался немедленной атаки, а русские были настолько сильны в кавалерии, что могли получить раннее предупреждение о любом движении французов из Москвы.

Вскоре после достижения Тарутино Барклай покинул армию. Он был глубоко уязвлен злобными нападками на него ультрарусских, и его отношения с Беннигсеном были очень натянутыми. Кутузов относился к нему с большим уважением, а после Бородино передал ему главное командование обеими русскими армиями. Но когда верховный главнокомандующий присутствует в штабе армии, несомненно, возникают трудности. В 1864 году присутствие генерала Гранта в потомакской армии Мида не способствовало единоначалию, хотя оба офицера были людьми с прекрасным характером. Вскоре Барклай счел свое положение невыносимым и подал в отставку. Он был горько обижен и сказал Клаузевицу, который только что был назначен на должность в штабе Витгенштейна, что может благодарить небеса за то, что он благополучно выбрался из этого. Невозможно не посочувствовать ему, и в то же время

нетрудно понять, что его уход способствовал установлению единоначалия. Подходил ли Кутузов на пост главнокомандующего - это другой вопрос. Население отвратительно обращалось с Барклаем и оскорбляло его по пути в Санкт-Петербург, но Александр никогда не терял доверия к нему, и в 1813 году он вышел в отставку, чтобы принять командование русскими войсками в Германии. Его уход вызвал, по крайней мере, сожаление среди офицеров армии, многие из которых, возможно, почувствовали угрызения совести при воспоминании о необоснованном ропоте и мятеже. Большинство генералов пришли попрощаться с ним; и Ермолов, который был его злейшим и вероломнейшим врагом, действительно плакал — эпизод, о котором упоминалось в другом месте.

24 сентября в особняке по дороге во Владимир умер Багратион. Вероятно, путешествие по плохим российским дорогам вызвало гангрену. На смертном одре его навестил Уилсон, который возвращался из своего визита к Александру. Царь очень мудро рассудил, что лучше не обращать внимания на неподчинение генералов, и послал Вильсону самые решительные заверения в своей решимости продолжать сопротивление. По его словам, он скорее позволил бы себе отрастить бороду до пояса и есть картошку в Сибири, чем допустил бы какие-либо переговоры до тех пор, пока в России остается вооруженный француз. Возможно, этот язык покажется немного высокопарным, но он обладает достоинством в том смысле, что он был выражением твердой решимости объединенной российской нации. Умиравшему солдату Вильсон повторил храбрые слова царя. Багратион судорожно сжал его руку. “Дорогой генерал, ” сказал он, - вы сделали так, что я умер счастливым, потому что теперь Россия, несомненно, не будет опозорена. *Accipio solatium mortis.*” Так уходит со сцены прекрасный грузинский солдат, чья жизнь прошла в верном служении принявшей его стране. Уилсон восхваляет его хорошие качества, доброту и обходительность, которые, возможно, временами скрывал его вспыльчивый характер, его великодушие и рыцарскую отвагу. Уилсон был его преданным поклонником — у них было много общего. Но на самом деле Багратион, каковы бы ни были его недостатки, всегда проявлял себя достойным потомком царей-воинов из рода Багратидов; и, приняв Россию, непоколебимого защитника кавказских христиан, как свою страну, он верно служил ей до конца. Трудно не ощутить упадка, переходя от Барклая, простого, преданного слуги своей страны, и Багратиона, рыцарского потомка королей, к осторожности и хитрости старого аристократа-любителя удовольствий Кутузова и едва замаскированному своекорыстию солдата удачи Беннигсена.

Кутузов прислал с Бородинского поля первую краткую и поспешную депешу, в которой говорилось, что он выстоял и захватил несколько пушек. Как уже было видно, это утверждение было верно только в общем смысле, поскольку российские войска, несомненно, были отброшены на небольшое расстояние. Этот отчет, возможно, был составлен в спешке в восторге от того, что он обнаружил, что сражался с ужасным завоевателем в течение долгого дня без особого успеха. Вторая депеша говорила правду или что-то близкое к ней, описывая битву как ничейную — каковой она тактически и была - оценивая потери Наполеона как, вероятно, более значительные и настаивая на необходимости отступления, чтобы реорганизоваться после огромных потерь. В третьей депеше главная заслуга сбалансированного успеха дня приписывалась Барклаю и Беннигсену. Александр не опубликовал второе послание — англичанину трудно судить, разумно это или нет. Кутузов был произведен в фельдмаршалы и получил грант в размере 100 000 рублей. Барклай был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, а Беннигсен - орденом Святого Владимира 1-й степени. Багратион, носивший все ордена России, получил грант в размере 50 000 рублей.

Милорадович, Дохтуров, Остерман и Раевский получили орден Святого Александра Невского. Каждый солдат был награжден чаевыми в размере 5 рублей, которые, можно надеяться, были выплачены серебром, а не обесценившейся бумажной валютой.

Когда в разгар объявлений о победе и наградах пришло известие, что Москва оставлена, естественно, всеобщее уныние было велико. В самой армии Кутузов, безусловно, сомневался в успехе. В Санкт-Петербурге государственные архивы были отправлены во внутренние районы, а флот отправлен на зимовку в Англию. Вдовствующая императрица, великий князь Константин и великий канцлер Румянцев решительно выступали за мир; но ни внутреннее, ни политическое давление, ни общественная тревога, по-видимому, ни на мгновение не поколебали суровой решимости обычно уступчивого, чувствительного и мечтательного царя.

Ответом Александра на падение Москвы было обращение к своему народу, призывающее его превзойти потери и сокрушить захватчиков, положение которых было окрашено в цвета, возможно, более мрачные, чем действительность. Приготовления к продолжению войны энергично продвигались вперед. Граф Ливен был отправлен послом в Лондон с заверением в непоколебимой решимости Александра продолжать борьбу во что бы то ни стало. В настоящее время он не просил ничего, кроме военного снаряжения. Позже, когда он спас Россию, он намеревался сделать все возможное, чтобы освободить Европу от французского господства, когда он надеялся, что Британия не будет экономить на своих богатствах. В этот момент, следует помнить, Наполеон стоял лагерем среди руин священной столицы России.

Тем временем под Тарутином энергично продолжалась реорганизация русской армии. Человеком, непосредственно ответственным за это, которому по праву досталась большая часть заслуг, был Коновницын, с которым уже неоднократно встречались в боях его страны. Коновницын был убежденным сторонником и почитателем Баркляя и, по-видимому, обладал такими добродетелями своего шефа, как скромность и преданность долгу.

Бородино и последующие боевые действия нанесли серьезный урон всем полкам, а некоторые были практически уничтожены. Они были либо распущены, либо отправлены обратно во внутренние районы для переформирования; объединенные гренадерские батальоны были расформированы и распределены; затем в них были призваны ополченцы и новобранцы. Опытные русские генералы не допустили ошибки, совершенной лидерами испанского восстания 1808-1809 годов, и не завалили батальоны необработанными рекрутами. Только отборные люди, прошедшие некоторую подготовку, были редко представлены среди закаленных в войне солдат. Несмотря на это, Кутузов очень недоверчиво относился к своей пехоте.

Всадников обучить не так легко, как пехотинцев, и численность русской кавалерии не могла быть значительно увеличена. Полученное подкрепление, должно быть, состояло из небольших призывников и возвращающихся выздоравливающих. В его состав входили те же полки, что сражались при Бородино, но все они были в сильно поредевшем состоянии. Люди, однако, были в приподнятом настроении, а лошади в отличной форме. Артиллерия также находилась в замечательном порядке.

Александр обратился с призывом к лояльности донских казаков, чему способствовало большое личное влияние Платова. К середине октября на Московском театре военных действий находилось около пятидесяти полков иррегулярной кавалерии.

Реорганизация и постоянное усиление возымели свое действие. Численный состав русской армии под Тарутино сразу же начал расти, и ее эффективность неуклонно возрастала. К 18 октября число батальонов сократилось до 147, но все они были доведены до средней численности более 500 штыков, за исключением гвардейских, которые, не имея под рукой складов, были значительно слабее. К 23 октября численность Великой Русской армии, включая ее подразделения, возросла до 105 000 регулярных войск, включая 12 000 кавалеристов и почти 20 000 казаков, с артиллерийским эшелоном примерно из 650 орудий, превосходно оснащенных лошадьми.

Кутузов внес определенные изменения в организацию. Вся регулярная кавалерия была сведена в четыре неравных "корпуса", один из которых состоял из кирасир. Генерал-лейтенант князь Голицын I получил командование кирасирским корпусом, а 1-й и 3-й были переданы генерал-майорам барону Мюллеру Закомельскому и Васильчикову соответственно. Барон Корфф продолжал командовать 2-м полком, который был увеличен до 8 полков драгун и 1 или 2 полков легкой кавалерии. Различные армейские корпуса все еще сохраняли своих старых командиров, за исключением 3-го, которым теперь командовал Строгонов.

В то же время были внесены некоторые изменения в вышестоящие команды. Милорадович практически занял место Багратиона — отнюдь не недостойно, — в то время как генерал Тормазов был призван с запада на смену Барклаю.

Стратегически армия была организована Кутузовым в авангард под командованием Милорадовича, *батальный* корпус под командованием Тормазова, шесть летучих колонн и шесть казачьих отрядов. Передовой отряд включал 2-й и 4-й армейские корпуса, 2-й и 3-й кавалерийские "корпуса" и 4 казачьих полка. *Батайский* корпус состоял из 3-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го армейских корпусов, а также кавалерии Голицына и Мюллера-Закомельского. Летучими колоннами были: (1) отряд Платова, состоящий из 13 полков казаков, 1 полка легкой пехоты и конной батареи; (2) отряд Винцингероде, состоящий из 1 полка гусар, 1 полка драгун, 7 казаков и батареи, наблюдающий за Москвой с севера; (3) отряд Дорохова, наблюдающий за Можайском, в конечном итоге увеличенный отрядами до 5 батальонов, 16 эскадронов, батареи и нескольких казаков; (4) отряд Орлова-Денисова, состоящий из 6 полков казаков и 6 орудий; (5) армия Карпова, состоящая из 7 казачьих полков; и (6) армия генерал-майора графа Ожаровского, состоящая из 4 казачьих полков, 1 гусарского, полка легкой пехоты и 6 орудий. Казачьи отряды, наводнившие дорогу Москва-Смоленск, принадлежали полковнику Кайсарову (3 полка), полковнику князю Кудачеву (2 полка), полковнику Ефремову (2 полка), подполковнику Давыдову (2 полка), капитану Сеслаину (1 полк) и капитану Фигнер (1 полк).

Русская армия при Тарутино практически не испытывала лишений. Запасы продовольствия были в изобилии. Через некоторое время в непосредственной близости стало не хватать фуража, и за ним приходилось отправляться на некоторое расстояние, но лошади оставались в отличном состоянии. Левенштерн говорит, что армия никогда не чувствовала себя лучше; было даже возможно приобрести предметы роскоши у торговцев, посещавших лагерь. Не хватало только сухого топлива. Чтобы получить его, деревни в пределах русской линии были почти полностью разрушены.

Демонстрируя приготовления к укреплению и снабжению Москвы, французский император 4 октября отправил своего адъютанта генерала Лористона, который до войны был послом в Санкт-Петербурге, с поручением к Кутузову. Истинной целью Лористона было оценить шансы

на установление мира. Было ясно, что его миссия не увенчается успехом. Помимо твердой решимости царя, генералы в Тарутино были настроены крайне решительно и внимательно следили за своим главнокомандующим. Кутузов согласился принять Лористона, и вслед за этим его подчиненные попросили Уилсона сообщить ему, что, если он будет совещаться с Лористонам наедине, он будет отстранен от командования. Сам Кутузов, не очень уверенный в способности своей армии победить армию Наполеона, настаивал на своем намерении получить Лористон, но согласился сделать это публично в первую очередь. Затем у него состоялся частный разговор с французским генералом, о котором он впоследствии рассказал графу Ланжерону. В конце концов он согласился передать письмо, привезенное Лористонам, в Санкт-Петербург, но заявил, что у него нет полномочий заключать перемирие.

Успехи Шварценберга и Сен-Сира, по-видимому, сделали французскую линию коммуникаций достаточно безопасной, а переброска 9-го корпуса Виктора в Смоленск была дополнительной мерой безопасности. 9-й корпус пересек границу 3 сентября. Численность была увеличена за счет добавления четырех немецких полков до 33 500 человек. Виктор оставил немецкую бригаду Кутара в Вильно и вместе с остальной частью корпуса двинулся на Смоленск, куда прибыл 27 сентября. Наполеон назначил генерал-губернатором Смоленской провинции графа Бараге д'Илье, но тот мало что мог сделать для сбора припасов и расчистки дорог. Страна была наводнена, с одной стороны, небольшими отрядами казаков и вооруженных крестьян, а с другой - большим количеством отставших, распущенных войск и мародеров, принадлежащих к армии вторжения.

До прибытия 9-го корпуса войскам совершенно не хватало средств для подавления беспорядков, и вскоре станет ясно, что Виктор смог лишь ненадолго задержаться в Смоленске. Бараге д'Илье, обеспокоенный и сбитый с толку гневными жалобами Наполеона, изложил своему повелителю факты о ситуации в двух письмах, которые позволяют нам оценить точное положение вещей в тылу *Великой армии*.

Вооруженные крестьянские и казачьи отряды препятствовали заготовке фуража и отрезали отряды. В Смоленске действительно был сильный гарнизон. На бумаге была организована временная администрация под руководством г-на де Вильбланша, но город был разрушен и почти безлюден. Генерал Шарпантье мог организовать сильные отряды фуражиров, но у него не было ремесленников для строительства казарм и пекарен, а также для производства одежды и снаряжения. От Смоленска до Гжатска дорога практически не охранялась. Бараге д'Илье заявил, что, обеспечив необходимые гарнизоны на постах, он может располагать всего 600 людьми в трех отрядах для полицейских действий и заготовки фуража на линии протяженностью около 200 миль! Что касается организации рынков, как приказал Наполеон, он откровенно разоблачил полную абсурдность идеи. Для вывоза раненых и доставки припасов не требовалось и пятой части транспортных средств.

МАРШАЛ ВИКТОР, ГЕРЦОГ Беллуно,
командующий 9-м французским армейским корпусом
С картины Гро в Версале

Отряды, шедшие на Москву, растянулись на много миль к северу и югу от большой дороги в поисках продовольствия, и держать их в руках было невозможно. Один офицер, командовавший конвоем, сообщил, что его сопровождающие таяли один за другим; и он въехал в Москву один! Мародеры совершали безумные зверства, которые вполне объясняют и в какой-то степени оправдывают ужасные репрессии крестьян во время отступления. Упомянуть об этих ужасах - неблагоприятная задача, но следует упомянуть один отвратительный случай, приведенный Левенштерном, хотя бы для того, чтобы составить правильное представление о том, что подразумевало военное положение в дни Наполеона.

Среди российских лидеров иррегулярных войск капитан Фигнер рано приобрел ужасную репутацию за кровавую жестокость по отношению к своим французским и польским врагам, которым он не давал пощады в бою и которых, попав в плен, убивал без жалости. Его дикость вызвала сильное осуждение в русской армии, за исключением нескольких свирепых личностей, чьи страдания их страны свели с ума. Даже дикие иррегулярные войска косо

смотрели на Фигнера, и в исполнении своих жестоких приказов он не всегда мог на них положиться.

Сам Фигнер заявил, что действовал из добросовестных побуждений. Во время одной из своих экспедиций он застал врасплох отряд мародеров, очевидно, состоявший из французов и поляков, в деревне, которую они разграбили. В церкви они заперли несколько женщин и девушек, надругались над ними и пытали их с ужасным варварством, распяв по всему зданию — отчасти для того, чтобы легче было удовлетворить свою звериную похоть, отчасти, без сомнения, из чистой любви к жестокости. В эту отвратительную оргию ворвались Фигнер и его казаки. Большинство насильников были схвачены. Несчастные жертвы — те из них, кто выжил, — были спасены; и тут же, перед оскверненным алтарем, русский лидер дал торжественную клятву никогда не щадить ни одного француза. Он запер своих пленников в церкви и поджег их; и с тех пор, пока он не был убит в следующем году, французы были для него всего лишь паразитами, которых следовало истребить. Бесполезно комментировать моральную этику его решения. Очевидно только, что в России, как и в Испании, жестокость и похоть французских завоевателей посеяли семена ужасной жатвы мести.

Несмотря на беспорядок в тылу Наполеона, нет никаких сомнений в том, что численность французов во время остановки неуклонно росла. Предположительно, поэтому отставшие — или те из них, кто пережил казаков и вооруженных крестьян, — в конце концов добрались сюда. Но вряд ли нужно указывать на то, что такой метод — или отсутствие метода — марша был наихудшей возможной подготовкой к отступлению, при котором строгая дисциплина и тщательный порядок были бы превыше всего необходимого.

Крайне сомнительно, каковы были планы самого Наполеона. Войска в целом предполагали, что им придется зимовать в Москве, но это, конечно, ничего не значит. Граф Дару, конечно же, предложил это сделать, положительно заявив, что, насколько ему известно, припасов было достаточно и укрытий вполне достаточно. Но, с другой стороны, линии коммуникаций уже находились под серьезной угрозой, и хотя армия в Москве могла быть сохранена, она, должно быть, потеряла большую часть своих лошадей, и Наполеон был бы отрезан от Франции на несколько месяцев.

Фейн приписывает императору намерение наступать на Санкт-Петербург. Этот проект был самым экстраординарным, и он превосходит человеческое понимание того, как Наполеон мог себе это представить. Бесполезно приводить это в деталях. Существенная часть состоит в том, что армия должна двинуться на Великие Луки, примерно в 90 милях к северо-востоку от Полоцка и в 300 милях от Москвы, по плодородной местности (на самом деле все совсем наоборот), и таким образом угрожать Санкт-Петербургу — на 200 миль дальше, по бесплодной и малонаселенной местности. Время, отведенное на выполнение движения, составляет около пятнадцати дней! Дальнейшие комментарии, безусловно, излишни.

Клаузевиц считает, что Наполеон, должно быть, всегда намеревался отступить прямой дорогой на Смоленск, единственной в каком-либо смысле охраняемой и снабженной складами. По его словам, на Калужской дороге армия умерла бы с голоду в течение недели. Следовательно, он делает вывод, что, идя маршем на Калугу, что он в конечном итоге и сделал, Наполеон просто намеревался совершить маневр или убрать Кутузова с дороги.

Факты, конечно, — которые Клаузевиц, возможно, в то время точно не знал, — заключались в том, что местность вдоль дороги Смоленск-Вязьма-Москва была абсолютно опустошена, что фураж на ней достать было невозможно, в то время как дальше на юг дела обстояли лучше; и что к востоку от Смоленска складов практически не было.

Жомини придерживается мнения, что Наполеону лучше всего было бы отступить на Витебск. Страна, однако, была бедной и малонаселенной, а дороги - очень плохими; единственным преимуществом плана было то, что армия получила бы значительный отрыв от Кутузова.

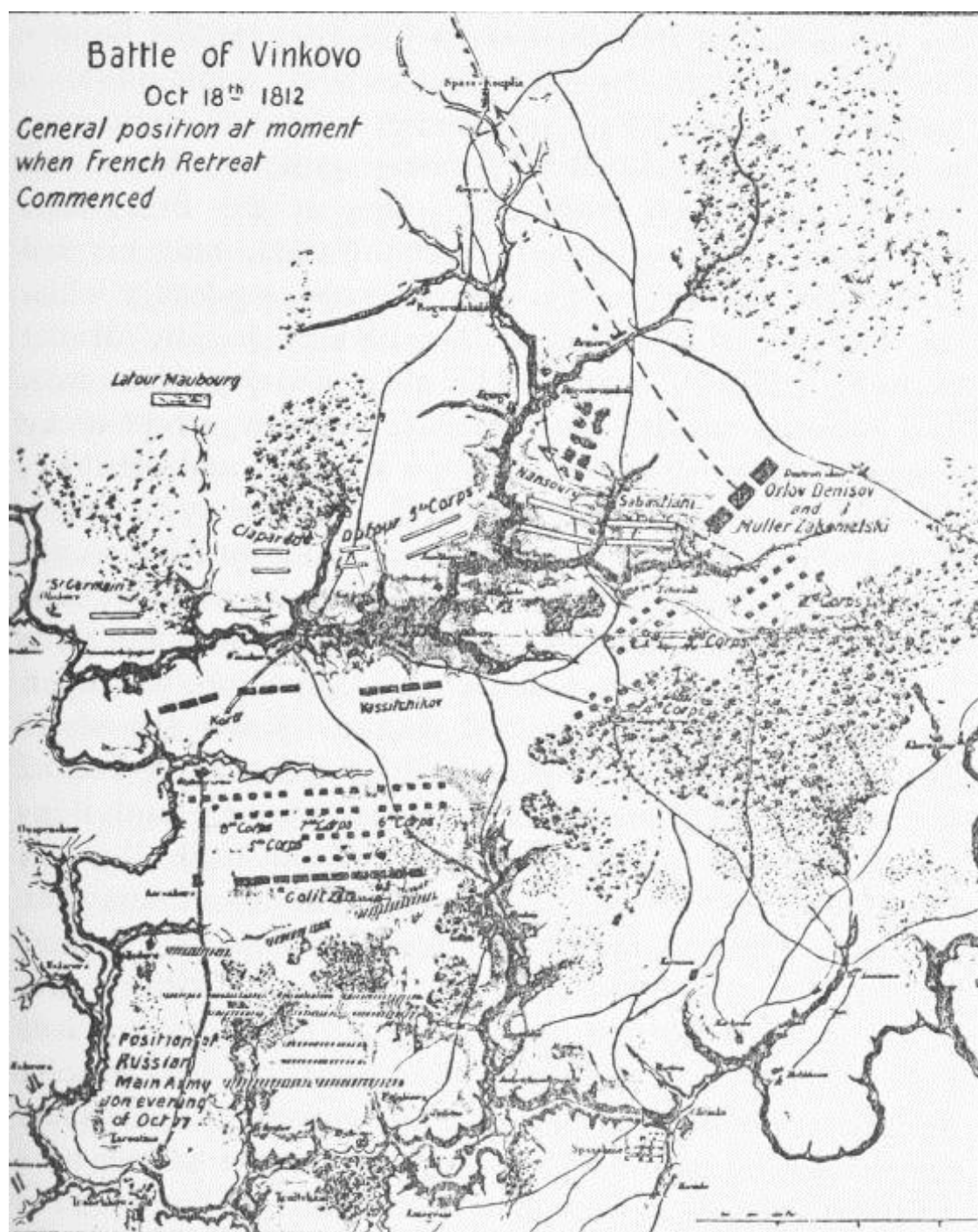
Наконец, планировалось отступить через Калугу на Смоленск. Дороги были плохие, но, вероятно, лучше, чем на севере, поскольку на них располагалось несколько значительных городов. Страна была довольно плодородной и — для России — довольно густонаселенной; кроме того, в Калуге и других местах были магазины, которые можно было захватить. Кроме того, существовала возможность уничтожить оружейные заводы и боеприпасы в Туле.

Сомнительно, как долго Наполеон оставался бы в Москве. Его октябрьские приказы об эвакуации госпиталей показывают, что он обдумывал отъезд; но он все еще ждал, вопреки всякой надежде, что упрямый царь наконец уступит, пока 18 октября не пришло известие, что Кутузов перешел в наступление.

Сам Кутузов, по-видимому, не очень-то верил в прочность и способность к маневру своей армии. Положение Мюрата, однако, было таково, что могло соблазнить даже осторожного полководца, и Кутузов уступил энергичным заявлениям Беннигсена и Толля. Атака была назначена на 17 октября, но из-за плохой организации штаба ее пришлось отложить до 18-го. Беннигсен не приводит причин. Богданович и Левенштерн оба обвиняют Ермолова. Левенштерн говорит, что отзыв лошадей с их отдаленных фуражировок вызвал большую задержку и что Ермолов вовремя не проинформировал генерала барона Левенштерна, командующего артиллерией.

Река Нара, текущая с запада, резко поворачивает на юг примерно в 5 милях к северу от Тарутино; вскоре после этого к ней слева присоединяется речка Чернишняя. Недалеко от Тарутино она снова резко поворачивает на восток. Дорога из Калуги проходит на север через Тарутино почти 5 миль до Винково, деревни примерно в 2 милях от устья Чернишней, а затем продолжается еще 5 миль до Спас-Куплии, где проходит между двумя лесами.

Линия фронта Мюрата простиралась от слияния Чернишней с Нарой до деревни Тетеринка, примерно в 5 милях к западу и примерно в 4 милях к югу от Спас-Куплии. Винково, лежавшее к югу от Чернишней, было занято поляками Клапареда при поддержке 3-го кавалерийского корпуса под командованием генерала Сен-Жермена и дивизии 1-го. Слева в тылу у Винково располагалась дивизия Дюфура, а слева от нее - остальной кавалерийский корпус Нансути. Еще дальше к югу от Чернишней стоял корпус Понятовского, с кавалерией Себастьяни на крайнем левом фланге. Латур-Мобур наблюдал за Нарой с правого тыла. Все силы Мюрата едва превышали 25 000 человек; он был скорее обременен, чем поддержан примерно 180 жалкими орудиями; а его 9000 или 10 000 кавалеристов находились в плачевном состоянии.

ПЛАН БИТВЫ ПРИ ВИНКОВО, 18 октября 1812 г.
Общее положение в момент начала отступления Мюрата

Русский план предусматривал демонстрацию части основной армии против растянутого фронта Мюрата, в то время как Беннигсен с силами, состоящими из 2-го, 3-го и 4-го корпусов, кавалерии Мюллера Закомельского и 10 казачьих полков под командованием Орлова-Денисова, повернул налево. Милорадович должен был двинуться на Винково с кавалерией Корфа и Васильчикова, в то время как за ним остальная армия выступила из Тарутино.

Орлов-Денисов и Мюллер-Закомельский напали около 7 часов утра 18-го на бивуаки Себастиани, в то время как Баггоуфвудт атаковал 5-й корпус спереди. Его продвижение было обнаружено разгорающимся светом и несколькими преждевременными выстрелами, и поляки смогли сформироваться и оказать энергичное сопротивление. Одним из первых артиллерийских выстрелов Баггоуфвудт был убит, и его падение несколько ошеломило его молодых солдат, особенно когда остатки французских карабинеров во главе с самим Мюратам храбро атаковали 48-й русский егерский полк. Русская кавалерия справа, однако, отбросила Себастьяни, захватив большую часть его обоза и артиллерии, и двинулась в направлении Спас-Куплии, которую они заняли, перерезав таким образом пути отступления Мюрата. Положение было бы критическим, если бы русских всадников поддерживала пехота. Вся французская линия поспешно отступила, но русский 2-й корпус, сбитый с толку смелой атакой Мюрата и потрясенный падением своего командира, последовал за ним очень осторожно. Остерман-Толстой не смог продвинуться вперед с необходимой скоростью, и Бенигсен счел себя обязанным сдерживать 3-й корпус до прибытия 4-го. Результатом было то, что всей французской армии, действительно в большом беспорядке и значительно пострадав от огня русской артиллерии, удалось осуществить свое отступление. Орлов-Денисов и Мюллер-Закомельский были вынуждены оставить Спас-Куплию, когда подошла пехота; и путь отступления был свободен. Тем временем Кутузов выполнял свою часть программы очень медленно или не выполнял ее вообще. Только кавалерия Милорадовича, поддержанная пятью пехотными полками, форсировала Чернишню и прижала тыл отступающих колонн к Спас-Куплии и через нее, где преследование прекратилось. Мюрат отступил к Вороново, где собрал свои пошатнувшиеся войска, в то время как основные силы русских спокойно вернулись в Тарутино. Милорадович с теперь уже формально сформированным авангардом находился в Виньково.

Французские отчеты, которые явно неполны, показывают потерю 2795 человек, из которых 1151 были пленными или пропали без вести. Основная часть потерь пришлась на 5-й корпус и кавалерию Себастиани; Клапаред и Дюфур почти не участвовали в боях. Два генерала были убиты и двое ранены. Русские утверждают, что потеряли всего 502 человека убитыми и ранеными. Они захватили 37 орудий, штандарт и массу багажа.

Бенигсен был раздражен запоздалой и слабой поддержкой Кутузова, хотя его собственное поведение было не слишком энергичным, и разрыв между ними увеличился. Это было уже здорово, Кутузов гораздо больше полагался на отставного и трудолюбивого Коновницына, чем на Беннигсена.

Успех русских под Виньково, каким бы неполным он ни был, тем не менее нанес тяжелый удар по и без того пошатнувшемуся *моральному духу* наполеоновской армии.

Поскольку период эвакуации Наполеоном Москвы подошел к концу, представляется необходимым провести обзор позиций, занимаемых различными частями противостоящих сил.

Сначала разобраться с захватчиками —

Императорская гвардия, Главный штаб, Кавалерийский резерв и основная часть 1-го, 3-го, 4-го и 5-го армейских корпусов были разбиты лагерем под личным командованием Наполеона в окрестностях Москвы. Около Можайска находился 8-й корпус под командованием Жюно, общая боевая численность этой первоначальной Великой или Центральной армии, включая инженеров, жандармерию и т.д., составляла почти 125 000 человек.

У Вязьмы находилась призывная колонна под командованием генерала Эверса, численность которой вместе с гарнизонами в Гжатске и других местах можно оценить примерно в 5000 человек.

Около Смоленска находились 129-й и Иллирийский полки из корпуса Нея, три 3—го батальона Висленского легиона и часть Гессен-Дармштадтской гвардии, принадлежащие Императорской гвардии, Мекленбургский полк и батальон 33-го Легионерского (1-й корпус); польский кавалерийский полк (5-й корпус); и около 8000 человек в *маршевых войсках*- всего около 16 000 человек, включая 1500 кавалеристов под командованием генерала Бараге д'Илье.

В окрестностях Смоленска также был расквартирован 9-й корпус под командованием Виктора численностью около 26 000 человек.

В Витебске и его окрестностях находился батальон 9—го корпуса и несколько призывников - около 1000 человек.

Между Смоленском и Оршей в гарнизоне находилось около 3000 человек — призывники, выздоравливающие, инженеры и польские рекруты.

В Могилеве находились 1 пехотный и 1 кавалерийский полки дивизии Домбровского, около 1500 человек. Остальная часть дивизии, около 5500 человек при 20 орудиях, была развернута на юго-запад.

В Минске и Борисове и по окрестностям были разбросаны 2 слабых французских батальона, несколько складских частей различных наций, слабый вюртембергский пехотный полк и 4 батальона и 4 эскадрона ненадежных литовских новобранцев — всего менее 6000 человек под командованием генерала Брониковского. В Слониме генерал Конопка организовывал новый гвардейский литовский уланский полк, который с учетом нескольких других новобранцев можно оценить в 1000 человек.

Между Минском и Ковно находились различные склады, *маршевые части*, а также ряд польских и литовских новобранцев общей численностью около 14 000 человек и бригада Кутара 9-го корпуса численностью 2500 человек.

В Курляндии и перед Ригой 10-й корпус Макдональда насчитывал теперь около 26 000 человек.

В Полоцке и его окрестностях находились 2—й корпус, остатки пехоты 6—го полка и кирасирская дивизия Думерка - около 30 000 бойцов - под командованием маршала Сен-Сира.

У Шварценберга в Венгрове, Белостоке и других местах было около 37 000 человек, в том числе 22 000 австрийцев, почти 10 000 саксонцев и около 5000 поляков. На соединение с ним шли 5000 австрийцев и французская дивизия (Дурутте) 11-го корпуса численностью 13 000 человек.

В Кенигсберге и в окрестностях находилась дивизия Луазона из 11-го корпуса численностью 13 000 человек, французов, немцев и неаполитанцев.

Кроме того, в Польше и Пруссии находилось в гарнизонах или выдвигалось на фронт около 21 000 человек различного рода войск.

Таким образом, общая численность наполеоновской армии, находившейся на территории России или собирающейся перейти границу, составляла в середине октября около 351 000 человек.

В Германии, по большей части вдоль линии Одера, находилась остальная часть 11-го корпуса под командованием маршала Ожеро. Она состояла из двух временных дивизий под командованием генералов Юделе и Лагранжа, неаполитанской дивизии в Данциге под командованием генерала д'Эстре, кавалерийской бригады Кавеньяка и нескольких отдельных войск, насчитывавших вместе с артиллерией около 40 000 человек; помимо, возможно, 27 000 призывников. Из этих войск, всего 67 000 человек, около 55 000 находились на Висле в конце кампании. Добавляя их к 351 000 войскам, уже находившимся за этой рекой, общее количество наполеоновских войск, все еще наступавших на Россию, составляло 406 000 человек. Поскольку общая численность занятых в ходе кампании в других местах оценивалась в 674 000 человек, получается, что 268 000 человек уже исчезли с линии боевых действий. Некоторые, без сомнения, вернулись домой инвалидами, некоторые были захвачены русскими; определенное количество, без сомнения, попало в хорошие руки в стране и в конечном итоге оправилось от полученных травм. Но гораздо большее число людей уже было мертво.

Этим 406 000 действительных и предполагаемых врагов Россия противопоставила следующие силы:—

В Тарутино и близ Москвы под командованием фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова находилось 105 000 регулярных и 20 000 иррегулярных частей. Под командованием Витгенштейна, недалеко от Полоцка, находилось 40 000 регулярных войск и ополчения. На подкрепление Витгенштейну шел граф Штайнгель с 10 000 человек, почти все регулярные войска. В Риге под командованием Эссена I было около 15 000 солдат.

Адмирал Чичагов имел под своим общим командованием в общей сложности около 70 000 человек, включая дивизию генерала Людера, прибывшую из Сербии. У Эртеля в Мозыре теперь было около 14 000 человек, в то время как в Бобруйске было 6000 гарнизонов. Наконец, в небольших регулярных отрядах, набранных из рекрутов, ополченцев и казаков насчитывалось около 30 000 человек, которые направлялись на усиление различных армий. Таким образом, общая численность русских составляла почти 310 000 человек.

ГЛАВА X

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ РЕТРИТА

Битва при Винково внезапно положила конец любым надеждам, которые Наполеон, возможно, еще лелеял относительно скорейшего заключения мира. Однако совершенно очевидно, что он уже принял решение оставить Москву. 14 октября были подтверждены приказы об эвакуации госпиталей в Можайске и других местах к 20-му. Жюно также было приказано уничтожать оружие, которое нельзя было унести с собой. Колонна подкрепления Эверса, которая уже миновала Вязьму, была повернута обратно в этот город; а другим *маршевым* полкам было приказано оставаться в Смоленске или возвращаться в него.

Состояние армии требует тщательного рассмотрения. Монтолон, которого можно считать говорящим от имени своего хозяина, говорит, что он был укреплен и оживлен долгим отдыхом, что у него был запас продовольствия на двадцать дней, что он был в изобилии снабжен боеприпасами.

Следует отметить, что в этой категоричной *апологии* не упоминаются жизненно важные вопросы дисциплины, одежды и лошадей. О них сейчас будет кое-что сказано. Моменты, отмеченные Монтолоном, можно обсудить один за другим.

Прежде всего, следует провести различие между войсками в Москве и ее окрестностях и войсками, входящими в авангард Мюрата.

О первых можно сказать, что они были, что касается мужчин, в хорошей физической форме. Однако даже здесь необходимо провести различие. Гвардейский и 1-й корпуса бездействовали в течение четырех недель. Они пользовались лучшим, что могла себе позволить Москва; и, конечно, должны были быть в первоклассном состоянии. Но, с другой стороны, они жили свободно, питаясь пищей, не всегда столь питательной, сколь привлекательной для грубых людей, и винами и крепкими напитками, которыми изобиловали дворцы и склады, и, вероятно, вряд ли были готовы к новым и ужасным лишениям. 3-й и 4-й корпуса, как правило, стояли лагерем под Москвой, мало что добыли грабежом и были бесполезно измотаны постоянными сборами фуражиров и работой на аванпостах. И все же возможно, что эти необстрелянные люди действительно были лучше подготовлены к тому, что им предстояло, чем гвардия и корпус Даву.

Что касается вопроса о поставках продовольствия, то здесь трудно высказать определенное мнение. Несомненно, недостатка в продовольствии не было, и, вероятно, войска могли бы взять с собой двадцатидневный паек, если бы дисциплина была хорошей, а транспорт - обильным. Как бы то ни было, ясно, что армия испытывала нехватку припасов в течение десяти дней после своего ухода из Москвы.

Нет причин сомневаться в утверждении Наполеона о том, что запасы боеприпасов были в изобилии.

Поскольку Наполеон, по своему обыкновению, занимался исключительно материальными вопросами, возможно, было бы неплохо последовать по его стопам, прежде чем рассматривать вопросы морали. Все свидетельства выживших свидетельствуют о том, что войска были плохо и неадекватно одеты. За исключением того, что некоторые из них были доставлены после разграбления Москвы, у солдат была только поношенная и изодранная форма, которая служила им на протяжении всего наступления. Обувь была сильно поношена, а нижнее белье в плачевном состоянии. Бургунди, сержант Молодой гвардии — следовательно, из привилегированного корпуса — говорит, что носил рубашку до тех пор, пока она на нем не сгнила. Только 17 октября были выпущены кожа и лен, и тогда было уже слишком поздно производить материал.

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛИЯ БЛАГОСЛОВЕННОГО В МОСКВЕ

Построена знаменитым царем Иваном Грозным во второй половине 16 века

В каком бы состоянии ни находились армейские припасы, им не хватало транспорта. Лошади постоянно умирали от усталости, болезней и, прежде всего, от нехватки корма. Было замечено состояние кавалерии, а артиллерия и обозы, естественно, находились в столь же плохом состоянии. Наполеон отказался бросить что-либо из своей огромной и жалко оснащенной артиллерии, чтобы облегчить мертвый груз, который тяготил марш. Было бы разумнее оставить часть огромной массы боеприпасов и наполнить артиллерийские повозки продовольствием или фуражом. Командующий артиллерией Молодой гвардии действительно сделал что-то в этом роде, с хорошими результатами, но по большей части страх перед Наполеоном эффективно препятствовал таким действиям, основанным на здравом смысле. Тяговые лошади, находившиеся в плохом состоянии и в любом случае перегруженные, без учета невоенных и ненужных дополнительных пополнений, начали гибнуть в самом начале отступления, а артиллерия и обозы были потеряны по частям. Большая часть продовольствия и фуража, которые армия взяла с собой, была потеряна рано из-за отказа транспорта.

Один факт любопытен и необъясним. Можно было бы подумать, что самые напряженные усилия были приложены для обеспечения отдельных солдат достаточным количеством продуктов питания, когда нехватка транспорта была хорошо известна. Есть свидетельства того, что еда была оставлена в Москве. Де Фезенсак утверждает, что он подарил муку, которую не смог унести, некоторым москвичам, которых он кормил во время своего пребывания в городе. Этот инцидент делает честь его человечности. И все же возникает вопрос, почему он не раздал их своим солдатам, которые вскоре умирали от нужды. Понятно, что сами солдаты носили с собой мало продовольствия, и причина этого, вероятно, связана с низким *моральным духом* армии.

Длительный курс всевозможных излишеств ослабил чувство чести, которым обладала основная масса солдат, а разбросанные казармы, вызванные разрушением большей части города, очень затрудняли поддержание порядка. Насколько можно судить, постоянная муштра ни в коем случае не была характерной чертой наполеоновской армии, и проверки комплектов, по-видимому, часто носили формальный характер. Во всяком случае, несомненно, что так было во время пребывания в Москве. В вещмешках и ранцах слишком часто хранилось не самое необходимое, а награбленное. Офицеры либо не предпринимали решительных попыток остановить зло, либо их усилия были безрезультатны. Вполне вероятно, что прежнее дискредитирующее положение дел действительно сохранялось. В наполеоновских армиях был широко распространен разбой, и у многих офицеров личные автомобили были нагружены награбленным. Генералы часто были не лучше. Сам Наполеон добавил к обременению армии два обоза с трофеями: один из золотых и серебряных слитков, наличие которых может быть оправдано, другой - предметов чисто сентиментальной ценности, которым вряд ли можно найти оправдание. Это был всего лишь еще один пример ничтожества, побудившего Наполеона осквернить гробницу Фридриха Великого. Трудно винить подчиненных офицеров, когда их правитель и их генералы подают такой дурной пример, еще менее возможно придраться к невежественным солдатам. Как бы то ни было, отсутствие дисциплины, вызванное низким чувством чести у офицеров и жадностью к грабежам, было не последней из причин разрушения *Великой армии*.

Наконец, пагубная практика позволять войскам маршировать в беспорядке вскоре привела к фатальным последствиям. Офицеры и рядовые настолько привыкли к этому, что, вероятно, поначалу не осознавали его масштабов, и вскоре стало невозможно это проверить. Результаты были ужасными. Худший элемент среди страдающих войск имел все возможности для расформирования, и русские иррегулярные войска, которые мало чего могли добиться против сомкнутых отрядов пехоты, смогли учинить огромный хаос.

Помимо всего этого, армия была обременена непропорционально большим количеством некомпатантов. Помимо обычных сопровождающих в лагере, мужчин и женщин, уже было замечено, что в армии было несколько человек — частично женщин, — которым не следовало разрешать сопровождать ее. Вначале число больных и раненых достигало по меньшей мере нескольких тысяч. Французская колония в Москве в основном бежала вместе с армией. Кроме того, множество русских проституток и даже немало женщин и девушек более высокого пошиба, включая представителей высших слоев общества, сопровождали мужчин, которые завязали с ними связи.

Точное настроение в армии установить невозможно. Нет сомнений, что битва при Бородино сильно повлияла на *моральный дух* французских войск, и французские войска, по крайней мере,

с их быстрой разведкой, должны были со страхом смотреть в будущее. С другой стороны, их естественная беззаботность и вера в Наполеона, вероятно, поддерживали их дух. Иностранный элемент, несомненно, вселял еще меньше надежд. Несомненно, что наиболее вдумчивые из офицеров были полны дурных предчувствий; и среди генералов царило сильное уныние, многие из которых, кроме того, были утомлены войной и жаждали отдыха.

Таким образом, дезорганизованная, с расшатанной дисциплиной, плохо одетая, плохо снабженная, с недостатком транспорта, но нагруженная бесполезной добычей, обремененная больными, ранеными и беспомощными некомпатантами, и со скрытой повсюду деморализацией, *Великая армия* выступила из Самых Отдаленных мест расположения Наполеона, чтобы с боем пробиться домой. Возможно, трудно видеть вещи в их истинном свете, поскольку на каждое усилие в этом направлении естественным образом влияет знание последующих событий. Но вряд ли можно избежать вывода, что судьба *Великой армии* была уже решена и что тень надвигающейся катастрофы мрачно легла на ее беспорядочные колонны.

Численность наполеоновского войска при выходе из Москвы может быть подсчитана лишь приблизительно. Даты составления сводок, собранных компанией De Chambray, настолько различаются, что их можно использовать только в качестве общего ориентира. В опубликованных таблицах также есть ошибки: в 8-м корпусе насчитывается 4916 единиц пехоты и артиллерии вместо 1916. Де Шамбре также, при всех его достоинствах, имеет недостаток, действительно вполне естественный и вполне простительный, - довольно заниженный рейтинг французов. Пример этого можно увидеть в его оценке сил Наполеона при Бородино.

В целом, исходя из сводок, собранных Де Шамбрэ, численность армии Наполеона на марше из Москвы, по-видимому, была примерно следующей:-

Корпус.	Пехота, Артиллерия, Спешившаяся кавалерия.	Конная кавалерия.	Всего.	Орудия.
Генерал-квартирмейстер	3000	1000	4000	?
Императорская гвардия	19,000	4,000	23,000	
1-й армейский корпус	30,000	1,000	31,000	
3-й " "	10,500	1,000	11,500	
4-й " "	26,000	1,500	27,500	
5-й " "	5,000	1,000	6,000	
8-й " "	5,000	750	5750	
Резерв кавалерии	1,000	5,000	6,000	
Бригада спешенных всадников"	4,000		4,000	

Артиллерийские парки, саперы, } Понтонье, жандармерия и т.д.}	5000	500	5500	
	108 500	15 750	124 250	600

Точное количество орудий не очень точно, и вычислять его - несколько ненужная задача. Но, включая запасные части в резервных парках и учитывая потери и подкрепления, общее количество должно было составлять около 600 человек. Там было более 2000 артиллерийских машин, по большей части тяжело груженных и очень плохо управляемых.

Составы, и без того огромные, теперь были еще больше увеличены за счет количества телег и экипажей всех видов, захваченных в Москве и реквизированных для перевозки продовольствия, раненых, беженцев и награбленного. Основная масса военнослужащих дополнила свою поношенную форму в виде всевозможной одежды, часто женской, позаимствованной из магазинов и складов. Эффект, должно быть, в то время казался фантастическим и комичным, но юмору зрелища вскоре предстояло смениться ужасом.

Было замечено, что 14-го числа были отданы приказы, предвещавшие эвакуацию Москвы; а 16-го Наполеон написал Маре в Вильно, излагая свои намерения. Он выступит против Кутузова и разгромит его, возьмет Калугу, а затем будет действовать по обстоятельствам. Вероятно, в конечном итоге он отправится на зимние квартиры между Минском и Смоленском, поскольку Москва не могла обеспечить себе удовлетворительной военной позиции. Император предпринял последнюю попытку склонить Кутузова к началу переговоров, но, конечно, безрезультатно. Он был в одном из своих худших настроений, разъяренный отсутствием успеха, и дикая сторона его натуры проявилась во всей своей наготе в позорных приказах взорвать Кремль и его священные и исторические здания.

Из Москвы в Калугу вели две дороги. Западная проходила мимо городов Фоминское, Боровск и Малоярославец, а восточная - мимо Вороново и Тарутино. Восточная дорога является более прямой из двух и представляет собой примерно хорду неглубокой дуги круга, описываемой другой. Из Боровска перекресток ведет через Верею в Гжатск. Из Малоярославца довольно хорошее шоссе идет на восток и юго-восток через Медынь к Юхнову, а оттуда через Ельню к Смоленску. Две дороги Москва-Калуга находятся дальше всего друг от друга между Тарутино и Боровском, причем последнее место находится примерно в 20 милях от первого и немного к северо-востоку от него. Малоярославец находится примерно в 11 милях к югу от Боровска и примерно в 22 км по дороге от Тарутино. Таким образом, очевидно, что это был пункт большого стратегического значения.

Позиции противоборствующих армий были следующими: на французской стороне отряд Мюрата находился близ Вороново, примерно в 18 милях к северу от Тарутино. В Фоминском, в 15 или 16 милях к западу от Вороново, находилась дивизия Брусье из 4-го корпуса, которая была отправлена туда несколькими днями ранее. Жюно с 8-м корпусом находился около Можайска. Остальная часть *Великой армии* находилась в Москве и ее окрестностях.

Маршал Кутузов со своим *Батайским* корпусом расположился лагерем около Тарутино, в то время как Милорадович с авангардом был выдвинут вперед, чтобы наблюдать за Мюратом. Летучий корпус Платова и другие легкие подразделения находились в окрестностях Тарутино; Дорохов находился под Вереей; а кавалерия Винцингероде, как и прежде, наблюдала за Москвой с севера и востока.

Маршал Мортье был оставлен Наполеоном для завершения эвакуации Москвы и выполнения отвратительного приказа разрушить Кремль. Под его командованием были дивизия Молодой гвардии Лаборда, бригада спешенных солдат Шарье, бригада легкой кавалерии инемного артиллерии и саперов - всего около 9000 человек. Он должен был удерживать Кремль в течение нескольких дней и объявить, что Наполеон скоро вернется, одновременно расчищая руины от раненых, некомбатантов и беженцев.

Остальная гвардия, 1-й, 3-й и 4-й корпуса, начала эвакуацию из Москвы в ночь с 18 на 19 октября. Из-за скопления поездов на дороге Москва-Калуга царила большая неразбериха, и марш был медленным. Повсюду были очевидны безрассудство и нарушение дисциплины. Когда 3-й корпус достиг места сбора в Семеновском монастыре, оказалось, что он объят пламенем, и поразительно читать, что в нем сгорело большое количество провизии. Бесполезно искать оправдания совершению такого поступка; это было простое безумие.

Армия продвигалась по восточной дороге прямо на Тарутино. Эжен открыл марш, а за ним последовали 1-й и 3-й корпуса и гвардия. Продвижение по западной дороге, казалось, угрожало лобовой атакой на позиции у Тарутино, но, достигнув Пахры, император направил колонны на западный маршрут. Отряд Мюрата был разбит. Сам король с остатками 1-го, 2-го и 3-го кавалерийских корпусов был направлен на Фоминское; корпус Понятовского - на Верее, чтобы отбить это место у Дорохова. Ней должен был занять место Мюрата в Вороново, легион "Висла", остатки 4-го кавалерийского корпуса и кавалерия 1-го корпуса также были предоставлены в его распоряжение. Всего у него было около 16 000 человек и более 100 орудий - достаточно под его решительным руководством, чтобы держать Милорадовича в узде. Существовала также возможность, что его присутствие в Вороново заставит Кутузова поверить, что вся французская армия продвигается по восточной дороге; и в любом случае это отвлекло бы внимание от флангового движения по западной.

Отвод наступающих войск на западную дорогу был хорошо продуманным маневром, и если бы он был осуществлен с большей быстротой, то мог бы привести к блестящим результатам. Расстояние до Малоярославца по французской линии марша составляет около 72 миль, которые передовые части преодолели к вечеру 23-го. Поскольку дороги были плохими, а перекрестки - невыразимыми, и, кроме того, прошел небольшой дождь, который усугубил ситуацию, нельзя сказать, что армия действовала плохо. Но его марш, обремененный бесконечными эшелонами с артиллерией и обозом, был недостаточно быстрым для экстренной ситуации. Внимание русского штаба, действительно, по-видимому, было приковано к восточной дороге, поскольку только 22-го Кутузов узнал, что французские войска находятся у Фоминского. Считая, что это, вероятно, был всего лишь мощный заслон для фуражировочных операций, Кутузов приказал Дохтурову с 6-м корпусом и легкой кавалерией императорской гвардии атаковать и отбросить его назад. Милорадовичу было приказано выступить против войск на его фронте, чтобы помешать им перебросить подкрепления дивизии в Фоминское. Это было вечером 22-го. Корпус Эжена с дивизией Дельзона во главе находился между Фоминской и

Боровском; Даву с гвардией находился около Фоминской. В полночь 23-го Ней двинулся из Вороново в Боровск под проливным дождем, который просто замел следы и серьезно затруднил марш. Его также преследовали отряды казаков. Понятовский прибыл в Верею рано утром 23-го и после небольшого боя выбил Дорохова, который отступил по перекрестку дорог в сторону Малоярославца. Поздно вечером того же дня Дельзонс занял Малоярославец со своим передовым охранением из двух батальонов.

Дохтуров в сопровождении Ермолова и сэра Роберта Уилсона покинул Тарутино рано утром 23-го. 6-й корпус, из-за своих ужасных потерь при Бородино, насчитывал всего 10 полков, даже с добавлением одного или двух из корпусов, которые пострадали меньше. Более того, один из них был прикреплен к колонне Ожаровского. Таким образом, у Дохтурова было всего 18 батальонов, 7 батарей и 3 полка легкой кавалерии гвардии - всего около 12 000 человек при 84 орудиях. К полудню он прибыл в пункт, расположенный в 5-6 милях от западной дороги, между Фоминском и Боровском, и там получил информацию, что 12 000 французских солдат находятся перед ним. Он посоветовался со своими подчиненными и с Уилсоном, и было принято правильное решение остановиться и дожидаться развития событий, поскольку, если бы этот орган был изолирован, он, вероятно, продолжал бы обороняться. С другой стороны, если бы она продолжала наступать, то, вероятно, возглавляла бы грозную силу — возможно, всю французскую армию. Очень скоро от Сеславина поступили сведения, что Москва эвакуирована и французская армия переходит восточную дорогу на Фоминское; и сразу же после этого в донесении Дорохова сообщалось, что казачий пост в Боровске был изгнан Дельзоном. Дохтуров быстро принял решение. Он больше не мог надеяться перехватить французов у Боровска, поэтому должен был броситься к Малоярославцу и там перекрыть дорогу. Он отправил в Тарутино сообщение о своих разведанных и намерениях и направил свои силы к жизненно важному пункту, прибыв туда в ночь с 23-го на 24-е.

Сам Наполеон достиг Боровска 23-го. Оттуда он отправил Бараге д'Илье приказ выдвигаться из Смоленска в направлении Ельни. Он, очевидно, рассчитывал беспрепятственно осуществить свой маневр. В письме Эжену, датированном 19.30 вечера, он, по-видимому, обнаружил присутствие Дохтурова, но ожидал атаки с фланга своих колонн, а не попытки преградить ему путь. Когда он диктовал эту депешу, все русские командиры, имевшие с ним связь, были полностью осведомлены о его маневре, Кутузов был предупрежден, а Дохтуров упорно продвигался к Малоярославцу!

В час ночи Мортье в Москве приказал взорвать мины, которые были заложены под зданиями в Кремле и в других местах. Они были заряжены 183 000 фунтами пороха, и был нанесен большой ущерб, но ни в коем случае не полное уничтожение, на которое рассчитывал Наполеон. Говорят, что Мортье, ненавидевший позорную задачу, поставленную перед ним его хозяином, несколько не сожалел о сравнительно небольших результатах императорского вандализма, и это, несомненно, правда.

Винцингероде, который со своими войсками уже находился в пригороде, довольно бесцеремонно двинулся вперед, чтобы вновь занять Кремль, выехав вперед без сопровождения, в сопровождении только одного адъютанта. В результате он был взят в плен, хотя и предпринял бесчестную, если не совсем непростительную попытку к бегству, размахивая носовым платком и делая вид, что пришел на переговоры. Мортье совершенно справедливо отказался слушать и задержал его. На этом эвакуация была завершена. Маршал прилагал

самые напряженные усилия, чтобы спасти всех инвалидов и, насколько это было возможно, облегчить их страдания, но нехватка транспорта была настолько велика, что многие сотни пришлось оставить. Восемнадцать орудий, несомненно, пришедших в негодность, также были заброшены. Гигантский конвой, охраняемый небольшим отрядом Мортье, двигался не по главной дороге на Смоленск, а по перекресткам на Верее.

В Тарутино Кутузов 23-го числа получил разведданные, посланные Милорадовичем и Дохтуровым. Время немного сомнительно, но он не мог получить донесение Дохтурова до позднего вечера, и не было возможности выступить сразу из-за отсутствия значительной части артиллерийских лошадей, которых, как и перед боем под Винково, отвели далеко за фуражом. Обвинения, щедро возлагаемые на Кутузова за медлительность, по-видимому, беспочвенны; ненужной задержки не было. Отправляться навстречу Наполеону без артиллерии было бы неразумно на грани безумия. На самом деле, если предположить, что окончательная информация поступила в лагерь около 4 часов дня, то шесть или семь часов - это не слишком большой срок, чтобы созвать отряды и подготовиться к маршу. Платов был немедленно отправлен с 15 казачьими полками наблюдать за маршем колонны Наполеона и преследовать ее, а в 11 часов вечера остальная армия двинулась к Малоярославцу. Расстояние, с учетом отклонений, составляло около 25 миль, в основном по отвратительной проселочной дороге, ставшей почти непроходимой из-за проливного дождя. Тем не менее русские упорно продвигались вперед, и к 11 часам утра 24-го голова колонны была в пределах досягаемости Малоярославца. Учитывая, что Ней, который в ту же ночь двигался по восточной дороге, не достиг Боровска до вечера 26-го, потратив три дня на преодоление около 36 миль, наибольшая заслуга принадлежит русской армии.

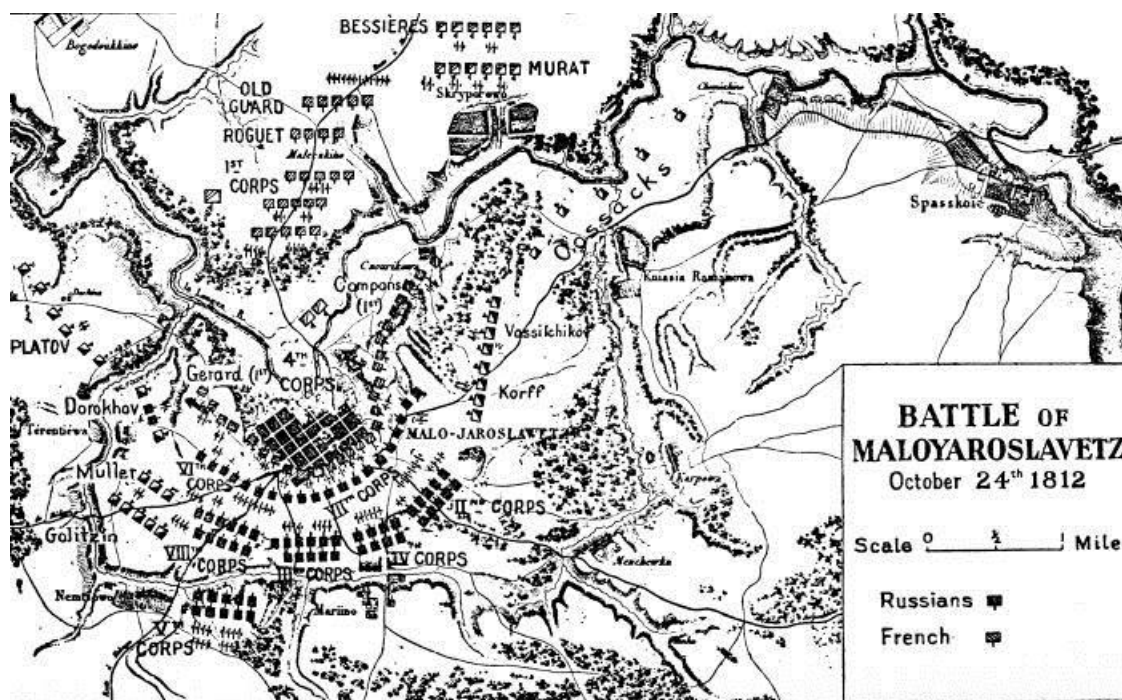
Дохтуров со своим отрядом достиг Малоярославца в ночь с 23-го на 24-е число. Либо сейчас, либо вскоре после рассвета 24-го к нему присоединился Дорохов из Вереи. Его войска, должно быть, были почти смертельно разбиты, но ему удалось рассредоточить их по городу таким образом, чтобы удерживать выходы на все дороги, которые вели из него. Он, конечно, не знал, что город удерживали только два батальона; но упрек Бутурлина в том, что он не привел его, необоснован. Его люди маршировали почти весь день и ночь, и было совершенно необходимо дать им немного отдохнуть.

Малоярославец, обычный российский провинциальный городок, построенный почти полностью из дерева, лежал на южном берегу небольшой реки Лужа, в том месте, где ее пересекал мост, соединяющий дорогу Москва-Калуга. Река, как и большинство ручьев в регионе, течет в глубоко утопленном русле. Ниже моста были, по словам Уилсона, броды, но русским они были не нужны, а французы о них ничего не знали. В любом случае, ни одна из сторон не пыталась их использовать. Местность была очень пересеченной и к тому же лесистой, а берега реки, особенно южный, были очень крутыми. У ручья стояло несколько изолированных зданий, в то время как сам город лежал в нескольких сотнях ярдов дальше, раскинувшись на вершине холма на плато с небольшим спуском к югу. Единственная хорошая артиллерийская позиция на русской стороне находилась к востоку от города, но хотя с нее можно было контролировать противоположный берег Лужи, по которому должен был наступать враг, местность была настолько пересеченной и поросшей лесом, что моста нигде не было видно, и, по-видимому, он никогда серьезно не повреждался.

Рано утром 24-го несколько беглых жителей добрались до Дохтурова и сообщили ему, что в городе пока только два батальона французских войск. Соответственно, вскоре после рассвета, когда его люди благодаря этому немного отдохнули, он послал вперед 6-й и 33-й егерские полки для взятия города. Они изгнали гарнизон почти со всей территории, но здания у моста образовали своего рода *тет-дю-пон*, который французы отчаянно удерживали. Дохтуров поддержал атаку еще двумя егерскими полками, но сопротивление было упорным, и русские не могли продвигаться под непрекращающимся смертоносным огнем. Дельзонс мог поначалу подкреплять доблестный гарнизон только фрагментами и каплями, ибо, когда его основные силы попытались прорваться по северному берегу, Дохтуров быстро привел в действие линию батарей к востоку от города и эффективно сдержал их. Примерно час спустя несколько батарей 4-го корпуса, которые с трудом продвигались по болотистой дороге, были обстреляны вице-королем напротив русской артиллерии, и таким образом прикрытая дивизия Дельзона перешла мост и отбила город.

Вслед за этим Дохтуров возобновил бой тремя линейными полками, которые сплотили егерей и ворвались по улицам Малоярославца, оттеснив 13-ю дивизию обратно к мосту. Барон Дельзон был убит в разгар борьбы, и когда его брат и адъютант попытались отнести его тело в тыл, он тоже был сражен. Барон Гильемино, начальник штаба Эжена, принял командование, сплотил дивизию и при поддержке части Бруссье, которая начала прибывать, снова штурмовал теперь уже горящий город, но снова был вытеснен, когда Дохтуров прислал свежее подкрепление. Еще раз атака русских была остановлена у моста; и Бруссье и Гильемино со своими объединенными дивизиями снова прогнали 6-й корпус через пылающий город, но не смогли отступить из него под огнем русской артиллерии.

Основные армии приближались к месту боевых действий. Корпус Даву наступал из Боровска на поддержку Эжена; основные силы русской армии приближались к полю со стороны Тарутино. Корпус Раевского шел во главе длинной колонны, а за ним последовательно шли 8-й, 3-й, 5-й, 2-й и 4-й корпуса и кавалерия Корфа, Голицына и Васильчикова. Престарелый главнокомандующий путешествовал ночью в своей карете. Примерно в 3-4 милях от Малоярославца он остановился и приказал полковнику Левенштерну встретиться с Дохтуровым для доклада. Весь 6-й корпус был теперь задействован и принужден к обороне Бруссье и Гильемино; и об этом Левенштерн сообщил главнокомандующему. Кутузов немедленно послал Раевского вперед на помощь Дохтурову, приказал другому корпусу выступить на поле боя со всей скоростью, а сам вскочил на коня и поспешил на фронт, чтобы выстроить свои наступающие войска в боевой порядок.

ПЛАН МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО СРАЖЕНИЯ 24 октября 1812 г.

Передовая дивизия Раевского, лично возглавляемая командиром корпуса и Коновницыным, достигла фронта около 12.30, собрала усталые дивизии Дохтурова, и объединенные силы в шестой раз штурмовали Малоярославец, загнав Брусье и Гильемино в укрытие на мосту, пока итальянцы Пино не поддержали и не сплотили их. Три дивизии отбросили наступающих русских и снова овладели ужасной грудой окровавленных руин, которые теперь представляли собой город. Конфликт был ужасен, не поддающийся описанию; солдаты противника сражались насмерть среди пожаров и руин; раненые задыхались, их топтали ногами, они сгорали заживо в пылающих домах или были ужасно искалечены орудиями и артиллерийскими повозками противника, когда они пробивались вперед и назад сквозь хаос.

Для отражения трех французских и итальянских дивизий Дохтурову теперь пришлось послать вторую дивизию Раевского. Русская пехота снова ворвалась в руины Малоярославца, оттесняя своих противников перед собой и тесня их вниз по склону к мосту. Но наконец прибыл начальник корпуса Даву, и Эжен соответственно отправил свой последний резерв - королевскую гвардию Италии. Его шесть батальонов в конце концов переломили чашу весов против русских 6-го и 7-го корпусов, которые, продолжая яростно сражаться, были отброшены назад к руинам города и прошли через них. Корпусная артиллерия Даву вынудила батареи на востоке отступить; вся артиллерия 4-го корпуса была выдвинута вперед по убитым и умирающим, чтобы поддержать пехоту, в то время как дивизии Компана и Жерара перешли временный мост и заняли позиции, первая слева от Эжена, вторая справа от него.

Французы были хозяевами окровавленных руин Малоярославца, и это было все. Пока шло сражение, Кутузов разместил всю свою армию к югу от города и начал укрепляться. Он сменил 6-й корпус 8-й и 3-й дивизиями и снова направил Бороздина и Раевского штурмовать ужасные руины Малоярославца. Передовые отряды Бороздина вошли в нее, но были снова выбиты, и, поняв, что французские позиции теперь слишком прочны, чтобы их можно было поколебать, русские в конце концов отступили; но их мощная артиллерия прикрывала каждый выход, а их

стрелки были повсюду вплотную к позициям их противников. 7-й и 8-й корпуса и 3-я дивизия находились на передовой; 2-й, 4-й, 5-й и 6-й с остальной частью 3-го были на втором и третьем местах, в то время как мощная кавалерия прикрывала оба фланга до самой Лужи.

Насколько можно выделить одно событие как решающий момент карьеры Наполеона, этим событием, несомненно, является битва при Малоярославце. Быстрое решение Дохтурова, блестяще подкрепленное отчаянными боями 6-го и 7-го корпусов, окончательно положило конец всякой надежде на успешное отступление. Можно сомневаться, что, даже совершив марш через Калугу, армии удалось бы сохранить дисциплину и сплоченность; но, во всяком случае, это был бы единственный шанс, а теперь попытка провалилась. Наполеон знал это. Он обосновался в крестьянской хижине в Городне, примерно в 5 милях к северу от Малоярославца, и вечером вызвал к себе Мюрата, Бертье и Бессьера. Он сел за стол, на котором была расстелена карта страны, и начал подробно излагать ситуацию генералам. Вдруг в полной мере его скорого разорения, казалось, лопнула на нем, и, уронив голову на руки, а локти на стол, он вновь уменьшился более чем на час паялся на карте, товарищей своих шестнадцати лет Победы ждали его, чтобы говорить, тихий и скорбный. Наконец поднявшись, он отпустил их без дальнейших комментариев, очевидно, решившись на последний отчаянный бросок костей. Он послал известие Даву, чтобы тот сменил измотанные войска Эжена на фронте, и что он сам приведет гвардию на подмогу. Нею, который к этому времени достиг Фоминской, было приказано вывести дивизии Ледрю и Разу на рубеж между Боровском и Малоярославцем, оставив Клапареда и Шелера охранять огромное скопление поездов на прежнем месте.

Тем временем Кутузов тоже раздумывал. Он объявил о своем намерении сражаться на занимаемой им территории; но по мере того, как шли часы, решимость покидала его. Возможно, его нельзя винить; встретиться с Наполеоном было нелегко — никогда еще это не было так опасно, как тогда, когда он казался совершенно сбитым с толку. Он знал, что качество его армии, разбавленной необученными ополченцами и новобранцами, прошедшими недельную подготовку, оставляло желать лучшего; еще одно сражение, подобное Бородинскому, полностью искалечило бы ее. Во всяком случае, он решил не принимать бой там, где стоял, а отступить на другую позицию примерно в 3 милях в тыл. Удар, по-видимому, был достаточно сильным; но он оставил открытой дорогу из Малоярославца в Медынь, которую Наполеон мог использовать для своего отступления. Гнев в русской армии был велик. Вильсон был в ярости и практически обвинял Кутузова в предательстве. Это, конечно, абсурдно. Русский главнокомандующий и английский комиссар были в очень плохих отношениях, последний, по-видимому, был довольно бестактен и слишком настойчив в своих попытках побудить первого перейти в наступление. Нет никаких сомнений в том, что Кутузов был слишком стар для своего поста; но, в конце концов, он был ответственным главнокомандующим русскими армиями и знал то, чего не знал Уилсон, — внутреннее состояние своей собственной. Дикий энтузиазм, подкрепленный только пиками, вряд ли представляет собой надежную защиту от опытных и хорошо вооруженных воинов, возглавляемых великим военным гением. Тем не менее, несомненно, что Вильсон и воинственные командиры русских корпусов были правы. Позиция за Малоярославцем была лучше, чем та, которую с таким отчаянным упорством удерживали при Бородино, и для ее защиты у Кутузова, за вычетом потерь предыдущего дня, было 100 000 регулярных и 15 000 иррегулярных войск с более чем 600 орудиями. Против них Наполеон мог выставить только гвардию (за вычетом дивизии Клапареда), 1-й и 4-й корпуса, основную часть 3-го и остатки резервной кавалерии. Мортье был на марше из Москвы в Верею, Жюно близ Можайска, Понятовский двигался на запад от Вереи. С учетом этих отрядов Наполеон мог

выставить в боевом порядке к 27-му полку немногим более 80 000 человек, включая гвардию Главного штаба. У него было бы 12 000 кавалеристов, в основном в очень плохом состоянии, и около 450 плохо оснащенных орудий против по меньшей мере 620 превосходно оснащенных русских частей. Этого, однако, Кутузов точно не знал, в то время как он знал, что Наполеон был впереди с основной частью своей армии. Он указал, что любое движение вспять было бы фатальным, поскольку за нынешней позицией было очень трудное ущелье. На горячие упрёки Вильсона он сердито ответил, что не намеревался одерживать победы, от которых выиграет только Англия! Эту вспышку милосердия можно объяснить плохим настроением из-за беспокойства Вильсона о нем. Вывод средств был осуществлен. Во время прохождения артиллерии через ущелье произошел значительный беспорядок, но продвижение было успешно завершено, хорошо защищенное искусным управлением арьергарда Милорадовичем.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ МАЛОЯРОСЛАВЦЕ

Наполеон больше часа просидел в крестьянской хижине в Городне, разглядывая карту, прежде чем принять роковое решение отступить разрушенным маршрутом к Смоленску

Утром Даву смог беспрепятственно выйти из Малоярославца, но его продвижение вскоре было остановлено видом русской армии, теперь закрепившейся на своей новой позиции. Тем временем Наполеон выступил из Городни. Его сопровождал его обычный эскорт из трех или четырех эскадронов. Гвардейская кавалерия была на некотором расстоянии позади, когда на дороге в Малоярославец масса казаков высыпала из леса слева и бросилась на эскорт. По словам Раппа, они ехали в полном порядке, так что сначала подумали, что это завсегдатаи. На самом деле это был собственный корпус Платова, атаман которого рано утром переправился через Лужу, чтобы совершить набег на линию коммуникаций Наполеона. Теперь он целился в парк из 40 гвардейских орудий близ Городни. Рапп схватил Наполеона за уздечку и развернул его лошадь, эскорт поспешно построился, Рапп встал перед императором, чтобы заслонить его от копий солдат дикого мха. Его рыцарская преданность едва не обошлась ему дорого, так как

его лошадь была убита, но штаб и эскорт спасли его, и, когда подошла кавалерия гвардии, казаки рассеялись. Однако они захватили артиллерийский парк, но лошади были на расстоянии водопоя, и увезти удалось только 11 орудий. Эта смелая попытка вызвала тревогу в армии, которая почти вся была призвана с оружием в руках отразить ожидаемое нападение.

Наполеон, вероятно, сильно раздраженный, вернулся в Городню до тех пор, пока путь не станет безопасным. В десять часов он снова отправился в путь, осмотрел поле боя, а затем вернулся в Городню, практически потратив впустую целый день — и это тогда, когда дорог был каждый час. Возможно, это было потому, что он все еще не решил, что ему делать. В своих покоях он провел последний бурный совет. Мюрат, смелый до последнего, выступал за наступление и предложил расчистить путь, если к остаткам его всадников присоединить гвардейскую кавалерию. Бессьер, однако, воспротивился ему, заметив, что транспорт уже выходит из строя и что наступление не может быть достаточно быстрым, чтобы быть эффективным. Даву посоветовал использовать дорогу Медынь-Смоленск в качестве основной линии отступления, но этого было достаточно, чтобы вызвать противодействие Мюрата, который настаивал на том, что она небезопасна от русских фланговых атак. Кончилось тем, что Наполеон решил отступить по главной дороге на Смоленск и приказал всей армии двигаться к нему через Можайск. Дорога через Медынь, Юхнов и Ельню примерно на 40 миль короче принятого маршрута; местность, по которой она проходила, еще не была полностью опустошена, и странно, что Наполеон не воспользовался ею, рискуя получить фланговую атаку со стороны осторожного и отнюдь не уверенного в себе русского главнокомандующего. Вполне возможно, что, каким бы маршрутом ни пошла армия, казаки помешали бы ей добывать продовольствие. Возможно, также Наполеон надеялся создать у Кутузова впечатление, что он отступает на Витебск, как, собственно, он поначалу и делал.

Кутузов действительно был настолько не уверен в себе, что 26-го числа отступил к Калуге. Его решение подверглось резкой критике, и не без особых оснований. Единственный ответ состоит в том, что то, что мы очень хорошо знаем сегодня, не было так очевидно Кутузову в 1812 году. Он не верил, что его армия может сравниться с армией Наполеона и что правильной политикой было бы "играть в прятки" с захватчиками, как выразился Клаузевиц, и таким образом изматывать их. Придя к такому выводу, Кутузов приступил к осуществлению своего замысла, невзирая на противодействие. Возможно, он был неправ, но это нельзя утверждать на основании доказательств, которые лежали перед ним в то время, когда он был неправ. Если бы Наполеон последовал за ним, его армия была бы лишь ослаблена; поверни он на запад, русские все еще были бы у него на фланге. Куда бы он ни пошел, его маршевая линия была бы кишмя кишита казаками. Кутузов, несомненно, был слишком осторожен; он мог бы рискнуть большим, но с таким же успехом он мог подвергнуть себя контрударам своего могущественного противника, доведенного теперь до отчаяния, и потерять все. Его операции проводились исходя из основной идеи, что Наполеона следует победить не открытой силой, а неуклонным уклонением и постоянными преследованиями. С этой точки зрения его отставка была естественной. Его действительно серьезная ошибка была совершена двумя днями позже и стала прямым результатом отступления Наполеона под Можайском.

26-го, в то время как разъяренные генералы Кутузова отдавали приказ о ретроградном марше на Калугу, Наполеон начал роковое движение, которое стало началом его падения. 8-й корпус, окружавший Можайск, естественно, образовал авангард; Ней был направлен на Можайск из Боровска, в то время как гвардия отошла обратно в это место. Мортье должен был достичь

Вереи к вечеру, а на следующий день к нему должны были присоединиться дивизии Роге и Клапареда. Эжен должен был следовать по следам гвардии, в то время как Даву с 1-м корпусом и остатками 1-го и 3-го кавалерийских корпусов прикрывал тыл. Понятовский должен был двигаться перекрестками к Гжатску, чтобы прикрыть левый фланг. Наконец, Эверс, продвинувшийся несколько южнее, к Юхнову, должен был вернуться в Вязьму и там ожидать армию.

Пока французская армия стояла около Малоярославца, она неоднократно получала доказательства активности и отваги русских легких войск. Все колонны, в свою очередь, были встревожены и встревожены. 25-го отряд казаков поднял часовую тревогу в Боровске. В тот же день полковник Иловайский IX с тремя своими полками напал врасплох на авангард 5-го корпуса, состоящий из полка пехоты и двух полков кавалерии под командованием генерала Тышкевича, близ Креминского, между Вереей и Медынью. Тышкевич был взят в плен, и из его отряда численностью около 1300 человек 500 были убиты, ранены и взяты в плен. Иловайский также захватил 5 орудий.

В настоящей битве при Малоярославце задействованные силы были почти равны по численности. С французской стороны были последовательно переброшены в строй 4-й корпус и 3-я и 5-я дивизии 1-й армии - всего около 35 000 человек. Русские последовательно вступали в бой примерно с тем же количеством войск — отрядом Дохтурова, отрядом Дорохова, 7-м корпусом, 3-й и 27-й дивизиями, и несколькими казачьими полками. Русские признали потери в 4412 человек убитыми и ранеными и 2753 пропавшими без вести. Следует опасаться, что очень многие из последних погибли в горящем городе, и фактическое общее число не может быть исчислено менее чем в 6000 человек, из которых целых пять шестых пришлось на 20 000 пехотинцев 6-го и 7-го корпусов. Тяжелой потерей был генерал Дорохов, который, будучи несколько глуховатым, неверно рассчитал дистанцию ружейного огня и в результате был смертельно ранен. Списки Мартиньена показывают, что с французской стороны было убито и ранено около 300 офицеров, и, следовательно, общее количество потерь также составило бы около 6000 — подавляющее большинство приходится на 4-й корпус. Из четырех командиров пехотных дивизий Дельзонс был убит, а Бруссье и Пино были ранены. Два генерала бригады были убиты и трое ранены. Потери в различных казацких тревогах, вероятно, были незначительными с обеих сторон. Русские, как говорилось выше, захватили 11 орудий.

ГЛАВА XI

ОПЕРАЦИИ В ТЫЛУ НАПОЛЕОНА В СЕНТЯБРЕ И ОКТЯБРЕ

Результатом операций на Дюне и на Волини стало то, что к концу августа Витгенштейн перешел к обороне у Сивохино, столкнувшись со значительно превосходящими силами под командованием Сен-Сира, в то время как на Волини Тормазов был вынужден укрыться за Стырем. Ему также противостояли силы, значительно превосходящие его собственные, но адмирал Чичагов теперь быстро наступал из Молдавии, и в течение нескольких недель чаша весов должна была повернуться против захватчиков. 28 августа царь и наследный принц Швеции встретились в Або. Результатом стал Абойский мирный договор, который освободил

русскую армию графа Стейнгелла в Финляндии для службы против Наполеона. Подкреплению численностью около 15 000 человек, из которых 10 000 были ополченцами Санкт-Петербурга, было приказано присоединиться к Витгенштейну.

Для координации действий широко разбросанных войск, которые от Финляндии до Молдавии стягивались к театру военных действий, Александром и его советом был разработан тщательно продуманный план операций. Оно было слишком детализированным, требовало невозможной точности взаимодействия со стороны командиров и предполагало завершение процессов подкрепления, которые часто едва начинались. В основных чертах это было так:—

МАРШАЛ ГУВИОН СЕН-Сир

Командующий 6-м (Баварским) армейским корпусом и победитель первой битвы при Полоцке, 18 августа 1812 г.

С картины Х. Верне в Версале

Чичагов должен был сосредоточиться в Остроге на Волыни и достичь Пинска к 20 сентября. Он должен был двинуться на Минск и захватить его, а затем занять линию Березины совместно с Витгенштейном, в то время как Тормазов сдерживал или оттеснял Шварценберга.

Витгенштейн, усиленный 19 000 ополченцев и 9000 регулярных войск, должен был переправиться через Дюну при поддержке Стейнгелла, атаковать Сен-Сира с тыла и, разбив его, продвигаться дальше для сотрудничества с Чичаговым.

Штайнгель с 14 000 человек финской армии должен был отправиться в Ригу. Рижский гарнизон численностью 20 000 человек (на самом деле его было намного меньше) должен был атаковать и сдерживать Макдональда, в то время как под прикрытием этой демонстрации Штайнгель продвигался к Полоцку, чтобы сотрудничать с Витгенштейном. Затем, пока последний двигался дальше, чтобы соединиться с Чичаговым, Штайнгель должен был преследовать Сен-Сира в направлении Вильно.

Войско генерала Эртеля под Мозырем должно было продвинуться на север и соединиться с Чичаговым в окрестностях Минска.

Очевидно, что главная цель операций - помешать маршу Наполеона из Москвы домой компетентными силами. Но приказы были слишком подробными в некоторых отношениях и расплывчатыми в других. Они говорили о таких событиях, как поражение Шварценберга от Тормазова, как будто они были обязательно осуществляться, были перегружены излишними подробностями и мало учитывали практические трудности организации и переброски войск в такой стране, как Россия. Стратегия в общих чертах была реализована; большего и ожидать было нельзя.

Усилия и интриги Андреосси, посла Наполеона в Константинополе, не смогли побудить турок отказаться от Мирного договора, заключенного в Бухаресте; и таким образом адмирал Чичагов после долгих задержек получил возможность двинуть свою армию на север. Под его личным командованием находилось пять дивизий всех родов войск под командованием соответственно генерала графа Ланжерона, генерал-лейтенантов Войнова, Эссена III и Сабаньева, а также генерал-майора Булатова. Всего насчитывалось 50 батальонов, 56 эскадронов, 17 батарей и 11 казачьих полков. Войска в целом были отличного качества и в основном ветераны, но подразделения были слабыми. Общая численность регулярных войск составляла, возможно, 34 000 человек при 204 орудиях; было также от 3000 до 4000 казаков. Дивизия численностью около 6000 человек и 12 орудий под командованием генерал-майора Людерса, которая поддерживала знаменитого сербского вождя Черного Джорджа, следовала с запада.

Первоначальная идея заключалась в том, что Дунайская армия должна была вторгнуться во французские владения в Иллирии; но вскоре от этой идеи отказались. Чичагов был сильно разочарован, но проникновение через дикую и труднопроходимую Балканию, несомненно, означало бы уничтожение его армии.

Чичагов был назначен командующим русской армией на Дунае и мирными переговорами с Турцией по прямому приказу Александра, который был зол на медлительность своего предшественника Кутузова. Адмирал также был решительным сторонником политики вооружения сербов против Наполеона и вторжения в Иллирию. Царь считал его способным и энергичным человеком, и он, конечно, должен был знать, поскольку Чичагов некоторое время был морским министром. Уилсон, посетивший его в Бухаресте, был очень впечатлен его способностями и сожалел, что его не назначили командующим раньше.

Уилсон отметил, что способности адмирала, возможно, не обязательно равняются независимому командованию, но, на самом деле, Чичагов справлялся ничуть не хуже любого

другого русского генерала. Из-за недостатка опыта он иногда был слишком медлителен; но его комментарии к представленным ему планам показывают, что он действительно обладал очень здравым военным суждением. Прежде всего, он обладал удивительно независимым характером и не стеснялся высказывать свое мнение. Он энергично и проницательно раскритиковал тщательно разработанный имперский план операций, прямо заявив царю, что тот должен действовать так, как если бы приказы были более определенными, чем они есть на самом деле, и ответит за свои отклонения от них!

Положение Чичагова в его собственной армии было не слишком приятным. Офицеры были недовольны тем, что ими командовал моряк; его заместитель, француз Ланжерон, был настроен крайне враждебно и в своих мемуарах не упускал возможности напасть на него. Однако даже Ланжерон признает его поразительную честность и презрение к личной выгоде — очень редкие добродетели для русского того периода — и раз или два, вопреки себе, вынужден отметить энергию своего шефа.

Чичагов оставил Бухарест 3 августа, а 9-го сосредоточил свою армию у Фокшани. Погода была очень сырой, и результатом стало разлив рек Путна и Серет за Фокшанами, которые разрушили существующие мосты и задержали их восстановление, так что только 17-го числа Дунайская армия смогла возобновить свой марш. Битва при Городечне состоялась; Тормазов полным ходом отступал за Стирь, и вскоре его тревожные сообщения начали доходить до адмирала, который в ответ поспешил на помощь со скоростью, равной которой, возможно, никогда не было на войне. Погода стояла жаркая; дорог почти не существовало; армия, по дурной привычке русских войск, была перегружена огромными обозами; тем не менее скорость ее марша была поразительной. От Серета к Яссам, от Яссы к Чочиму и Каменецу-Подольскому, оттуда к Стири через Староконстантинов и Заславль, она продвигалась быстрым, но методичным маршем, останавливаясь на один день через каждые шесть, чтобы передохнуть и объединить свои разрозненные колонны. Были предприняты все усилия, чтобы ускорить марш, особенно после перехода Днестра; ослабленных пехотинцев везли на повозках, в то время как кавалерия и артиллерия продвигались вперед со всей скоростью. 14 сентября, когда Милорадович отводил свой арьергард из Москвы, Чичагов лично вошел в Острог; и в тот же день дивизия Войнова достигла Крымников-на-Стире при поддержке Тормазова. Ланжерон был в Дубно, на один марш позади Войнова, Эссена и Сабаньева в Остроге, в то время как Булатов еще не прошел Заславль. От Фокшан до Стиря расстояние составляет более 450 миль, которое передовые дивизии прошли за 29 дней, включая 5 дней отдыха — в среднем более 15 миль в день и фактический средний марш-бросок 19! Армия достигла Стиря в отличном порядке, готовая немедленно перейти в наступление.

У Дубно к Чичагову присоединились два пехотных полка из Крыма. Объединенные российские армии теперь насчитывали около 67 000 человек, включая 18 000 кавалеристов и казаков, с более чем 300 артиллерийскими орудиями.

Под командованием Шварценберга было около 42 000 солдат, но несколько тысяч из них были необученными польскими рекрутами, и у него было всего 102 орудия, чтобы противостоять огромному парку своих противников. Болотистая и малярийная местность вызывала много болезней среди его войск. Весьма вероятно, что его также задержали по приказу из Вены, и недовольство среди его подчиненных, должно быть, имело большое значение. Но на самом деле у него не было войск, достаточных, чтобы форсировать Стирь против армии, не очень

уступавшей его собственной по численности и гораздо более сильной в артиллерии. 15 сентября, как раз когда Чичагов приближался к фронту, он написал Бертье и объяснил свои трудности. 17-го он провел демонстрацию вдоль реки и убедился, что Дунайская армия теперь присоединилась к Тормазову.

Чичагов, избавив Тормазова от страха быть разбитым, теперь мог позволить своим войскам двигаться более неторопливо. Поэтому в течение нескольких дней его дивизии просто спокойно располагались вдоль Стиря, и через реку был наведен мост. Шварценберг, понимая, что на него вот-вот нападут, отвел свои подразделения назад и приготовился отступать, как только русские двинутся вперед. Рано утром 20-го Ламберт переправился через Стирь и застал врасплох 14 эскадронов немецкой и польской кавалерии, захватив 300 пленных. 22-го началось общее наступление русских.

Весьма характерно для императорских приказов то, что они не предусматривали подчинения одного генерала другому в совместных операциях, которые они планировали. В данном случае никаких проблем не возникло, поскольку Чичагов и Тормазов хорошо договорились друг с другом; и когда 24-го числа от Кутузова поступил приказ Тормазову выступить на подкрепление главной армии, последний спокойно проигнорировал его. Несколько дней спустя пришел еще один приказ, на этот раз предписывающий Чичагову уехать, а Тормазову остаться, чтобы проверить Шварценберга. Адмирал отказался покинуть своего товарища и саркастически прокомментировал эти противоречивые указания. В любом случае ни Чичагов, ни Тормазов не смогли бы вовремя добраться до Тарутино. В конце сентября императорские инструкции были доставлены царским адъютантом полковником Чернышевым. Чичагов отмечает, что их целью явно было сосредоточить крупные силы вдоль линии Березины; и, отправив свой откровенный ответ своему хозяину, приступил к достижению цели своим собственным способом. В то же время Кутузов назначил Тормазова преемником Багратиона, оставив верховное командование Чичагову.

22-го числа русские армии форсировали Стирь, аванпосты Шварценберга отступали перед ними. Шварценберг отошел к Любомлю, немного восточнее Буга, на дороге Люблин-Ковель, где сосредоточился 28-го числа. К вечеру 29-го Чичагов и Тормазов собрали большую часть своих сил на его фронте; но ночью он покинул свою позицию и отступил к Брест-Литовску, отправив в то же время дивизию Зигенталя к Пружанам. Чичагов преследовал его с основной частью своих сил, только отрядив Войнова следовать за Зигенталем. 9 октября Чичагов достиг Брест-Литовска и вызвал свои отряды для сражения; но Шварценберг благоразумно дезертировал ночью и отступил на Варшаву. Он занял позицию в Венгрове, примерно в 42 милях к востоку от Праги, и ждал развития событий, в то время как Зигенталь отступил к Белостоку. Чичагов, оттеснив крайний правый фланг Наполеона за Буг, остановился в Брест-Литовске со своими главными силами, чтобы подготовиться к выполнению инструкций, привезенных Чернышевым.

Потери в этих операциях были не очень тяжелыми. Было много стычек, но никаких общих действий; и маловероятно, что армия Шварценберга потеряла более 3000-4000 человек. Убыль российских войск, должно быть, была еще меньше.

Теперь Чичагов, по мнению различных критиков с обеих сторон, совершил большую ошибку. Он оставался в Брест-Литовске 18 дней. Но, как справедливо заметил Богданович, он собирался наступать по стране, которая никогда не была богатой, но была опустошена переходом через нее нескольких армий. Ему пришлось разделить свою армию для проведения новых операций,

оставив компетентные силы для наблюдения за Шварценбергом и сбора припасов, достаточных для прокормления его собственного корпуса. Кроме того, Дунайская армия находилась в походе и сражалась более двух месяцев, и, вполне возможно, ей требовалось время для отдыха и перевооружения.

Во время остановки в Брест-Литовске генерал Сакен присоединился к армии с юга, приведя с собой около 4000 военнослужащих, которые, по-видимому, были призваны в более слабые части.

В то время как сам адмирал оставался в Бресте, готовясь к маршу к Березине, он разослал отряды, чтобы захватить Варшаву и прочесать страну в направлении Минска. Отряды, отправленные в направлении Варшавы, были поддержаны дивизией Эссена III, которая 18 октября вошла в соприкосновение у Бялы с Рейнье и была отброшена назад, потеряв несколько сотен человек и орудие, к Брест-Литовску. С другой стороны, генерал Чаплиц 20-го числа уничтожил новый литовский полк гвардии Наполеона в Слониме, и только около 120 человек спаслись бегством из 600. Отряд Чаплица поддерживала дивизия Щербатова (бывшая Марковская). Восточнее Слонима было очень малопередовых войск для прикрытия протяженной линии коммуникаций, которой с юга угрожали русские войска у Бобруйска и Мозыря. Гарнизон Бобруйска был недостаточно силен, чтобы совершать эффективные вылазки, но силы в Мозыре постепенно увеличились примерно до 12 000 человек и более 30 орудий. Для защиты от угрозы этих сил и наблюдения за Бобруйском Понятовский в августе оставил пехотную дивизию Домбровского и три кавалерийских полка. Все силы Домбровского, даже после объединения некоторых литовских рекрутов, никогда не могли превышать 9000 человек, и их едва хватало после размещения гарнизона в Могилеве для наблюдения за Бобруйском, не говоря уже о том, чтобы оказать какое-либо эффективное сопротивление Эртелю. 11 сентября колонна из Мозыря вынудила австрийский отряд оставить Пинск, в то время как вторая, под командованием самого Эртеля, 15 сентября разбила литовцев Домбровского и перебросила некоторое подкрепление в Бобруйск. Затем, однако, он удалился в Мозырь.

7 августа Эссен снова совершил вылазку из Риги и захватил Шлок, который затем был отбит пруссаками. 23-го Эссен решил предпринять генеральную атаку на пруссаков, которые наблюдали за городом, простиравшимся от Шлока до Томсдорфа на реке Дюна на расстоянии 42 миль. Колонна под командованием Льюиса должна была совершить настоящую атаку на Эккау, в то время как отряд под командованием генерал-майора Вельяминова выступил к Митау, а контр-адмирал фон Мюллер с флотилией шлюпов атаковал Шлок. Прусские посты в Даленкирхене на реке Дюна были отброшены Льюисом с некоторыми потерями, но демонстрация Вельяминова не имела результатов, хотя фон Мюллер захватил Шлок. 26-го Грауэрт, собрав свои рассеянные отряды, загнал Льюиса обратно в Ригу; и Шлок и Даленкирхен были вновь заняты. Потери в этих боях в сочетании с болезнями значительно ослабили гарнизон. С другой стороны, они доказали, что пруссаки недостаточно сильны даже для блокады этого места. Макдональд отправил бригаду из дивизии Гранжана на подкрепление и приготовился подтянуть остальную часть в случае необходимости.

После этого обе стороны бездействовали до 18 сентября, когда произошла еще несколько нерешительных стычек около Шлока. Пруссаками теперь командовал генерал-лейтенант Йорк, а Грауэрт был выведен из строя. Между 20-м и 22-м корпус графа Штейнгеля из Финляндии, высадившийся в Ревеле 10-го, вошел в Ригу. Он понес некоторые потери в результате

кораблекрушения, а часть войск была задержана встречным ветром, так что у Стейнгелла было с собой лишь немногим более 10 000 человек и 18 орудий. Тем не менее, силы в Риге теперь насчитывали более 20 000 человек, и можно было предпринять попытку выполнить приказ царя.

26-го соответственно Стейнгелл со своими войсками и дивизией под командованием Льюиса двинулся на Даленкирхен. Он был легко занят, и 27-го Штайнгель двинулся на Экау, где Йорк собрал несколько полков. Его превосходство в артиллерии позволило ему удерживать Стейнгелла в узде до прибытия Льюиса, когда он отступил за Аа, оставив Бауска.

Пока Стейнгелл отеснял Йорк, Эссен направил колонну из 2000 человек и 6 орудий на Митау из Риги, в то время как флотилия подошла к Аа. Эссен надеялся уничтожить осадный обоз, которого, однако, там не было. Он приказал Штайнгелю поддержать наступление 3000 человек и 6 орудий под командованием полковника Экельна. 28-го Йорк, к которому еще не присоединилась бригада Хунербейна (дивизия Гранжана), приказал генералу Клейсту оставить Митау и прибыть к нему на подкрепление. Клейст так и сделал, и 29-го числа русские заняли это место без сопротивления. Но тем временем Йорк, усиленный Кляйстом и Хунербейном, перешел в наступление на ослабленные силы Штайнгелла и начал отеснять их назад. Вдоль реки Шло несколько не очень ожесточенных боев, в результате которых пруссаки закрепились на дальнем берегу.

Хунербейн, наступавший справа, отбил Бауск, а 30-го Йорк предпринял общее наступление, отеснив Стейнгелла назад по всей линии фронта. Бои были совсем не жестокими, Стейнгелл просто намеренно уступил дорогу наступающим теперь уже превосходящим его колоннам Йорка. С другой стороны, Йорк, вероятно, не стремился делать больше, чем требовал его строгий воинский долг. Штайнгель отступил в сторону Риги без серьезных потерь и 2 октября вновь вышел на линию фронта, одновременно эвакуируя Эссен из Митау. Потери ни с той, ни с другой стороны были тяжелыми.

Результатом акции стало то, что Макдональд решил сам прийти на поддержку Йорку. Оставив польский полк в Дюнабурге, он двинулся маршем на Митау с остальной дивизией Гранжана, но когда он прибыл, русские уже отступили в Ригу. Маршал увеличил бригаду Хунербейна до 8 батальонов, изменил расположение войск и отправил Гранжана с одной бригадой обратно в Иллюкс, недалеко от Дюнабурга. Приблизиться к Риге с его слабыми силами было, очевидно, невозможно, и неделя за неделей проходила без каких-либо боев, за исключением редких стычек на передовых постах.

После своей победы при Полоцке 18 августа Сен-Сир не смог последовать за Витгенштейном из-за своей слабости в кавалерии, пригодной для этой цели. Таким образом, Витгенштейн смог беспрепятственно отступить за Дриссу. 22-го Вреде предпринял сильную разведку в направлении Сивохино, но баварцы были отбиты отрядом под командованием полковника Властова с потерей около 300 убитых и раненых и 150 пленных.

Теперь обе стороны разместились в военных городках. Обе стороны очень серьезно пострадали, и ни одна из них не была в состоянии возобновить боевые действия. Витгенштейн укрепил свою позицию у Сивохино, и его кавалерия смогла ограничить французские фуражировочные операции на правом берегу Дюны. Витгенштейн также укрепил свою передовую базу в Себеже. Тем временем Сен-Сир возвел окопы вокруг Полоцка. Войска были

распределены по городу и, находясь в основном в квартирах или казармах и сносно хорошо снабженные, вскоре пришли в хорошее состояние. Численность пополнения была увеличена за счет призывников и выздоравливающих, но сомнительно, чтобы произошло какое-либо значительное увеличение численности из-за сокращения, вызванного постоянными мелкими стычками. Баварцы, по-видимому, так и не смогли оправиться от губительных последствий болезни, посеянной в их среде ужасными июльскими испытаниями, и, хотя они были отдохнувшими и снабжались лучше, чем до сих пор, их численность продолжала уменьшаться. Марет и Хогендорп делали все возможное, чтобы переправить припасы из Вильно, но хлеба часто не хватало, и уже 7 октября Сен-Сир написал, выражая свое беспокойство по поводу трудностей с добычей фуража. Численность войск Сен-Сира к середине октября, по—видимому, составляла около 30 000 человек: 2-й корпус - 21 000; Думерк - около 2200; 6-й корпус, возможно, 7000 или 8000 человек.

Тем временем маршал Виктор, форсировав Неман 4 сентября, 27-го достиг Смоленска. 6 октября Наполеон дал ему свои инструкции. Помимо его корпуса и саксонской и вестфальской бригад Лева и Кутара, ему была передана дивизия Домбровского. Ему сообщили, что он должен действовать в качестве общего резерва *Великой армии* и двинется на поддержку либо Шварценберга, Сен-Сира, либо Наполеона, в зависимости от обстоятельств. Наполеон сильно недооценил давление на свои фланги. В депеше он сообщает, что у Чичагова всего 20 000 человек, что его соединение с Тормазовым увеличит его силы только до 40 000 и что Шварценберг может легко справиться с ним. На самом деле и Шварценбергу, и Сен-Сиру противостояло значительно большее численное превосходство. Даже когда к первому присоединилось подкрепление, он все еще превосходил численностью Чичагова, который мог быть дополнительно усилен Эртелем из Мозыря. На севере у Витгенштейна и Стейнгелла было 50 000 человек против 30 000 у Сен-Сира. Чтобы обеспечить надлежащую поддержку крыльям, Виктору потребовалось бы 80 000 человек.

Здесь необходимо сказать несколько слов о дипломатической ситуации. Пруссия, втоптанная в пыль железной пятой Наполеона, находилась на последней стадии разорения, в то время как Австрия, хотя и жестоко униженная, все еще была независимой, гораздо менее опустошенной и, кроме того, более или менее боялась возрождения Пруссии. Эти обстоятельства отражены в депешах премьер-министров, пруссака Харденберга, стремящихся предпринять энергичные шаги и склонных верить слухам о поражениях Франции; в то время как Меттерних настроен пессимистично и явно играет на руку себе - или Австрии —. По-видимому, после падения Москвы он посчитал, что Наполеон может победить, и, соответственно, к Шварценбергу было отправлено подкрепление численностью около 5000 человек. В остальном были признаки того, что вассалы Наполеона начинают колебаться из-за нескончаемой утечки человеческих жизней. Бавария и Вюртемберг прислали призывников, чтобы пополнить истощенные ряды своих контингентов; но король Вюртемберга говорил о своем беспокойстве, не получая никаких известий. Великий герцог Баденский заявил, что не может увеличить свой контингент по договору. В своем растущем беспокойстве Наполеон даже вежливо попросил короля Пруссии заменить два ослабленных кавалерийских полка. Он также распорядился, чтобы о каждом отправленном подкреплении сообщалось во всех газетах с удвоенной численностью, чтобы оказать давление на русских, если эти новости дойдут до них!

После провала вылазки из Риги граф Штайнгель решил больше не терять времени в попытках выполнить официальный план операций, а без промедления присоединиться к Витгенштейну. 5 октября он покинул Ригу и форсированным маршем двинулся вверх по правому берегу Дуны. 15-го числа он достиг Друи, пройдя более 180 миль за десять дней.

10 октября первая колонна подкрепления Витгенштейна численностью более 5000 человек прибыла в Сивохино. В тот же день 9000 человек второй колонны достигли Невеля, и 14-го ее соединение с основными силами было практически завершено. Теперь под началом Витгенштейна было около 40 000 человек, включая 5000 кавалеристов и казаков, при 154 орудиях.

Витгенштейн распределил батальоны ополчения среди пехоты, по одному на каждый полк, и его штаб издал специальные приказы относительно того, как эти полные энтузиазма, но необузданные войска должны были действовать в бою. Эффект был превосходным; и хотя люди были плохо одеты и экипированы и почти необучены, они быстро обрели эффективность и сплоченность.

Теперь стали очевидны неблагоприятные последствия тщательно разработанного и слишком детализированного имперского плана операций. Штайнгель действовал по собственному разумению, отправляясь на подкрепление Витгенштейну; но он чувствовал себя обязанным выполнять приказы своего хозяина, насколько это было возможно, и поэтому переправился через Дуну у Друи, чтобы действовать на левом берегу. Таким образом, он был полностью отделен от Витгенштейна, и последний мог попытаться исправить стратегический недостаток, только наведя мост через реку ближе к Полоцку. Поскольку у него не было понтонов, операция, вероятно, окажется длительной. Он приказал своему начальнику инженерных войск полковнику графу Сиверсу построить мост через Десну, выделив для сопровождения 4 батальона пехоты и полк кавалерии — 2500 человек и 4 орудия.

Насколько можно было судить по какому-либо согласованному плану действий со стороны русского командования, он, по-видимому, заключался в том, что Витгенштейн должен был атаковать Полоцк и Стейнгелл, чтобы отрезать Сен-Сиру путь к отступлению. Было ясно, что французский генерал может предпочесть удерживать Полоцк только аррьергардом и уничтожить небольшой отряд Стейнгелла, сосредоточив на нем основную часть своей армии. Чтобы избежать этого, Витгенштейн должен быстро и энергично атаковать Полоцк. Даже в этом случае перспективы были не совсем многообещающими. Полоцк был укреплен, и Сен-Сир был достаточно силен, чтобы удержать его против 37 000 человек, которыми располагал Витгенштейн после вычета отряда Сиверса.

Витгенштейн разделил свои численно сильные, но довольно разрозненные силы на три большие дивизии всех родов войск, которыми командовали соответственно генерал-лейтенанты принц Яхвиль и Берг и генерал-майор Бегичев, помимо флангового отряда под командованием генерал-майора Алексиева. 16-го он начал свой поход на Полоцк, в то время как Стейнгелл двигался из Друи.

ГРАФ ВИТГЕНШТЕЙН

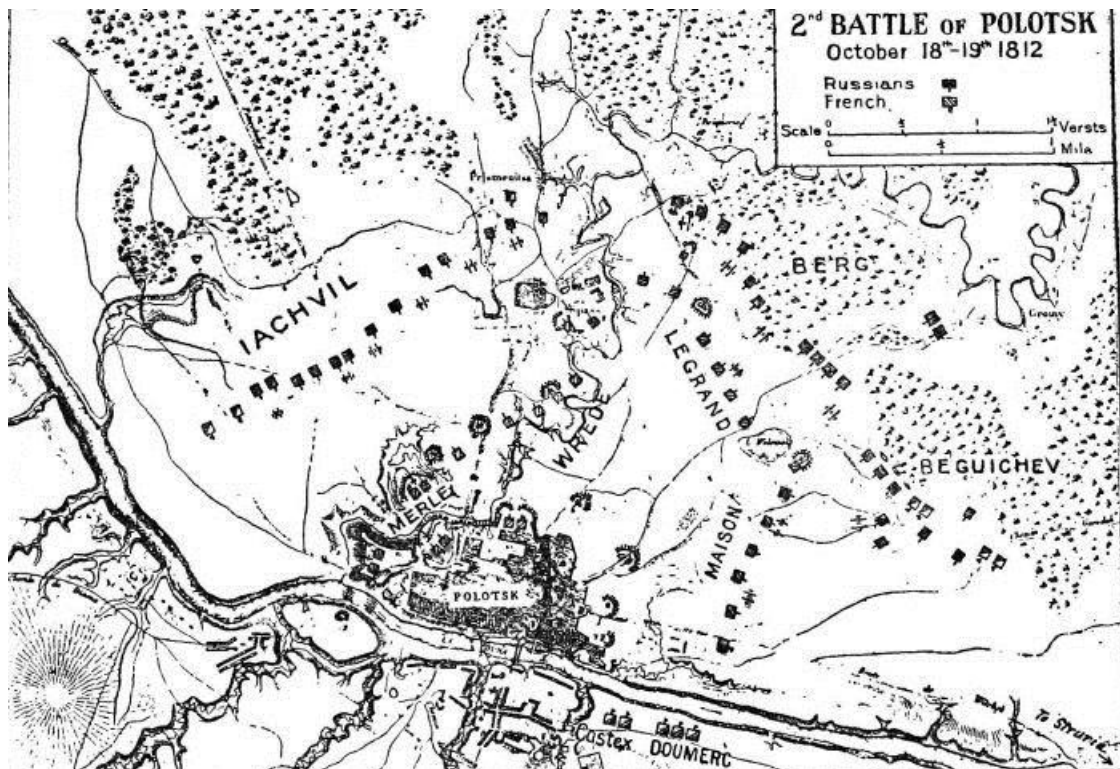
командующий 1 - м русским армейским корпусом в 1812 году

Сен-Сир не верил, что сможет выстоять без посторонней помощи против объединенных русских сил, но был полон решимости защищать Полоцк, если Витгенштейн разобьет голову о его укрепления. Он отправил Корбино со своей кавалерийской бригадой и тремя слабыми баварскими батальонами наблюдать за Штайнгелем, пропустил его эшелоны в сопровождении Думерка и Кастекса на левый берег Дуны и разместил остальные свои силы в окопах, которые по его приказу были возведены. Сам Полоцк был обнесен частоколом. Через западную часть города был перенесен второй парапет с частоколом от Полоты до Дуны, прикрывавший два моста из плотов, переброшенных через реку. На западном берегу реки Полота, к северо-западу от города, находились три редута, а к северу было укреплено римско-католическое кладбище. К востоку от Полоты внешняя цепь обороны была менее законченной. Три редута и внешняя батарея находились в стадии строительства, но еще не закончены. Под городом были переброшены батареи для прикрытия окопов с западной стороны. Переправа через Полоту была настолько затруднена, насколько это было возможно, и в деревне Струрия выше Полоцка земля у реки была затоплена из-за перекрытия ручья плотиной.

Дивизия Мерле удерживала укрепленную западную часть города и первый из Полот-редутов. Баварцы Вреде защищали дома № 2 и 3, кладбище, Спас и линию реки Полота. На восточном берегу Полоты стоял Легран, в то время как Мэзон продолжил линию до Дюны. На правом фланге находились четыре эскадрона кавалерии, все, что сохранил Сен-Сир. Струрия была занята отрядом баварцев.

18-го Штейнгель еще не достиг Десны; наведение моста едва началось, и Витгенштейн решил атаковать позиции Сен-Сира. Он правильно направил всю мощь своей атаки на правый фланг французов и правый центр, где укрепления были еще не закончены. Принцу Яхвилю было приказано сдерживать Мерля и Вреде, в то время как Берг и Бегичев атаковали Леграна и Мэзона.

Французские аванпосты были отброшены наступлением русских; но когда Берг и Бегичев атаковали главную линию французов, они почти не смогли продвинуться вперед. Битва раскачивалась взад и вперед; русское ополчение вело себя с великолепной храбростью; но французские войска, которым помогали их окопы, повсюду удерживали свои позиции; единственный редут, захваченный русскими, нельзя было удержать перед лицом яростного огня, поливавшего его из окопов перед Полоцком. Витгенштейн, по-видимому, потерял голову; и хотя сначала, по словам русских властей, он просто намеревался провести демонстрацию, к вечеру он задействовал почти все дивизии Берга и Бегичева в тщетных попытках потеснить французов справа.

ВТОРАЯ БИТВА При ПОЛОЦКЕ 18-19 октября 1812 г.

Около 4 часов дня, очевидно, исходя из гипотезы, что Сен-Сир ослабил свою левую руку, чтобы противостоять атаке справа, Витгенштейн приказал Яхвилю всерьез атаковать западные

сооружения. Попытка была безнадежной и ни на минуту не могла увенчаться успехом. Такое преимущество, которого добились русские, было вызвано стремительной контратакой, предпринятой швейцарским полком и батальоном хорватов. Они очень сильно пострадали и были отброшены назад к укреплениям, причем хорваты в основном попали в плен. Но это было все, чего смог добиться Яхвиль, хотя его ополчение сражалось с фанатичной яростью. К наступлению темноты позиции Сен-Сира были практически нетронуты, и русские, безусловно, понесли гораздо большие потери, чем французы. Пока продолжалось сражение, Штейнгелл приближался со стороны левого берега Дуны, но смог достичь Учаха, расположенного в 7 или 8 милях к западу от Полоцка, только к вечеру 18-го со своим авангардом. Де Шамбре критикует его за медлительность; но поскольку он пересек Дюну только 16-го числа, а затем ему предстояло преодолеть почти 50 миль плохой дороги, чтобы добраться до Полоцка, такое ограничение кажется несправедливым. 19-го Штейнгелл сообщил Витгенштейну, что он уже под рукой. Наведение моста через Десну едва началось, и если бы Сен-Сир был немного сильнее, положение русских было бы еще более серьезным, чем оно было на самом деле. Армия Витгенштейна, очевидно, была сильно потрепана ожесточенными боями предыдущего дня, поскольку он не предпринимал попыток возобновить атаку до тех пор, пока Штейнгелл не смог присоединиться с юга. Это возлагало неудобную ответственность на командира слабого финляндского корпуса и подвергало его риску уничтожения, если Сен-Сир решит удерживать Полоцк только в качестве *тет-де-пон* и сосредоточит превосходящие силы на левом берегу Дуны. Автору кажется, что Сен-Сир, возможно, отказался от своих отдаленных работ и оставил внутреннюю непрерывную линию обороны удерживаться примерно 14 000 человек, в то время как с оставшимися 14 000 (с учетом потерь) он атаковал и разгромил Штейнгелла, у которого на самом деле было едва ли 10 000 человек. Этого, однако, он не сделал; и поскольку точная мощность укреплений вызывает сомнения, он, возможно, был прав. Он выделил по одному полку из каждой из своих дивизий и отправил их под командованием генерала Эми на усиление Корбино. К Учаху также был направлен кирасирский полк. Авангард Штейнгелла, всего четыре батальона под командованием полковника Туршанинова, естественно, остановился перед этим скоплением сил и ждал подхода основных сил, в то время как Штейнгель, очевидно, прислушивался к звуку орудий Витгенштейна, прежде чем наступать на Полоцк. Сдерживающие силы французов заняли довольно сильную позицию среди лесов и пересеченной местности и эффективно сдерживали продвижение финляндского корпуса. Сен-Сир, однако, решил, что у него недостаточно сил, чтобы сражаться одновременно с обеими русскими силами, и вечером начал эвакуацию из Полоцка. Яхвиль заметил отход войск и открыл огонь по своему флангу, российский центр и левый защитник перехватили мяч. Русские опоздали, чтобы помешать эвакуации внешних сооружений, но они продвинулись вперед, к внутренней линии вокруг города. Дома повсюду загорелись, частично подожженные русскими гаубицами, частично, как могло бы показаться, сожженные французами, чтобы очистить фасад от некоторых своих сооружений, которые в противном случае были бы замаскированы. Атаки русской пехоты были повсюду отбиты; и вечером дивизии Леграна и Мезона и баварцы дефилировали по городу и перешли мост, прикрываемые швейцарцами и хорватами Мерля. В полночь русские вошли в Полоцк, но битва была далека от завершения. Мерль и его доблестные полки с великолепной отвагой отстаивали каждый дюйм улиц, неоднократно отражая стремительные атаки русской пехоты. К 14.30 пополудни вся французская армия была в безопасности на левом берегу Дюны, а мосты были разрушены. Сен-Сир, руководивший сражением, был тяжело ранен в ногу и стал инвалидом до конца кампании. Возможно, он совершил ошибку, не просто удержав внутренние укрепления в Полоцке и, таким образом,

сосредоточив превосходящие силы у Стейнгелла; но устойчивое и успешное отступление оказало ему большую честь. Кажется очевидным, что он на протяжении всей операции был хозяином положения; и что Витгенштейн мог лишь очень незначительно настаивать на выводе войск. Почести в сражении принадлежали главным образом доблестным швейцарским полкам дивизии Мерля, поведение которых в арьергарде было поистине достойным восхищения.

Сен-Сир, находясь сейчас в безопасности, усилил силы, противостоящие Стейнгеллу, другим французским полком и назначил Вреде командующим. В 4.30 утра 20-го он неожиданно напал на Стейнгелла, авангард которого, застигнутый врасплох на своих бивуаках, был охвачен паникой и рассеян. Бутурлин говорит, что 1800 человек из 2 егерских полков были взяты в плен, но поскольку это, по-видимому, почти вся их численность, а позже они насчитывают по меньшей мере 2 батальона, это, несомненно, преувеличение. Основные силы Стейнгелла не оказывали непосредственной поддержки незадачливому авангарду, и после его рассеивания он поспешно собрал остатки своих войск и отступил к Десне, где переправился через Дуну, в то время как Вреде, расправившись с ним, присоединился к основным силам французской армии. Помимо Сен-Сира, был ранен Легран, старший командир дивизии, и временное командование 2-м и 6-м корпусами перешло к Мерлю. 21-го он, наконец, отступил из-под Полоцка.

Витгенштейн, которому мешала нехватка инженеров и материалов для наведения мостов, не мог наладить проход через Дуну до 23-го числа. Только отряд кавалерии под командованием полковника Рюдигера перешел реку вброд и вступил в перестрелку с аванпостами Мерле. Чтобы извлечь максимум пользы из сложившейся ситуации, Витгенштейн направил дивизию всех родов войск под командованием генерала Сазонова к Десне на усиление Штайнгелю. Вслед за этим последний 23-го числа переправился через Дуну, отрядил генерал—майора Властова с силами в 8 регулярных батальонов, 1 батальон ополчения, 3 эскадрона гусар, полк казаков и 12 орудий — всего около 5000 человек - для наблюдения за Дюнабургом, а с остальными своими силами снова двинулся вверх по левому берегу реки. В тот же день Витгенштейн достроил мост в Полоцке и начал переправу. К нему только что присоединились два батальона новгородского ополчения, которые он оставил с другим батальоном ополчения, 2 батареями, отрядом регулярных войск и небольшим количеством кавалерии и казаков для охраны гарнизона Полоцка.

Мерле отступал перед Полоцком тремя колоннами: дивизия Леграна двигалась на Беченковичи, Вреде, с остатками 6-го корпуса и кавалерией Корбино на Глубокое, чтобы прикрыть дорогу на Вильно, остатки 2-го корпуса и кирасиры Думерка на Часники через Учач и Лепель.

Списки Мартиньена, вероятно, не совсем полные, показывают 238 офицеров 3-х “строевых” родов войск, почти всего 2-го корпуса, убитых и раненых в ходе трехдневных боев вокруг Полоцка. Таким образом, потери французов составили бы около 5000 человек. Число невредимых пленных, по-видимому, составляло около 1000. Французы потеряли также 1 орудие. Русские признают потери только в 3000 человек убитыми и ранеными, но, учитывая характер боевых действий и то, что французы действовали в обороне и прикрывались окопами, эта оценка, безусловно, слишком занижена. Вероятно, с учетом потерь Стейнгелла, 8000 было бы не слишком низкой цифрой. Среди раненых были генерал-майоры Балк, Хаммен и принц Сибирский, а также тайный советник Бибилов и камергер Мордвинов, командовавшие батальонами ополчения.

Маршал Виктор не мог долго держать в руках инструкции Наполеона, когда его призвали действовать в соответствии с ними. Достигнув Смоленска, он расквартировал свой корпус между этим местом и Оршей. Его войска, по-видимому, поддерживали хорошую дисциплину, и было положено начало наведению порядка в окрестностях. Некоторым офицерам, по крайней мере, удалось вселить уверенность в жителей деревни и регулярно добывать припасы; и можно было бы сделать больше, если бы 9-й корпус дольше оставался в округе. Узнав от Сен-Сира о крупных подкреплениях, которые присоединились к Витгенштейну, Виктор отправил немецкую дивизию Денделса в Витебск, а четыре батальона - в Беченковичи для наблюдения за линией Дуны. Затем он услышал об оставлении Полоцка, и стало ясно, что он должен помочь превосходящей по численности армии Сен-Сира. Соответственно, он направил Дандельса на Беченковичи, а сам с остальной частью своего корпуса двинулся к Часникам.

Таким образом, результатом операций под Полоцком стало то, что французы были вынуждены оставить линию Дюны, и чтобы поддержать их, единственный мощный резерв Наполеона пришлось направить на поддержку отступающих 2-го и 6-го корпусов. Только небольшие силы под Смоленском были теперь доступны для усиления отступающей армии центра; и вряд ли было что противопоставить наступлению Чичагова на Березине. 25 октября Наполеон находился в 70 милях к юго-западу от Москвы, как раз собираясь отступить на Смоленск, а Великая армия России на его левом фланге смогла достичь своей цели раньше него. Витгенштейн наступал от Дуны к Березине, но столкнулся с равными или превосходящими силами и мог быть отброшен от главной линии коммуникаций. Чичагов находился в Брест-Литовске, готовый двинуться на Минск, не имея перед собой ничего, кроме слабых отрядов.

Поэтому в последние дни октября центром боевых действий стала Березина близ Борисова. На нем сходились: (1) Наполеон, находившийся почти в 400 милях от него, с равным или превосходящим противником, окружавшим его с фланга и способным достичь Смоленска раньше него; (2) Витгенштейн, находившийся в 90 милях от него, с равными французскими силами перед ним; (3) Чичагов, находившийся на расстоянии 262 миль, которому почти нечего было противопоставить. Шварценберг находился в тылу Чичагова, и за ним наблюдали силы, по крайней мере, способные серьезно воспрепятствовать любой предпринятой им попытке преследования. Итак, занавес поднялся над последним актом великой трагедии, когда со всех сторон армии Наполеона и его врагов устремились к Березине, которая вскоре приобретет ужасную славу в мировой истории.

ГЛАВА XII

ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ. От МАЛОЯРОСЛАВЦА До ОРШИ

26 октября определенно началось отступление французов по дороге Москва-Смоленск. Наполеон с гвардией и 4-м корпусом вернулся в Боровск. Ней был направлен Вереей на Можайск, в то время как Даву с 1-м корпусом и остатками 1-го и 3-го кавалерийских корпусов оставался под Малоярославцем до вечера. И в то время как Наполеон возвращался по своим следам, Кутузов тоже отступал на Калугу. Он, очевидно, опасался, что французы, имея открытую

дорогу, двинутся на запад, к Медыни, а оттуда на юго-восток, на Калугу. Эта гипотеза является прямым отражением его действий по отказу от своей позиции под Малоярославцем. При нынешнем положении дел вывод Кутузова не был необоснованным; корпус Понятовского действительно находился на марше из Вереи в Медынь и, по-видимому, был авангардом поворотного движения. Милорадович продолжал наблюдать за первоначальной позицией русских, а Платов продолжал слоняться вокруг корпуса Даву. *Корпус-де-Батай* отступил в Гоншерево, примерно в 12 милях от Калуги. Дивизию Паскевича послали перекрыть дорогу Медынь-Калуга у Адамовского, в нескольких милях к западу. Там к нему присоединился Иловайский IX и его казачий отряд. Милорадович уже собирался отступить к основным силам русских, когда было обнаружено, что Малоярославец эвакуирован. Кутузов был проинформирован, и авангард вновь занял линию Лужи.

Кутузов, по-видимому, предположил, что намерение Наполеона состояло в отступлении к Смоленску, как оно и было на самом деле. Соответственно, он направил свои основные силы на Адамовское, очевидно, с целью следовать во фланг отступающим французам, в то время как Милорадовичу было приказано двигаться на Медынь. Последний, однако, встревоженный сообщениями о том, что французская армия движется из Боровска перекрестными дорогами на Медынь, колебался, медлил и, наконец, также двинулся на Адамовское. Кутузов оставался на последнем месте в течение 29-го, пытаясь оценить ситуацию, и, наконец, похоже, решил, что *Великая армия* отступает на Витебск. Вывод был достаточно разумным. Марш француз по дороге Боровск-Можайск, безусловно, может указывать на намерение пересечь смоленскую дорогу у Можайска и направиться на север — к Витебску, как, по мнению Жомини, им следовало сделать. Следовательно, 30-го Кутузов двинулся на север, на Можайск. Платов со своими казаками и дивизией Паскевича должен был следовать за французским арьергардом. Авангард должен был двигаться параллельно левому флангу француз, в то время как *батайский корпус* держался слева от авангарда, обычно на расстоянии примерно дневного перехода. 30-го числа основные силы армии достигли Кременского, но к тому же дню французский арьергард прибыл в Можайск, и весь корпус двигался по шоссе на Смоленск. Поэтому Кутузов и Милорадович повернули на запад, в то время как Платов и Паскевич преследовали Даву.

Таким образом, результатом было то, что французская армия с самого начала оторвалась от своих преследователей. Беннигсен говорит, что он советовал направить марш из Адамовского на Юхнов, оттуда по широкой дороге на Славково. Кажется очевидным, что это направление было бы превосходным. Но Кутузов знал, что Наполеон может свободно пользоваться Медынской дорогой, и действительно ожидал, что он это сделает. Однако он отступил у Вереи, направление, которое скорее указывало на намерение отступать на Витебск. Если он надеялся, выбрав этот маршрут, ввести русских в заблуждение относительно направления своего марша, то ему это, безусловно, удалось.

От Можайска до Вязьмы дорога Москва-Смоленск проходит, как правило, по неглубокой дуге окружности, часто описывая очень извилистый маршрут. Милорадович неуклонно продвигался к югу от нее, постепенно сближаясь и двигаясь гораздо быстрее, чем и без того редущая французская армия с ее огромными обозами. Еще дальше к югу и далеко в тылу русский *Батайский корпус* повернул в нужном направлении и также двигался к Вязьме. Дороги, по

которым они были вынуждены двигаться, были ужасными, но, тем не менее, войска продвигались маршем в очень достойном темпе, преодолев около 74 миль за 4 дня.

Тем временем наполеоновское воинство продвигалось по большой дороге Москва-Смоленск и вдоль нее. Корпус Жюно, находившийся фактически на нем, когда началось отступление из Малоярославца, конечно, шел впереди; за ним последовательно шли гвардия, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, а также 3, 4 и 1-й *армейские* корпуса, в то время как Понятовский прикрывал левый фланг. В Вере 27-го Мортье вернулся, приведя с собой своего пленника Винцингероде. Наполеон обошелся с генералом с вопиющей наглостью и жестокостью, осыпав его оскорблениями, и фактически приговорил его к смерти как предателя, потому что он был немцем и, следовательно, подданным одного из своих вассалов! Трудно сказать, был он серьезен или нет. Когда он впадал в ярость, его манеры были неописуемо жестоки; а в это время у него были все основания для раздражения. В любом случае, он уступил увещаниям Бертье и Мюрата. В остальном его поведение было непростительным. Винцингероде поступил на службу к России еще до образования Рейнской конфедерации. Продержав несколько дней в неизвестности, Винцингероде был отправлен под стражей во Францию; но, как мы еще будем иметь случай упомянуть, он был спасен в Литве казаками.

28-го числа Наполеон в Можайске получил донесение от Даву, что он пока не видел никаких врагов, кроме казаков. Вслед за этим он сделал вывод, что основные силы русской армии идут маршем, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Его естественной целью в этом случае была бы Вязьма, и император решил со всей быстротой продвигаться к этому месту вместе с Охраной.

ВООРУЖЕННЫЕ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ЗАСАДЕ В ЛЕСУ, ОЖИДАЮЩИЕ, ЧТОБЫ ОТРЕЗАТЬ ОТСТАВШИХ ФРАНЦУЗОВ

С картины Верещагина

Вечером 28-го Даву был под Вереей. Он сообщил, что русские уже показывают пехоту — это, конечно, была дивизия Паскевича. Он умолял императора прекратить массовые поджоги деревень идущим впереди корпусом. Деморализация распространялась быстро, и люди толпами покидали ряды. Обычный беспорядочный марш наполеоновских войск был плохой подготовкой к отступлению перед лицом врага. Бородинское поле гвардия пересекла на рассвете 29-го. Это все еще представляло собой устрашающее зрелище. Люди Жюно не смогли похоронить многих даже из погибших французов; и земля была усеяна гниющими трупами вперемешку с обломками ужасной битвы. Больницы в Колоцкой и других местах были просто склепами, в которых мертвые лежали рядом с живыми, среди мора, грязи и нищеты. Все еще оставалось около 1500 несчастных существ, Жюно не смог вывезти их. Наполеон издал приказ, согласно которому каждый частный экипаж или другое невоенное транспортное средство должно было перевозить одного или двух. Его действие заключалось просто в том, чтобы ускорить кончину несчастных инвалидов, которые были таким дополнительным бременем для людей, уже начинающих испытывать острую нужду. Они были брошены водителями при первой

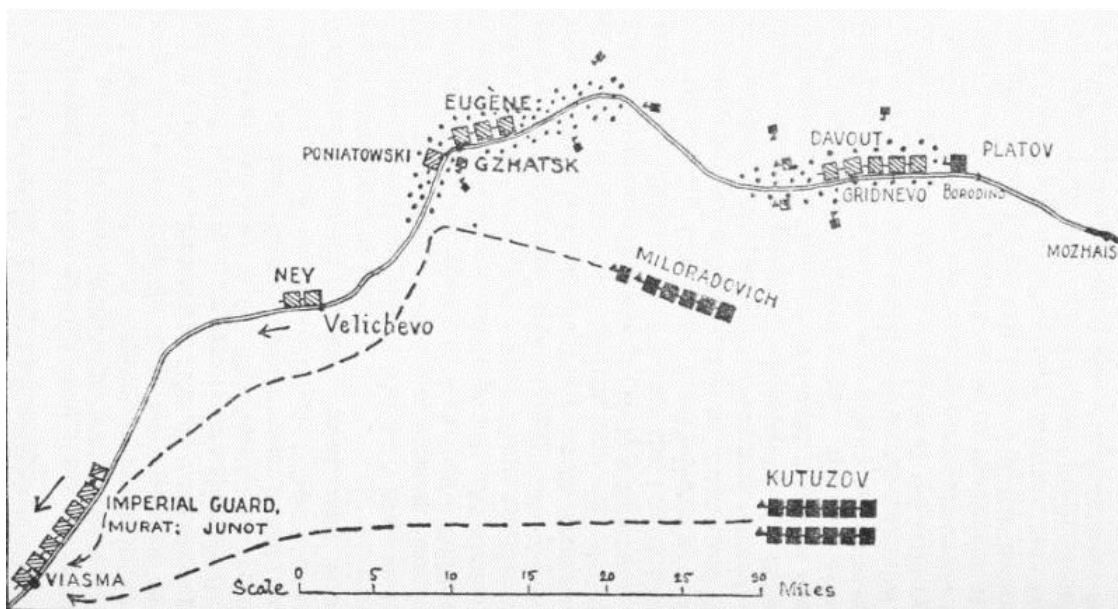
возможности: некоторые, по-видимому, были убиты на месте; вероятно, ни один не дожил до Смоленска. Продовольствия становилось все меньше. До Можайска местность не была полностью опустошена, и передовые части имели возможность прокормить своих лошадей; но для арьергарда ничего не было, положение которого усугублялось безрассудным разрушением укрытий идущим впереди корпусом. После Можайска в опустошенной сельской местности почти не было фуража; лошади, и без того измученные и переутомленные, были вынуждены питаться такими заменителями корма, как солома и осенние листья, и умирали сотнями каждый день. Разрушение транспортных средств означало потерю большей части и без того слишком скудных запасов продовольствия. Когда он не был потерян сразу, он был разграблен отставшими и просто служил для поддержания жизни этих бесполезных существ, в то время как лучшие и храбрые люди умирали от голода. К 3 ноября все привезенные припасы были почти полностью исчерпаны; единственным ресурсом голодающей орды было мясо лошадей, которое постоянно падало. Офицеры, конечно, и штаб-квартира были обеспечены лучше, и у некоторых солдат еще оставались остатки награбленного, но это были исключения.

Погода по-прежнему была прекрасной, но неуклонно становилось холоднее, и полуголодные люди, плохо одетые, плохо обутые, утомленные маршем, почти не отдыхали на своих промозглых бивуаках и день ото дня становились все менее способными переносить выпавшие на их долю испытания. Тех, кто покидал линию марша, обычно убивали или брали в плен. Плен часто был тем же самым, что и медленная смерть. Крестьяне, от природы наполовину варвары, обезумевшие от бесчинств захватчиков, не проявляли милосердия. Сэр Роберт Уилсон рассказывает, исходя из собственных знаний, как они сжигали и хоронили заживо своих пленников. Иногда они были убиты женщинами. Даже когда их жизни сохранялись, их часто полностью или частично раздевали, и воздействие на тела, ослабленные лишениями, как правило, было фатальным. Бесполезно подробно останавливаться на совершенных отвратительных варварствах, еще менее выгодно осуждать их. Следует сказать, что если и есть слишком много свидетельств варварства разъяренных русских, то есть также множество свидетельств их частой доброты и человечности. В худшем случае следует помнить, что они всего лишь мстили за свои собственные обиды.

Масса распущенных войск, которая с каждым днем росла за счет тех, кто оставался верным, состояла в первую очередь из уже ослабленных людей, которые поэтому рано выбыли из строя и, конечно, погибли. Тогда было много таких, у кого не хватило духу вынести свое несчастье, и они бродили в толпе, пока тоже не упали и не умерли. Наконец, было большое количество просто дезертиров — часто самого худшего сорта — людей, которые покинули ряды до того, как стали инвалидами, и существовали за счет убийств и грабежей. Они сделали больше всего на свете для уничтожения армии. Некоторые из руководителей верных войск знали об этом. Де Фезенсак рассказывает, как он приказал не проявлять к ним ни жалости, ни внимания.

С другой стороны, было очень много доблестных солдат всех рангов, которые сохранили свои ряды и выполнили свой долг до победного конца. Русские очевидцы были полны восхищения боевой выправкой немногочисленных и постоянно сокращающихся батальонов, которые с орлами в центре упрямо продвигались сквозь жалкую орду крадущихся. Офицеры, за немногими исключениями, оставались верны своему долгу. Их интеллектуальный и образовательный уровень в целом, естественно, был выше, чем у их солдат, и в целом можно было ожидать хорошего поведения среди них. Кроме того, они, как правило, были лучше обеспечены едой и одеждой и проявляли больше здравого смысла в обеспечении себя.

Трудно определить, в какой степени деморализация затронула стратегические подразделения армии; и задача эта несколько вызывающая зависть. 3-й корпус, безусловно, сохранил наилучший порядок и дисциплину. Она сыграла очень малую роль в деморализующем разграблении Москвы, но во многом ее упорное хорошее поведение должно быть приписано личному влиянию ее руководителя. С другой стороны, 1-й корпус, похоже, рано распался. Даву был не очень отзывчивой личностью, и, возможно, забота, которую он всегда проявлял о своих людях, и его твердая дисциплина действительно не позволяли им переносить напряжение, связанное с неполноценностью перед врагом. Во всяком случае, ранняя деморализация 1-го корпуса является установленным фактом. 4-й корпус также быстро расформировали, как, по-видимому, и 5-й и 8-й. О кавалерии мы слышим мало. Гвардия забирала львиную долю того, что можно было получить из еды и крова; тем не менее ее поведение было относительно не лучше, чем у 3-го корпуса, - возможно, не настолько хорошим, поскольку она никогда не испытывала подобных испытаний.

План приблизительных позиций главных сил Франции и России на 31 октября, чтобы указать на опасность, навлекаемую расширенным приказом Наполеона о походе

Наполеон с гвардией достиг Вязмы 31 октября. Холод в этот день был сильнее, чем когда-либо прежде, и император надел польское зеленое платье, отороченное густым мехом, и меховую шапку. В Виазме находилась колонна призывников генерала Эверса. Там же был небольшой склад хлеба, бисквитов, муки и риса. Он был разграблен передовыми войсками, и деморализация была настолько велика, что большая часть города была разрушена, хотя тысячи людей, с трудом тащившихся позади, были, таким образом, лишены крова. В этот день гвардия, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса и корпус Жюно были около Вязьмы; Нею не хватило одного марша до нее; Эжен и Понятовский были около Гжатска, а Даву - у Гряднево. Линия фронта тянулась почти на 70 миль от тыла. Милорадович был поблизости со своей кавалерией, но его пехота не могла прибыть раньше 3-го числа. Кутузов тоже направлялся к Вязьме, но был еще в 60 милях от нее.

Медленный отход Даву, несомненно, был продиктован желанием сохранить как можно больше артиллерии и обозов; но в сложившихся обстоятельствах сделать многое было невозможно, и

лучше было бы сразу бросить все, что осталось позади. Отсутствие крова, скудное продовольствие и постоянные преследования Платова быстро разрушали 1-й корпус. Она уже бросила 20 орудий и большую часть своих обозов; дороги были усеяны людьми и лошадьми, умершими от усталости.

Наполеон оставался в Виазме 36 часов, в основном занятый канцелярской работой. Он проинформировал генералов в тылу о своем ретроградном марше, представив его как чисто добровольное движение, направленное на то, чтобы соприкоснуться с его флангами. От Бараге д'Илье он узнал, что тот продвинулся к Сельнии, и отправил ему приказ возвращаться в Смоленск. От Виктора он узнал, что 9-й корпус был вынужден поддержать Сен-Сира.

Генерал Иловайский IV, временно командовавший отрядом Винцингероде, вновь занял Москву 23 октября. Он обнаружил там около 1500 больных и раненых, которых Мортье не смог эвакуировать, и 42 конных орудия, из которых 24 были французскими.

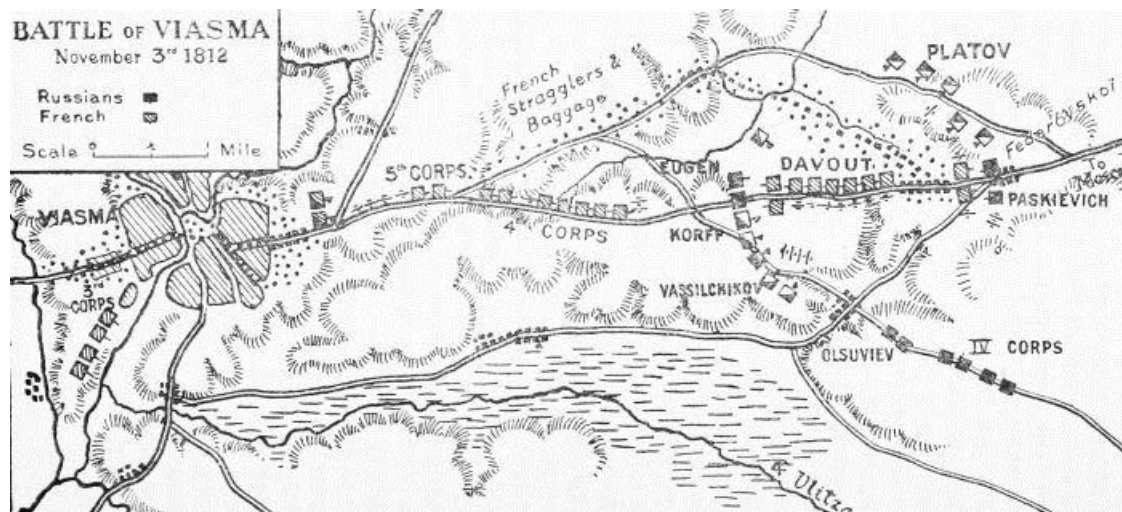
Корпус Нея достиг Вязьмы 1 ноября. Милорадович продолжал двигаться параллельно дороге, ускоряя марш своей пехоты и стремясь нанести удар. В 11 часов утра 2-го числа Наполеон выехал в Семлево. Вечером Даву прибыл в пункт примерно в 9 милях от Вязьмы и чуть более чем в 1 км восточнее деревни Федоровской. Эжен и Понятовский находились между Вязьмой и Федоровской. Ней должен был взять на себя арьергардную службу, как только Даву пройдет Вязьму. Наполеон был разгневан медлительностью последнего; но приказ, который он отдал об ускорении движения обозов, не мог быть выполнен из-за плачевного состояния лошадей. Приказы о предотвращении беспорядочного движения также были невыполнимы. Тем не менее, Даву, безусловно, продвигался очень медленно, и было некоторое оправдание раздраженному замечанию императора о том, что “принц Экмюльский заставляет вице-короля и Понятовского поджидать каждый отряд казаков, который он видит”. Отдавая должное Даву, следует сказать, что молодой и неопытный Эжен, по-видимому, часто задерживал его из-за собственной нерасторопности.

В 8 часов утра 3-го числа Милорадович с дивизиями Корфа и Васильчикова достиг Максимова, деревни примерно в 2 милях от Федоровской и примерно в 1 миле к югу от большой дороги. Даву проходил через Федоровскую, его ведущая дивизия — Жерара - находилась почти поравнявшись с Максимово. Ахтырские гусары при поддержке бригады драгун смело атаковали голову колонны Жерара, в то время как русская конная артиллерия открыла оживленную канонаду по его флангу. 2-й корпус не мог вступить в бой раньше десяти, в то время как Кутузов только что покинул Дубну, почти в 30 милях от Вязьмы.

Дивизия Жерара, атакованная без предупреждения, была остановлена на марше к Виазме. Платов был совсем рядом с тылом Даву, и как только он услышал звуки канонады Милорадовича, он продолжил свое наступление, Паскевич двинулся прямо на Федоровское, в то время как Платов повернул его влево. Даву понял, что нельзя терять ни минуты, чтобы расчистить путь до прибытия пехоты Милорадовича, и поспешил со своими дивизиями на помощь Жерару. Эжен вернулся к поддержке своего коллеги, в то время как Понятовски занял позицию перед Вязьмой, чтобы поддержать Эжена. Ней разместил свой корпус справа от города, за рекой Вязьма; он перекинул через нее мост, чтобы облегчить отступление обозов своих

коллег. Река делает крутой поворот немного южнее города, так что у Нейя она была и впереди, и позади него; он перекинул через нее второй мост, чтобы обеспечить себе отступление.

Милорадович располагал для участия в конфликте 2-м и 4-м армейскими корпусами, 7-й дивизией Паскевича и Летучим корпусом Платова, всего, возможно, 30 000 или 32 000 бойцов, с примерно 120 орудиями. Оценки французских сил различаются. У Даву, возможно, было 20 000 пехотинцев и артиллерии, у Эжена, возможно, 15 000, у Нея, вероятно, 8000, у Понятовского около 3500. Остатки кавалерии корпуса, а также 1-го и 3-го резервных корпусов, вероятно, не смогли собрать 4000 всадников. Артиллерия все еще могла насчитывать более 300 орудий, но изношенное состояние их команд делало их неспособными к маневрированию кошкой. Войска, за исключением войск Нея, были деморализованы.

БИТВА При ВЯЗМЕ на позициях около 10 часов утра

Войска Даву, выстроенные в плотные батальонные колонны, атаковали русскую кавалерию на дороге и прорвались, рассеяв вражеские эскадроны, некоторым из которых пришлось отступить на север, чтобы присоединиться к Платову. Это, по-видимому, произошло около 10 часов утра, тем временем Паскевич захватил Федоровскую, а Платов преследовал французов справа; в то время как дивизия принца Евгения из 2-го корпуса выстроилась поперек дороги как раз в тот момент, когда русские всадники уступили дорогу и открыли шквальный огонь по голове колонны Даву. Положение маршала было крайне критическим. Однако вице-король теперь находился совсем рядом с дивизиями Бруссье и Гильемино и 5-м корпусом. Он обстрелял фланг и тыл 4-й дивизии и атаковал ее тучей стрелков. Ее командующий полагал, что сможет выстоять, но Милорадович придерживался другого мнения, и, видя силу, которая надвигалась со стороны Вязмы, он, вероятно, был прав. Евгений отступил в линию с остальной русской пехотой к югу от дороги, и войска Даву смогли прорваться мимо. Но они сильно пострадали, и беспорядок среди них усилился из-за канонады, под которую им приходилось маршировать. Поезда устремились к северу от дороги, чтобы достичь Вязмы, в то время как 1-й корпус повернул на юг, чтобы соединиться с 4-м и 5-м корпусами. Эжен встал поперек дороги с Понятовским в качестве поддержки; но когда Платов распространился на север, он отбросил свое правое крыло назад. Войска Даву находились справа от Эжена, почти параллельно линии дороги. Чтобы поддержать их, Ней выдвинул дивизию Разута, в то время как дивизия Ледрю осталась, чтобы задержать

Уварова, который теперь подходил с авангардом Кутузова. Уваров, однако, имевший под своим командованием лишь основную часть кирасир Голицына, мог ограничиться лишь беспорядочной канонадой. Голова колонны Кутузова достигла Быково, в 5 милях от Вязьмы, во второй половине дня, но она прошла уже 22 мили и вряд ли могла вступить в бой в тот день.

Милорадович, после того как Даву проехал, развернул все свои силы поперек дороги и двинулся вперед, дивизии Эжена, Паскевича и Чоглокова находились в первой линии, остальные две - в резерве, Платов продвигался вперед справа, Корф и Васильчиков - в резерве и слева. Французские генералы, опасаясь, что в любой момент Кутузов может выйти им в тыл, посовещались по дороге и решили отступить. Окончательный отход начался около 14:00. Эжену и Понятовскому удалось пройти через город в полном порядке; но потрясенные войска Даву в замешательстве отступили под яростным натиском Паскевича и Чоглокова. Ней прикрывал отступление своего коллеги из всех сил и отступил через Вязму, сжигая то, что осталось нетронутым. Французы расположились бивуаком в лесу к западу от города. Ночь выдалась очень холодной.

Потери французов обычно оцениваются в 4000 убитых и раненых. Потери русских могли достигать 2500 человек. Милорадович захватил 3 орудия и около 2000 пленных, не считая нескольких тысяч распушенной толпы. Среди пленных был генерал Пеллетье, командовавший артиллерией 5-го корпуса. Французские авторы приписывают поражение главным образом ошибке Даву, который отклонился вправо, когда отступал назад, а не влево, но сомнительно, было ли это чем-то большим, чем второстепенная причина.

4-го числа Кутузов бездействовал в Быково. Возможно, его войскам требовался отдых, но удивительно, что он не предпринял никаких попыток сокрушить или хотя бы потревожить усталую, полуголодную и разбитую французскую армию за Вязмой. Возможно, на него подействовало смелое выступление Нея в тылу и хороший порядок в недеморализованном 3-м корпусе. Возможно, трудно судить о нем, поскольку мы едва ли можем оценить огромное влияние, оказываемое престижем наполеоновской армии на умы ее противников повсюду, за исключением Великобритании. Но, мягко говоря, он мог и должен был сделать гораздо больше.

Ней рано утром 4-го занял сильную позицию на опушке леса. Берманн был отведен вправо для наблюдения за Уваровым, которого он сдерживал в течение дня. Тем временем 1-й, 4-й и 5-й корпуса дефилировали по дороге на Дорогобуж. Все были в величайшем беспорядке. Люди были измучены усталостью и казались безнадежно обескураженными, только королевская гвардия Италии все еще маршировала в строгом порядке. Число отставших, большинство из которых побросали свое оружие, было огромным. На Нея произвел большое впечатление беспорядок в 1-м корпусе, и его донесение о сражении содержало несколько горьких замечаний по этому поводу, а также о бессистемном ведении боя.

Замена 3-го корпуса 1-м арьергардным была еще одним доказательством того, что Наполеон на самом деле не понимал критического положения дел. Ней был идеальным руководителем арьергарда, а 3-й корпус представлял собой неповрежденную и не обескураженную силу, но он состоял всего из двух дивизий (вюртембергские войска были объединены с двумя другими) против пяти 1-го.

На рассвете 5-го числа 3-й корпус отступил в полном порядке, но за ним последовали по меньшей мере 4000 расформированных солдат другого корпуса. Де Фезенсак, стоявший в ту

ночь на бивуаке, приказал силой отогнать от костров всех трудоспособных скулкеров. Близ Семлево произошел бой с передовыми войсками Милорадовича, но 6-го 3-й корпус не был атакован. Кутузов, если бы он двинулся вперед 4-го числа, несомненно, уничтожил бы Нея и, вероятно, Эжена тоже. Русские были настолько сильны в кавалерии, что всегда могли задержать отступление французов, энергично используя ее для преследования движущихся колонн. Как бы то ни было, Кутузов 5-го числа повернул на юго-запад к Ельне, в то время как Милорадович и Платов продолжали преследовать и беспокоить французский арьергард. Многие отставшие были убиты или взяты в плен казаками, а обозы в большом количестве были брошены; но это не произвело никакого впечатления на корпус Нея, который продолжил свой марш к Дорогобужу и там занял позицию.

Наполеон намеревался принять сражение к востоку от Дорогобужа. Его план упоминается в его переписке, и его можно охарактеризовать только как совершенно невыполнимый. Предполагалось, что вся русская армия следует по главной дороге, а также рассчитывалось на возможность устроить засаду их авангарду. Даже если бы армия была менее сокращена и деморализована, это было бы невозможно, поскольку русские были так сильны в кавалерии. План не был выполнен; к тому времени, когда он его составил, Наполеон, вероятно, прочитал депешу Нея от 4-го числа, в которой маршал выразил свою убежденность в том, что только часть русской армии находится у Вязьмы. На следующий день Ней сообщил, что ему стало известно, что русские колонны обходят его справа; и Наполеон отступил с гвардией на Николаевку.

6-го и 7-го числа погода, которая до сих пор днем была сравнительно мягкой, изменилась к худшему, с сильными порывами ветра и сильными метелями. После этого уничтожение армии продолжалось быстрыми темпами. Первыми пострадали лошади; было невозможно добыть какой-либо корм из-за того, что земля была покрыта глубоким снегом. Никто, кроме польской кавалерии, не позаботился о грубой подковке лошадей; и на скользкой поверхности утоптанного снега они падали сотнями, становясь добычей голодающих войск. Все виды транспортных средств были брошены, и каждое немедленно разграблялось группой волчьих отщепенцев, часто сопровождавшихся убийствами. Число распущенных солдат быстро росло, а их беззаконие и дикость росли еще быстрее. Если бы можно было поддерживать лучшую дисциплину, состояние армии, возможно, было бы менее невыносимым. Какими бы ужасными ни были условия, их можно было бы несколько улучшить, если бы среди солдат было больше чувства товарищества, которое могло бы помешать столь многим из них распасться и выродиться в настоящих диких зверей.

Но на самом деле страдание было настолько велико, что самая лучшая преданность и стойкость не могли бы сильно облегчить его. Если бы было достаточно даже самой грубой пищи, войска могли бы выдержать холод. Но почти единственным оставшимся ресурсом было нездоровое мясо измученных лошадей. Даже офицеры часто были немногим лучше в том, что касалось мяса, хотя они все еще могли раздобыть небольшое количество печенья или муки. Войска в целом были недостаточно одеты и, прежде всего, плохо обуты; те, кому удавалось раздобыть немного еды, часто становились инвалидами из-за обморожения или травм плохо защищенных ног. В надежде защититься от смертельного холода мужчины перегружали себя одеждой всех видов и качества, часто грязными лохмотьями, сорванными с мертвых и умирающих. Опасаясь смертельно простудиться, они никогда не снимали их даже для необходимых целей и не осмеливались стирать. В своем безудержном голоде они ели, как дикие звери, разрывая зубами

сырую или полусырую конину и покрывая себя и свою жалкую одежду кровью и потрохами. Вскоре их внешность стала неопишимо отвратительной, и результатом их порожденного паникой пренебрежения стала, конечно же, отвратительная болезнь. Эгоизм возрастал вместе с нищетой; люди отталкивали своих более слабых товарищей от костров бивуаков и дрались за жалкую падаль, на которой они пытались поддерживать свое существование; в то время как те, кто падал, были ограблены прохожими.

ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ МОСКВЫ

С картины Адама

Среди всех этих страданий и недостатка самоуважения было многое, что делает честь человеческой природе. Многие солдаты усугубляли свои трудности, пытаясь помочь женщинам и детям, которые следовали за армией. Офицеры, имевшие частные экипажи, передали их этим несчастным беглецам; тем, кто был прикреплен к штабным квартирам, которые были лучше обеспечены, чем остальная армия, удалось спасти многих. К несчастью, самым необходимым была еда, а ее рыцарственные защитники не часто могли дать своим подопечным. Отважные последовательницы могли в какой-то степени защитить себя и обеспечить себя сами, но слишком многие жены офицеров или их связи были совершенно беспомощны, и их судьба была плачевной.

Одним из самых ужасных инцидентов отступления была судьба русских пленных, около 2000 из которых — отставших, выздоравливающих и гражданских — были утащены с армией под охраной, состоящей из фрагментов и отрядов представителей всех наций. С самого начала с пленными обращались с грубой жестокостью и пренебрежением. Слабаков, которые отставали, безжалостно предавали смерти. Каждую ночь выжившие сбивались в кучу, без огня, на голой земле, без еды, если не считать небольшого количества сырой конины. Вскоре даже этого не последовало, и несчастные узники, гонимые и согнанные вместе, как дикие звери, людьми, теряющими остатки человечности, погибли в ужасных страданиях. Говорят, что среди них свирепствовал каннибализм. Нет более темного пятна на гербе Наполеона (который должен

нести полную ответственность), чем такое обращение с людьми, которые, во всяком случае, были открытыми врагами, а некоторые из которых даже не были комбатантами.

День ото дня число людей в строю сокращалось. Каждый бивуак был кладбищем сотен людей и тысяч лошадей; линия марша напоминала длинное поле битвы. Дороги были усеяны мертвыми или умирающими людьми и лошадьми, брошенными орудиями и повозками, а также всевозможными обломками. Среди всего этого в диком смятении устремилась на запад бесконечная процессия распущенных мужчин и сопровождавших лагерь мужчин и женщин, сопровождаемая всевозможными повозками, через которые войска, все еще носившие знамена, едва могли проложить себе дорогу. Многие мужчины были уже настолько слабы, что едва могли плестись вперед. Некоторые впадали в идиотизм от лишений и зрелища окружающего их горя. Положение солдат в строю было не лучше; их преданность долгу только продлевала их страдания. Плохо одетые, умирающие от голода, пораженные холодом и болезнями, часто полуослепшие от воздействия ослепительного снега днем и дыма костров ночью, они просто чудо, что им когда-либо удавалось вести хоть какое-то сражение. Их обязанности, когда у них были силы для их выполнения, сводились к отражению атакующих казаков и уничтожению орудий и повозок, которые в противном случае были бы брошены.

Из Дорогобужа корпус Евгения был отведен в сторону Духовщины с намерением направить его оттуда на Витебск, чтобы ослабить давление Витгенштейна на Виктора. Результатом стало его практическое уничтожение.

7 ноября Евгений Вюртембергский атаковал дивизию Разута перед Дорогобужем и после нескольких упорных боев, отчасти из-за нерешительности ее близорукого командира, вынудил ее отступить через город с потерей нескольких сотен человек и 4 орудий. Ней, который надеялся задержать Милорадовича на день, был вынужден отступить к Смоленску. Дорогобуж был переполнен распущенными мужчинами, которые были безжалостно убиты или раздеты разъяренными жителями. Часовщик хвастался, что убил 11 французов ножом, который он специально спрятал для этой цели! Милорадович, однако, был вынужден отвести свою пехоту на юг ради продовольствия и укрытия от холода. Он поручил преследование Нея генерал-майору Юрковскому с бригадой драгун и несколькими казаками, в то время как Платов последовал за Евгением в сторону Духовщины.

В Микалевке Наполеон узнал о дерзком заговоре Мале в Париже, и это известие, несомненно, не принесло ему облегчения. 8-го корпус Жюно прибыл к Смоленску; но за день до этого в этот разрушенный город вторглись толпы расформированных войск. Жюно не разрешили пропустить туда свой корпус, и он расквартировал его в деревнях по дороге на Мстиславль. Сам Наполеон прибыл 9-го числа, но был встречен плохими новостями со всех сторон.

Виктор оказался неспособен сдержать Витгенштейна. Дивизия Бараге д'Илье, как уже говорилось, продвинулась к Ельне и отступала к Смоленску, когда в этот день его арьергардная бригада численностью 2000 человек под командованием генерала Ожеро была окружена в деревне Ляхова Орловым-Денисовым со своим собственным летучим отрядом и отрядами Давыдова, Сеславина и Фигнер. Ожеро остался без артиллерии и, не получив поддержки Бараге д'Илье, который проявил большую нерешительность, был вынужден сдаться. Бараге д'Илье поспешно отступил в Смоленск с остальной частью своей дивизии, и ему было совершенно правильно приказано вернуться домой для суда. Помимо бригады Ожеро, несколько складов или постов войск были захвачены русскими передовыми отрядами. Кутузов

достиг Челканово на дороге Смоленск-Мстиславль, примерно в 25 милях от Смоленска, 12-го числа. Он прошел не очень быстро — около 120 миль за 9 дней, — но это правда, что и дороги, и погода были ужасными. Русские были хорошо одеты и неплохо накормлены, но многие русские войска были молоды, и заснеженные бивуаки оказали катастрофическое воздействие на их несформировавшийся организм.

В тот же самый катастрофический день, 9-го числа, корпус Эжена после трехдневных боев по снегу достиг небольшой реки Вопь, всего в 30 милях от Дорогобужа. Вице-король уже потерял 1200 оставшихся у него лошадей и большую часть артиллерии. Он отправил отряд наводить мост через ручей, но материалов не хватало, и несчастным солдатам пришлось переходить его вброд. Королевская гвардия во главе с Эженом посреди них, по пояс в воде и со льдом, выстроилась на противоположном берегу и отогнала авангард Платова, который уже переправился. Сам Платов терзал арьергард своей легкой артиллерией и угрожал несчастной колонне с фланга и тыла. Когда Эжен переправился, была предпринята попытка переправить артиллерию и обоз. Крутые берега ручья в спешке сделали удобными для движения транспортных средств, но склоны быстро покрылись льдом; брод вскоре был забит орудиями и повозками, намертво увязшими в грязи, и в конце концов все, кроме небольшой части, которые переправились первыми, пришлось оставить. Когда об этом стало известно, на берегу разыгрались ужасные сцены. Царила суматоха сражений, грабежей и убийств. Многие измученные солдаты, пробираясь через ледяную воду, замерзли и утонули; многие другие умерли ночью. Дивизия Брусье прикрывала тыл Платова всю ночь и переправилась только утром 10-го, оставив позади себя много больных и раненых, огромное количество обоза и около 60 орудий. Сотни мужчин, охваченных холодом, побросали оружие. Основная часть корпуса двигалась по дороге на Духовщину совершенно дезорганизованно; только королевская гвардия и дивизия Брусье все еще двигались с некоторым подобием порядка. Духовщина уже была занята казаками — передовыми полками старого отряда Винцингероде, теперь под командованием генерал-майора Голенищева-Кутузова. Однако им, конечно же, пришлось отступить перед наступлением королевской гвардии, и Эжен занял город. Он еще не был разграблен, и измученные остатки 4-го корпуса смогли раздобыть еду и немного отдохнуть. 12-го Эжен поджег Духовщину и отступил на Смоленск, куда прибыл 13-го, окруженный и преследуемый всю дорогу неутомимыми казаками. Под его знаменами было всего 6000 или 7000 вооруженных человек и самое большее 20 орудий из более чем 100.

ГИПЕРССЫЛКА[7] войска пробившись из Вязьмы в Смоленск без особого сопротивления со стороны русских, но день ото дня распадаясь под воздействием холода, усталости и голода. Поляки, похоже, полностью разбились, и только около 800 рядовых добрались до Смоленска. С другой стороны, они сохранили значительную часть своей артиллерии благодаря разумным мерам предосторожности при грубой подковке своих лошадей.

Ней достиг Днепра у Соловьево 19-го числа. Подход к мосту более чем на полмили был загроможден брошенными орудиями и повозками; и прежде чем проехать, Ней приказал своим людям открыть по ним огонь. При этом они наткнулись на остатки съестных припасов и немного спиртного. В лесах по обе стороны дороги были тысячи оставших, в основном раненых, которых вездесущие казаки убивали и грабили на глазах у их товарищей. Вечером 3-й корпус форсировал реку и разрушил мост. Он защищал проход от бригады Юрковского, казаков и части поддерживающей пехоты до 12-го числа, а затем отступил к Смоленску при такой ужасной погоде, что даже русский Левенштерн говорит об этом как о чем-то исключительном.

Останавливаться было невозможно из-за боязни замерзнуть, в то время как покрытая льдом дорога была смертельной для сотен измученных людей. Ужасная ночь на бивуаке положила конец страданиям самоотверженного 3-го корпуса. 4-го числа она вошла в Смоленск — около 4000 человек осталось от более чем 11 000 человек, выступивших из Москвы.

Теперь необходимо свернуть в сторону, чтобы проследить за судьбой крыльев Наполеона. 29 октября Виктор присоединился к Мерле в Часниках, на слиянии маленькой реки Лукомля с Улой, примерно в 17 милях к юго-западу от Беченковичей. Дендельс уже присоединился к Леграну. Витгенштейн и Штайнгель объединились в Лепеле в тот же день и достигли Улы 30-го. Однако из-за отряда дивизии Властова их численность составляла не более 33 000 человек, в то время как 2-й и 9-й корпуса, даже в отсутствие Корбино, насчитывали 36 000 пехоты и 4000 кавалерии. Поэтому Виктор решил атаковать и послал позвать Денделса и Леграна. Однако из-за недоразумений ни Легран, ни кавалерия 9-го корпуса не прибыли, и Виктор не решился атаковать. Витгенштейн отогнал передовые отряды Виктора за Лукомлю и ввел в действие массу артиллерии, которая получила преимущество перед французскими орудиями. После продолжительной канонады бой затих, и перед рассветом 1 ноября Виктор отступил к Сиенно, примерно в 25 милях к востоку от Часников. Он не потерпел никакого поражения и, действительно, почти не ввел в бой свои войска. Возможно, он подумал, как говорит Де Шамбре, что будет лучше подождать, пока Наполеон не подкрепит его. Витгенштейн не стал преследовать Виктора, а двинул дивизию Харпе в сторону Беченковичей, чтобы наблюдать за передвижениями Виктора. Последний, пробыв два дня в Сиенно, повернул на юго-запад к Черее, примерно в 20 милях к северу от дороги Смоленск-Минск в Бобре. Невозможно определить, был ли этот шаг вызван его страхом за шоссе, но результат был катастрофическим. 7 ноября Харпе атаковал Витебск, который теперь был раскрыт. Небольшой гарнизон под командованием генерала Пуже был либо убит, либо взят в плен.

29 октября Чичагов отправился из Брест-Литовска в Минск. Чтобы сдержать Шварценберга, он оставил вместе с Сакеном дивизии Булатова, Ливена и Эссена III общей численностью около 27 000 бойцов при 96 орудиях. Под его личным командованием находились 2 корпуса Войнова и Сабаньева, составлявшие вместе *Батальный* корпус под командованием Ланжерона, и два авангарда под командованием Ламберта и Чаплица - 33 000 человек при 180 орудиях. Чичагов отправил Эртелю приказ выступить из Мозыря ему навстречу. Генерал Мусин Пушкин был оставлен с 4000 или 5000 человек для охраны волынской границы. Адмирал покинул Пружани 30 ноября и прибыл в Слоним 3 ноября. Он мог бы действовать быстрее, но он объяснил царю, что надеется привлечь к себе Шварценберга и нанести ему сокрушительный удар, прежде чем двинуться на Минск. В этом ожидании он ждал около Слонима до 8 ноября, затем, чувствуя, что дальнейшее промедление было бы опасным, направился в Минск. На самом деле он и так ждал слишком долго.

Шварценберг, оставив поляков Косинского прикрывать Варшаву, а один из полков Дурутте - ставить гарнизон в этой столице, сосредоточил остальную часть своей армии в Белослоке и двинулся маршем на Волковиск, которого он достиг 8 ноября, причем Чичагов был почти на 60 миль впереди, и путь перед ним был свободен. 14-го Шварценберг был в Слониме со своими австрийцами, в то время как Рейнье и Дюрутте находились в Волковыске. Сакен покинул Брест-Литовск 1 ноября. Он оставил полковника Витте с 3 батальонами и 2 недавно присоединенными казачьими полками прикрывать свою базу, а сам двинулся на Волковыск. Между ним и его целью лежал обширный Беловежский лес, который ему пришлось обогнуть, но 12 ноября он

приблизился к Волковиску, выдвинув вперед свой правый фланг, чтобы встать между Шварценбергом и Рейнье. Последние, опасаясь быть атакованными с фланга, отступили к Волковиску.

Волковыск расположен на правом берегу реки Росси, которая течет на север к Неману. Недалеко от города в Росси впадал ручей. Оба сейчас замерзли. К северу от города есть несколько невысоких высот, и на них была размещена основная часть армии Ренье; но его штаб-квартира находилась в самом Волковыске.

Сакен решил, что лучше всего энергично атаковать Ренье, чтобы, по крайней мере, вернуть Шварценберга ему на помощь. Это было смелое, но опасное решение, поскольку Сакен не намного превосходил численностью даже Рейнье и мог быть захвачен австрийцами с тыла. В ночь с 14 на 15 его авангард застал врасплох Волковиск, вытеснив его гарнизон и почти захватив Ренье. Однако затем Дурутте остановил продвижение русской колонны.

15-го Рейнье занял позицию за городом, его правое крыло, состоящее из саксов, расположилось на лесистом берегу Росси, Дурутте в центре, а еще больше саксов слева. Сакен был оттянут к югу от города, с Булатовым справа, Эссеном в центре и Ливеном слева.

Рано утром 15-го Дурутте отвоевал Волковиск. Сакен не пытался вернуть его. День прошел в беспорядочной канонаде, за исключением левого фланга Ренье, где русская кавалерия корпуса Булатова под командованием Мелиссино попыталась воспользоваться продвижением саксонской пехоты в атаку, но была достойно отбита их всадниками.

Шварценберг, проинформированный о наступлении Сакена, оставил Фримонт примерно с 7000 человек в Слониме и вернулся в сторону Волковыска с оставшимися 18 000. 15-го его авангард был уже далеко в пути; но Сакен, введенный в заблуждение ложными донесениями некоторых пленных, решил продолжить наступление на Ренье. 16-го он отбил Волковыск и около полудня начал массированную атаку слева от Рейнье, когда на дороге в Слоним, почти в тылу центра Сакена, послышались выстрелы, и беглецы из охраны обоза, который был отправлен туда, сообщили, что Шварценберг уже близко. Сакен сразу же начал отходить влево, сначала Ливен, затем Эссен, наконец, Булатов. Стемнело еще до того, как Эссен начал свой марш, и армия благополучно отступила к Свисложу на Брест-Литовской дороге.

Его горячо преследовали Шварценберг и Рейнье, последний следовал за ним по главной дороге, в то время как Шварценберг угрожал повернуть направо и встать между ним и Беловежским лесом. В течение следующих десяти дней шли постоянные арьергардные бои, хотя и не отличавшиеся особой жестокостью, когда Сакен возвращался в Брест-Литовск. 25-го он занял позицию, чтобы прикрыть это место, но его противники были явно слишком сильны для него, и 26-го оно было вновь занято Ренье. Конечным результатом операций Сакена стало то, что он отвел Шварценберга далеко от решающей точки на Березине. 25-го австрийский генерал получил письмо от Марета из Вильно, в котором тот просил его вернуться, чтобы поддержать Наполеона. Он немедленно это сделал, но, чего бы он ни хотел, а чего бы и не желал, теперь было слишком поздно. 27-го, когда он отправился перемерять шаги, Наполеон уже переправлялся через Березину, которому угрожали Чичагов и Витгенштейн. Потери Сакена во время его короткой кампании были тяжелыми, хотя, конечно, они и не приближались к цифре в 10 000 человек, в которую оценивали их французы. Он потерял также значительную часть своих обозов. Потери его противников составили, возможно, около 3000 человек убитыми, ранеными

и пленными. Важность стратегического успеха русских, однако, нельзя выразить в терминах потерь.

Остатки центральной части наполеоновской армии были собраны под Смоленском к 13 ноября. Таким образом, передовые части получили около пяти дней отдыха от марша, но это мало облегчило их страдания. В деревнях вокруг города было около 1500 голов крупного рогатого скота, но большинство из них было угнано казаками, которые предшествовали маршу основной русской армии. В самом Смоленске имелись значительные запасы муки, круп и бренди — вероятно, их хватило, чтобы снабдить остатки армии продовольствием на несколько дней. Было также некоторое количество печенья, риса и сушеных овощей. Охраннику, как обычно, оказали чрезмерное предпочтение. Наполеон приказал, чтобы ему были выданы припасы на 15 дней, в то время как другой несчастный корпус должен был получить только шесть. Однако, судя по рассказам членов гвардии, он никогда не получал ничего подобного заказанному количеству. Люди, голодные и расточительные, похоже, в значительной степени объелись своими пайками; многие продавали их другим по непомерным ценам; таким образом, оставшиеся в живых баварские всадники Прейзинга смогли раздобыть немного еды. Также были выпущены переносные мельницы, которые к этому времени начали прибывать. Даже в своей нищете солдаты горько подшучивали над этим запасом муки для помола, которого не было. Укрытий было мало. Очевидцы рассказывают мрачные истории о нищете, царившей за стенами. По мере того, как корпус за корпусом в своих страданиях добирался до города, больницы были забиты больными и ранеными, которых буквально сваливали в эти притоны ужаса без какого-либо обеспечения. Холод был сильнее, чем когда-либо, и люди сотнями обмораживались. Наполеону повезло, что 14-го наступила оттепель. В то время как в городе у войск, по крайней мере, было достаточно продовольствия для насущных нужд, войска Жюно и Зайончека в окрестных деревнях остались без продовольствия, в результате чего они грабили проходившие мимо них обозы и съедали сотни годных к употреблению лошадей.

Армия действительно получила значительное подкрепление под Смоленском. Колонна Бараге д'Илье была распределена между частями корпуса по мере их прибытия. К легиону "Висла" присоединились его 3-й батальон, к корпусу Нея - 129-й полк и Иллирийский полк. Трудно определить численность армии на 14-е число, но, возможно, ее можно оценить почти в 60 000 человек. В гвардии все еще оставалось около 2500 плохо управляемых всадников; все остальные кавалерийские дивизии насчитывали не более 3000 всадников в среднем. Остатки кавалерийского резерва - около 2000 сабель — были собраны под командованием Латур-Мобура. Большая часть артиллерии, которую до сих пор тащили с собой, больше не могла двигаться, и 140 орудий были брошены в Смоленске.

РУССКИЕ ГРЕНАДЕРЫ, ПРЕСЛЕДУЮЩИЕ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМИЮ
С картины Верещагина

13-го числа остатки корпуса Эжена в диком замешательстве ворвались в город. Была начата выдача пайков, но голодающие люди вышли из-под контроля и разграбили склады. Отчаянными усилиями порядок был восстановлен, но было нанесено много повреждений и драгоценная еда растратчена впустую. На следующий день 1-й корпус ворвался в Смоленск в таком же плачевном состоянии, как и 4-й, и беспорядок в этом некогда самом дисциплинированном армейском корпусе невозможно было сдержать. Склады были взломаны среди неистовых сцен беспорядка и насилия; несчастные убивали друг друга у дверей и на улицах. Провизия была разграблена, большая ее часть, конечно, была уничтожена в суматохе. У храбрых людей Нея, которые жертвовали собой, чтобы спасти остальную армию, не осталось ничего, кроме тех остатков, которые они могли добыть, разыскивая их.

Тем временем Кутузов продвигался вперед с медлительностью и осторожностью, которые выводили из себя наиболее нетерпеливых из его подчиненных и заставляли некоторых из них сердито бормотать о предательстве. 14-го он прошел 13 миль от Челканово до Юрово и остановился на день. Вполне возможно, как резонно замечает Клаузевиц, что его твердость была поколеблена ухудшающимся состоянием его собственной армии, которая сильно

страдала от холода и гибла на бивуаках спугающей скоростью, хотя, конечно, менее быстро, чем *Великая армия*, поскольку солдат довольно хорошо кормили. Это, однако, вероятно, побудило бы более молодого и энергичного человека нанести смертельный удар своим противникам до того, как его собственные силы иссякнут. Кутузов, однако, был, несомненно, слишком стар и немогуч для нынешнего кризиса. Более того, очевидно, что русские разведчики сильно переоценили численность французов, в основном потому, что отставших часто принимали за бойцов. У многих из них все еще было оружие. Милорадович оставил дивизию Чоглокова охранять Ней перед Смоленском, а сам с основной частью своих сил двинулся вокруг города, чтобы присоединиться к своему главнокомандующему, в то время как Платов обошел его с севера. 16-го Кутузов двинулся к Чилове, в 4 с половиной милях к юго-востоку от Красного, и там остановился.

13-го числа Наполеон направил Жюно с 8-м корпусом и остатками спешившейся кавалерии и Зайончека с 5-м корпусом на Красный. Генералы Эбле и Жomini уже были отправлены вперед с отрядами саперов для ремонта мостов и облегчения марша. Но уже распущенные войска опередили организованные части и текли по шоссе, грабя автоколонны и сея повсюду беспорядок. Небольшие склады продовольствия имелись в Красном, Лядах, Толочине и других местах, а более крупный - в Орше. Таким образом, ситуация была в некотором смысле менее неблагоприятной, чем раньше. Однако, к несчастью, русская армия в Чилове была в пределах легкой досягаемости от большой дороги; и теперь Наполеон, как будто его злой гений когда-либо направлял его в 1812 году поступать неправильно, двинул остатки своей армии вдоль фронта с интервалом в день между корпусами!

Поляки Клапареда, сопровождая сокровища и штабной багаж, а также то небольшое, что осталось от резервной артиллерии, последовали за Жюно. 14-го Наполеон покинул Смоленск с гвардией и Латур-Мобуром. Эжен должен был уйти 15-го, Даву - 16-го, Ней - 17-го, после разрушения крепостных валов. Даву должен был усилить Ней одной из своих дивизий.

14-го числа летучая колонна графа Ожаровского вошла в Красное и начала уничтожать собранные там припасы, но была вытеснена дивизией Клапареда и отошла к Уварове, на Лоссмине, в 2 милях к юго-востоку. Рано утром 15-го Милорадович со 2-м и 7-м корпусами и 1-й кавалерийской дивизией достиг Рязки, немного западнее Корицни, как раз в тот момент, когда проходили Наполеон и гвардия. Он открыл огонь своей артиллерией, но не рискнул атаковать гвардейскую пехоту, хотя за эту возможность, несомненно, стоило ухватиться. Он спустился на дорогу, когда прошли последние закрытые тела, и подобрал 11 брошенных ружей и 2000 отставших. Затем он двинулся по дороге в Мерлино и занял позицию поперек нее, прикрыв свой фронт ручьем, текущим, как обычно, в труднопроходимом овраге. Наполеон благополучно добрался до Красного, и гвардия разбила лагерь вокруг маленького городка.

Хотя наступала оттепель, это не принесло облегчения страданиям *Великой армии*. Шел сильный снег, и усталость от ходьбы по нему была огромной, в то время как сырая туманная погода сказывалась на людях почти так же сильно, как пронизывающий холод предыдущих дней. Лошади, по-видимому, полностью выбились из сил, когда после некоторого отдыха им пришлось возобновить путь. Гвардейской артиллерии, лучше всего укомплектованной в армии, потребовалось 22 часа, чтобы преодолеть первые 13 миль от Смоленска, и по достижении Красного 12 из 24 конных орудий пришлось бросить. Половина остатков кавалерии Латур-Мобура была спешена за 2 дня, в то время как дивизии бросили и полностью уничтожили свои

резервные парки, будучи совершенно неспособными провести их через разоренную местность к западу от Смоленска. Ущелье Лоссмина, к востоку от Красного, было одним из самых опасных для поездов; орудия, повозки и транспортные средства всех видов были буквально свалены в кучу к востоку от него, где дорога проходила через ущелье.

Эжен покинул Смоленск 15-го, но было трудно увести измотанные войска и их смертоносный инкуб из числа некомбатантов подалее от города, и 4-й корпус к вечеру достиг только Лубны, примерно в 7 или 8 милях по дороге на Красное. 16-го он продолжил свой марш, всю дорогу преследуемый тучами казаков. Во второй половине дня 16-го ему преградил путь Милорадович, Кутузов в тот же день достиг Чилovy. Наполеон, по-видимому, наконец осознал необходимость объединения своих разрозненных колонн и остался в Красном, чтобы дать возможность 4-му, 1-му и 3-му корпусам сомкнуться. Даву в этот день покинул Смоленск с 4 дивизиями, а Зайончек прибыл в Дубровну. Осколки *Великой армии* были, таким образом, разбросаны на расстоянии 60 миль. Даже если не принимать во внимание поляков и Жюно, из-за их малочисленности основные силы были разбросаны на 30 миль по дороге, в то время как Кутузов со всей своей армией, серьезно поредевшей, но в добром расположении духа и хорошей форме, находился недалеко от ее головы.

У Мерлино 2-й корпус Милорадовича под командованием князя Долгорукого был вытянут поперек дороги, в то время как Раевский располагался параллельно ей на юге. Кавалерия Уварова находилась в резерве. Остатки 4-го корпуса насчитывали всего около 6000 бойцов и несколько орудий, не считая примерно 1200 отставших вооруженных людей, которых Гильемино удалось собрать и сформировать. Эти последние, однако, были быстро отброшены и отброшены в тыл остаткам 4-го корпуса, который с дивизией Брусье слева, дивизией Филлипона (бывшей Дельзона) в центре и дивизией Пино справа неуклонно ожидал уничтожения, вызывая крича в ответ на сильную канонаду русских. Эжен, конечно, с презрением отверг предложение Милорадовича о капитуляции и двинулся вперед. Крайняя фланговая бригада Паскевича была на мгновение сбита с толку доблестным наступлением Брусье, но атака была быстро отбита, и только темнота спасла уцелевших бойцов 4-го корпуса. Оставив Брусье прикрывать тыл, Эжен отвел другие дивизии вправо и рано утром 17-го достиг Красного. У него осталось всего около 4000 человек. Были захвачены последние орудия, а дивизия Брусье почти полностью уничтожена.

16-го, еще до рассвета, дивизия Молодой гвардии Рогэ изгнала отряд Ожаровского из деревень, которые он занимал к югу от Красного. Рогэ, конечно, не мог развить свой небольшой успех, поскольку вся русская армия теперь приближалась к Красному, но это сделало Кутузова более чем когда-либо осторожным и осмотрительным.

Прибытие Эжена убедило Наполеона в том, что для спасения Даву и Нея он должен оказать сопротивление, чтобы позволить им приблизиться к нему. 4-й корпус был неспособен принять какое-либо участие в боевых действиях, и он приказал ему дефилировать по дороге на Оршу. Гвардейская пехота была подтянута к югу от Красного, дивизия Клапареда - в городе, Лаборд - в центре, Рогэ - слева, у ущелья Лоссмина. Старая гвардия, кавалерия и немногие оставшиеся конные отряды Латур-Мобура с 30 орудиями должны были отступить к Смоленску, чтобы встретиться с Даву. Общая численность войск Наполеона составляла менее 18 000 человек, из

которых 2500 были кавалерией в плачевном состоянии; в то время как только легкая артиллерия Молодой гвардии могла маневрировать в стороне от дороги.

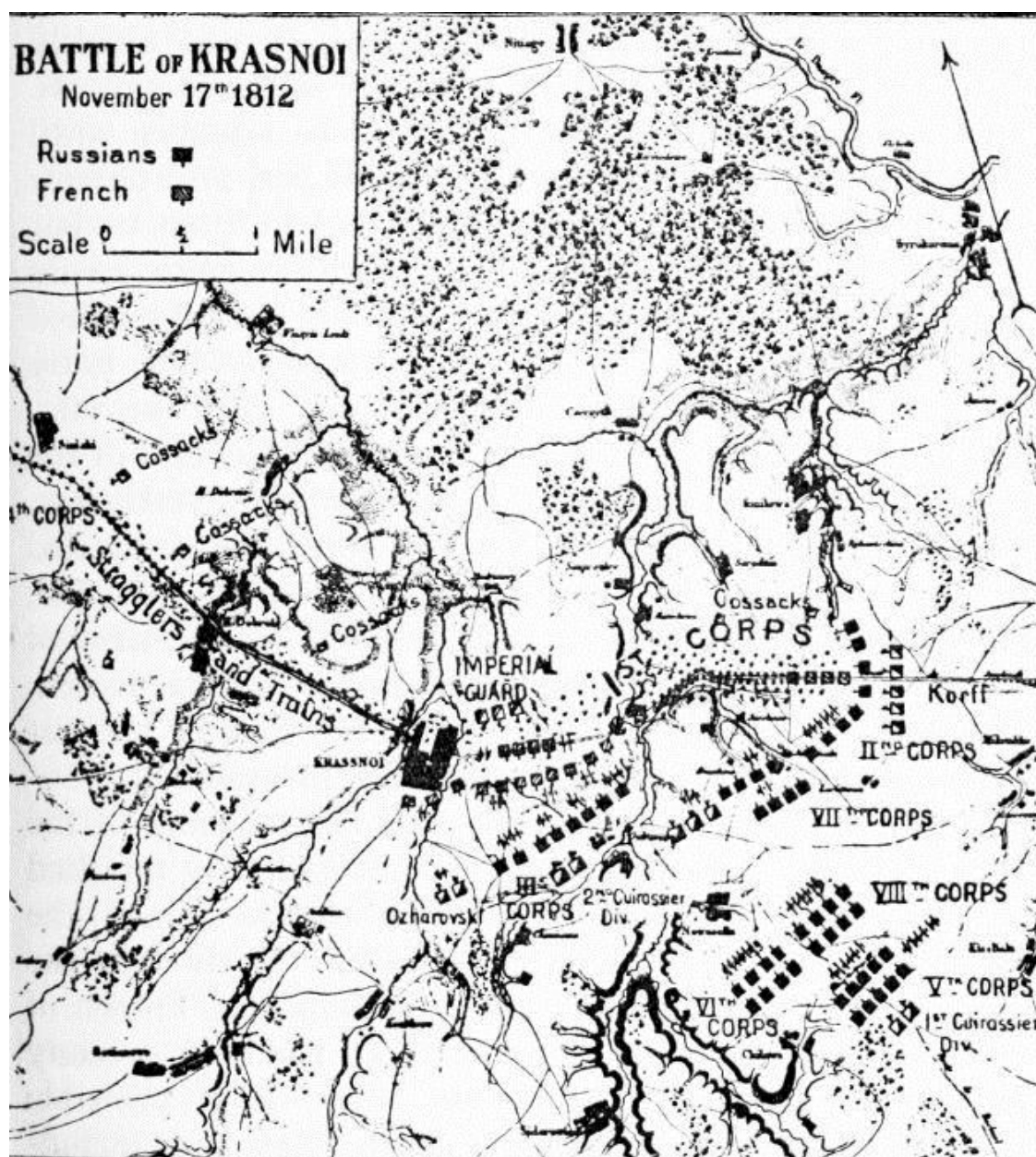
Даву покинул Смоленск 16-го, и его передовая дивизия расположилась на ночь бивуаком примерно в 2 милях за Коритнией. Там маршал узнал о катастрофе Эжена. Отправив гонцов предупредить Нея, что он должен ускорить свой марш, он расстался в 3 часа ночи

Кутузов, со своей стороны, решил атаковать. Князь Голицын с 3-м корпусом и 2-й кирасирской дивизией должен был атаковать гвардию спереди. Милорадович, усиленный кавалерией Корфа, должен был занять позицию около Ларионово, немного восточнее Лоссмины, и пропустить Даву; но затем должен был энергично ударить ему в тыл и отклониться влево, чтобы поддержать Голицына. Тормазов с 5-м, 6-м и 8-м корпусами и 1-й кирасирской дивизией должен был продвинуться влево и преградить Наполеону путь отступления. Остерман и Васильчиков находились на некотором расстоянии в тылу, но могли легко подойти днем. Не считая Платова, который находился к северу от Днепра, и различных летучих колонн, Кутузов, вероятно, располагал почти 70 000 регулярных войск и примерно 450 хорошо оснащенными пушками.

Что касается его плана действий, то непонятно, почему Милорадович не должен был атаковать Даву напрямую, Голицын был слишком слаб, чтобы сдерживать гвардию, в то время как колонна Тормазова была слишком сильна для своей цели. Тем не менее, если бы чрезмерно сложный план был энергично реализован, небольшие силы Наполеона численностью около 28 000 человек могли бы быть легко уничтожены.

Рано утром 17-го Голицын двинулся на Красный, но был остановлен Рогэ, который на мгновение захватил деревню Уварова, оттеснив отряд Ожаровского через Лоссмину. Поэтому Голицын решил дожидаться содействия Милорадовича, прежде чем продолжать наступление; в то время как Кутузов, услышав, что вся императорская гвардия, численность и боеспособность которой он чрезвычайно переоценивал, находится в Красном, удержал Тормазова.

Ведущее подразделение Даву (Жерара) достигло Лоссмины между 8 и 9 часами утра и встало в линию с Рогэ; остальные три последовали за ним. Замешательство в тылу было ужасающим; обозы 1-го корпуса устремились к северу от дороги, а среди них была русская кавалерия и казаки. Охваченные паникой возницы перерезали пути и скрылись вместе с лошадьми, а большая часть оставшегося багажа 1-го корпуса была захвачена, включая личные экипажи Даву, в которых, среди прочего, находились его маршальский батон и ценная коллекция карт. Организованного сопротивления было мало, за исключением небольших отрядов храбрецов, которые формировались тут и там, чтобы противостоять кавалерии, и по большей части встретили свою смерть при исполнении своего долга. Результатом отвлекающего маневра Наполеона было то, что 1-му корпусу удалось форсировать Лоссмину, но его потери были очень серьезными, поскольку ему пришлось дефилировать каре или сомкнутой колонной, чтобы противостоять атакам русской кавалерии, все время подвергавшейся сильной канонаде.

Позиции были расположены около 10 часов утра 17 - го , когда Даву совершил свое соединение с Наполеоном

Как только Даву и Мортье установили связь, Наполеон начал отступление на Лиады со Старой гвардией и кавалерией, за исключением голландских гренадер и улан, которых он оставил для поддержки Мортье. Милорадович и Голицын теперь были на связи и начали энергично давить. Убийственная канонада была направлена на тонкую линию французов к югу от Красного, и под прикрытием этого русская пехота продвинулась вперед. Голландские гренадеры, разбитые артиллерийским огнем, выбыли из строя, и молодые "фланкеры-егеря", которым Рогэ приказал занять их место, не смогли устоять под железным градом. На поддержку им Рогэ послал 1-й вольтижерский и фузилер-гренадерский полки. Фланкеры были освобождены, но вольтижеры были атакованы кирасирами Дуки и уничтожены, спаслись только сорок раненых. Тем не менее, русским было уже слишком поздно добиваться какого-либо решающего успеха. Тормазов получил приказ наступать только около полудня, а тропы были такими плохими и узкими, что он

не смог добраться до большой дороги вовремя, чтобы преградить марш Наполеона. Часть легкой кавалерии была легко выбита, и Штаб-квартира и Старая гвардия благополучно добрались до Лиади. Мортье и Даву последовали за ним, но под яростным натиском Милорадовича и Голицына понесли тяжелые потери. Голландская гвардия была почти уничтожена; несколько полков Молодой гвардии были вырезаны. Тем не менее, войскам Мортье и трем дивизиям Даву удалось отойти к Лиадам, но дивизия Фридрихса, сильно теснимая с тыла, была атакована к западу от города авангардом Тормазова под командованием генерала Розена и почти уничтожена. 33-й легионерский был почти полностью уничтожен, только 25 человек остались невредимыми.

Ней оборонял Смоленск до утра 17-го. 15-го 4-й полк доблестно отразил попытку дивизии Чоглокова ускорить эвакуацию северного пригорода. Рано утром 17-го войска отбыли в Красный. О том, что происходило впереди, ничего не было известно, и Даву сурово обвиняли в том, что он не проинформировал Нея. Вполне вероятно, что его посланцы были перехвачены. У Нея, включая дивизию Рикара из 1-го корпуса, было, возможно, около 9000 человек, но почти не было кавалерии и всего 18 жалких орудий на конях. Он также был обременен ордой из 7000 мирных жителей. Пять тысяч больных и раненых были оставлены умирать в Смоленске, многие погибли в результате взрыва мин, которые, повинаясь приказу, Ней заложил под крепостными валами. Первый дневной переход прошел без помех, но 18-го дивизия Рикара, шедшая впереди, наткнулась в тумане на Милорадовича, который занимал позицию за Лоссаминой. Застигнутая врасплох и превосходящая численностью шесть к одному, дивизия понесла тяжелые потери и в беспорядке была отброшена назад по дороге на Смоленск. Это, однако, могло бы помочь Нею, поскольку Милорадович полагал, что силы Рикарда на самом деле составляли весь 3-й корпус, и поэтому был застигнут врасплох, когда Ней, собрав остатки 2-й дивизии, подошел ближе к 3 часам пополудни. Русские, по совету Паскевича, выстроились в линию, как стояли, батарея из 24 орудий была размещена поперек дороги. Силы Нея, которые выглядели очень грозными сквозь туман, были сильно переоценены, и быстрота, с которой маршал убрал часть кавалерии с бивуака слева от себя, произвела впечатление на русских. Он, со своей стороны, надеялся, что ему придется иметь дело только с отрядом, хотя Милорадович послал офицера, чтобы призвать его сдаться, и сообщил ему, что перед ним вся русская армия. Ней задержал офицера, поскольку во время переговоров были произведены выстрелы, и отдал приказ о нападении. Дивизия Разута с великолепным героизмом двинулась вперед, вошла в овраг, преодолела его дальний берег под яростным огнем и почти достигла фронта русских, когда была смята канонадой и ружейным огнем и в диком беспорядке отброшена назад контратакой дивизии Паскевича. Уланы гвардии атаковали остатки 18-го полка и захватили его орла. Генерал Разу был ранен, генерал Ланшантен взят в плен; и лишь жалким остаткам доблестных войск удалось отступить под прикрытием дивизии Ледрю, которая благородно пожертвовала собой, прикрывая отступление. В 4 часа пополудни Ней отступил, и великолепная дерзость атаки произвела на Милорадовича такое впечатление, что он не предпринял эффективного преследования.

Ней проехал небольшое расстояние по дороге на Смоленск, а затем повернул на север. Он решил переправиться через Днепр по льду и правым берегом пробираться в Оршу. Он приказал разбить лед на ручье, чтобы определить его направление, и следовал по его течению, пока не достиг Днепра. Он устроил показательный привал в деревне, но оставил свои костры гореть и, ведомый захваченным крестьянином, нашел место, где лед на великой реке мог выдержать. Однако начиналась оттепель, и хотя бойцам в основном удалось переправиться, лед

подломился под первыми машинами. Орудия, эшелоны и раненые были брошены на произвол судьбы на другом берегу; с Неем осталось около 3000 измученных и умирающих от голода пехотинцев. Единственным благоприятным обстоятельством было то, что холод прекратился. Но 19-го числа Платов напал на них со своими казаками, и всю дорогу до Орши они маршировали в окружении его эскадронов, неоднократно обстреливаемые его санной артиллерией. Детали "дерзкого марша" живо описаны Де Фезенсаком, но в таком произведении, как это, для них мало места. Ней удерживал горстку уставших солдат вместе благодаря чистой притягательной силе своей личности. При приближении к Орше оказалось, что дорога перегорожена кострами, но маршал приказал атаковать, и они были обнаружены без охраны, поскольку были зажжены для того, чтобы запугать его и заставить остановиться. В полночь 21-го числа отряд достиг Витебской дороги примерно в 8 милях от Орши, где столкнулся с колонной, которую Эжен повел на помощь. Так закончился героический эпизод. Из 3-го корпуса и дивизии Рикара в живых осталось не более 1500 вооруженных человек.

В то время как Ней пробирался к Орше северным берегом Днепра, Наполеон прибыл туда 19-го. Красный, каким бы плохо спланированным и жестоко сражавшимся он ни был, был последним - или единственным— серьезным усилием Кутузова. Он оставался в окрестностях поля боя до 19-го числа, совершил два марша, остановился на день, а затем совершил два легких марша к Копысу на Днепре, к югу от Орши. Его армия, конечно, была сильно ослаблена и утомлена, но он мог бы многого добиться упорным и решительным наступлением. Результатом его практического бездействия стало то, что небольшие остатки боевых сил Наполеона смогли беспрепятственно пробиться к Орше.

Несмотря на бесхозяйственность и робость, бои вокруг Красного были ужасающе катастрофическими. Наполеоновская армия потеряла в бою, вероятно, 10 000 человек. Русские заявили о 26 170 пленных, но по меньшей мере половина из них были распушенными беглецами; более 100 орудий было захвачено на поле боя, и еще 112 были брошены. Багаж везли буквально горами. В противовес этому русские признали потерю только 2000 человек; и вполне возможно, что это не является грубым искажением.

СНОСКИ:

[7] Понятовский попал в аварию, и генерал Зайончек командовал 5-м корпусом.

ГЛАВА XIII

От ОРШИ До БЕРЕЗИНЫ

Наполеон достиг Орши 19 ноября и сразу же энергично принялся за восстановление порядка. Были отданы строгие приказы, согласно которым все отставшие должны были присоединиться к своим корпусам в указанных населенных пунктах. Трудно оценить, какой эффект произвели эти приказы; деморализация была настолько развитой, а масса расформированных войск столь велика, что, по-видимому, мало что можно было сделать для реформирования основных подразделений.

Однако кое-что можно было сделать, чтобы сплотить и освежить скудные остатки боевых сил. В городе имелось достаточно запасов, чтобы обеспечить войска продовольствием на несколько дней. Там было, по-видимому, пятьдесят орудий, несколько сотен лошадей и резервный обоз Эбле из шестидесяти понтонов со всем его снаряжением. Из артиллерии были сформированы шесть батарей, в каждой по шесть орудий. Два достались Даву, который сохранил только восемь орудий из 150; два - Эжену, у которого не осталось ни одного; два были переданы Латур-Мобуру - по какой причине, не очень ясно. Офицеры конной кавалерии были собраны в так называемый Священный эскадрон под командованием Граучи. Было заявлено, что он был уничтожен сразу же после создания; но он определенно существовал неделю спустя.

Были отданы строгие приказы уничтожить лишние транспортные средства и передать освобожденных таким образом лошадей артиллерии. Генералам разрешалось пользоваться только одним транспортным средством, а солдатам запрещалось иметь повозки или вьючных лошадей. Эти приказы в основном не действовали; не было достаточно жандармов и верных войск, чтобы выполнить их, и слишком много людей были заинтересованы в сопротивлении или пренебрежении ими - как вскоре показал переход Березины.

Как ни разумно и необходимо было, несомненно, уменьшить массу обоза и оказать помощь артиллерии, уничтожать обоз с мостом, несомненно, было верхом неосторожности. Эбле, осознавший опасность, настаивал на том, чтобы ему разрешили сохранить пятнадцать понтонов, но тщетно, и он смог спасти только 2 полевые кузницы, 2 вагона древесного угля и 6 орудий труда. В Смоленске он позаботился о том, чтобы каждый человек имел при себе инструмент, а также запас зажимов и больших гвоздей. Его мудрым мерам предосторожности жалкие остатки *Великой армии* были обязаны своим спасением. Когда Наполеон отдал приказ сжечь понтоны, Чичагов четыре дня владел Минском и со своим авангардом был уже недалеко от Борисова! Комментарии излишни.

Виктор оставался в Черейе до 10 ноября. Удино, который к этому времени оправился от ранения, возобновил командование 2-м корпусом. Таким образом, армией в Херее командовали два независимых генерала, которые, вероятно, не согласились бы друг с другом. Виктор был старшим офицером, но не совсем главнокомандующим; и Наполеон в своих приказах просто приказывает ему согласовать меры с Удино. Вероятно, 9-го числа Виктор получил срочный приказ, написанный Наполеоном в Николаевке, перейти в наступление и отбросить Витгенштейна. Ему сказали, что безопасность *Великой армии* зависит от него. Император признал, что они сильно устали и что кавалерия спешилась. “Марш!” - приказал падающий гигант. “Это приказ императора и необходимость!”

Получив этот срочный приказ, Виктор и Удино отправились в путь. Но армия была уже не той, что две недели назад. Войска, по-видимому, все еще были хорошо одеты; они воспользовались обозами, предназначенными для поляков. Недостатка в продовольствии, по-видимому, не было. Но погода стояла ужасная холодная, земля была покрыта снегом, и численность войск неуклонно сокращалась. Вполне вероятно, что 14 ноября оба корпуса насчитывали не более 30 000 человек. У Витгенштейна, за исключением Властова, их было столько же, и его позиции за Ула и Лукомлией были сильны. Теперь его армия была разделена на четыре небольших корпуса под командованием генерал-лейтенантов графа Штейнгеля, принца Яхвиля, Берга и генерал-майора Фока.

Де Шамбре утверждает, что Удино выступал за прямую атаку, но Виктор счел это слишком рискованным, и было решено попытаться повернуть русских влево. Таким образом, 11 ноября французская армия во главе с 9-м корпусом продвинулась к Лукомлю, примерно в 10 милях к югу от Часников, и оттуда двинулась на восток через Лукомлю и Усвею на Смолиани, деревню, лежащую за левым флангом Витгенштейна. 13-го числа дивизия Партуно, составлявшая авангард, обнаружила дивизию Витгенштейна на позиции через дорогу и отбросила ее назад к Смолиани с большими потерями, включая несколько сотен пленных. Витгенштейн, видя, что его левый фланг находится под угрозой, изменил направление фронта в этом направлении и послал вперед принца Яхвила, чтобы усилить и сплотить авангард. С остальной частью своей армии он занял позицию вдоль реки Лукомля. Его линия растянулась примерно на полторы мили, обычно перед замерзшим ручьем, ее фронт был покрыт тремя большими прудами, за которыми лежал Смолиани. Войска Стейнгелла находились справа, а Берга - слева. Войска Яхвила должны были образовать центр. Дивизия Фока дислоцировалась в излучине реки Ула ниже Часовников.

Утром 14-го дивизия Партуно двинулась на Смолиани, Яхвиль неуклонно отступал перед ним на главную линию фронта русских. Партуно предпринял атаку на деревню и легко захватил ее, но был остановлен огнем русской артиллерии. Затем Стейнгелл выслал вперед часть войск и отбил Смолиани. Вокруг этого форпоста русской линии фронта оживленный конфликт продолжался весь остаток короткого зимнего дня. Владение им действительно имело незначительное значение; и, поскольку русские отказались уступить угрозы поворота, болт Виктора был практически расстрелян. За исключением попытки демонстрации кавалерии Виктора справа от него, боевые действия в других местах ограничивались канонадой. 2-й корпус и основная часть русской армии вообще не участвовали. Потери ни с одной из сторон не были тяжелыми. У Виктора, возможно, было около 1400 убитых и раненых. Русские заявили о 900 пленных — вероятно, это большое преувеличение. Их собственные потери за эти два дня, вероятно, составили 2000 человек.

Теперь Виктору оставалось только отступать. Он не знал реального состояния центральной армии, но знал, что его сокращающиеся силы были последним резервом Наполеона. 17-го оба корпуса снова были у Черей. Там они могли, по крайней мере, надеяться удержать Витгенштейна от жизненно важной магистрали.

Вреде после Полоцка, как уже было видно, отступил, чтобы прикрыть Вильно. Он отступил через Глубокое в Даниловичи и получил там подкрепление бригадой Кутара, литовскими новобранцами и различными призывниками, пока 18 ноября у него не было около 11 000 человек. Властов после действий Смолиани был привлечен Витгенштейном, и Вреде 19-го числа вновь занял Глубокое, предварительно отправив Корбино присоединиться к Удино.

В Риге командование Эссеном сменил Паулуччи. Полевые силы гарнизона были рассредоточены по левому берегу Дуны. Его линия была очень протяженной, и войска слева, под командованием Льюиса, были опасно уязвимы. Поэтому 15 ноября Макдональд предпринял атаку на них с прусской кавалерийской дивизией Массенбаха, бригадой прусской пехоты и одной из поляков. Льюису, отрезанному и подвергнутому сильному прессингу, удалось спастись, только переправившись через Дюну по льду. Этот суровый урок сделал Паулуччи осторожным, и несколько недель прошли в спокойствии, Макдональд становился все более и более встревоженным плохими новостями, которые начали доходить до него, и совсем не в хороших отношениях с Йорком.

Пока Шварценберг преследовал Сакена, адмирал Чичагов продолжал свой путь к Минску. Город был полон всевозможных складов, помимо тысяч больных и раненых. Однако не было предпринято никаких попыток укрепить его, и силы, непосредственно доступные для его защиты, состояли всего из двух небольших французских батальонов, слабого вюртембергского полка, нескольких складов и 4 литовских батальонов и 4 эскадронов, недавно сформированных и ненадежных. Вместо того чтобы объединить свои войска под Минском и Борисовом, Брониковский сформировал полевую группу под командованием генерала Косецкого, которую он послал вперед по дороге на Слоним. Домбровский, услышав о наступлении Чичагова, поспешил собрать свою дивизию, но она была настолько рассеяна в его стремлении выполнить свои многочисленные обязанности, что не смогла прибыть вовремя.

Однажды решив проигнорировать Шварценберга и продвигаться к Минску, адмирал не терял времени даром. Он отправил полковника Чернышева с полком казаков объяснить ситуацию Витгенштейну, а 9 ноября отправил Ламберта и Сабаньева в Минск. В оправдание его медлительности до сих пор следует сказать, что, помимо угрозы со стороны Шварценберга в тылу, его сильно беспокоили приказы Кутузова, которые обычно были слишком старыми, чтобы быть применимыми к ситуации. Ему было приказано укрепиться на Березине, и у него был только один компетентный инженер-офицер. Ему было приказано усилить гарнизон Киева, чтобы Наполеон не последовал примеру Карла XII и не двинулся на юг! Дальнейшее ослабление его армии было безумием, но Чичагов отвел часть войск в Киев и удерживал Минск, Ламберт шел впереди, Сабанев и Войнов следовали за ним, а Чаплиц замыкал тыл. В Несвиже 12-го присоединился генерал Людерс. 13-го колонна Косецкого была обнаружена Ламбертом, удерживающим мост через Неман в Нови-Свергене. У Косецкого было всего 4 литовских батальона и единственное орудие. Он тщетно представлял Брониковскому силы наступающего противника и просил разрешения отступить. Ламберт легко снес мост, захватив пушку и около 1000 пленных. Косецкий отступил к Минску, и по пути получил подкрепление в виде стрелкового батальона 46-го французского полка, 300 французских кавалеристов, 150 вюртембергцев и 2 орудий. 15-го он был настигнут Ламбертом у Койданова, в 18 милях от Минска, и после продолжавшегося несколько миль боя его силы были уничтожены, и только остатки французской кавалерии, которые великолепно сражались, достигли Минска. Последствия были фатальными. Домбровский со своим авангардом все еще находился на расстоянии более 20 миль; в Минске и Борисове оставалось менее 1500 солдат; а Ламберт был уже на полпути от Койданова. Домбровский, который сам поспешил вперед своих войск, не видел ничего иного, кроме как оставить Минск. На следующий день Брониковский с примерно 1000 человек отступил к Борисову, в то время как Домбровский повернул свои войска обратно к Березино, надеясь оттуда добраться до Борисова раньше русских. Минск был занят Ламбертом во второй половине дня, и там он обнаружил не менее 2 000 000 пайков продовольствия и 4700 больных и раненых. Было обнаружено, что больницы находятся в шокирующем состоянии.

Вся армия Чичагова была в Минске к 18-му, и была сделана остановка, чтобы подковать лошадей и дать отдых людям. Эртель должен был быть под рукой со своим корпусом; но под предлогом болезни он все еще находился в Мозыре, и только отряд из 6 батальонов, 4 эскадронов и казачьего полка был послан вперед к Игумену. Чичагов немедленно отправил на его место генерал-майора Тучкова II.

19-го адмирал отправил Ламберта в Борисов, а Чаплица - в Зембин. На следующий день Сабаньев шел по следам Ламберта, а Войнов - за Чаплицем. Чичагов сопровождал Войнова, а

Ланжерон был с Сабаньевым. В Минске был оставлен небольшой гарнизон, и казачий полковник Луковкин послал в Игуменье понаблюдать за Домбровским.

У Брониковского в Борисове и Всеселово было менее 2000 человек. Домбровский достиг Борисова в полночь 20-го, приведя с собой 6 батальонов и 6 эскадронов своей дивизии; другой его пехотный полк и 2 эскадрона все еще оставались позади. Прибыв на место в темноте, он разбил лагерь на левом берегу. Французский батальон занял *тет-дю-пон*, 7-й вюртембергский полк Борисова; остальные силы Брониковского находились в Веселово, несколькими милями выше по реке, напротив Зембина.

Ламберт имел при себе 5 пехотных полков, 28 эскадронов и несколько казаков -около 8000 человек и 36 орудий. Против него Домбровский мог выставить всего менее 5000 человек, имея, по-видимому, 34 орудия.

Ламберт атаковал защитника с мостика рано утром 21-го. Французский батальон был вытеснен, но вюртембергцы поспешили с тыла, отбросили русских и дали время Домбровскому прибыть. Снова и снова Ламберт напрасно атаковал укрепления; и бой упорно продолжался до полудня, 1-й и 6-й польские полки вместе со своими французскими и немецкими товарищами сопротивлялись с великолепным мужеством. Сам Ламберт был опасно ранен. Однако ближе к вечеру 14-му егерскому полку удалось повернуть укрепления вправо, проскользнув через овраг, в то время как основная часть дивизии Ламберта снова атаковала их спереди. В конце концов их понесло, и отважный 14-й полк ринулся вперед так стремительно, что они миновали мост вместе с летящим врагом и спасли его от разрушения. Остатки отряда Домбровского были отброшены через город в полном замешательстве, несмотря на их отчаянные попытки сплотиться, и преследовались русской кавалерией в направлении Лохницы, по дороге на Оршу. Ланжерон прибыл со своими передовыми войсками ближе к концу сражения, а вечером к нему присоединились Чичагов и Войнов.

С русской стороны было убито более 1500 человек и ранено, генерал Энгельгарт был среди первых, а Ламберт - среди последних. Отряд Домбровского потерял более 3000 человек убитыми, ранеными и пленными. Победители захватили двадцать четыре орудия.^[8] Арьергардный полк Домбровского был атакован на марше полковником Луковкиным и сильно потрепан, прежде чем смог оправиться от неожиданности и отбиться от казаков.

Положение Наполеона теперь казалось отчаянным. Семьдесят тысяч человек, воодушевленных успехом, готовились преградить ему путь к границе; Минск и Витебск с их складами, Борисов с его важнейшим мостом перешли в руки противника, а Шварценберг с единственной мощной силой, которая оставалась в распоряжении Наполеона, был оттянут далеко на юго-запад. Император имел при себе около Орши всего около 25 000 деморализованных мужчин, окруженных беспомощной толпой из 40 000 мирных жителей обоего пола, большинство из которых находились на последней стадии нищеты и отчаяния. У него почти не было эффективной кавалерии и не более 110 плохо оснащенных орудий, в то время как слева в тылу его преследовала армия, втрое превосходившая его по численности. Таким, должно быть, представлялось положение побежденного завоевателя его встревоженным последователям. Теперь остается рассмотреть обстоятельства, которые сделали это событие, каким бы ужасным оно, несомненно, ни было, несколько менее критичным, чем могло бы быть.

После Красного Кутузов практически отказался от преследования. Состояние его армии было очень серьезным; количество людей в строю уменьшалось с каждым днем, в то время как лошади быстро сдавали под воздействием тяжелого марша, недостатка фуража и постоянного пребывания под седлом. Бутурлин утверждает, что потери из-за усталости и лишений с 24 октября уже составили 30 000 человек.

В прямое преследование Наполеона Кутузов послал вперед различные летучие колонны и казачьи отряды, а также особые силы под командованием Ермолова, состоящие из гвардейских егерей, шести батальонов корпуса Дохтурова, 2 казачьих полков и 12 орудий. Объединенные силы этих отрядов можно оценить в 20 000 человек и 40 орудий. Авангард Милорадовича, который должен был следовать в поддержку, также насчитывал около 20 000 человек. В качестве гарнизона Смоленска был оставлен егерский полк. С остальной армией Кутузов медленно двинулся к Копысу, которого он достиг 24-го, Милорадович находился примерно в двух переходах дальше, а Ермолов и Платов шли впереди авангарда. Кутузов оставил орудия 12 батарей в Копысе, используя их людей и лошадей для укомплектования ослабленных частей, и выделил для сопровождения остатки легкой кавалерии гвардии. 26-го он оставил Копысь с силами, сократившимися теперь примерно до 40 000 человек и 200 орудий. Наполеон уже был на Березине, и практически Великая армия России в решающий момент была вне игры. Что было еще хуже, хотя его информация, естественно, устарела, Кутузов все еще пытался контролировать операции Чичагова и Витгенштейна.

Чичагов на Березине находился в состоянии большой неопределенности. Его армия теперь насчитывала не более 33 000 человек, а его 10 000 кавалеристов были почти бесполезны на лесистых и болотистых берегах реки. У него не было информации об основных армиях после эвакуации Москвы. Вечером 21-го граф де Рошешуар, один из французских *эмигрантов* адмиральского штаба, обнаружил среди полуобгоревших бумаг Брониковского депешу от Виктора, в которой говорилось, что Наполеон, вероятно, достигнет Борисова 23-го. Эта новость, должно быть, была чем-то вроде шока для Чичагова, поскольку он, естественно, ожидал, что будет атакован значительно превосходящими силами. Его поведение на данном этапе подверглось резкой критике, однако неясно, что еще он мог бы сделать. Он выдвинул авангард, которым теперь командовал генерал-майор Пален II, к Лохнице, на Оршанской дороге, чтобы предупредить о любом наступлении противника, разместил свою штаб-квартиру в Борисове и держал основную часть своих сил на правом берегу реки. Его ошибки, по-видимому, заключались в том, что он позволил переправиться слишком большому количеству своих обозов с обозом и позволил большому отряду своей кавалерии рассеяться в поисках фуража; однако последний шаг, возможно, был необходим. Дело в том, что Чичагов не знал о плачевном состоянии московской армии и скорее ожидал, что сам подвергнется нападению.

Витгенштейн, со своей стороны, располагал очень скудной информацией об общем положении дел, и его штаб оценивал силы Наполеона по меньшей мере в 60 000 человек. В результате его движения были чрезвычайно медленными и осмотрительными.

Другими словами, хотя уничтожение остатков сил Наполеона было неизбежно, если бы все его противники проявили энергию, уже становилось очевидным, что этого не произойдет и что у него будет возможность сбежать.

Наполеон узнал о падении Минска во время марша к Орше и отправил Удино приказ выступить к Борисову, чтобы обеспечить переправу. 20-го Виктору было приказано прикрывать марш на Борисов, которого он должен был достичь 26-го.

Прибытие Удино было назначено на 24-е число, и поскольку ему оставалось пройти всего около 50 миль, император не считал свое положение отчаянным. Удино, возможно, более восприимчивый к этому, добрался до Борисова 23-го числа. 22-го к нему присоединился Корбино, который после стычки с казаками Чернышева оказался отрезанным от Борисова армией Чичагова и был препровожден крестьянином к броду у Студянки, примерно в 8 милях выше.

Наполеон с гвардией и штабом выехал из Орши 20-го и 22-го прибыл в Толочин. Там были значительные запасы, и Наполеон остановился на 24 часа. Там к нему присоединился Ней с остатками своего командования, Даву теперь возобновил службу в арьергарде. Платов занял Оршу во второй половине дня 21-го. Он захватил 21 брошенное орудие, несколько складов, массу поездов и тысячи больных и раненых, все из которых погибли. У русских не было средств оказать им помощь, даже если бы у них хватило на это воли.

Жюно и Зайончек с остатками 5-го и 8-го корпусов и спешившейся кавалерией были впереди; затем шли гвардия и штаб-квартира, Ней, Эжен и Даву. У Даву, возможно, оставалось около 6000 человек, у Эжена, возможно, 3000, у Нейя - 1500, у Жюно и Зайончека, возможно, у каждого по 1000; к первому было прикреплено около 1000 спешенных всадников. Гвардия, возможно, насчитывала 9000 человек пехоты и артиллерии и 1500 кавалеристов. Только у нескольких сотен линейной кавалерии все еще оставались лошади. Сражающиеся войска с величайшим трудом смогли пробиться сквозь беспомощную орду отставших и обезоруженных беглецов, запрудившую дорогу. Сами вооруженные солдаты представляли собой жалкое зрелище. Скорбная тишина воцарилась в разрозненных рядах; люди механически брели вперед, кутаясь в свои лохмотья; почти ничего не было слышно, кроме шарканья ног по снегу и слякоти. Водонкур описывает свое чувство ужаса, когда он встретил авангард и увидел спешившихся кирасиров, оборванных, босоногих, изможденных, невероятно жалких, с трудом тащившихся по дорогам.

Случай, типичный для абсолютной черствости, до которой несчастье довело каждого, описан Леженом, сменившим Ромефа на посту начальника штаба Даву. В Крупках, недалеко от Борисова, сотрудники Даву нашли двух младенцев в доме, который они занимали. Лежен попросил управляющего маршала попробовать дать им немного бульона. Ничего подобного не последовало, и в конце концов управляющий, огорченный продолжающимся плачем маленьких созданий, утопил их! Уилсон также рассказывает, как великий герцог КонСтантаин из чистой человечности, как он заявил, “избавил от страданий” раздетого и погибающего французского офицера.

НАПОЛЕОН, БЕРТЬЕ, МЮРАТ И РАПП (В НАЗВАННОМ ПОРЯДКЕ) ВОКРУГ ЛАГЕРНОГО КОСТРА
Русские крестьяне, взятые в плен французскими кавалеристами
С картины Верещагина

22-го Наполеон услышал от Удино, что Чичагов захватил Борисов и что он сам находится на пути к его возвращению. Император ответил несколько бессвязным письмом, в котором поручал ему захватить перевалочный пункт и перемежал приказы и разведданные взволнованными призывами к энергии и преданности маршала. В последнем не было необходимости. Интеллектуальные способности Удино были невелики, но его преданность не вызвала сомнений, и он никогда так хорошо не служил Наполеону, как в последующие ужасные дни.

Удино 23-го числа подобрал Домбровски и остатки его отряда. Он поставил остатки своей кавалерии во главе наступления при поддержке дивизии Леграна и во второй половине дня атаковал Палена близ Лохницы. Русские были застигнуты врасплох, в основном, очевидно, из-за халатности своего лидера, и, какими бы ветеранами они ни были, сломались и сломя голову бежали. Они в безумной панике ворвались в Борисов как раз в тот момент, когда Чичагов и его сотрудники ужинали. Кажется, все потеряли голову, и заведение было покинуто в спешке и полном беспорядке. Весь обоз, переправившийся через реку, был оставлен позади как добыча 2-го корпуса - к его большой выгоде. Войнов поспешил подтянуть 4 батальона, которые заняли дома рядом с мостом и позволили охваченной паникой толпе безопасно переправиться через реку. Затем мост был сломан, и, несмотря на их действительно блестящий успех, переправа через реку была закрыта для французов. Русские потеряли в своем паническом бегстве всего около 1000 человек и некоторое количество багажа, включая походные принадлежности адмирала и портфель; но ни одно оружие не было потеряно — вероятно, скорее благодаря везению, чем хорошему управлению. Ланжерон горько усмехается над своим командиром, но

вина, очевидно, лежит на Палене и его авангарде, которые не должны были позволить заставить себя врасплох небольшому отряду кавалерии.

23 ноября Наполеон со своими передовыми войсками достиг Бобра, городка из 300 домов, примерно в 35 милях от Борисова. Виктор отступал к дороге из Черейи, и в этот день бригада Биллара из дивизии Партуно вступила в ожесточенное столкновение с авангардом Витгенштейна под командованием Властова. Биллард был отброшен со значительными потерями, которые, однако, были сильно преувеличены русскими, хотя батальон 126-го полка был полностью уничтожен. Витгенштейн мог бы сделать гораздо больше, но он был очень осмотрителен и робок, и Клаузевиц намекает, что он не был сильно расположен к сердечному сотрудничеству с Чичаговым. Последний ожидал, что он соединится со своей армией за рекой, согласно указаниям царя; то же самое сделал и Наполеон, который приказал Виктору попытаться помешать его походу на Зембин. Маршал не мог подчиниться, так как он был уже слишком далеко на юге, поскольку действовал в соответствии с предыдущими инструкциями, данными, когда Наполеон все еще не был уверен относительно пункта, в котором ему следует переправиться через Березину. В противном случае Наполеон до последнего опасно недооценивал силу Витгенштейна и писал так, как будто Виктор мог легко победить его.

У Бобра Наполеон получил сокрушительное известие о неудаче в спасении Борисовского моста. Теперь все зависело от наведения мостов через реку. Эбле со своими понтонерами и бесценным обозом орудий было приказано выдвигаться вперед, в то время как генералу Шасселу было приказано также отправиться к Березине со всеми саперами и мастеровыми, которых можно было собрать, но у них не было кузниц и почти не было обычных ручных инструментов. Были отданы строгие приказы уничтожить лишние транспортные средства и передать их лошадей артиллерии. Излишне говорить, что их обычно игнорировали. Даву было приказано держаться как можно дольше, чтобы дать жалкой толпе мирных жителей время сбежать. Было бы лучше, если бы гуманный приказ никогда не был издан. Большинство мирных жителей были обречены, и жизни преданных офицеров и солдат были потрачены впустую, защищая их. В Бобр д'Алорна воссоединился с гарнизоном Могилева. 1500 его человек и остатки 5-го корпуса и дивизии Клапареда были объединены с остатками 3-го корпуса, что дало Нейю силы численностью около 6000 человек и 30 орудий.

Удино тоже, на берегах Березины, делал все, что мог. Он, как обычно у наполеоновских генералов, стеснялся ответственности, но, приняв решение, действовал с исключительной рассудительностью. Получив, несмотря на все трудности, информацию о пунктах перехода, он около полудня 24-го числа выбрал Студянку и направил туда свой небольшой, плохо обученный и оснащенный отряд ремесленников. Он откровенно сообщил Наполеону о трудности его задачи; противник внимательно следил за течением реки. Чтобы отвлечь Чичагова, он провел демонстрации выше и ниже Борисова и отметил, что русские, по-видимому, склонны ожидать наступления французов скорее снизу, чем сверху. Наполеон после совещания с генералами Доде и Жомини, которые знали течение реки, также решил форсировать переправу выше Борисова и указал брод у Веселово, в 15 милях выше этого города. Однако, когда поступил приказ, маршал уже выбрал Студянку.

Морозы, прекратившиеся с 18-го числа, теперь устанавливались снова. С одной стороны, немного ослабевшие страдания в армии теперь снова начали усиливаться. С другой стороны, это укрепило низкие, болотистые берега Березины и позволило французам перебрасывать свою

артиллерию и обозы. Напротив Студянки, примерно в миле от правого берега, проходила дорога Борисов-Зембин, по которой армия должна была дефилировать, чтобы выйти на шоссе Минск-Вильно у Молодечно. За Студянкой местность поднималась, и артиллерию можно было разместить на позициях, контролирующих низкий противоположный берег. Сама Студянка была довольно большой деревней, и из ее домов получалась древесина, пригодная для строительства мостов.

Теперь мы должны обратиться к Чичагову, которого русские сделали козлом отпущения за побег Наполеона. Во-первых, он полагал, что у Наполеона было 70 000 или 80 000 человек против его 32 000. Затем Витгенштейн сообщил ему, что Наполеон, по его мнению, отступает в направлении Бобруйска. Адмирал был убежден в этом из разведданных, что австрийские кавалерийские разведчики находились на дороге Минск-Бобруйск. Диспозиции Чичагова в этих обстоятельствах были совершенно обоснованными. Чаплиц, который некоторое время наблюдал за верховьями Березины, оставался возле Брелова, почти напротив Студянки; в то время как Войнов и Сабаньев с объединенными силами Палена были сосредоточены вокруг Борисова, готовые действовать в любом направлении.

25-го он получил депешу от Кутузова. Это не был прямой приказ, но, исходящий от главнокомандующего, он, естественно, имел большой вес для адмирала. В нем предполагалось, что Наполеон, вероятно, двинется на юг, к Бобруйску, чтобы переправиться через нижнюю Березину. В то же время генерал-майор О'Рурк и полковник Луковкин сообщили, что обнаружили польские войска ниже по течению (это были запоздалые отряды Домбровского).

Чичагов, предполагая, что у Кутузова были веские причины для отправки его депеши, и принимая во внимание разведданные, присланные командирами его отрядов, пришел к выводу, что слухи о движении Наполеона на юг были реальностью; и 25-го, оставив Палена в Борисове и приказав Чаплицу подтянуться к нему, он выступил маршем с Войновым и Сабаньевым в Чабачевичи, примерно в 15 милях вниз по Березине. Ланжерон говорит, что и он, и Сабанев пытались отговорить его — Сабанев, очевидно, выходил из себя. Чичагов, однако, упорствовал, и, учитывая все это, трудно понять, что еще он мог бы сделать, введенный в заблуждение ложной информацией со всех сторон. 25-го сам Наполеон достиг Борисова, и Ланжерон и его штаб, к большому их ужасу, увидели, что единственной силой, способной противостоять ему, был ослабленный авангард Палена. Французская гвардия находилась в Борисове; остальные московские части расположились между Борисовом и Крупками, в двух переходах в тыл. Удино находился в Студянке; Виктор, скорее, к северу от Даву, в Крупках, чтобы прикрыть его от Виктора. Даву после Орши подвергался преследованиям только со стороны казаков. Основная часть медленно продвигавшихся сил Витгенштейна находилась у Колопеничей, в 27 милях к северо-востоку от Борисова: Платов находился восточнее Крупки, а Ермолов - у Малявки, недалеко от Бобра.

Генерал Обри, начальник артиллерии Удино, начал валить деревья и сооружать эстакады для мостов сразу по прибытии в Студянку, но, к сожалению, они оказались слишком слабыми. Как только стемнело, Удино направил свою артиллерию к выбранному пункту переправы, и когда ночь опустила свою завесу на унылые берега Березины, генералы Эбле и Шасселу достигли Студянки со своими людьми и небольшим снаряжением и всерьез приступили к строительству мостов. Всю ночь они трудились над подготовкой опор, и в 8 часов утра 26-го числа первая

эстакада была установлена на место. Предполагалось перебросить три моста, но материалов не хватило на два. Вскоре Шасселу понял, что безнадежный недостаток оборудования у его инженеров не позволит ему делать что-либо самостоятельно; поэтому он привел своих людей в помощь Эбле, инженеры работали над подготовкой эстакад и полов, пока понтонье чинили их.

Судьба реликвий *Великой армии* теперь находилась, выражаясь по-человечески, в руках преждевременно состарившегося и физически сломленного пятидесятипятилетнего человека, который при Наполеоне никогда не получал работы, равной его заслугам. Имя Жана Батиста Эбле следует произносить со всей честью и благоговением как имя человека, который, помимо того, что был мастером своей профессии, на самом деле был героем, честным, скромным, самоотверженным и буквально верным до смерти. Среди грубых и жадных борцов с Наполеоном никто не стремится к чистоте или возвышенным стандартам долга. Исключения были, но их было сравнительно немного, и поэтому к простой, грациозной фигуре Эбле относишься с особым уважением.

Рано утром 26-го Эбле проверил ширину и глубину реки. Последний увеличился из-за прилива после перехода Корбино с 3 с половиной футов до 5.

Помимо ускоренной подготовки мостов, инженеры построили три небольших плота, на которых было переправлено около 400 пехотинцев для охраны моста в сопровождении нескольких солдат Корбино, которые переправились вброд с пехотинцами позади них.

Стоял пронизывающий холод; вода уже была ледяной, и понтонье предстояло работать в ней по плечи. Это испытание означало верную смерть почти для всех; но люди откликнулись на призыв своего вождя с таким же героизмом, как и его собственный. Их сменяли каждые 15 минут и обещали особые награды, но пять шестых из них погибли. Всего было 7 рот, около 400 человек, из которых 100 были голландцами.

Мосты располагались на расстоянии 200 ярдов друг от друга. На каждом было по 23 комплекта эстакад (*шевалетов*). Тот, что справа, предназначался только для войск. Он был ужасно слабым. Подходящей древесины для дорожного полотна не хватало, но инженеры подлатали одну из досок, прибитых одна к другой, и обложили ее хворостом и сучьями, чтобы уменьшить нагрузку. Проезжая часть местами находилась почти на уровне воды; рельсов не было. Левый мост предназначался для артиллерии и обоза. Он был более прочным, чем другой; но все еще очень слабым, и поскольку не было времени выровнять их, проезжая часть была построена из грубых бревен, проезд по которым вызывал постоянные толчки, которые нарушали устойчивость хрупкой конструкции.

ГЕНЕРАЛ БАРОН ЭБЛЕ

Командир мостовых поездов Великой армии в 1812 году

Сам Наполеон со своей Штаб-квартирой и гвардией прибыл в Студянку рано утром 26-го. Он пришел к начальнику строительства мостов и оставался там до тех пор, пока они не были достроены, лично руководя строительством. В промежутках, когда он ничего не мог поделать, он сидел на куче бревен на берегу, мрачно взирая на медленно строящиеся сооружения, на которые возлагались его последние надежды. Не раз он просил Эбле поторопиться. Генерал указал на своих преданных понтонеров, загоняющих себя до смерти в ледяной поток, и император больше ничего не мог сказать. Все, что он мог сделать, чтобы облегчить их состояние, он, по-видимому, делал, иногда помогая своими руками разливать им бренди.

Артиллерия гвардии и 2-го корпуса была сосредоточена за Студянкой, готовая открыть огонь, как только покажутся русские. Но Чаплиц уже отступал через лес к Борисову; напротив деревни оставался лишь слабый арьергард с двумя легкими орудиями. Самой большой ошибкой Чаплица было пренебрежение разрушить длинные деревянные мосты, по которым зембинская

дорога пересекала болота. Он был храбрым и хорошим офицером, но в данном случае сильно не справился со своим долгом.

В 13 часов пополудни правый мост был построен, и Наполеон сразу же отдал приказ корпусу Удино переправляться. С добавлением поляков Домбровского численность его, по-видимому, составляла почти 11 000 человек. Некоторые из его полков превратились в простые скелеты; но другие все еще были относительно сильны. Как правило, они были хорошо одеты и в полном порядке, и их все еще несломленный дух проявлялся в непривычных в последнее время приветственных криках, которыми они приветствовали Наполеона, проходя мимо него. Швейцарские полки были особенно сплочены и рвались вперед. Только 2 орудия были перевезены через реку из опасения повредить мост. Авангард легко разгромил слабый арьергард Чаплица и продвигался вперед по дороге на Борисов, пока не обнаружил Чаплица, усиленного Паленом, на позиции поперек своего пути. Разведка, отправленная в Зембин, обнаружила, что Виленская дорога свободна, и император решил отказаться от всякого намерения достичь Минска и двигаться на Вильно.

Более тяжелый мост был готов в 4 часа дня, и артиллерия гвардии и корпуса Удино начала подтягиваться. В 8 часов вечера три комплекта эстакад поддались. Была вызвана половина понтонье, и, измученные отчаянным трудом и погруженные в сон, они откликнулись на призыв Эбле. К 11 часам вечера поломка была устранена, и остальная артиллерия, остатки резервного парка и корпус Нея начали переправу.

В 2 часа ночи 27-го мост прорвало в центре; были разрушены три комплекта эстакад. Была вызвана вторая половина понтонеров. Эбле сам выбрал хорошее, крепкое дерево и руководил изготовлением нового, в то время как героические понтонье пожертвовали собой так же благородно, как и раньше. В 6 часов утра повреждения были устранены, и переход продолжился. Мост снова сломался в 16:00, две эстакады обвалились. К 18:00 его отремонтировали

Опоры войскового моста держались крепко, но слабое полотно дороги постоянно ломалось, и преданные своему делу инженеры работали над этим с небольшими перерывами. Она была такой хрупкой и так сильно раскачивалась, что удивительно, что она не рухнула.

Наполеон со штабом и гвардией (за вычетом Клапареда) переправился через реку около 13:00 27-го. Пока еще прибыло не очень много мирных жителей, и в основном это были армейские служащие, которые переправились со своим корпусом. Распавшаяся толпа стекалась в Борисов раньше Эжена и Даву. Он не поддавался никакому контролю, и, как уже говорилось, приказ Наполеона арьергарду сдерживаться вряд ли мог спасти его от разрушения.

Чичагов, достигнув Чабачевичей, отправил патрули за реку, которые не смогли обнаружить противника, и адмиралу стало ясно, что его ввели в заблуждение. Он еще раз повернул свои войска к Борисову, в который они вновь вошли вечером 26-го. Он приказал Ланжерону сделать все возможное для усиления Чаплица, добавив, что тот приближается со всей скоростью. Все, по словам озлобленного Ланжерона, проклинали “этого несчастного моряка”. Они, однако, не знали обстоятельств и могли бы с большим основанием проклинать высокого и родовитого князя Голенищева-Кутузова. Ланжерон повел пехоту Палена вперед, чтобы усилить Чаплица; он говорит — конечно, с преувеличением, — что их было всего 1200 человек. Войска Войнова и Сабаньева после 30-мильного марша по морозу и снегу были не в состоянии сражаться, и 27-го

Дунайской армии пришлось остановиться. Не желая полностью оправдывать Чичагова, автору кажется, что главную вину следует возложить на Кутузова, который отставал и посылал вводящие в заблуждение разведданные. Вина также возлагается на Чаплица за его халатность в Зембине. Однако следует отметить, что он, вероятно, ожидал вместе с остальными офицерами Чичагова, что Наполеон отступит к Минску, и поэтому подтянул отряд, который в противном случае мог быть отрезан. Нельзя винить Чичагова за то, что он отдыхал 27-го. В Борисове было полно французов, которые могли попытаться прорваться туда. В основном это были мирные жители, но, конечно, этого нельзя было установить с уверенностью. В остальном его войска были измотаны.

Витгенштейн, вероятно, заслуживал большей вины, чем сильно оскорбленный адмирал. Его преследование Виктора было неэнергичным; несмотря на свое двойное численное превосходство, он не делал попыток давить. Он опасался, что Наполеон развернет свой правый фланг и отступит через Лепель к Вильно; и это фактически было одним из альтернативных планов императора. Он двигался так осторожно, что 25-го числа его авангард не задел арьергард Виктора, который беспрепятственно отступил к большой дороге у Борисова. Разведка дала понять, что Наполеон не продвигался дальше правого фланга русских, и Витгенштейн продвинулся к Кострице, всего в 8 милях от Борисова и примерно в 10 к востоку от Студянки. Виктор благополучно добрался до Борисова, а Эжен и Даву двинулись дальше в Студянку, куда прибыли в сумерках 27-го. Шаг Виктора, однако, имел пагубные последствия; его войска наткнулись на линию марша несчастных беглецов из Москвы, и ужасное состояние последних привело к деморализации в рядах 9-го корпуса. 2-й корпус уже соприкоснулся с печальными остатками гвардии и корпусов Нея, и их моральный дух был подорван. В Кострице Витгенштейн узнал, что французы находятся в Студянке, но вместо того, чтобы двинуться туда маршем, 27-го он направил часть своих войск на Борисов, часть на Старый Борисов, несколькими милями выше прежнего места. Платов поддерживал связь с Витгенштейном, а Ермолов был на марше к Борисову. Таким образом, из русских войск на Березине находились армия Чичагова численностью 32 000 человек при 180 орудиях, армия Витгенштейна численностью не менее 31 000 человек и колонны Ермолова и Платова численностью около 12 000 человек при 30 орудиях, всего 75 000.

Что касается этих крупных и энергичных, хотя и частично нерегулярных сил, то, по словам Де Шамбре, у Наполеона было едва 31 000 человек. Эта цифра, безусловно, слишком мала. Де Фезенсак считает, что у него было 50 000 человек; и в целом возможно, что общее число сражавшихся составляло около 47 000 человек. Он был составлен следующим образом: гвардия (за вычетом Клапареда) 8500, Ней около 5000, Даву 3000, Эжен 2000, Жюно 1500 (включая спешенную кавалерию), Удино 11 000 (включая Домбровского), Виктор 13 500, Штаб 2500. Последний пункт историки обычно игнорируют. Там было от 250 до 300 орудий и, возможно, 5500 боеспособных кавалеристов, из которых 1500 принадлежали гвардии и штабу. Но из этих войск почти треть была настолько измотана лишениями, что едва ли была способна прилагать какие-либо большие усилия.

Эжен и Даву, достигнув Студянки, переправились ночью, сильный холод которой привел к уничтожению их немногочисленных оставшихся войск. Даже войска Удино, все еще находившиеся в сравнительно хорошем состоянии, сильно пострадали на своих жалких бивуаках в лесах Стахова. Позади 1-го и 4-го корпусов к мостам хлынула орда мирных жителей. Дорога от Борисова до Студянки была забита их толпами. В этой беспомощной массе были

представлены люди всех возрастов и полов, и там можно было увидеть человеческое страдание в его самых отвратительных проявлениях. Еще более мучительным, чем нищета и отвратительный вид беглецов, были их полная апатия и беспомощность. Толпа вяло продвигалась по рельсам в том направлении, в котором ей случалось двигаться, или ее подталкивали движущиеся войска. Большинство негодяев, составивших его, похоже, лишились рассудка не меньше, чем своей внешности более или менее цивилизованных человеческих существ. Инстинкты товарищества и человечности почти угасли, и прогресс постоянно тормозился драками за места в колонне массы деградировавших дикарей, которые когда-то были *Великой армией*.

Ночью на несчастных, беззащитных в лесах и болотах, обильно выпал снег. Некомбатанты, добравшись до Студянки, не захотели идти дальше, несмотря на усилия Эбле и Шасселупа убедить некоторых из них перейти реку. Наполеон отдал приказ о том, что переход должен поддерживаться днем и ночью, но они, вероятно, не могли быть выполнены, во всяком случае, не были выполнены. Невезучие люди продолжали стекаться к Студянке, пока берег на многие мили не покрылся ими, и апатично расположились бивуаками, насколько могли, среди своих транспортных средств. По-видимому, очень немногие пытались пересечь границу; те, кто это делал, вероятно, создавали завалы и беспорядок, не поддаваясь никакому контролю. Понтонеров и инженеров было слишком мало, и они слишком устали, чтобы навести порядок в такой массе. Можно было бы сделать больше, если бы Наполеон лично приложил усилия для наблюдения за переправой; к сожалению, после 27-го он ничего не предпринял.

Корпус Виктора 26-го стал арьергардом, а Даву и Эжен двинулись вперед со скудными остатками своих войск. Виктор выехал из Борисова в Студянку 27-го. Баденская бригада дивизии Денделя выступила первой и перешла мосты вскоре после Наполеона. Сам Виктор с остальными войсками Денделя, поляками и саксонцами Жерара и артиллерией выступил из Борисова ближе к полудню, в то время как дивизия Партуно с 4 орудиями и кавалерийская бригада Делетра составляли арьергард. Он должен был оставаться в Борисове до наступления темноты. Платов шел на Борисов; за ним следовал Витгенштейн с войсками Штейнгеля и Берга. Ермолов был позади. Дивизия Властова двигалась маршем на Старый Борисов, а резерв Фока направлялся на соединение.^[9]

Дорога от Борисова до Студянки была забита мирными жителями, больными и ранеными, едва способными тащиться, отставшими солдатами, расформированными скитальцами, беглецами из Москвы, приверженцами лагеря, мужчинами, женщинами и детьми, сбившимися в беспомощную массу, которые механически направлялись в Студянку вместе с последними организованными бойцами. Дивизия Властова, вышедшая на дорогу у Старого Борисова около 3 часов ночи, перерезала линию отступления, и тыловые части толпы бежали обратно к Борисову, откуда Партуну двинулся с боем, чтобы пробиться сквозь толпу. Его дивизия теперь насчитывала всего 4000 человек. У Делетра было около 500 саксонских и бергских всадников. Две дороги вели из Борисова в Студянку, разделяясь на небольшом расстоянии к западу от города. Та, что слева, огибала берег, но там было полно отставших, и Партуно, полагая, что правая приведет его прямо к Студянке, свернул в нее. Это движение привело его прямо к дивизии Властова. После самой доблестной попытки пробиться с боем французы были вынуждены уступить. Партуно и Биллар были взяты в плен вместе с жалкими остатками бригады

последнего, а оставшиеся трое отступили к Борисову, обнаружив, что он занят Витгенштейном. Они провели ужасную ночь в снегу, без еды, огня и крова. На следующий день почти все раненые и более слабые люди были мертвы, а оцепеневшим и умирающим от голода выжившим оставалось только сдаться. Единственный батальон численностью около 160 человек, который, к счастью, выбрал левый путь, достиг Студянки. Потери французов составили более 4000 человек, в том числе 500 кавалеристов и 4 орудия.

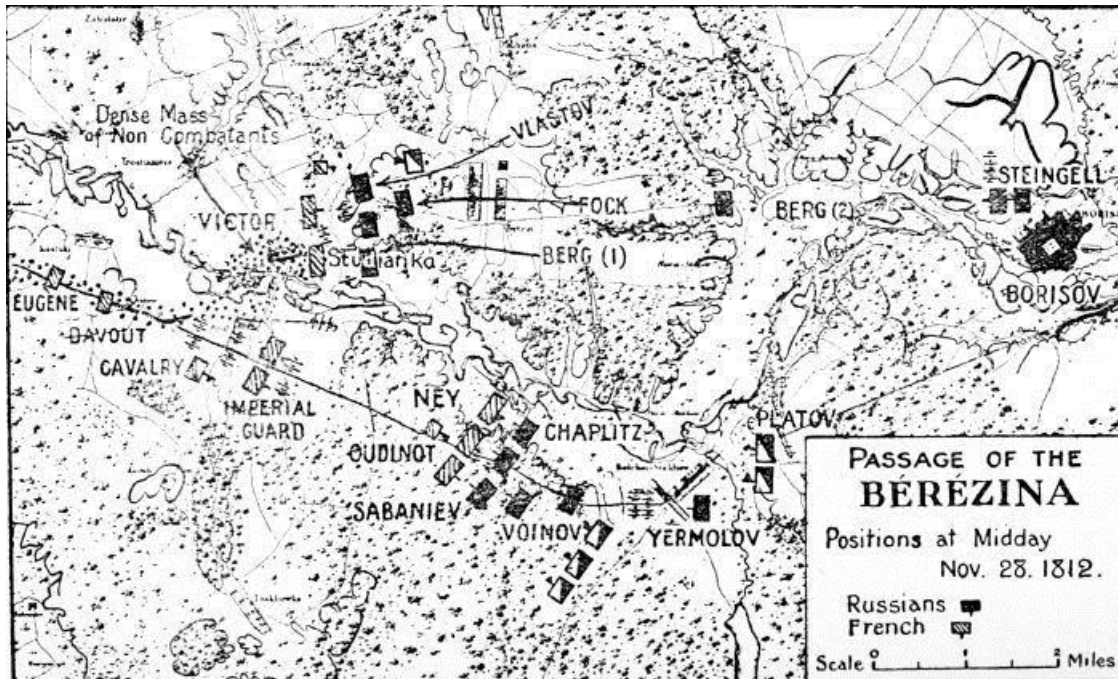
Вечером 27-го Ермолов вошел в Борисов. Как только французы покинули город, Чичагов отремонтировал мост с помощью понтонов, и, таким образом, установив прямое сообщение, общая атака была назначена на следующий день. Витгенштейн должен был завершить разгром корпуса Виктора, в то время как Чичагов при поддержке Ермолова и Платова теснил Нея и Удино и пытался отбросить их обратно к Зембину.

Вся страна была частично покрыта лесом, за исключением болотистых берегов Березины, и местами леса становились очень густыми. На западном берегу, примерно в 3 милях к югу от Студянки и почти на полпути между деревнями Брилова и Большой Стахов, стояли Ней и Удино. Их фронт был длиной около мили: силы Нея находились слева, опираясь на реку, Удино - справа, опираясь на густой лес. Орудия не могли быть приведены в действие ни с одной из сторон, за исключением дороги, где 8 орудий, поровну разделенных между двумя армиями и постоянно сменяемых, сражались друг с другом весь день. В резерве, позади Нея и Удино, стояла Стража.

В 8 часов утра Чаплиц и Пален начали атаку на 2-й корпус с 7 егерскими полками, и вскоре в лесу разгорелся ожесточенный конфликт. Поначалу атака продвигалась успешно, и французские и швейцарские солдаты, прошедшие ужасную ночь, начали сдавать позиции. Когда грохот стрельбы усилился, все распущенные солдаты обратились в бегство, дезорганизуя и унося резервы, в то время как Удино был выведен из строя ранением. Ней, всегда оказавшийся в момент опасности, поспешил занять его место, сплотил 2-й корпус и, призвав на помощь часть своих войск, остановил наступление Чаплица и начал оттеснять его обратно к Стахову. Было взято несколько сотен пленных. Сабаньев, который двигался на поддержку Чаплицу, остановил наступление Нея, но внезапно был самым доблестным образом атакован кирасирами Думерка. Они ворвались из леса на дивизию Щербатова, прорвали ее линию обороны и с отчаянной отвагой атаковали ее каре. Около 2000 русских были убиты саблями и взяты в плен. Кирасиры, конечно, были почти уничтожены, но их блестящее поведение на данный момент спасло армию. Чичагов послал вперед Войнова, чтобы поддержать Сабаньева, но, хотя русских было почти вдвое больше, они не смогли продвинуться вперед. Потери французов были ужасающими. Генералу Зайончеку, защищавшему Прагу от Суворова в 1794 году, раздробило ногу; Лёгран, Рапп, Эми, Домбровский и Князевич также были ранены. Половина уцелевших солдат 2-го корпуса была убита или выведена из строя; но ночью их разрозненные ряды все еще держались, и если бы мужество и преданность могли спасти *Великую армию*, эта цель была бы достигнута.

Тем временем на левом берегу корпус Виктора с таким же героизмом, но меньшим успехом сражался с Витгенштейном. Большая часть артиллерии Виктора и баденская бригада уже переправились, но Наполеон теперь отослал последнюю назад, добавив к ним, по-видимому, баденский батальон в Штаб-квартире. Мосты были настолько заблокированы, что артиллерия не могла вернуться. Виктор занял позицию почти перпендикулярно реке, чуть южнее Студянки,

на возвышенности, частично поросшей лесом. Справа, недалеко от реки, была густая роща. Ее защищали баденцы. Следующей слева стояла бригада Берга, когда она прибыла в строй, затем 3 польских полка Жерара, а за ними саксонская бригада Лева. На крайнем левом фланге стоял генерал Фурнье с двумя оставшимися у него кавалерийскими полками (Баденский и Гессенский). Виктор имел под рукой всего 15 орудий, а вся его сила составляла не более 8000 пехотинцев и 500 кавалеристов (по его собственным данным, всего 7400). Бригада Берга выдвинулась вперед, чтобы попытаться спасти Партуно.

Переход
позиций через БЕРЕЗИНУ в полдень
28 ноября 1812 г.

Витгенштейн оставил Штайнгелла в Борисове разоружать пленных; остальная часть его армии была направлена на Студянку. Властов отбросил войска Берга на главную линию 9-го корпуса; но затем был остановлен, хотя батарея, установленная Дибичем, произвела ужасный хаос среди дикой толпы, которая столпилась у входа на мосты. Все некомбатанты, когда среди них начали падать пули, в полном замешательстве столпились у реки Мардж и остались там, сбившись в кучу глубиной более 200 ярдов и простиравшуюся на три четверти мили. Паника была ужасающей, и об ужасах, которые творились в толпе, никто никогда не узнает. Мужчины пробивались вперед любыми средствами и безжалостно вели свои машины сквозь толпу. Мужчины, женщины и дети были убиты, растоптаны и беспомощно сброшены в реку, в то время как все это время русские пушечные ядра падали вместе со снегом. Многие из тех, кто добрался до мостов, были сброшены с них и утонули или раздавлены колесами транспортных средств. Многие покончили с собой, чтобы избежать худшей участи: есть по крайней мере один хорошо подтвержденный случай, когда мать, сама смертельно раненная, убила своего ребенка перед смертью. Однако экипажи штаба Наполеона и гвардейских генералов были нагружены беспомощными женщинами и детьми, которых их защитники прилагали все усилия, чтобы спасти. Маршал Бессьер и генерал Лаборд, в частности, заслужили за свою гуманность лавры более справедливые, чем те, которые они приобрели на поле боя.

ПЕРЕПРАВА Через БЕРЕЗИНУ

Баденская бригада пересекает верхний мост в ночь с 28 на 29 ноября 1812 г.

С картины Я.А. Никутовского в Карлсруэ

Первая дивизия генерала Берга быстро поддержала Властова. Баденцы справа были отброшены назад; но Наполеон сразу же обошел русских с фланга, установив батарею на другом берегу реки. Баденцы вновь заняли свои позиции и удерживали их весь день от непрерывающихся атак - ценой больших потерь для себя. Левее польские войска Виктора предприняли ожесточенную контратаку и были готовы прорваться в центр русских, когда прибыл Фок со своей дивизией и возобновил конфликт. Люди Виктора теперь были в безнадежном меньшинстве, но они сражались с великолепным упорством до наступления темноты. Попытка повернуть налево была пресечена доблестной атакой солдат Фурнье и отбита саксонцами и польским полком. Вторая дивизия Берга, из-за некоторого недоразумения, не прибыла до окончания боя. Левый фланг Виктора был отброшен назад, но он все равно прикрывал мосты.

В 9 часов вечера Виктор получил приказ переправляться и начал отходить. Повсюду вокруг мостов сгрудилась живая масса людей и животных, вяло вздымавшихся конвульсивными движениями, пытаясь спастись бегством, но практически инертных. Восточные выходы были перекрыты отвратительной кучей сломанных транспортных средств и мертвых или умирающих людей и лошадей, наваленных друг на друга на истоптанном и окровавленном снегу, по которому было невозможно пробраться. Эбле и его инженерам буквально пришлось прорываться сквозь ужасную кучу и складывать трупы по обе стороны, чтобы сдержать недовольную толпу. По этому ужасному проходу и по другим подобным, проложенным для них первопроходцами, пробирались измотанные остатки немецких и польских полков, но даже при этом им часто приходилось пробиваться с боем. Только в час ночи 29-го они наконец переправились через реку. Виктор и Эбле тщетно пытались убедить кого-нибудь из толпы последовать за ними, но большинство из них оцепенели от горя и безнадежности и не двигались с места. На рассвете 29-го небольшой отряд 9-го корпуса, который оставался допоследнего, был выведен. Эбле приказал поджечь мосты в 8 часов утра, но он подождал до 8.30, надеясь спасти еще несколько жизней. Несколько мирных жителей последовали за

арьергардом Виктора, но проходы вскоре были заблокированы. В 8.30 Эбле подожгла мосты, и произошла последняя сцена ужаса. Многие несчастные, наконец осознав ситуацию, пытались пробиться сквозь пламя, другие пытались перейти по тонкому льду между мостами, многие бросались в ледяной поток вброд или вплавь. Бесплезно и болезненно дольше останавливаться на этой трагедии, подробности которой можно почерпнуть из бесчисленных произведений. Пожалуй, ни одно событие в истории никогда так полно не объединяло в себе все элементы горя.

Число погибших при переправе через Березину никогда точно не будет известно. *Великая армия* потеряла 1200 офицеров убитыми и ранеными, что, возможно, указывает на общую численность всех званий от 12 000 до 15 000 человек. 2-й и 9-й корпуса потеряли половину своей боеспособной численности. С учетом пленных и смертей от холода и нищеты в течение трех дней армия, вероятно, сократилась с 20 000 до 25 000 человек. Было потеряно огромное количество багажа, но мало оружия — русские заявили о 23. Потери среди мирных жителей, должно быть, были огромными; почти все, кто попал в плен, умерли от голода или холода; их похитители мало что могли для них сделать, и если русские регулярные солдаты часто вели себя по-доброму, то более дикие казаки забирали у своих пленников все. Возможно, самым ужасным инцидентом была судьба 500 женщин, которые несколько дней ютились в сарае в Борисове без еды и почти без костров. Выжило всего около 20 человек.

Есть основания полагать, что русские армии потеряли на Березине не менее 10 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Ланжерон говорит, что один только Чичагов потерял 7000 человек. Из 1500 пленных многие умерли от нужды, прежде чем оставшиеся в живых были отбиты русскими.

Нельзя сказать, что Наполеон проявил какое-либо преимущество при Березине. Выбор пункта перехода был обусловлен мастерством и энергией Удино; заслуга в великолепном сопротивлении 28-го числа принадлежит Нею и Виктору; в то время как истинными героями эпизода были генерал Эбле и его понтонье. Месяц спустя Эбле умер от пережитых невзгод, и из 400 его преданных людей не 40 больше никогда не увидели своих домов.

СНОСКИ:

[8] Ланжерон.

[9] Авангард Яхвила, по-видимому, был распределен.

ГЛАВА XIV

ЗАВЕРШЕНИЕ КАМПАНИИ. ПОТЕРИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Переход Березины практически положил конец существованию остатков *Великой армии* как организованного подразделения. Из 45 000 или 47 000 бойцов, которых Наполеон имел под Студянкой 26-го числа, вероятно, к 29-му оставалось немногим более 25 000, общее количество,

которое быстро уменьшалось из-за резни, усталости, голода, отчаяния и, прежде всего, неуклонно усиливающегося холода. 2-й и 9-й корпуса героически пожертвовали собой, чтобы прикрыть проход, но двойное испытание боем и поспешным отступлением оказалось для них слишком тяжелым, и они начали расформировываться, как и остальная армия. Их уже осталось совсем немного. В отчете вечером 30-го Виктор заявил, что у него осталось всего 60 конных всадников. Он полагал, что у него все еще было 4000 пехотинцев — уцелевшая половина, как он объяснил, из двух дивизий, которые так доблестно сражались 28-го, — но при составлении списка он обнаружил, что их численность уже сократилась до 3300 человек.

Пока бушевали бои 28-го числа, корпуса Даву и Эжена отступили к Зембину. Последствия небрежного отношения Чаплица к разрушению длинных деревянных мостов через болота теперь были очевидны; болота едва ли были еще достаточно твердыми, чтобы по ним могли передвигаться транспортные средства, и, если бы мосты были разрушены, ничто не смогло бы проехать. Перед рассветом 29-го Наполеон двинулся в путь с гвардией, за ним последовали Виктор и Ней, но переход по длинным узким мостам был настолько медленным, что в 10 часов вечера Ней был только в Зембине, в 7 или 8 милях от Студянки. С ним были Эбле и остатки его понтонеров, и когда прошли последние войска, они открыли огонь и взорвали секции мостов, чтобы остановить преследование русских.

26 ноября Кутузов, находившийся тогда в Староселье, в 12 милях к западу от Копиша, похоже, осознал вероятность того, что Наполеон сбежит. Во всяком случае, он внезапно начал действовать с судорожной энергией, и в течение следующих 2 дней *батальон* корпус прошел маршем 42 мили. Усилия, конечно, истощили его, и 29-го он смог покрыть только 11. В любом случае было слишком поздно. Сам Наполеон уже был в безопасности, и, хотя за ним следовали лишь остатки его некогда могущественного войска, он был способен и готов доставлять Европе бесконечные неприятности.

Милорадович достиг Борисова 28-го числа, слишком поздно, чтобы принять участие в боях. Витгенштейна задерживала необходимость наведения моста через Березину у Студянки, для чего ему пришлось воспользоваться понтонами Чичагова из Борисова. Он приказал Кутузову II, который только что присоединился к нему, преследовать Вреде в направлении Вильно, а Орлову-Денисову, усиленному частью кавалерии и конной пехоты, следовать за Наполеоном. Чичагов вытолкнул вперед Чаплица и приготовился последовать за ним с основной частью своей армии.

Для спасения реликвий *Великой армии* теперь, как говорит Де Шамбре, не оставалось ничего, кроме поспешного бегства. Вреде, после повторного занятия Глубокого, двинулся на юг, к Докчицам, и ему было приказано прикрывать правый фланг отступающей армии; но его силы, поначалу составлявшие около 10 000 человек, быстро истощались из-за разрушительных последствий холода и лишений, а также постоянных преследований Кутузова II. Ожидать, что он сможет остановить Витгенштейна, который 31-го переправился через Березину и начал преследование по дорогам, примерно параллельным главному шоссе, было безнадежно.

Местность между Березиной и Вильно не была полностью опустошена; города все еще существовали; в некоторых из них были небольшие гарнизоны и склады. Но усиливающийся холод быстро разрушил всякое подобие организации. Быстро стало так страшно, что вся энергия ушла на борьбу с ним и попытки сохранить существование. Число людей, действительно носивших цвета, быстро сокращалось. 1 декабря Ней отправил "орлов" 3-го

корпуса с их гвардией и полковых офицеров искать убежища в штабе и нескольких тысячах солдат, которые все еще маршировали с ним. Когда он отослал их, сопровождать его осталась только рота из 100 бойцов! Остальные под командованием генерала Ледрю упорно продвигались вперед в течение двух дней и трех ночей, останавливаясь только для необходимого отдыха, и присоединились к штабу в Молодечно.

МАРШАЛ НЕЙ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЙ АРЬЕРГАРД ВО ВРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ ИЗ МОСКВЫ
С картины Ивон

Полет в Вильно не представляет особого военного интереса. Это было простое бегство в самом жалком беспомощном состоянии, масса беглецов механически тащилась по дороге, преследуемая, окруженная и истребляемая казаками, в то время как армия Чичагова и дивизия Ермолова неуклонно шли в тылу, готовые подавить любое серьезное сопротивление, которое могло быть оказано. Но, по правде говоря, предложить можно было немного. 29 ноября кавалерийский отряд Ланского захватил Плеченицы на линии отступления французов, едва не захватив в плен раненого маршала Удино, штаб которого героически защищал дом, в котором он лежал. Чаплиц пересек Зембинские болота, укрепив лед досками и хворостом, последовал за французским арьергардом и захватил 7 орудий и сотни отставших солдат. В следующие четыре дня произошли новые арьергардные бои, все во многом схожие, и все они привели к потере орудий и пленных несчастными французами, чьи страдания и деморализация помешали им последовать великолепному примеру, который все еще подавал им их героический лидер. О безнадежном положении дел можно судить по тому факту, что 2 декабря под знаменами армии оставалось едва ли 13 000 человек (Де Шамбре говорит, что только 8800). Со штаб-квартирой все еще оставалось, возможно, 6000 или 7000 человек; У Нея было около 2500^[10]; Виктор, возможно, столько же; в то время как 1-й, 4-й и 8-й армейские корпуса и кавалерия не могли собрать 1000 вооруженных людей между собой. Все еще оставалось значительное количество вооруженных офицеров, но они ежедневно заболевали или выходили из строя. Дезорганизация была полной. Распущенные солдаты, которые до сих пор хранили свое оружие, теперь выбросили его. Фураж можно было добыть; и недостатка в пище в количестве, достаточном для

поддержания жизни, не было. Но отдых был теперь даже более необходим, чем еда, и получить его было невозможно. Основная масса людей уже была сломлена страданиями и усталостью и была вынуждена продолжать свой утомительный марш в условиях холода, который становился все более суровым. 3 декабря температура усилилась; 5-го термометр упал до 20 ° ниже нуля (Реомюр); 6-го до 24 °; 7-го до 26 °; и говорят, что позже она упала еще ниже. Его суровость поразила даже таких людей, как Левенштерн, привыкших к зимам прибалтийских провинций.

В Вильно Наполеон мог ожидать своего последнего мощного подкрепления — дивизии Луазона из 11-го корпуса, которая достигла литовской столицы в последнюю неделю ноября вместе с двумя кавалерийскими полками неаполитанской дивизии Д'Эстре в Данциге. Кроме того, в Вильно находилось 6000 или 7000 военнотружущих всех родов войск — *маршевые войска* и польские и литовские рекруты. Марет с самыми благими намерениями, но с катастрофическими результатами приказал дивизии Луазона выдвинуться к Охмяне, чтобы занять позицию и прикрыть отступление остатков армии в Вильно. Она состояла из молодых французских и немецких рекрутов, и три или четыре дня жестокой погоды почти уничтожили ее. Сколько человек на самом деле погибло и сколько было расформировано, установить невозможно; достоверно только то, что 7 декабря в строю оставалось менее 3000 человек!

3-го числа в Молодечно, как раз когда холод стал смертельным, Наполеон, который уже подумывал об уходе из армии, отдал практически свой последний прямой приказ. Остатки польских дивизий были отправлены на юго-запад, в сторону Варшавы, которой они в конце концов благополучно достигли с теми орудиями, которые у них сохранились. Здесь Наполеон получил первые сообщения, которые поступили к нему за несколько дней, остальные, по-видимому, были перехвачены казаками. Здесь же он составил и разослал 29-й бюллетень. Это настолько хорошо известно, что в упоминании о нем нет необходимости. Однако следует отметить, что это такая же вопиющая ложь, как и любая из наполеоновских серий; и полное отсутствие у императора оценки зачастую героического поведения его войск бросает очень неприятный свет на его характер. Конечно, никто, прочитав его параграфы, не пришел бы к выводу, что кампания была сокрушительной катастрофой. Каждая почта приносила Марету пачки писем с вопросами о запасах продовольствия в Вильно, яростными нападками на поляков за то, что они не поддерживали его, и на его собственных агентов за то, что они не убедили их сделать это! Один из наиболее примечательных вопросов касается того, укреплены ли Вильно и Ковно. Несомненно, Наполеон должен был отдать приказы по этому вопросу. Дело, по-видимому, в том, что сначала он был чрезмерно уверен в успехе, а позже упустил из виду необходимость защиты своих баз — об этом свидетельствует случай с Минском. 29 ноября он приказал министру вывезти из Вильно весь дипломатический корпус, чтобы они не стали свидетелями ужасного состояния армии.

3 декабря Виктор - во многом против своей воли — освободил Нея от несения службы в арьергарде. Он устал от войны и хотел главным образом спасти остатки своего корпуса. Результатом стала ссора между двумя маршалами. Уцелевшим частям 9-го корпуса удалось отбить Чаплиц в бою 4-го числа, но на следующий день Виктор доложил, что он полностью израсходован и не выдержит ни малейшей атаки. Он поспешил в Сморгони с несколькими сотнями обмороженных людей, которые остались у него.

Сам Наполеон достиг Сморгони в 8 часов утра 5-го числа. Там он призвал к себе Мюрата, Эжена, Бертье, Даву, Нея, Лефевра, Мортье и Бессьера и объявил им о своем намерении

немедленно отправиться в Париж. Не может быть никаких сомнений в том, что это был его самый мудрый поступок. Его присутствие в столице было настоятельно необходимо для руководства новыми наборами рекрутов и поддержания общественного духа. Армии практически больше не существовало, и он ничего не мог выиграть, оставаясь с ней; наконец, любая дальнейшая задержка могла сделать для него невозможным достижение его собственной границы через Германию.

Мюрат, в силу своего ранга, унаследовал командование, которое было чисто номинальным. Без сомнения, было разумно оставить всех корпусных командиров при армии, поскольку обстоятельства могли повлиять на русских; но в остальном это была мера сомнительной полезности. Ней, самый закаленный боец из них всех и, по-видимому, единственный, кто упорно выполнял свой долг, был в плохих отношениях с Даву и Виктором, а Даву и Мюрат ссорились всякий раз, когда встречались. Как бы то ни было, командовать было почти нечем, и их ссоры имели меньшее значение, чем они могли бы сделать в противном случае.

Наполеон выехал в своей карете в 7 часов вечера в сопровождении Коленкура. Дюрок и Лобау следовали в санях, а на козлах кареты находились мамелюк Рустан и капитан польских улан гвардии Васович, который выполнял роль переводчика. Полагая, что дорога свободна, его сопровождал лишь небольшой отряд неаполитанской кавалерии — и таким образом могущественный завоеватель скрылся с места своего крушения, оставив выживших из своего гигантского войска в климате и вооружении России.

На самом деле ему едва удалось избежать поимки, поскольку Сеславин в тот день совершил рывок в Охмяню. Дивизия Луазона, однако, или то, что от нее осталось, достигла города незадолго до этого; Сеславин был выбит, и расположился на ночь бивуаком немного южнее, так что император прибыл в целостности и сохранности. В Медниках, на следующем этапе, он встретил Марет, которая вышла ему навстречу. Министр сообщил ему об огромных журналах, которые постепенно собирались в Вильно. Предположительно, как предполагает Де Шамбре, сообщения Марет под этим заголовком не дошли до императора, поскольку он выразил свое огромное облегчение и велел Марет передать Мюрату, чтобы тот остановился в городе на восемь дней, чтобы восстановить физическую форму и моральный дух армии. 6-го он прибыл в Вильно и после короткой остановки снова отправился в Варшаву. Там 10-го у него состоялась беседа с Де Прадтом, которую последний так красочно описал. Через несколько часов он снова отправился в путь через Дрезден в Париж, куда прибыл 18-го.

В Вильне, действительно, было 4 000 000 пайков сухарей и муки и 3 600 000 порций мяса, помимо огромного количества зерна; 27 000 запасных мушкетов, 30000 пар сапог и большие запасы одежды и снаряжения. Но немногому из этого было суждено принести пользу несчастным жертвам чрезмерных амбиций Наполеона. Сцены на дороге между Вильно и Березиной были бы невероятны, если бы не было заслуживающих доверия свидетелей, как французских, так и русских, которые могли бы свидетельствовать о них. Дорога и ее границы были усеяны мертвыми людьми и лошадьми, брошенными орудиями и повозками, часто сломанными и наполовину сожженными, поскольку беглецы пытались использовать их в качестве топлива. По этому пути скорби тянулся бесконечный поток человеческих существ обоего пола, падавших на каждом шагу, смешиваясь с трупами, по которым они топтали. С тех, кто упал, прохожие быстро сняли их жалкие лохмотья - вскоре они сами были обречены на ту же участь. Бесполезно останавливаться на ужасах, которыми была отмечена каждая миля полета.

Их можно почерпнуть из бесчисленных произведений, составленных очевидцами. Чувство человечности во многих случаях было подавлено, и есть хорошо засвидетельствованные случаи каннибализма. Ланжерон ручается, что видел тела, с которых была срезана плоть. Сильный холод приводил к безумию; люди укрывались в раскаленных печах и поджаривались до смерти или бросались в огонь. То, что их взяли в плен, не принесло облегчения участи незадачливых беглецов. Казаки обычно раздевали их; часто также русские, раздраженные разрушением Москвы и опустошениями захватчиков, не давали пощады даже тем, кто сдавался. Кроме того, они ничего не могли бы сделать, чтобы прокормить их, даже если бы захотели. Заключенные умирали, как и прежде, на обочине дороги, раздетые, голодные, замерзшие; в Вильне их запихнули в здания, где среди холода, грязи и отсутствия нормальной пищи свирепствовала эпидемия.

Жалкая орда устремилась к Вильне, на которую они смотрели как на гавань отдыха. Казаки слонялись по дороге, по своей воле врываются в сбившуюся массу, смешивались с толпой и убивали и грабили со смертоносной ловкостью. Вокруг штаб-квартиры все еще двигался значительный, но неуклонно уменьшающийся отряд бойцов, но дисциплина исчезла, и даже Гвардия маршировала в замешательстве и почти не обращала внимания на приказы. Тут и там среди жалкой толпы, следовавшей за ними, можно было встретить группы вооруженных офицеров и рядовых, часто больных и измученных, но сохранивших дух дорого продать свои жизни при нападении, но таких было немного. Даже арьергард не был организованным отрядом - просто группой отчаянных воинов, спаянных, как правило, личным влиянием маршала Франции, вернувшегося из России с еще большей славой.

По пятам за французским арьергардом маршировала дивизия Чаплица, атакуя при любой возможности, милю за милей подбирая брошенные орудия и транспортные средства и разоружая пленных, которых затем оставляли жить или умирать, как им заблагорассудится. После Чаплица, всегда между жалким двойным потоком "заключенных", о которых она не могла ни заботиться, ни охранять, топала Дунайская армия, все, начиная с адмирала, маршировали пешком, спасаясь от обморожения, и тщательно принимали все меры предосторожности против этого. Иногда дорога была настолько завалена мертвецами, что спешившейся кавалерии в авангарде приходилось расчищать ее, прежде чем можно было двинуть вперед орудия и обозы. Ланжерон говорит, что, несмотря на погоду, смертельные случаи обморожения были почти неизвестны среди этих ветеранов Турецкой войны.

Печально среди историй о всеобщей нищете читать о телегах с предметами роскоши, принадлежавшими Наполеону, Мюрату и другим генералам, которые были захвачены русскими. Есть мрачный юмор в том, что неотесанные похитители часто принимали духи за крепкие напитки и ликеры, а помаду ели по ошибке за масло!

Виктор, добравшись до Очмианы, обнаружил вместо сильной дивизии Луазона 3000 или 4000 полумороженных рекрутов, которые полностью зачахнут за пару дней. Он продолжал свое поспешное отступление, преследуемый Чаплицем и Платовым, которые тысячами забирали пленных и десятками пушек. 9-го числа, недалеко от Вильно, прибыл Вреде. Его силы сократились из-за холода, рассеяния и потерь в перестрелках и составили менее 3000 человек, но у него все еще было несколько орудий. Мюрат и штаб достигли Вильно 8-го числа; но уже 6-го числа банды оборванных и обездоленных беглецов начали проникать в город, к ужасу жителей. Даже в колонне Мюрата царили паника и беспорядок, которые лишь на время удалось сдержать

егерям Старой гвардии, которые держались вместе в толпе и предотвратили безумный натиск. Но когда они вошли, давка стала ужасной, а порядок невозможным. Ворота были забиты, и, среди прочих, Даву и его штаб могли войти только через брешь в стене. Беглецы рассыпались по улицам в поисках еды и крова — часто тщетно, поскольку перепуганные жители забаррикадировались в своих домах, — а когда они не могли получить их, падали замертво. Еврейские торговцы продавали еду беспомощным несчастным буквально на вес золота; но когда город был эвакуирован, если не врут все отчеты, они убивали и грабили их оптом.

Остаться в Вильно даже на несколько дней было невозможно. Сеславин и его казаки действительно вошли в город 9-го числа, но, конечно, были вынуждены почти сразу же отступить. Но эти действия показали абсолютное безрассудство русских, и французская армия была лишена сил для сопротивления. Так много людей рассеялось по городу, что 10-го числа только 6000 или, самое большее, 7000 человек были вооружены. Большая часть беглецов больше никогда не покидала Вильно. Многие были измотаны болезнями и переутомлением, и, однажды прилегли отдохнуть, не имели сил подняться. Многие умерли от употребления спиртных напитков в надежде противостоять холоду. Многие другие были обморожены, а внезапное потепление, усугубленное заброшенностью, вызвало гангрену. Почти 20 000 беспомощных существ были оставлены, в основном, на погибель, в городе, когда остальные продолжили свой путь к Неману. Никаким новостям о действительном положении дел не было позволено достичь Вильно, и следствием этого было то, что не было сделано никаких приготовлений к приему армии. Мюрат просто потерял голову; при первых звуках пушек на передовых постах он покинул дворец, в котором обосновался, и поспешил к воротам Ковно, чтобы быть готовым к бегству. Бертье отдал поспешный приказ уничтожить оружие и боеприпасы в арсенале. На Эбле, чья благородная жизнь была почти исчерпана и который увенчал свою репутацию неизменным героизмом и самопожертвованием на последних этапах отступления, была возложена эта печальная обязанность, а Ларибуассьер был еще ближе к своему концу. Были даны указания выдавать еду и одежду всем в изобилии, не обращая внимания на формы. Шварценбергу был отправлен приказ отступить к Белостоку, в то время как Макдональду было приказано отступить к Тильзиту. Безнадежная задача сдерживания русских была возложена на плечи Нея.

Вреде со своими замерзшими и дезорганизованными остатками был отброшен Платовым к Вильне 9-го. Казаки уже окружили город, вступая в перестрелки с защитниками. Помимо разрушений, вызванных холодом, последний понес значительные потери. Эскадроны литовских татар, которым суждено было войти в состав гвардии, были полностью уничтожены. Ночью Мюрат эвакуировался из Вильно, а на следующий день Ней покинул его, казаки следовали за ним по улицам.

В нескольких милях от Вильно дорога на Ковно ведет через крутой холм. Остатки армейских эшелонов и те, что шли из Вильно, следовавшие за армией, оказались заблокированными у подножия покрытого льдом склона, вверх по которому лошади были совершенно неспособны их втащить. Последние оставшиеся ружья и большую часть повозок пришлось бросить. Сундуки с армейским жалованьем, в которых находилось 10 000 000 франков, были брошены и частично разграблены солдатами. Отчаянными усилиями были сохранены только личные сокровища Наполеона и экипажи, а также очень небольшая часть поездов, поскольку для того, чтобы втащить одно транспортное средство в гору, потребовалось 20 лошадей. В разгар беспорядка и грабежа прибыли казаки. Платов открыл огонь по толпе из своих легких орудий, но его дикие

всадники по большей части набросились на добычу и, по-видимому, побрезговали брать пленных. Катастрофа произошла из-за явного отсутствия управления, поскольку дорога в Нови-Троки, которая была ровной и немного длиннее, поворачивала с холма на юг и могла быть легко использована для отступления.

ПОХОДНАЯ КУХНЯ НАПОЛЕОНА

Ее привезли в Москву, а затем запечатлели на поле Ватерлоо

Сфотографировали для этой работы в Королевском артиллерийском музее в Вулвиче

Пытаться твердо держаться в Ковно было так же безнадежно, как и в Вильно. В городе было 42 орудия, частично оставленные там дивизией Луазона, большие запасы продовольствия и одежды и около 2 500 000 франков наличными. Был слабый *тет-дю-пон*, но Неман замерз, и его можно было перейти в любом месте по льду. 12-го в город ворвались основные силы - около 20 000 человек, в основном на последней стадии нищеты и отчаяния, и почти все разоружены. Гвардия насчитывала 1600 штыков и сабель. Ней, сражавшийся вместе с Платовым на всем пути от Вильно, достиг города вечером; с гарнизонными войсками, добавленными к остаткам арьергарда, у него не было и 2000 человек. Были предприняты попытки распределить припасы и перевооружить расформированные войска, но солдаты выбросили мушкеты. Склады были разграблены, несчастные, естественно, набросились на запасы спиртного. Пьяные и умирающие люди горами лежали на заснеженных улицах. У большинства ошеломленных беглецов не хватило ума даже воспользоваться льдом на реке; они машинально перебрались через мост, сражаясь за преимущество, душая и топча друг друга, как на Березине и Вильно. Мюрат установил несколько орудий на батарее на левом берегу Немана и 13-го числа отправился в Кенигсберг, в то время как Ней с арьергардом занял город, который они удерживали до наступления темноты. Платов послал по льду отряд, который захватил орудия на левом берегу и преградил отступление Ней. Его люди в основном прятались в домах; у него было всего несколько сотен вооруженных солдат. Он повернул вниз по левому берегу реки, а затем повернул налево через Пелвиский лес и в конце концов направился через Гумбиннен в

Кенигсберг. Он бросил в лесу 16 орудий Луазона, почти последнюю артиллерию, которая сохранилась у армии.

Русские не сразу перешли политическую границу, и, как ни горько было прусскому крестьянству ненавидеть французов, они не стали активно плохо обращаться с ними. Многие изолированные беглецы были разоружены, но их страдания были таковы, что растопили даже сердца, закаленные ненавистью и памятью о недавних притеснениях. Де Фезенсак говорит, что счастье быть накормленными и размещенными помешало им заметить враждебность людей. Основная часть толпы беглецов достигла Кенигсберга к 20-му числу, и оттуда вдоль Вислы были разбросаны лагеря. В тот день гвардейская пехота насчитывала около 2500 офицеров и рядовых, из которых 1000 были больны. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й корпуса собрались между собой 10 января 1813 года, насчитывая около 13 000 здоровых и больных человек, из которых 2500 были офицерами. Что касается состояния армии, то почти все войска были разоружены и должны были быть снабжены новыми мушкетами из обширных запасов в Данциге. 23 декабря Эбле, ныне возглавляющий артиллерию, доложил, что из всего огромного обоза, который прибыл в Россию с Центральной армией, осталось только 9 орудий и гаубиц и 5 кессонов!

За два дня до смерти Ларибуассьера, а 30 декабря Эбле тоже скончался. Полковник Пион де Лош, человек, у которого редко находится доброе слово в адрес своих начальников, так отзывается о них: “Оба стали жертвами своего рвения и преданности. Наша армия потеряла в них свои столпы и опоры... и чего стоят все остальные наши генералы рядом с ними?” Когда его товарищи по оружию хоронили Эбле на римско-католическом кладбище в Кенигсберге, Наполеон подписывал указ, который назначал его первым генеральным инспектором артиллерии. Могила Эбле исчезла, потому что кладбище было разрушено, но его слава намного затмевает славу тысяч более известных людей.

Маршал Кутузов прибыл в Вильно 12 декабря, чтобы контролировать доселе независимые передвижения Чичагова и Витгенштейна. Его собственные войска следовали за ним под командованием Тормазова, но они были настолько разбиты долгим переходом из Москвы, что их наступательная мощь на время иссякла, и они были расквартированы около Вильно. Чичагов должен был следовать к Неману, чтобы поддержать Платова и авангард, которые наступали по пятам отступающим французам. Витгенштейну было приказано перехватить Макдональда при его предполагаемом отступлении к Неману, в то время как Пауллуччи должен был наступать ему в тыл. Армия Сакена, поддержанная мозырским полком, которым теперь командовал Тучков II, и отрядом из Бобруйска, должна была иметь дело со Шварценбергом. Император Александр прибыл в Вильно 22 декабря и сразу же посвятил себя задаче спасения жизней своих захваченных врагов. Больницы были забиты русскими больными, а французские пленные, почти все больные и беспомощные, гибли оптом. Печенье и хлеб они получали, но другой помощи для них не было. Гангренозные раны, обморожения и тиф, вызванные грязью, голодом и гниением, унесли их прочь. Говорят, что за три недели умерло 15 000 человек. Александр и Константин приложили великолепные усилия, чтобы справиться с ужасной массой человеческих страданий. Не считаясь с личной опасностью, они лично руководили операциями по оказанию помощи; великий герцог чуть не умер от лихорадки, которую подхватил в разгар своего человеколюбивого труда. Святого приста перевели с работы по сбору отставших русских на работу смотрителя госпиталей для заключенных, для чего его французское происхождение особенно подходило ему.

Макдональд перед Ригой получил приказ отступать 18 декабря и выступил на следующий день двумя основными колоннами, сам он шел впереди с дивизией Гранжана, прусской пехотной бригадой и кавалерией Массенбаха; в то время как Йорк следовал дневным маршем позади остальных пруссаков. Сам Витгенштейн вряд ли смог бы перехватить его; но летучие отряды Кутузова II и Дибича, выброшенные далеко вперед, могли надеяться помешать маршу Макдональда. Достигнув Колтиниани, маршал разделил свою колонну, воспользовавшись двумя дорогами, ведущими оттуда в Тильзит, и намереваясь воссоединить весь свой корпус у Тауроггена. Кутузов II был слишком слаб, чтобы перехватить его; но Дибич со своими 1500 кавалеристами и несколькими кувалдами 25-го встал между Макдональдом и Йорком и смело предложил последнему конференцию, чтобы предотвратить бесполезное кровопролитие. После некоторых колебаний Йорк, наконец, принял решение и 30-го числа заключил знаменитую Таурогенскую конвенцию, по которой пруссаки были объявлены нейтральными. Результаты были неисчислимо важны, но относятся скорее к истории Освободительной войны Германии. Непосредственным следствием этого стало то, что крушение *Великой армии* было ослаблено 16 000 или 17 000 превосходными солдатами и 60 орудиями.

Макдональд, тем временем, продолжал свое отступление и 27-го отбил дивизии Властова, которые подошли на поддержку Кутузову II, захватив несколько пленных и орудие. Но в Тильзите 31-го Массенбах бросил его и вынудил отступить к Кенигсбергу. Он шел быстро и уверенно и благополучно достиг столицы Пруссии. 3 января 1813 года его арьергард под командованием Бачелю после упорного боя был отброшен через Лабиау авангардом Витгенштейна под командованием Чепелева. В Кенигсберге к Макдональду присоединилась дивизия Хойделе, но дезертирство Йорка положило конец всем надеждам на то, что он сможет закрепиться на Прегеле, и отступление было продолжено на Данциг. Когда блокада Риги была снята, Паулуччи отправил Льюиса с 8000 человек преследовать Макдональда, а сам с 3000 человек бросился к Мемелю, которого он достиг 15 декабря после удивительного марша в 200 миль за 8 дней. Заведение немедленно сдалось.

Пока Шварценберг сражался с Сакеном, генерал Косинский со своими поляками еще раз вторгся на Волынь, но был отбит после небольшой стычки у Мусина-Пушкина.

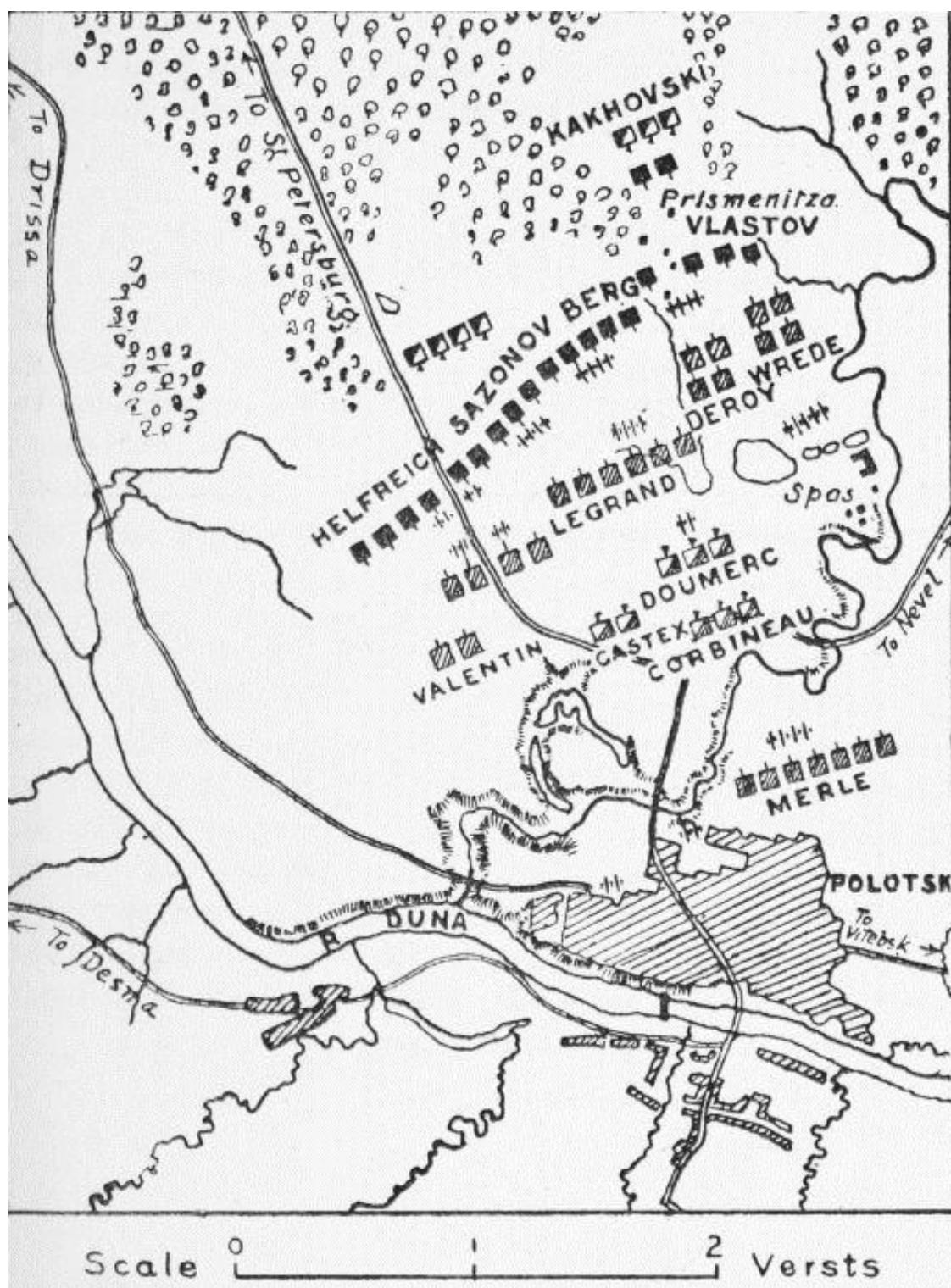
Шварценберг, отказавшись от преследования Сакена, 7 декабря снова достиг Слонима; но, узнав о катастрофе *Великой армии*, 14-го он отступил к Белостоку, прибыв туда 18-го. Ренье отступил за "Жука". При наступлении Сакена и Тучкова, на помощь которым Кутузов также направил колонну под командованием Милорадовича, Шварценберг неуклонно отступал, не ведя ничего, кроме самых незначительных боев. Австрийцы в конце концов отступили на свою территорию, в то время как Рейнье отступил в сторону Саксонии. Польские войска оставались в крепостях на Висле и в следующем году были в основном взяты в плен. Небольшой полевой армии, которую смог собрать Понятовский, разрешили присоединиться к Наполеону в Саксонии, поскольку в ее блокаде было задействовано слишком много войск.

Таким образом, в последние дни декабря территория России была освобождена от огромного войска, которое угрожало захлестнуть ее. Непосредственным результатом кампании стало практически полное уничтожение армии численностью почти в 700 000 человек и ее огромной материальной части. В целом, похоже, что, за исключением польских стационарных войск и местных рекрутов, помимо уже упомянутых, около 674 000 комбатантов перешли Вислу против России, из которых около 640 000 фактически принимали участие в военных действиях. Из этих

640 000 организованных войск к концу кампании оставались только силы Шварценберга и Макдональда, всего, возможно, 68 000 комбатантов. Все остальные корпуса и дивизии были представлены примерно 25 000 дезорганизованных и в целом разоруженных людей — в основном офицеров — без кавалерии и почти без артиллерии. Количество орудий, которые на самом деле попали в Россию, несколько сомнительно, но, по-видимому, их было более 1300, не считая Рижского осадного обоза. Можно считать, что из них вернулось около 250. Русские заявили, что 929 человек попали в плен; остальные, без сомнения, были брошены и так и не были найдены. Было потеряно более 200 000 обученных лошадей; и именно их нехватка, даже больше, чем нехватка обученных людей, подорвала шансы Наполеона в 1813 году. Общая брешь в рядах Наполеона составляла более 550 000 бойцов. В качестве пленных русские взяли 48 генералов, 3000 офицеров и 190 000 солдат, но следует опасаться, что половина из них попала в плен только для того, чтобы умереть. Даже без учета этого, должно было погибнуть более 350 000 солдат, не считая десятков тысяч приверженцев лагеря, беженцев и других некомбатантов.

Потери России чрезвычайно трудно подсчитать. Невозможно подсчитать количество людей, успешно вышедших на поле боя, и тех, кто оставался активным к концу кампании, поскольку дефицит не означает абсолютных потерь, как в случае с наполеоновской армией. Есть основания полагать, что фактические потери сражающихся составили почти 150 000 человек. Число некомбатантов — в основном мирных жителей страны, — которые погибли, должно быть, было огромным.

Конечными результатами победы России были всеобщее восстание северной Германии против Наполеона, присоединение Австрии — после значительных колебаний — к антинаполеоновской коалиции и полное свержение в течение немногим более года империи силы, которую он построил в Европе. Британия уже давно разрушила попытки Наполеона завоевать власть на море и нанесла тяжелые удары по его престижу на суше. Когда русская армия стояла у Тарутино, ее обрадовали известия о победах Веллингтона. И престиж Наполеона, пошатнувшийся в Испании, теперь был пошатнут в России, а его материальная военная мощь настолько подорвана, что он уже никогда по-настоящему не мог снова противостоять своим противникам на равных. Возможно, справедливо будет сказать, что восторженное восстание Германии было главным фактором падения Наполеона в 1813 году, но именно Россия дала импульс и расчистила путь; и ее военная помощь имела жизненно важное значение.

ПЕРВАЯ БИТВА Под ПОЛОЦКОМ (17-18 августа 1812 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

СИЛЫ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПРИМЕНЯВШИЕСЯ НАПОЛЕОНОМ ПРОТИВ РОССИИ В 1812 ГОДУ

	Дата Сбора Список.	Батальо ны.	Эскадро ны.	Пехота и пешая артилле рия.	Кавалер ия и конная артилле рия.	Всего.	Оружия.
Главная штаб- квартир а	24			3,075	908	3,983	(?)
1st <i>Corps d Armée</i>	” ”	88	16	68,627	3,424	72,051	150
...150... ...2-й ” ”	” ”	48	16	34,299	2,840	37,139	92
третье место ” ”	“ ”@	45	24	35,755	3,587	39,342	86
4 - й ” ”	“ 30	54	20	42,430	3,368	45,798	116
5 - й ” ”	” 24	33	20	32,159	4,152	36,311	70
6 - й ” ”	1	28	16	23,228	1906	25,134	58
7 - го ” ”	24	18	16	15,003	2,186	17,189	50
8 - го ” ”	” ”	18	12	15,885	2,050	17,935	34
9 - го ” ”	3	43	сентябр я ,	31,663	1,904	33,567	80
, 10 сентябр я ” ”	24 июня	36	16	30,023	2,474	32,497	84
австрий ского корпуса	” ”	26	44	26,830	7,318	34,148	60
Императ орская Гвардия	оценкам (кроме кавалер ии)	38	28	25,000	6,279	31,279	112
1-го	24 июня	—	54	—	12,077	12,077	30

кавалер ийского корпуса								
2-й ” ” ” ”	—	52	—	10,436	10,436	30		
третье ” ” место ” ”	—	50	—	9,676	9,676	30		
4 - й ” ” ” ”	—	40	—	7,964	7,994	24		
32—я 2 дивизия	18	ноября	13,592	—	13,592	20		
34 - й ” 18 Ноября	19	6	13,290	700	13,299	16		
Инжене ры, арти ллерийс кие резервы и т.д.					10,000(?)	230		
			410,849	83 279	504 128	1 372		
отсутствующих, которые присоединились к	—	—	—	—	37,100	—		
Деление Лагранжа (черновики)	—	—	—	—	13,408	—		
Батальоны иностранной гвардии}								
Польская бригада Косинского}								
Австрийская резервная бригада}		около	—	—	70,000	18		
2 немецких полка }								
Призывников всех видов}								
					624,636			
В герцогстве Варшавском и на Висле }								
5 батальонов иностранной гвардии}								

Дивизия Хойделе (20 батальонов)}						
Дивизия Дестре (неаполитанцы) в Данциге}	—	—	—	50 000	32	
Новых рекрутов, призывников и т.д.}						
Гарнизоны на Висле}						
				674 636	1422	
				=====	===	

Чрезвычайно трудно подсчитать количество подкреплений и т.д., поскольку часть из них состояла из выздоравливающих и возвращающихся отставших.

Большое количество водителей транспортных средств и других некомбатантов не учитывается.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

СОСТАВ ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА По НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ

Имп. гвардия, штаб 1-10 армейского корпуса, австрийцы, 4 кавалерийских корпуса, 32-я и 34-я дивизии.

	Батальоны.	Эскадроны.
Французы и новофранцузцы	239	214
поляков	51	69
итальянцев	22	14
хорватов и далматинцев	7	—
Испанцы	4	—
Португальский	6	3
Швейцарский	12	—
Баварцы	30	24
Саксы	22	32
Вестфальцы	22	20
Württembergers	12	16
16	7	2
Бергских войска	8	4
Мекленбургских войска	3	—
Гессен-Дармштадт	6	2
Малых Рейнбундских государства	11	—

австрийцы	26	44
пруссиков	20	24
Различных	(мамлюков)	1

ПРИЛОЖЕНИЕ С

СИЛЫ , ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПРИМЕНЯВШИЕСЯ РОССИЕЙ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА В 1812 ГОДУ

ПЕРВАЯ АРМИЯ ЗАПАДА. ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ

С	Ба	Эс	Ка	Ба	Пе	Ка	Ка	Ар	Вс	О
ил	та	ка	за	та	хо	ва	за	ти	ег	ру
ы.	ль	др	чь	ре	та	ле	ки	лл	о.	ди
	он	он	и	и.	и	ри	.	ер		й.
	ы.	ы.	по		ин	я.		ия		
			лк		ж			.		
			и.		ен					
					ер					
					ы.					
1	28	16	1	8	16	17	22	88	21	96
—					20	10	50	0	85	
й						0			0	
ар										
ме										
йс										
ки										
й										
ко										
рп										
ус										
2	24	8	—	7	14	11	—	13	16	84
—					40	20		40	86	
й”					0				0	
”										
3	26	4	1	7	15	60	55	13	17	84
—					36	0	0	40	,8	
й”					0				50	
”										
4	22	8	—	6	12	1,	—	1,	15	72
—					,9	12		12	,2	
й”					60	0		0	00	
”										
5	26	20	—	6	15	2,	—	1,	20	80
—					,8	88		40	,1	

й ”					40	0		0	20	
6 —	24	8	-	7	14,400	1,120	-	1,340	16,860	84
й ”										
1 - й ка ва ле ри йс ки й ко рп ус	-	24	-	1	-	3480	-	220	3700	12
2 - й ”	—	24	—	1	—	3,360	—	220	3,580	12
3 - й ”	—	20	—	1	—	2800	—	220	3020	12
ка за чь их ко рп ус ов	—	—	—	6160	220	6380	12	ар ти лл ер ий ск ог о ре зе рв а	—	—
3	—	—	-	-	-	-	—	720	720	36
					.	.	.	9760	126140	584-я

ВТОРАЯ ЗАПАДНАЯ

ар ми я.	Ба та ль он ы.	Эс ка др он ы.	Ка за чь и по лк и.	Ба та ре и.	Пе хо та и ин ж ен ер ы.	Ка ва ле ри я.	Ка за ки .	Ар ти лл ер ия .	О б щ ая .	О ру ж ие .
7- го ар ме йс ко го ко рп ус а	24	8	—	7	14 ,6 50	1, 12 0	—	1, 34 0	17 ,1 10	84
8- го ” ”	22	20	—	5	12 ,0 00	2, 80 0	—	1, 04 0	15 ,8 40	60
4- го ка ва ле ри йс ко го ко рп ус а	—	24	—	1	—	3, 36 0	—	22 0	3, 58 0	12
ка за чь ю ди ви зи	—	—	9	—	—	—	39 60	22 0	41 80	12

ю										
27	12	—	—	—	7,	—	—	—	7,	—
-я					20				20	
пе					0				0	
хо										
тн										
ая										
ди										
ви										
зи										
я										
					33	7,	3,	2,	47	16
					,8	28	96	82	,9	8
					50	0	0	0	10	

ТРЕТЬЯ АРМИЯ ЗАПАДА

С	Ба	Эс	Ка	Ба	Пе	Ка	Ка	Ар	Вс	О
ил	та	ка	за	та	хо	ва	за	ти	ег	ру
ы.	ль	др	чь	ре	та	ле	ки	лл	о.	ж
	он	он	и	и.	и	ри	.	ер		ия
	ы.	ы.	по		ин	я.		ия		.
			лк		ж			.		
			и.		ен					
					ер					
					ы.					
Ко	17	8	—	4	9,	1,	—	78	11	46
рп					97	12		0	,8	”
ус					0	0			70	
Ка										
ме										
нс										
ко										
го										
М	24	8	—	7	14	1,	—	1,	16	82
ар					,4	12		34	,8	
ко					00	0		0	60	
в"										
Ре	12	24	—	2	40	2,	—	44	59	24
зе					00	50		0	40	
рв						0				
Са										
ке										
на										
Ко	—	36	—	—	—	50	—	—	50	—

рп						40			40	
ус										
Ла										
мб										
ер										
та										
И	—	—	9	—	—	—	3	—	3	—
рр							96		96	
ег							0		0	
ул										
яр										
ны										
е										
во										
йс										
ка										
Ре	—	—	—	1	—	—	—	24	24	12
зе								0	0	
рв										
на										
я										
ар										
ти										
лл										
ер										
ия										

28	97	39	28	44	16
37	80	60	00	91	4
0				0	

-Я ДУНАЙСКАЯ

ар	Ль	Ск	П	Бо	М	Ка	Ко	Ар	Вс	О
ми	вы	ва	ол	ев	ла	ва	сс	ти	ег	ру
я.	Ль	йр	ки	ые	де	ле	ак	ль	о.	ж
	вы	ья	ск	ма	нц	ри	ом	ры		ие
	Ба	др	Ко	ш	ы,	ст	ан	.		.
	тт	он	сс	ин	ст	ры	ди			
	ы.	ы.	ы.	ы.	ро	.	р.			
				ит						
				ел						
				и						
				и						
				ин						
				ж						
				ен						
				ер						

[illegible]Ла
н
ж
ер
он
а[illegible]

Эс
се
на
III

ди 11 12 3 4 55 15 10 70 8, 48
 ви 00 00 00 0 70 ди
 зи 0 ви
 я зи
 Во я
 йн
 ов
 а

[illegible]

Бу
ла
то
ва

ДИ	9	8	1	1	45	10	30	20	60	12
ВИ					00	00	0	0	00	

ЗИ
я
Са
ба
нь
ев
а

12 29 80 42 31 44
50 00 00 50 ,8
0 50

си	.,,	Эс	Ка	Ба	Пе	Ка	Ка	Ар	Вс	О
л	Ба	ка	за	та	хо	ва	за	ти	ег	ру
АР	та	др	чь	ре	та	ле	ки	лл	о.	ж
М	ль	он	и	и.	и	ри	.	ер		ия
И	он	ы.	по		ин	я.		ия		.
И	ы.		лк		ж			.		
Ф			и.		ен					
И					ер					
Н					ы.					

4 — 1 — — — — — 25 12 16
00 50
 0

66 PE

ЗЕ
РВ
О
В
И
ГА
Р
НИ
З
О
Н
В
В
И
Ю
Н
Ь
С
К
О
Й

депортации

[illegible]

отряда

8 — — 2 — — — — 50 24
00

ополченцев, морских	90
пехотинцев,	00
новобранцев, казаков и	0
т.д.	
Вс	41
ег	0
о	31
	0
	==
	==
	==
	==
	=

ПРИЛОЖЕНИЕ D

ШТАБ ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА В РОССИИ, 1812 г.

Главнокомандующий:

Его Превосходительство император и король Наполеон I.

Начальник штаба	маршал Бертье, принц Невшательский
Кавалерия	Его Превосходительство король Неаполя (маршал Мюрат)
” Artillery	Général de Division Comte Lariboissière
” Инженеры	” ”Граф Шасселуп”
Поезда на мосту	“Барон Эбле
генеральный интендант	” ” Граф Матье Дюма

ГЛАВНЫЕ МИНИСТРЫ, ПРИДВОРНЫЕ ЧИНОВНИКИ И Т.Д., СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ИМПЕРАТОРА

Марет, герцог Бассано,	министр иностранных дел
граф Дару	государственный секретарь
генерал Дюрок, герцог Фриули,	главный маршал дворца
Коленкур, герцог Виченца,	главный конюший
барона Меневаля,	портфельный секретарь
Фейн	”Архивы
” Мунье	” Кабинет
полковника барона де Понтонна	” ”
Аудитор Государственного совета Лелорн д'Идевиль,	главный переводчик
барон Баклер д'Альбе,	директор топографического кабинета

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Старший офицер.	Департамент или командование.
-----------------	-------------------------------

Генерал дивизии Жюно, герцог д'Абрантес,	первый адъютант
” ” Лебрен,	адъютант герцога де Плацентия
” ” Mouton, Comte Lobau	”
” ” Граф Рапп	”
” ” Comte de Narbonne	”
” ” Граф Дюроснель	”
” ” Граф Сокольники	Прикрепленный польский офицер
” ” Граф Сансон	Топография и история
” ” Барон де Коленкур	Большая штаб-квартира
” Бригадный граф Байи де Монтийон,	начальник штаба Бертье
” Барон Гильемино	Малая штаб-квартира
” ” Барон Жомини	История
“ ” Comte Lauer	Gendarmerie

В свите Наполеона было большое количество генералов “одноразового использования”. Большинство из них были назначены в командование позже и в основном фигурируют в списках комендантов округов.

ГЕНЕРАЛЫ, КОМАНДУЮЩИЕ ОКРУГАМИ АРМИИ (11 АВГУСТА)

		Правительство
дивизионного генерала	графа Хогендорпа	в
” ”	Барон Дурутте	Берлин
” ”	Граф Дютайлис	Варшавы
” ”	Граф Шарпантье	Витебск
” ”	Гомес Фрейре	Глубокий
” ”	Маркиз д'Алорна	Могилев
” ”	Baillet-de-la-Tour	Elbing
General of Brigade	Castella	Königsberg
” ”	Корсин	Пиллау
” ”	Плаузонн	Плоцк
” ”	Ferrière	Bielostok
” ”	Тарайре	Ковно
” ”	Воезинский	Торн
” ”	Wedel	Wilkowski
” ”	Брун	Гродно
” ”	Брониковский	Минский

корпус. 1-й корпус Морана друг	Подразделение. 1-го пехотного (Марешаль Даву, принц д'Экмюль"),,, 3-й " " 4-й" " " 5-й кавалерии Артиллерия	Дивизионный генерал. корпуса 2-й " " Гюден Дессе Рота Жирардена (сентябрь) барона Пернети
2-й корпус Леграна герцог де Реджио)	6-го пехотного (Марешаль Удино, 8-й корпус). 9-й Артиллерия	корпуса Вердые Мерль Дулаулой
3 -й корпус Ледрю Разут	10 - я пехотная (Маршал Ней, герцог д'Эльхинген) корпус	Ледрю 11-й 25-й артиллерии Фуше
4 -й корпус (Его Императорский Ваше Высочество принц Евгений)	13 - я пехотная 14 - й " " 15-й Артиллерия	Дельзоны Broussier Пино Дантуара
5-го (Генерал принц Понятовского)	16- го пехотного , 17-й " " 18-й " " артиллерии	Зайончек Домбровский Kamienicki Пельтье
6-й корпус (генерал Гувьон Сен-Сир)	19-й пехотный 20-го " "	Деруа вреде
7-й корпус (генерала Ренье)	21-й стрелковой 22-й " "	Лекок де Funck

8-го корпуса (общие Vandamne) (впоследствии генерал Жюно)	23-й пехотной 24-й ”	Tharreau Охс
9-й корпус (маршала Виктора, герцог де Беллуно)	12-й пехотной 26-й ” 28-й ”	Partouneaux Dändels Жерара
10-го корпуса (Маршал Макдональд, герцог де Таранто)	7-й ” пруссак кавалерийский	Гранжан (1) Гроуэрт, (2) Йоркский Массенбах
11 - й корпус (Maréchal Augereau, Duc de Castiglione)	30 - й пехотный 31 - й ” 32 - й ” КАВАЛЕРИЙСКАЯ ”	Д' Эделе Лагранж Дурутте 34-я Моран
Морана	Главнокомандующий: Главнокомандующего: Начальник штаба: генерал Беллиард.	
король Неаполя.....		
Корпус. 1-й корпус (Нансути)	Дивизия. 1-й легкой кавалерии 1-й тяжелой кавалерии 5-й ”	Дивизионный генерал. Брюйера Сен-Жермен Валанс
2-й корпус (Монбрен)	2-й легкой кавалерии 2-й тяжелой кавалерии 4-й ”	Себастьяни Ватье 3-й
3 - й корпус	5 - я тяжелая кавалерийская	5-й тяжелой кавалерии

Думерка	(Ворчливого), 6-й ”	Лауссе
	3-й легкой кавалерийский	Шастель
4-й корпус	4-й легкой кавалерии	Рознецкого
(Латур-Мобур)	7-й тяжелый ”	Лорд

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

ШТАБ РУССКИХ АРМИЙ, ПРОТИВОСТОЯЩИХ НАПОЛЕОНУ, ИЮЛЬ 1812 г.

ПЕРВАЯ АРМИЯ ЗАПАДА

Главнокомандующий	Генерал от инфантерии барон Барклай де Толли
Начальник штаба	генерал-майор Ермолов (июль)
Генерал-квартирмейстер	полковник барон Толль (июль)
Генерал “Службы”	полковник Кикин
начальник артиллерии	генерал-майор граф Кутаисов
начальник инженерных войск	генерал-майор Труссон

Армейский корпус.	Командир корпуса.	Дивизия.	Командир дивизии.
Я	лейтенант.Генерал граф Витгенштейн ,	5-й пехотный	генерал-майор . Берг
		14- й ”	генерал-майор . Сазонов
		1-й кавалерийский	генерал-майор . Хаковский
ВТОРОЙ	лейтенант.Генерал Баггоуфвудт,	4-й пехотный	генерал-майор . Prince Eugen of Württemberg
		17th ”	Major-Gen. Олсуфьев
III	лейтенант.Генерал Тучков, первый	3-й	лейтенант. Коновницын
		1-й гренадерский	генерал-лейтенант. Строгонов
ЧЕТВЕРТЫЙ	лейтенант.Генерал граф Остерман-Толстой	11-й пехотной	армии генерал-майор . Чоглоков
		23- й ”	генерал-майор . Бахметьев
Против	генерала Его Превосходительства Великого князя Константина	Императорской гвардии	

		(пехоты)	генерал-лейтенанта. Лавров (июль)
		Сводный гренадерский	
		1-й кирасирский	генерал-майор . Депрерадович
VI	Генерал от инфантерии Дохтуров	7-й пехотный	генерал-майор . Капсевич
		24- й ”	генерал-майор . Ликбачев
		1-й кавалерийский корпус	генерал-лейтенант .
		2-й кавалерийский корпус	генерал-лейтенанта Уварова . Барон Корф
		3- й кавалерийский корпус	генерал-майор . Граф Пален II
Казачи	Генерал от кавалерии Платов		

ВТОРАЯ АРМИЯ ЗАПАДА

Главнокомандующий	Генерал от инфантерии князь Багратион
Начальник штаба	генерал-майор граф де Сен-Прист
генерал-квартирмейстер	” ” Вистицкий II
генерал- майор	полковник Марин
начальник артиллерии	генерал-майор барон Левенштерн ,
начальник инженерных войск	” ” Förster

Армейский корпус.	Командир корпуса.	Дивизия.	Командир дивизии.
VII	лейтенант.- Генерал Раевский	12 - й пехотный	генерал - майор Колюбакин
		26 - й ”	” ” Паскевич
VIII	лейтенант.- Генерал Бороздин I	2 - й гренадерский	” ” Объединенные гренадеры принца Карла Мекленбургского
		”	” Граф Воронцов
		2 - й кирасирский	” ” Кнорринг
		4 - й кавалерийский корпус	” ”

27-й пехотный
Казачи

полк графа Сиверса” ”
Неверовского ” ” Иловайский
против

ТРЕТЬЯ АРМИЯ ЗАПАДА

Главнокомандующий генерал от кавалерии Тормазов
Начальник штаба генерал-майор Инзов
генерал-квартирмейстер ” ” Ренне
Начальник артиллерии ” ” Сиверс

Армейский корпус.	Командир корпуса. Лейтенант.- Генерал граф Каменский	Дивизия. 18-й пехотный Сводных гренадер 9-й пехотный 15 - е ”	Командир дивизии. генерал-майор Щербатов ? генерал Марков Генерал-майор Назимов ”Сорокинские
Резерв	генерал-майора Назимова.-	Резервный батальон генерала Сакена и эскадроны (Скелет)	?”Сорокинские
кавалерийского корпуса	генерал-майора графа Ламбера	4 бригады Нерегулярные войска	? ?

ДУНАЙСКАЯ АРМИЯ (31 июля)

Главнокомандующий	адмирал Чичагов
Начальник штаба	генерал-лейтенант Сабанев
генерал-квартирмейстер	генерал-майор Берг
Генерал службы	” Командиры дивизий “Корпуса”
Тучкова II	Командиры дивизий
Я	Генерал пехоты граф де Ланжерон
II	Lieutenant-General Essen III
III	”
IV	Отряд
генерал-майора	резерва
генерал-лейтенанта Сабаньева	генерал-майора Людерса

АРМИЯ ФИНЛЯНДИИ

Главкомандующий: генерал-лейтенант граф Штайнгель

3 дивизии (примерно половина переброшена на фронт в сентябре)

ШТАБ ГЛАВНОЙ РУССКОЙ АРМИИ, 18 октября 1812 г.

Главкомандующий	маршал князь Голенищев-Кутузов (главнокомандующий всеми русскими армиями)
Начальник штаба	генерал от кавалерии барон Беннигсен
Генерал службы	генерал-лейтенант Коновницын
генерал-интендант	тайный советник Ланской
начальник артиллерии	генерал—майор барон Левенштерн
Генерал—квартирмейстер	полковник барон Толль
Командир корпусного батальона	Генерал от кавалерии Граф Тормазов
Командир авангарда	генерал от инфантерии Милорадович

СНОСКИ:

[10] 2-й корпус 500 пехотных; Клапаред 200; Домбровски 800; 5-й корпус 323. Кавалерии около 500. Артиллерии, возможно, 200.

БИБЛИОГРАФИЯ

ФРАНЦУЗСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ

Бонналь, генерал . *Le Manœuvre de Vilna*.
Bertin de la Martinière. *Campagnes de Bonaparte*.
Бертен. *La Campagne de 1812 (Témoins Oculaires)*.
Bourgeois, Dr. René. *Tableau de la Campagne de 1812*.
Bousset, L.F.J. de. *Mémoires*.
Биньон, барон. *Сувениры для дипломата*.
Бургундия, сержант. *Mémoires*.
Bourgoing, Baron de. *Souvenirs Militaires*.
Blaremburg, Lt.-Gen. von. *Erinnerungen*.
Кастеллан. *Journal du Maréchal de*.
Chambray, Marquis de. *Histoire de l'Expédition de Russie*.
” ” *La Vérité sur l'incendie de Moscow*.
Чуке. *Собранные письма и т. Д.*
” *Человеческие голоса из кампании 1812 года*.
Куанье, капитан. *Mémoires*.
Denriée, Le Baron. *Itinéraire de Napoléon*.
Фантен де Одоардс. *Journal du Général*.
Faber du Faur, Major (Württemberg Artillery). *Лагерь 1812 года*.

Фейн, барон. *Précis des Événements de 1812*.

Fabry, Captain (Editor). *Русская кампания* (История французского штаба, 23 июня- 20 августа 1812 г.).

Фезенсак, герцог де. *Mémoires*.

François, Captain. *Mémoires*.

Girod de l'Ain. *Vie du Général Eblé*.

Grabowski. *Mémoires Militaires*.

Гувион Сен-Сир, маршал. *Mémoires*.

Гурго, генерал . *Критический анализ (истории)*.

Гриуа, генерал . *Mémoires*.

Гардаруэль, А. *Отношение 1812 года*.

Г. Л. Д. Л. *Москва ... le retraite de 1812*.

Jomini, Gen. *Précis ... de 1812-14*.

Labaume, E. *Relation complète de la Campagne de 1812*.

Lejeune, Baron. *Mémoires*.

Labeaudorère, J.P. de. *La Campagne de Russie de 1812*.

Margueron, Commandant. *Campagne de Russie* (French Staff History, January, 1810-January, 1812). *Moniteur Universel*, Le.

Maringoné, L.J. Vionnet de. *Fragments de Mémoires*.

Napoléon. *Correspondance, Mémoires, etc*.

Picard. *La Cavalerie dans les Guerres de la République et de l'Empire*.

Pion des Loches, Col. *Mes Campagnes*.

Пейшанс, Х.Дж. *Возвращение в Москву. Примечания*.

Partouneaux, Comte. *Explications*.

Pradt, M. de. *История посольства* (в Варшаву).

Рогэ, граф. *Mémoires*.

Roos, Ritter H.O.L. von. *С Великой армией Наполеона*.

Рапп, граф. *Mémoires*.

Ségur, Comte de. *Histoire de ... 1812*.

Solignac, Armand de. *La Berezina*.

Seruzier, Col. Барон. *Mémoires Militaires*.

Тирион, А. *Военные сувениры*.

Влиймен, генерал ван. *Версальская Березина* (Документы).

Vaudoncourt, G. de. *Беспристрастное отношение к пассажиру Березины*.

Циммерман Г. *Автобиография* (Комиссариат).

Существует бесчисленное количество мемуаров, частично посвященных кампании. Некоторыми следует пользоваться с осторожностью — например, мемуарами Марбо.

РУССКИЙ И Т.Д.

Архивы. (1) Опубликовано П.Я. Щукиным.

(2) Опубликовано Военным министерством России.

Vennigsen, Gen. Барон. *Мемуары*.

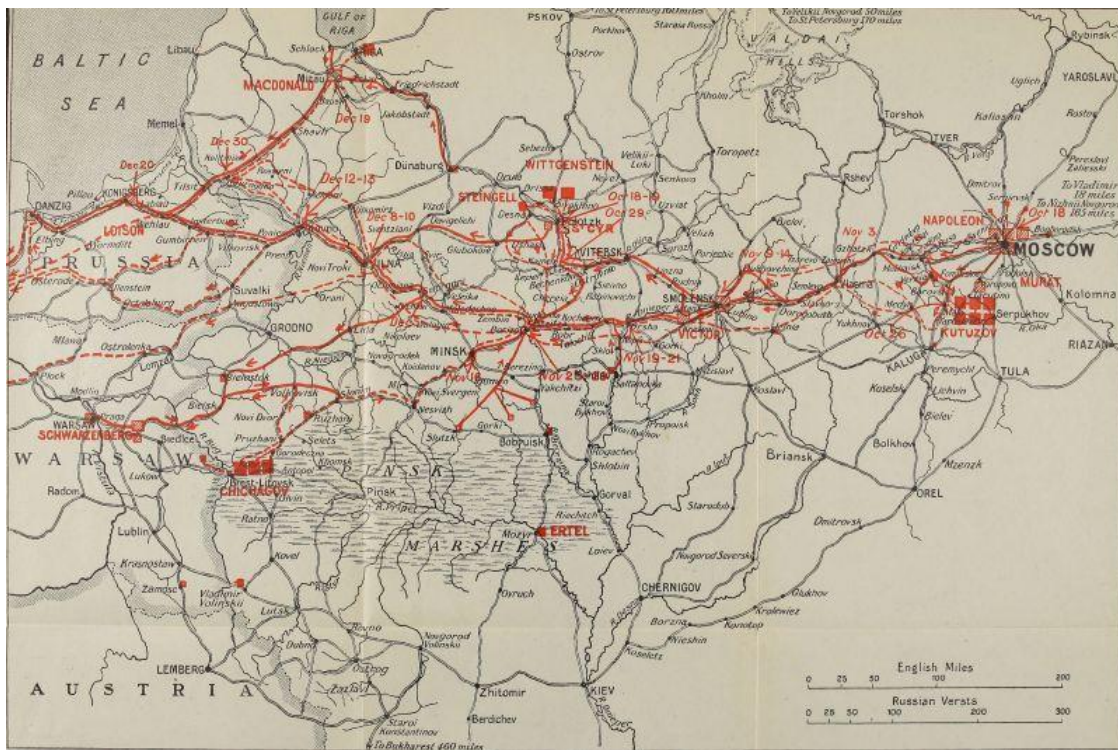
Бутурлин. *История отечественной войны 1812 года* (французский перевод).

Богданович. *История отечественной войны 1812 года* (перевод с немецкого).

ПРОДВИЖЕНИЕ наполеоновских войск К МОСКВЕ
обозначено заштрихованными блоками.

Русских "сплошными"
 арабскими цифрами обозначен Наполеоновский армейский корпус.
 Римскими цифрами обозначен Русский армейский корпус.
 Маршевые линии Наполеона обозначены сплошными линиями.
 Русских " " " пунктирными линиями.

Даты относятся к различным этапам наступления французов или к тому времени, когда они занимали важные пункты. Каждый большой блок, сплошной или заштрихованный, обозначает примерно 20 000 человек.

ОТСТУПЛЕНИЕ наполеоновских войск Из МОСКВЫ
 обозначено заштрихованными блоками.

Русских " " твердыми "
 Маршевые линии Наполеона обозначены сплошными линиями.
 Русских " " " ломаными линиями.

Даты относятся к различным этапам отступления французов или к тому, когда они оставляли или теряли важные места. Каждый большой блок, сплошной или заштрихованный, обозначает примерно 20 000 человек.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА:

Оригинальная орфография сохранена.

Никаких попыток устранить различия в написании географических или семейных названий предпринято не было.

УИЛЬЯМ БРЕНДОН И СЫН, ООО
 ПРИНТЕРЫ, ПЛИМУТ